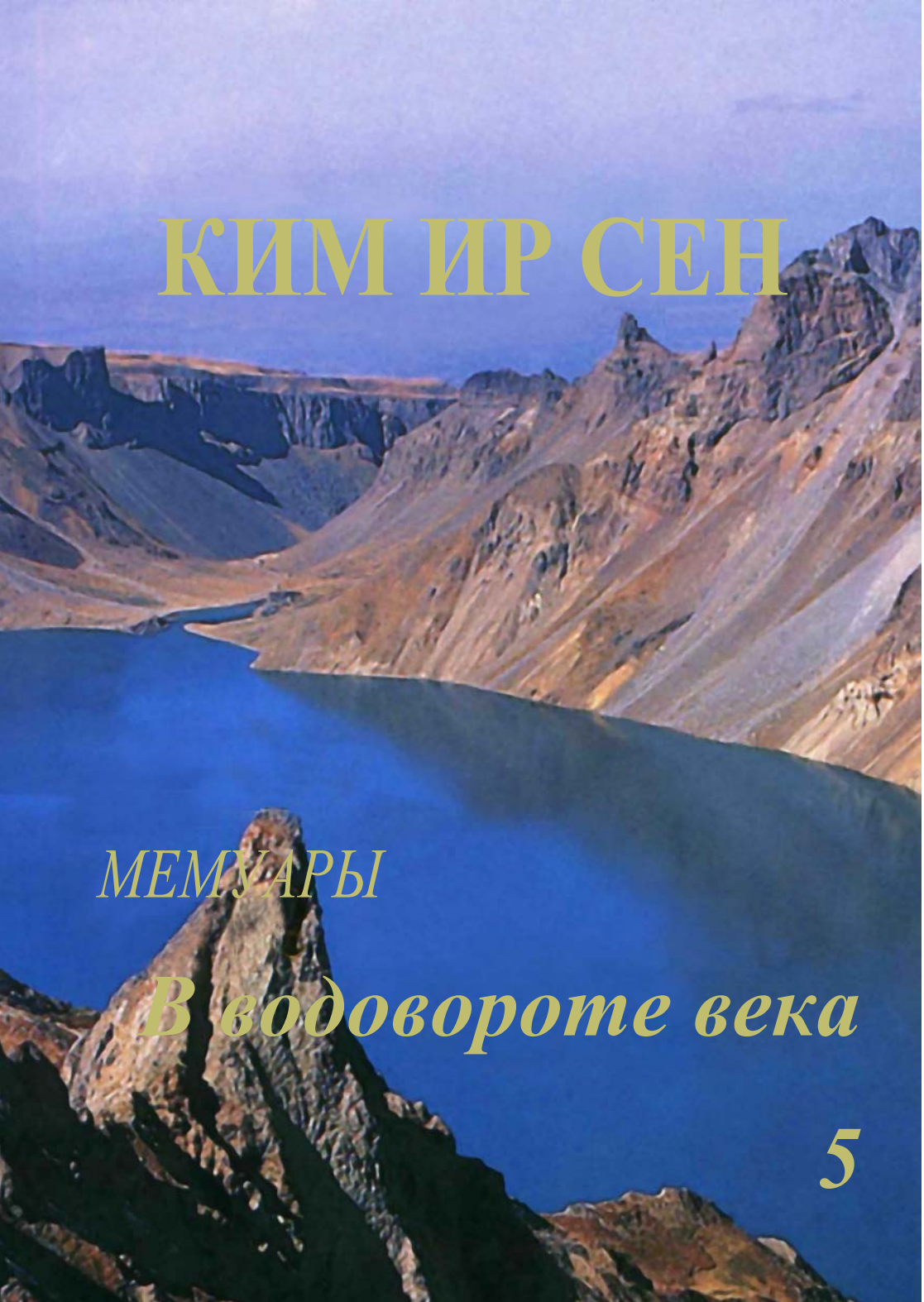


КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

5

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
1994

Часть 1
АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

5

윤 게 의 단 합 된

힘 으 로 새 나 조 국 의

운 명 을 구 원 할 수

있 다 는 것 이 가 고 한

항 일 혁 명 투 쟁 의

역 사 적 교 훈 이 다.

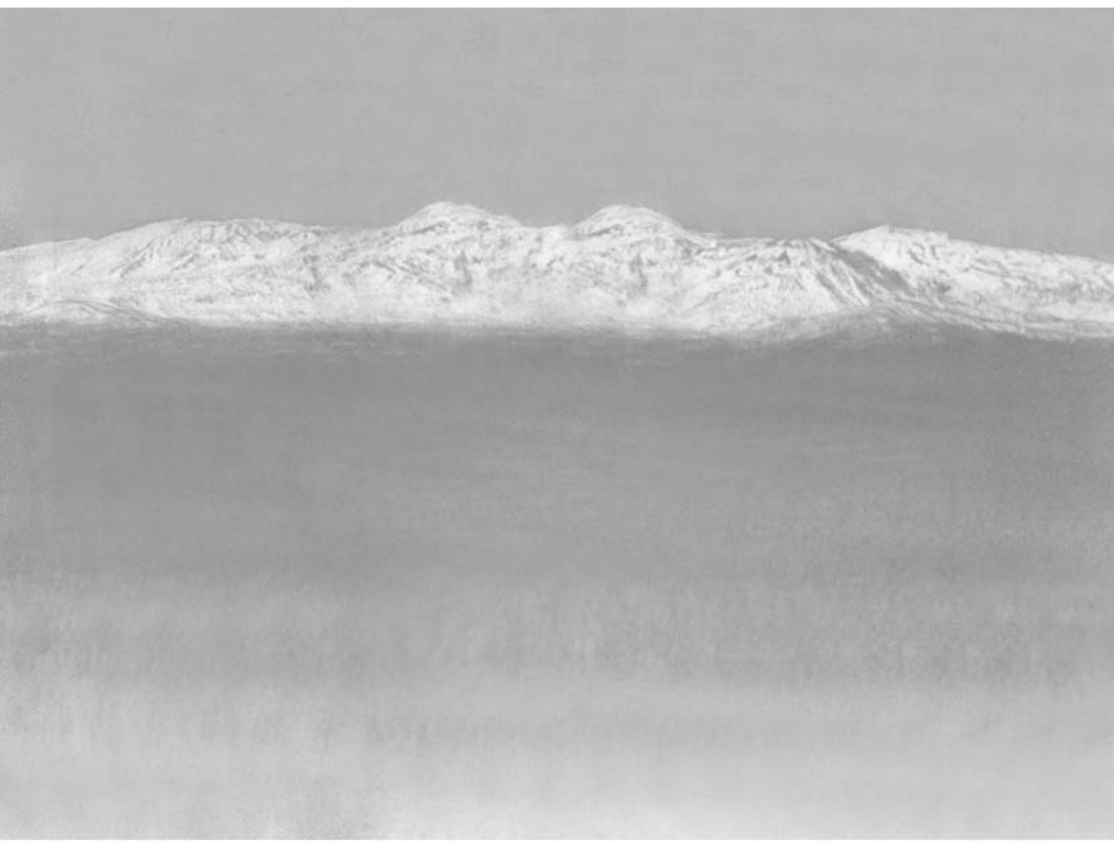
김 일 성

Спасти судьбу Родины можно только сплоченными силами всей нации – таков исторический урок тяжелой антияпонской революционной борьбы.

Ким Ир Сен

В Вудаогоуском тайном лагере в Линьцзяне Западного Цзяньдао.

Гора-родоначальник, священное место революции – гора Пэкту



Новый, более светлый день
корейской революции забрезжил
у подножия горы Пэкту.

Незабываемый Фусун

Здесь прошло мое отрочество – годы радужных мечтаний. Направляясь в горы Пэкту, мы дали выстрелы и в этом городке.

Вид старого Фусуна с рекой Тоудао-Сунгари.

Улица, где стоял мой дом в Фусуне.

Фусунская начальная школа № 1, где я учился.

Крепостная стена и форт в Фусуне.
ФФусуне.

二千の共産匪
撫松を狙ふ
わが飛機爆撃を加ふ

千餘名聯合共産軍
撫松縣城を襲撃
一部ニ聯參社警備隊外交戰
一部ニ松樹鎮を占領

Газеты того времени,
рассказывающие о бое
в уездном центре Фусун.

Сяонаньмыньский форт.

Партизанская «богатырка»
Ким Хвак Сир.

Пулеметчик
Ким Мен Чжу.

Командир взвода
Ким Тхэк Рён.

Маньцзян, где были и танцы, и песни, и спектакли

Село Маньцзян.

Староста села Маньцзян
Хо Рак Е.

Здесь мы показали
спектакль
«Море крови».

Сохраняя дух нации

Роман Хон Мен Хи «Рим Кок Чжон».

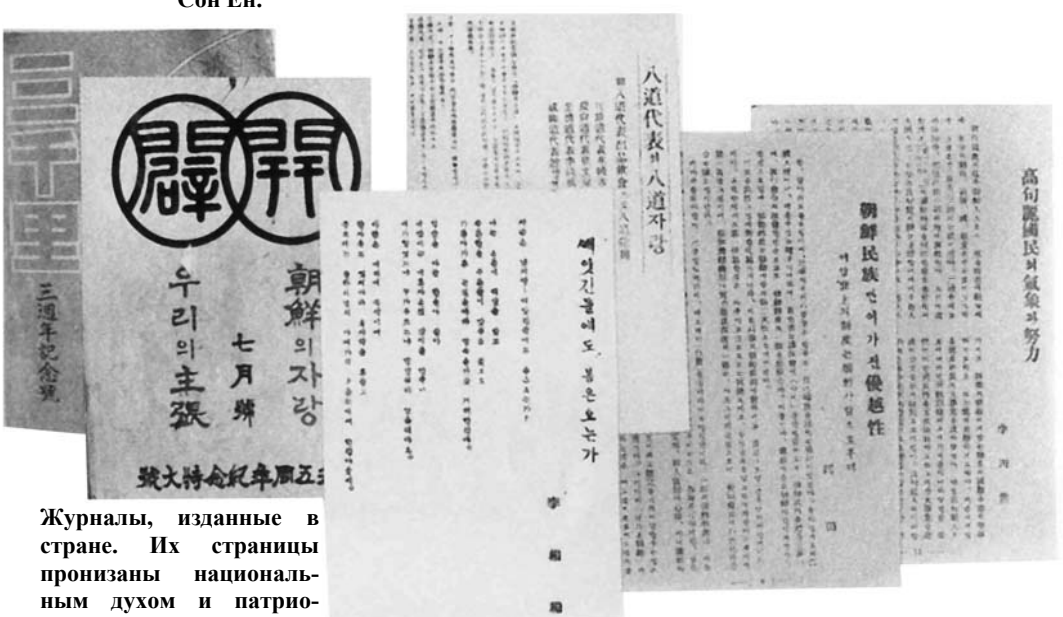
Член КАППа, писатель Ли Ги Ен.

Сон Ги Чжон, победитель в марафонском беге на 11-х Олимпийских играх.

Член КАППа, писатель Сон Ен.

Один из кадров фильма, в котором выступает Ра Ун Гю – пионер корейской национальной кинематографии.

«Бесхозный паром»

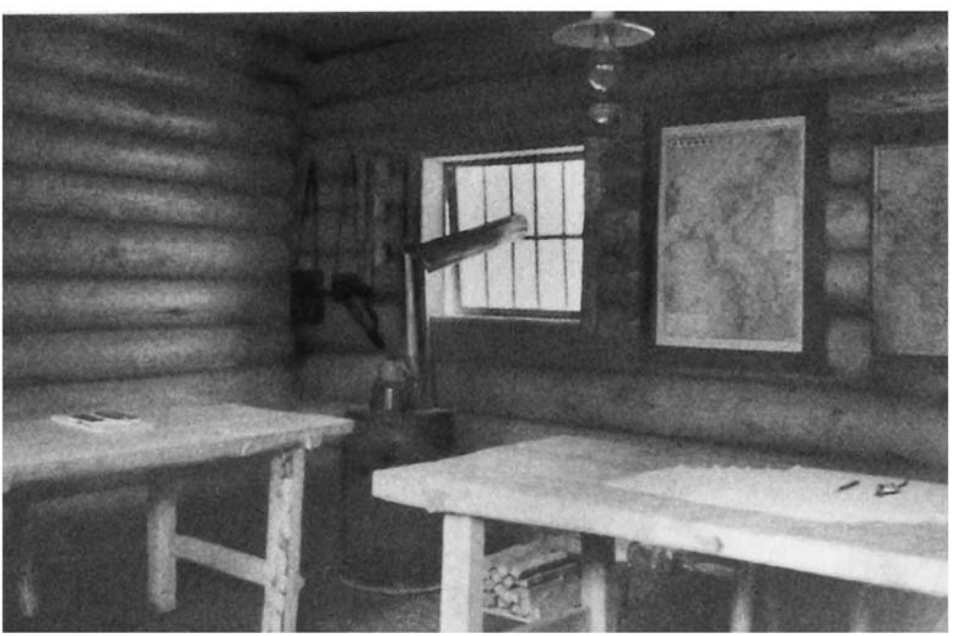


Журналы, изданные в стране. Их страницы пронизаны национальным духом и патриотизмом.

За создание Пэктусанской опорной базы

От Северного Цзяньдао сюда, в девственную тайгу гор Пэкту, состоялось историческое перемещение центра корейской революции.

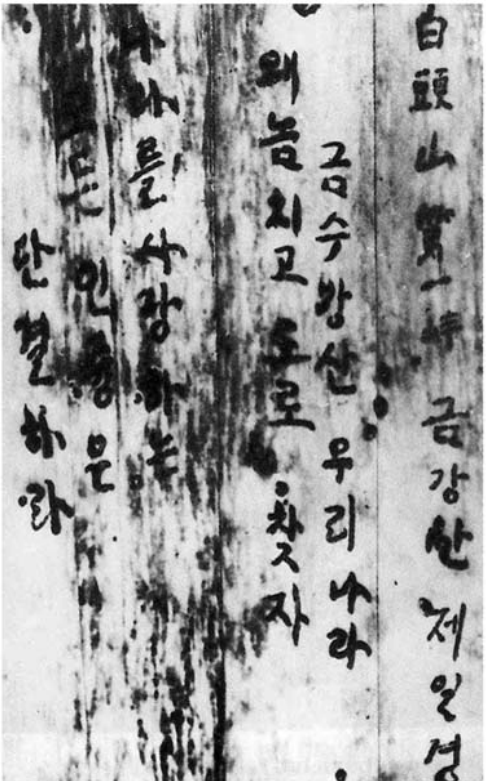
Ставка командования в Пэктусанском тайном лагере.



Внутренний вид ставки командования.

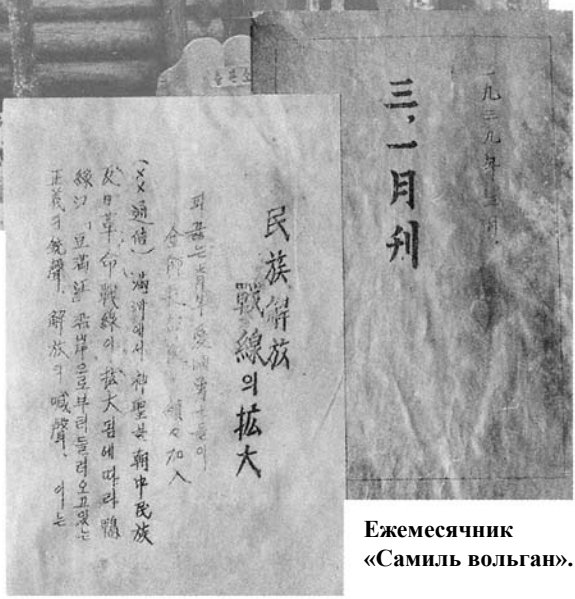
В Пэктусанском тайном лагере.

Тайный лагерь в Медвежьем ущелье.



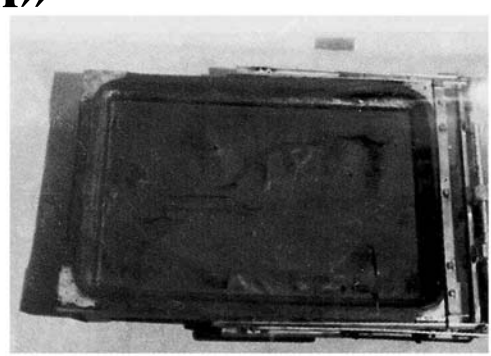
Надписи, обнаруженные на стволах деревьев в Пэктусанском тайном лагере.

Типография в Сачжабонском тайном лагере.



Ежемесячник «Самиль вольган».

Печатный орган ЛВР «Самиль вольган»



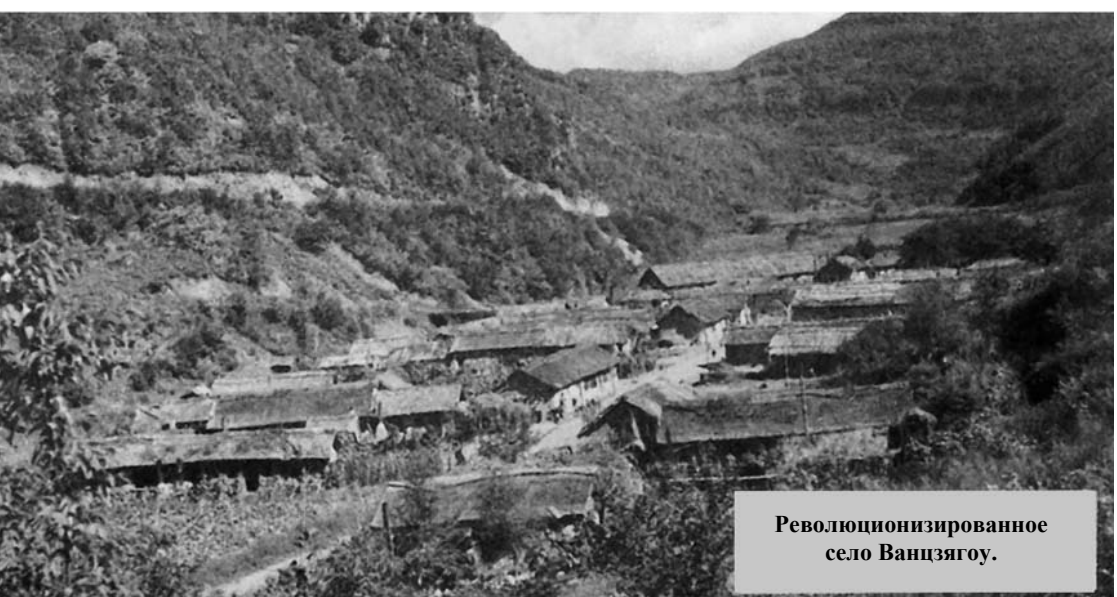
Мимеограф, на котором копировали «Самиль вольган».

Среди людей Чанбая

Ли Чжэ Сун.
Председатель Чанбайского уездного комитета ЛВР.

Пак Рок Гым.
Командир первой женской роты КНРА.

Ким Су Бок.
Подпольщица КНРА.



Революционизированное село Ванцзягоу.

Ли Чжу Ик.
Член ЛВР особого назначения в Эршидаогоу.

Рем Бо Бэ.
Все члены ее семьи участвовали в революции, она сама постоянно помогала революционному делу.

Ким Рён Сок.
«Старик – острый ножик» из Чжуцзядуна.

Ким Дык Хен.
«Старый горбун» из Сяодэшуя.

Ли Хун.
Староста поселка в Шицзюдаогоу, член ЛВР особого назначения.

Водяная мельница.

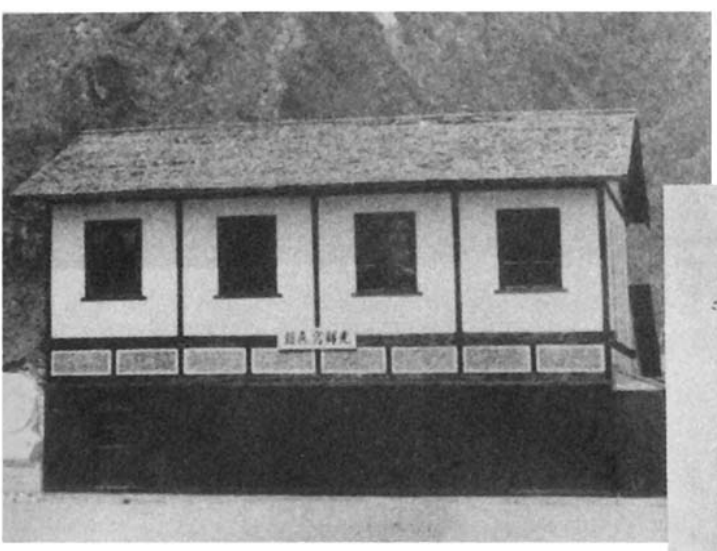
Водяные мельницы в Чанбае день и ночь мололи зерно для партизан.

Ким Чен Сук.

Ким Чжэ Су.
Подпольщик, посланный в Сяганцюй уезда Чанбай.

Гора Паотайшань за Таоцюаньли. Здесь был организован Сяганцюйский комитет уезда Чанбай ЛВР.

Чон Дон Чхор.
Староста поселка Таоцюаньли, член ЛВР особого назначения.



Фотография «Квансон» в Синпха и печать, которую ставили на оборотной стороне снимков.

Ателье «Сокчжон» – явочный пункт подполья.

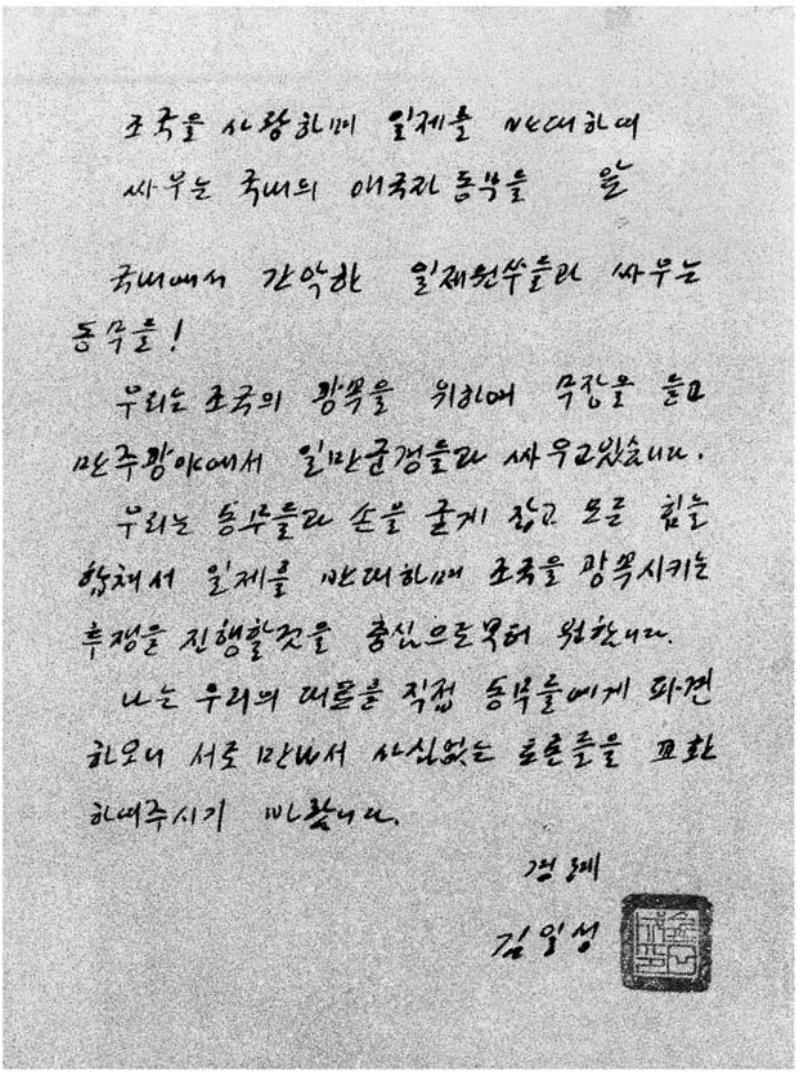
Чан Хэ У.
Руководитель
парторганизации
района Синпха.

Рим Вон Сам.
Член парторганизации
района Синпха.

Со Чжэ Ир.
Член парторганизации
района Синпха.

Вид старого городка Синпха. Шисаньдаогоу уезда Чанбай за рекой Амнок.

Расширение фронта возрождения в глубь страны



조국을 사랑하며 일제를 반대하며
싸우는 국내의 애국자 동무들 을

국내에서 간악한 일제원쑤들과 싸우는
동무들!

우리는 조국의 광복을 위하여 무장을 들고
만주광야에서 일만군경들과 싸우고있습니다.
우리는 동무들과 손을 굳게 잡고 모든 힘을
합쳐서 일제를 반대하며 조국을 광복시키는
투쟁을 진행할것을 충심으로부터 원합니다.
나는 우리의 뜻을 직접 동무들에게 피력
하오며 서로 만나서 사심없는 토론을 교환
하여주시기 바랍니다.

경례

김일성

Письмо патриотам в стране.

За организационно-партийное строительство внутри страны

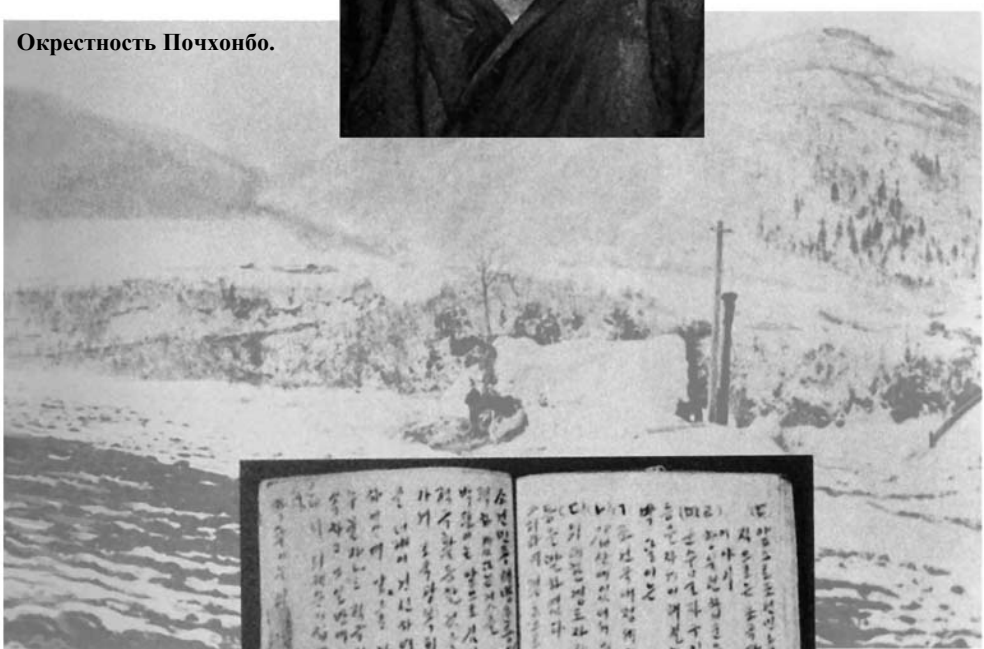
Ким Пхен.
Член Партийного комитета действия в Корее, комиссар полка КНРА.

Конспиративный пункт в поселке Токсан.

Конспиративный пункт связи для подпольщиков КНРА и членов революционных организаций страны.

Пак Дар.
Член Партийного комитета действия в Корее, руководитель Союза национального освобождения Кореи.

Окрестность Почхонбо.



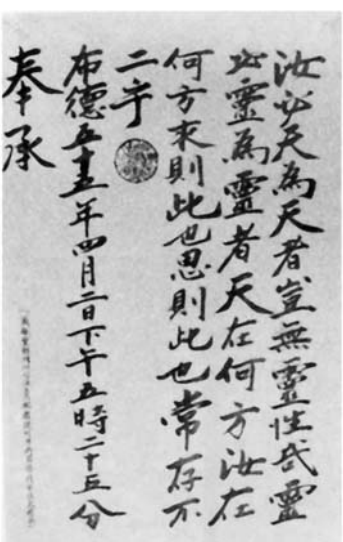
Записки Пак Дара.

Чхондогё – национальная религия. Под знаменами «служения Отечеству и успокоения народа», «отпора агрессии Запада и Японии»

Чвэ Чжэ У.
Глава секты первого поколения последователей учения тонхак.

Чвэ Си Хен.
Глава секты второго поколения последователей учения тонхак, в тюрьме.

Руководитель крестьянской войны года Кабо(тонхакское восстание) Чон Бон Чжун. Был обезглавлен.



Автограф Сон Бен Хи, главы секты третьего поколения последователей учения тонхак, переименовавшего его в чхондогё.

Центральная большая церковь чхондогё.

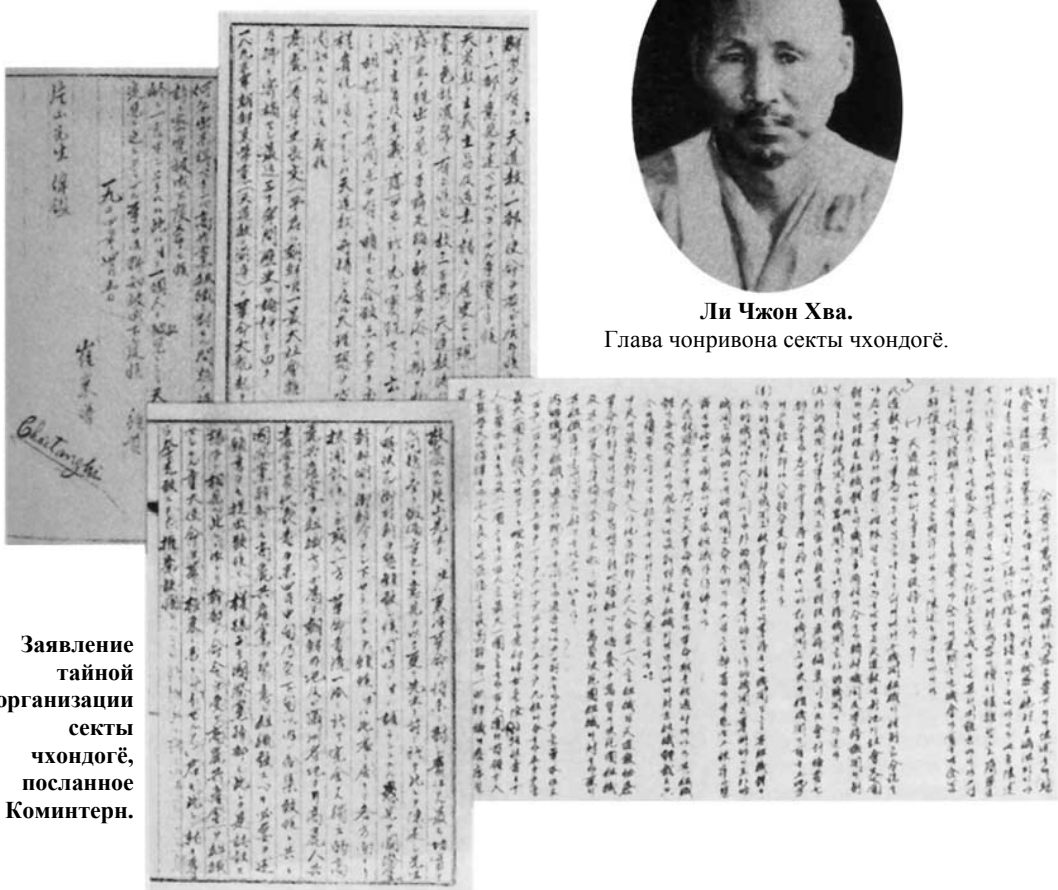
Ли Дон Хва и его сочинения.

Миллионы верующих – на антияпонский фронт

Пак Ин Чжин.
Точжон секты чхондогё.

Ли Чхан Сон.
Подпольщик КНРА.

Ли Чжон Хва.
Глава чонривона секты чхондогё.



Заявление тайной организации секты чхондогё, посланное в Коминтерн.

Крутые перемены внутреннего и международного положения

Первомайская демонстрация в Советском Союзе.

Заключение антикоминтерновского пакта между Японией и Германией.

«Тумыньские переговоры» между командующим Квантунской армией Японии и генерал-губернатором Кореи.

Карательный отряд японской Квантунской армии.

Японские войска перешли через границу Маньчжоу-Го и захватили Хуабэй.

Военная подготовка женщин группы японских поселенцев в Восточной Маньчжурии.

Бойцы революционной армии перед выступлением в бой.

В ноябре 1936 года здесь, на подступах к Медвежьему ущелью, был бой. Нанесен сильный удар «крупной зимней карательной операции» японских оккупантов.

Здесь, в Хунтоушане, был бой.

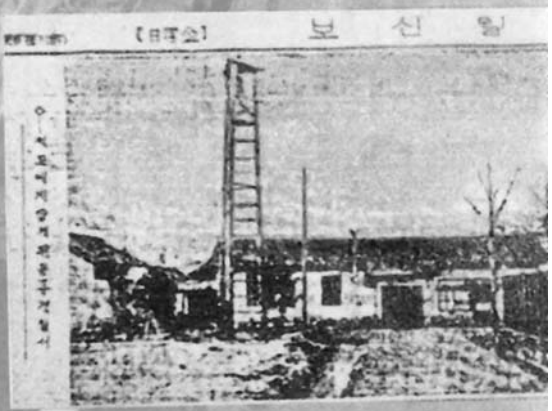
Помещик уезда Чанбай Ким Чжон Бу и октябрьский номер журнала «Самчхолли» за 1937 год, где помещены его воспоминания.

Река на северной окраине страны. Над гладью ее вод словно слышится эхо залпов антияпонской войны.

Ли Хон Гван.
Один из создателей Южноманьчжурского партизанского отряда.

訪日飛行
咸北穩城郡下に
又も匪賊來襲
我警官隊と追撃
人質を奪還
共匪を追つて越境
討伐警員の大手柄
穩城警越境隊の活躍

Сообщения газет того времени о налете антияпонского партизанского отряда в районе Онсона провинции Северный Хамген.


보 선 일

Сообщение газеты того времени о налете отряда Ли Хон Гвана в Тонхынчжин провинции Северный Пхеньан.

Храбрецы Южной Маньчжурии

Сон Му Сон.
Политработник Южноманьчжурского партизанского отряда.

Кан Чжын Рён.
Этого пулеметчика мы направили в отряд Южной Маньчжурии.

Ли Дон Гван.
Партийно-политический работник Южной Маньчжурии.

Сон Ён Хо.
Работник штаба Южноманьчжурского партизанского отряда.

Горы и поля, пропитанные кровью южноманьчжурских боевых друзей.

В отрогах гор Пэкту

Чвэ Гван.
Боец КНРА, выходец из Молодежной добровольческой армии.

Пэк Хак Рим.
Мой ординарец в бытность в горах Пэкту.

Ли Ду Су.
Ротный КНРА.

Пак Су Хван.
Боец швейного подразделения КНРА.

В водовороте революции на Востоке

Катаяма Сэн.

О. В. Куусинен.

В Коминтерне они много занимались вопросами революции на Востоке, в том числе в Корее.

Китайские боевые друзья, делившие с нами общую судьбу

Вэй Чжэнминь.

Чэнь Ханьчжан.

Цао Гоань.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. **В ГОРЫ ПЭКТУ**

1. Вожака Вана – бить, Вань Шуня – привлечь к себе 2
2. В любимом городке 16
3. Премьера спектакля «Море крови» 35
4. Женская рота 56
5. Пэктусанский тайный лагерь 74
6. Помещик-патриот Ким Чжон Бу 96

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. **ЛЮДИ ЧАНБАЯ**

1. Западное Цзяньдао 120
2. Шум водяных мельниц 143
3. Ли Чжэ Сун 160
4. Вместе с боевыми друзьями из Южной Маньчжурии 184
5. Ежемесячник «Самиль вольган» 208

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.
РАСШИРЕНИЕ ПОДПОЛЬНОГО ФРОНТА

1. Непреклонный борец Пак Дар 225
2. Партийный комитет действия в Корее 256
3. Бои у подножия гор Пэкту 281
4. Точжон Пак Ин Чжин 304
5. О национальной религии чхондогё 329
6. Нельзя жить в отрыве от народа 355
7. Справка о благонадежности 376

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В горы Пэкту

Вожака Вана – бить, Вань Шуня – привлечь к себе …2

В любимом городке …16

Премьера спектакля «Море крови» …35

Женская рота …56

Пэктусанский тайный лагерь …74

Помещик-патриот Ким Чжон Бу …96

Май 1936 – август 1936

1. Вожака Вана – бить, Вань Шуня – привлечь к себе

Весна 1936 года для нас была просто необыкновенной. На то время мы запланировали много дел: организацию новой дивизии, основание Лиги возрождения Родины, подготовку к созданию опорной базы в горах Пэкту и так далее. В довершение к этому нахлынула уйма непредвиденных забот из-за больших неожиданностей в Мааньшане и во многих других местах Фусуна.

Многие дела ждали неотложного решения. Чтобы справиться с ними и поправить положение, нужно было спокойное время.

Однако в те дни обстановка вокруг нас не давала такого покоя. Две группы сил, властвовавших в районе Фусуна, мешали нашим действиям, каждая по-своему ставя палки в колеса. Одна из группировок – карательный отряд вожака по фамилии Ван из полиции марионеточного государства Маньчжоу-Го, другая – лесной отряд Вань Шуня (китайский антияпонский отряд).

Главу карателей называли по его фамилии, обозначавшей по смыслу иероглифа король. Так что к названиям – будь то «вожак Ван» или «начальник Ван» – подходило и значение «король карательных экспедиций».

Еще во время службы в войсках милитаристской клики Чжан Цзолина Ван приобрел опыт карательных операций специально по «разгрому бандитов». После инцидента 18 сентября[1] , когда Тан Цзюйу создал Армию самообороны, к ней примкнул и Ван, подняв одно время знамя сопротивления Японии. И во время похода в Южную Маньчжурию мы с ним имели контакты, поддерживали неплохие отношения. Но потом Тан Цзюйу ушел во Внутренний Китай, и Армия самообороны разложилась, «Гибкий» Ван сразу же сложил оружие перед японской армией и стал командиром одного из полицейских отрядов марионеточного государства Маньчжоу-Го. С той поры он проявил себя преданным наймитом империалистов Японии – стал показывать все свои прежние навыки погромщика.

Из карательных экспедиций он никогда не возвращался с

пустыми руками. Бил своих жертв наверняка – и приносил своим хозяевам отрезанные головы или уши. Японцы не только хвалили его, но не жалели и «премиальных» денег.

Вожак Ван настойчиво и цепко преследовал отряд Вань Шуня, не давая ему покоя. Чуть мелькнет его тень – и уже озноб охватывал китайские антияпонские отряды, действовавшие в районе Фусуна. В них его называли «Ли До Соном в Фусуне».

Пресловутый Ли До Сон орудовал в соседнем уезде Аньту. Он снискал славу гнусного палача по всему Цзяньдао своей упорностью, неумолимостью и жестокостью. Ван в качестве приспешника японцев мало в чем уступал ему.

Именно такой Ван стал весной того года нашим главным врагом, камнем преткновения в наших действиях.

Почти наравне с ним препятствовал нам Вань Шунь из Армии спасения отечества. Выходя на рубежи Фусуна, мы, собственно, намеревались взаимодействовать с его отрядом как главными союзными войсками. Однако возглавляемые им антияпонские отряды, вместо того, чтобы признать нас друзьями, относились к нам как к неприятелю. Так возник инцидент, когда бойцы лесного отряда ограбили нашего Ким Сан Хо, возвращавшегося с материей на одежду воспитанникам Детского отряда Мааньшаня. Наши бойцы не должны были бы жестко карать этих грабителей, хотя они превратились в бандитов. Но, до предела возмущенные, они прибегли к чрезмерным мерам. Таким образом, дело зашло в тупик. И у нас возникла еще одна забота – непредвиденная.

Бойцы лесного отряда так судили-рядили о нас: «Бойцы «корёской красной армии» вроде справедливые люди. Не простят, если кто-то тронет добро бедных людей. Но они не хотят войти в положение наших бедных лесных отрядов. Они же другого племени, душа у них не лежит к нам». И, встречаясь с отдельными бойцами нашего отряда, они либо придирались к ним, либо, хуже того, сразу же строили пакости. И это были те, с кем нам надо было создавать совместный фронт! Для нас и это стало своего рода большой головоломкой.

Наше положение оказалось сходным с тем, что сложилось в первые дни создания партизанской армии в Цзяньдао (25 апреля 1932 г. – ред.). Было, конечно, и различие. Теперь наши силы были не столь слабы, да и завоеван общепризнанный военный престиж. Нас побаивались и вожак по фамилии Ван из стана неприятеля, и

командир Вань Шунь, который мог бы стать нашим союзником.

Как преодолеть их акции, препятствующие нашим планам, как выкроить себе спокойное время? Мы ломали голову и, наконец, пришли к выводу: надо как-нибудь нейтрализовать вожака Вана, договорившись о ненападении друг на друга, а с командиром Вань Шунем образовать совместный фронт.

Вожаку Вану я послал письмо, в котором говорилось: «... Мы с вами уже знакомы. Вы хорошо знаете обо мне, а я – о вас. Так что хотелось бы поговорить с вами с открытой душой.

Для нас главный враг – японская армия. У нас нет намерения драться с маньчжоугоской армией и полицией, если они не вредят нам. Если вы согласитесь на наши требования, то мы предлагаем жить в мире с вами. Заверяем вас в том, что не будем нападать на возглавляемую вами полицию и все подведомственные ей полицейские участки...»

Таково было начало письма. Далее в нем излагались наши требования: прекратить карательную экспедицию против лесных отрядов, разрешить подпольщикам Народно-революционной армии свободно ходить в городки и поселки и пребывать там, прекратить репрессии против патриотов, оказывающих активную поддержку и помощь Народно-революционной армии, и немедленно освободить арестованных патриотов из тюрьмы.

Мы давали гарантию, что по возможности не будет хаоса в «обеспечении общественной безопасности» в пределах уезда Фусун – при условии, что Ван примет эти требования. Через несколько дней он прислал нам письмо, в котором полностью согласился с нашими предложениями, принял все наши три требования. Таким образом, между нами и Ваном было заключено нечто вроде секретного соглашения – не трогать друг друга. Обе стороны честно выполняли обещания, и некоторое время между нами и Ваном не было никаких столкновений.

Вожак Ван, как мы и требовали, прекратил карательную экспедицию против лесных отрядов. Закрыл он глаза и на то, что наши подпольщики и связные свободно действовали в городках и коллективных поселениях на подведомственной ему территории, не проявлял усердия в преследовании и арестах корейских патриотов.

Мы, со своей стороны, исключили налеты на отряды, подчиненные Вану, не создавали хаоса в районах их расположения.

Так, после сожжения бумаг о причастности к «Минсэндану»,

направляя бойцов добывать оружие, я их напутствовал: «Идите в бой и добывайте оружие, но действуйте лишь за пределами уезда Фусун. Здесь же шум поднимать не надо».

Ван был отнюдь не глуп – достаточно умен и чуток к происходящему. Он отлично знал, как энергично действовали мы в Цзяньдао и Северной Маньчжурии, какова у нас реальная сила. Может, поэтому он с самого начала не вступал с нами в драку.

Получив разведданные о нашем появлении на фусунской земле, Ван, насколько мне известно, предупредил своих подчиненных: «Не спешите противостоять «корёской красной армии». Нападешь – костей не соберешь. Не вздумайте рисковать столкнуться с ними, надеясь на то, что это армия малочисленная. Попытайтесь избежать их, чтобы не распалить их душу. Это идеально. Бой, не сулящий победы, вообще лучше не завязывать».

Видя наших бойцов в форме защитного цвета, Ван избегал их уже вдали, делая вид, что их не замечает. А, увидев солдат лесного отряда в черном обмундировании, непременно набрасывался. У Вань Шуня насчитывалось более тысячи человек. Силы же под моим непосредственным командованием были не так велики. Однако урон от рук Вана несли не мы, а лесные отряды Вань Шуня.

В соглашении о мире с вожаком Ваном мы выдвинули требование, чтобы и отряды Вань Шуня не несли потерь. Скажу прямо, этим требованием мы преследовали свою цель – сохранить и укрепить антияпонские силы.

Во второй половине 30-х годов в действиях китайских антияпонских отрядов ощущался явный спад.

Части Ван Дэлиня, Тан Цзюйу, Ли Ду и Су Бинвэня, составлявшие основные силы АСО, уже отступили во Внутренний Китай через Шаньхайгуань или через территорию Советского Союза, а стойкие антияпонские вооруженные отряды, такие, как части Ван Дяньяна и Дянь Чэня, готовые защищать отечество до последнего, не на жизнь, а на смерть, продолжали кровопролитные бои и были, в конце концов, разгромлены противником.

Отряды Дин Чао и Ван Юйчжэня и некоторые другие части с белым флагом переметнулись в стан врага...

На рубежах уездов Фусун и Линьцзян действовали разрозненные мелкие части под командованием Вань Шуня и их «родственные» отряды. Среди них росло число капитулянтов. Осенью 1935 года в Чушуйтане даже разыгрался фарс в честь добровольной

капитуляции более 90 солдат отряда Ма Синшаня.

Остальные силы АСО были раздроблены на мелкие группы, которые скрывались в глухой тайге и активности в сопротивлении врагу не проявляли. Некоторые из них попросту выродились в шайки бандитов.

Все эти обстоятельства породили среди отдельных коммунистов тенденцию пренебречь единым фронтом с китайскими антияпонскими отрядами и даже считать такой фронт ненужным. Если бы принять такой взгляд как нечто данное судьбой, это означало бы отсутствие у нас последовательной установки на создание объединенного антияпонского фронта.

Мы же, с одной стороны, заключили соглашение о мире с вожаком Ваном, а с другой, начали контакты с отрядом Вань Шуня для формирования совместного фронта.

Был у нас в отряде боец солидного возраста, выходец из лесного отряда. Через него я послал Вань Шуню письмо: «... Ваше имя широко известно и нашей революционной армии, – говорилось в нем, – мы хотели бы по прибытии в Фусун встретиться и познакомиться с вами, обсудить меры совместной борьбы против Маньчжоу-Го и сопротивления японским империалистам. Но прежде всего знакомства произошла, увы, неприятность – столкновение. Это сорвало наше дело. Жаль, что так получилось. Наш комиссар допросил бойцов лесного отряда, раненных при разграблении интендантских материалов революционной армии. Выяснилось, что это – дезертиры, превратившиеся в бандитов. Они бежали из возглавляемого вами отряда два-три месяца назад. Таковы факты. Несмотря на это, распространяются слухи, будто наши бойцы нанесли урон солдатам действующего под вашим командованием лесного отряда. Подобные слухи сеют враги – им не по душе дружба между вами и нами. Я от всей души желаю, чтобы обе армии, положив конец недоразумениям и недоверию, вражде и злобе, стали соратниками, братьями и влились в совместный антияпонский фронт...»

Вань Шунь не дал ответа, игнорировал наше предложение. Молчание говорило: «И без вас, мол, проживем». Фактически в районе Фусуна создалась такая обстановка, позволяющая начальнику Вань Шуню проявлять такое упрямство. Дело в том, что вожак Ван, как и обещал нам, ослабил нажим на все китайские антияпонские отряды, и прежде всего на отряд Вань Шуня. Ван

только имитировал продолжение карательных операций, а на самом деле отказался от них. Всем мелким разбросанным группам лесного отряда Вань Шуня стало легче дышать, и им показалось, что можно жить без чьей-либо поддержки. Это и поощрило лесной отряд на дальнейшие, случающиеся время от времени, недоброжелательные по отношению к нам акции. Но постепенно они стали сходить на нет вследствие наших неоднократных предупреждений. Пока еще не был сформирован совместный фронт, но жить нам стало легче. Нас уже не тревожили ни отряд Вана, ни отряд Вань Шуня. Достигнутый с большими трудностями покой позволил нам целиком заняться своими делами.

И в Маньцзяне, и в Дайне мы имели контакты по вопросам мира с представителями дислоцированной там части армии и полиции марионеточного государства Маньчжоу-Го и добились от них обещания о ненападении.

Впервые мы побывали в Маньцзяне к концу апреля 1936 года. Здесь обосновалось около 30 полицейских. Разгромить столь малочисленного врага – пара пустяков. Но мы не прибегли к оружию, а направили в полицию своего представителя на переговоры. Мы предложили: «Трогать вас не будем. Сможете ли вы дать нам без опасений пребывать здесь, в поселке? Просто сидите спокойно и делайте вид, что ничего не замечаете. А если когда-нибудь начальство с вас спросит, скажите: «Силы у партизан были слишком велики, что мы не могли им сопротивляться. Вот и пришлось сидеть, сложа руки».

Полиция без промедления согласилась с нашим предложением. Полицейским стоило бы поклониться партизанам за то, что их не трогали и предложили вести переговоры.

Ли Дон Хак поручил нашим бойцам поставить пулеметы возле здания отряда местной самообороны и в гражданской форме нести круглосуточную сторожевую службу.

В те дни я в Маньцзяне смог привести в порядок большую часть документов, которые надо было представить на Дунганское совещание в связи с созданием ЛВР. Можно было не беспокоиться о нападении врага, и работа у меня спорилась.

К врагу, не желающему сражаться с нами, мы относились великодушно, снисходительно. Таков был наш курс, и мы считали его своим железным законом с самого начала антияпонской вооруженной борьбы. Таково было правило военных действий

КНРА. Оно неизменно соблюдалось во весь период вооруженной борьбы против японских империалистов.

Мы взяли в руки оружие не для того, чтобы убивать других, а для того, чтобы самим выжить. Возродить к жизни Родину и нацию – такова была цель, миссия нашей борьбы. Стволы нашего оружия, острие наших штыков были направлены только против тех врагов, которые, оккупировав нашу Отчизну, душат нашу нацию, посягают на жизнь и добро народа.

Праведный меч нашей армии стал надежным, действенным щитом для тех, кого стоило бы оставить в живых. А для отчаянно сопротивляющихся, которых нельзя оставлять в покое, наоборот, – мечом решительного, беспощадного возмездия.

Вожак Ван, тихо сидевший всю весну, на пороге летнего сезона того года, – не знаю отчего, – возобновил карательные экспедиции против китайских антияпонских отрядов. Думаю, произошло это под нажимом японского гарнизона и жандармерии уездного центра Фусун. Опять начали появляться на столбах электропередачи на улицах Фусуна отрезанные головы бойцов антияпонских отрядов. И, как следствие, во многих лесных отрядах, подчиненных Вань Шуню, снова появились дезертиры. Возродилась натура лесного отряда – отсутствие ясных идеалов сопротивления японскому империализму и борьбы за спасение отечества, эгоистическая психология и близорукий подход к делу. Это снова стало мучением для нас, прилагавших все усилия к сплочению антияпонских сил. Если не остановить карательных действий Вана, отряду Вань Шуня не миновать развала.

Я послал Вану второе письмо. В нем говорилось: «... К нам поступила неприятная информация: вы, подняв на ноги подчиненную вам полицию, возобновили карательные операции против лесных отрядов. Если это так, то, значит, вы отказались от соглашения с нами. Я советую вам вести себя обдуманно и серьезно, чтобы измена обещаниям не опозорила вашу честь. Запомните: тем врагам, которые упрямо бросают нам вызов и сопротивляются, с нашей стороны нет пощады...»

Прошла неделя после того, как Вану передали письмо с предупреждением. Но ответа не последовало. Не прекращалась и карательная операция против отряда Вань Щуня. Видимо, у него возобладала самоуверенность: «Ну что ж, думаешь, что боюсь угрозы? Я же не трус. Хочешь – давай подеремся!»

А тут еще в ряд важнейших опорных пунктов уезда Фусун прибыло для пополнения карательных сил несколько сотен солдат Квантунской армии. Действия Вана приобрели и вовсе небывалую наглость.

В начале июля я опять, – это был последний раз, – предупредил Вана.

На четвертый или пятый день, точно не помню, после отправления моего последнего письма к нам, ожидавшим ответа, поступило известие: отряд Вана напал на один из биваков отряда Вань Шуня под Дацзяньчаном. В то время мы находились в лесу между уездами Фусун и Линьцзян.

Эта выходка Вана возмутила и меня, и всех наших боевых друзей. Нельзя было, конечно, надеяться, что начальник местной полиции марионеточного государства Маньчжоу-Го, управляемый японскими боссами, до конца будет следовать обещанию, данному коммунистам.

Вместе с тем мы не отрицали, что они, китайцы, живут своим разумом. В своей работе по дезорганизации вражеских войск – марионеточной армии государства Маньчжоу-Го мы опирались на своего рода доверие к такому разуму. Исходя из этого доверия, мы убедили Вана и заключили с ним соглашение о ненападении.

Большая часть вражеских офицеров младшего и среднего состава, которым мы оказали доверие, держали слово, данное нам. Таковы были, например, командир полка марионеточной армии Маньчжоу-Го, которого связывали со мной случайные узы в Эму, и комбат той же армии из Дапучайхэ, который систематически посылал нам журнал «Тецзунь» («Железная армия »).

А тут давно знакомый Ван отбросил данное нам обещание, как изношенные тапочки. Конечный пункт жизненного пути человека, не имеющего собственных убеждений, – это вероломство. Иначе быть не может. У Вана, думаю, не было уверенности в том, что японский империализм будет повержен и народы двух стран – Кореи и Китая – победят наверняка.

Мы не могли простить вожаку Вану предательство. Ведь он на наше терпение, нашу выдержку и искренние усилия ответил пальбой. Это вызвало у нас ярое возмущение.

Я вызвал к себе Ким Сан Хо и дал ему задание: «Отбери десятка три лихих вояк, иди в 10-й полк и вместе с его бойцами покарай вожака Вана».

Одновременно мы с главными силами незаметно передвинулись в Цзуйцзышань, что возле поселка Синаньча. Синаньча – небольшой коллективный поселок – служил важной базой карательных отрядов противника, уходящих в бой. В поселке были и вооруженные силы: полицейский участок и отряд самообороны противника.

Мы намеревались осуществить налет на Синаньча, главным образом, для того, чтобы показать вожаку Вану, нарушителю договоренностей с нами, на что мы способны, и подавить противника в военном отношении. И еще: мы надеялись достать в бою оружие, необходимое для оснащения новой дивизии.

Сформированная новая дивизия вслед за боем в Тоудао-Сунгари уже вела крупную битву в Лаолине. Та битва, если бы она завершилась удачей, принесла бы нам огромное количество оружия. Мы тщательно разработали план операции и приступили к его осуществлению. Но помешала совсем непредвиденная случайность, не позволившая нам вести бой по намеченному плану. А произошло вот что. Дозорный противника, как назло, неуклюжими шагами, сам того и не замечая, шел к нам, в место засады, для малой нужды. Увидев нашего бойца в засаде и ошалев от страху, он выстрелил. Да и наш боец непроизвольно открыл огонь. В завязавшейся перестрелке было убито несколько десятков врагов, захвачено несколько единиц оружия. Но все-таки бой пошел и завершился не по нашему плану.

Нам не удалось полностью разгромить противника в Лаолине, и мы хотели солидно возместить эту неудачу в Синаньча.

В нашем отряде был один китайский боец. Прежде он служил в Синаньча полицейским марионеточному государству Маньчжоу-Го. Недовольный злодеяниями начальника полицейского участка, он переметнулся к нам. По его словам, тот полицейский начальник – подлец, предмет постоянных проклятий людей. Не только перед жителями коллективного поселения, но и перед полицейскими тот выступал как жестокий тиран. Китайский боец с гневом говорил, что он перешел к партизанам прежде всего для того, чтобы расправиться с этим начальником Яном, не дожидаясь освобождения Китая.

Он хорошо знал положение в Синаньча, и мы после боя в Лаолине выбрали Синаньча местом предстоящего сражения.

Мы решили напасть на Синаньча среди бела дня. С 12 до 13

часов у полицейских обеденный час и время чистки оружия. Если мы ворвемся в поселок, когда они начнут чистку разобранного оружия, то сможем подавить неприятеля без ощутимого сопротивления с его стороны.

Партизаны, переодетые крестьянами, в плетеных шляпах, с сельхозинвентарем в руках, приблизившись к земляной крепости, мигом прошли через крепостные ворота. Затем они молниеносно ворвались в казарму полицейского участка. Все «блюстители порядка» во главе с начальником не посмели оказать сопротивление и были взяты в плен. Арестованы и охранники. После боя мы устроили перед зданием полицейского участка импровизированную сцену, на которой выступили с художественным концертом. Затем сожгли здание и ушли в сторону Сигана.

Перед уходом мы провели разъяснительную работу среди полицейских. Дали им денег на дорогу и сказали, чтобы они возвращались в родные края. Один из пленных потихоньку спросил бойца нашего отряда:

– Скажите-ка, партизан, как вы прошли через ворота?

– Перелетели, – шутил он.

– Одному богу известно. А что делали часовые, а?

Налет на полицейский участок в Синаньча, как мы и предполагали, дал вожаку Вану серьезный психологический толчок. В карательных операциях ему пришлось лезть из кожи вон, чтобы не загубить свою репутацию.

Возле уездного центра Фусун появился Ким Сан Хо. Чтобы заманить Вана, он велел отвлекающей группе в составе около 30 человек переодеться в бойцов лесного отряда. А сам он переоделся в форму комвзвода этого отряда. Мы хорошо знали, что черный цвет формы, как лакомая приманка, больше всего разожжет «аппетит» карателя.

Глубокой ночью небольшой отряд Ким Сан Хо вошел в хутор вблизи уездного центра. Там его бойцы имитировали деяния лесного отряда, без разбору растаскивая имущество крестьян деревни. Затем они перешли в село Хуаннихэцзы и тем же манером подняли шумиху. Потом отряд незаметно исчез в ущелье, расположенном за деревней.

Ван получил информацию, что лесной отряд появился в хуторе близ уездного центра и исчез в сторону Хуаннихэцзы.

На следующий день рано утром вожак со своим отрядом, объятый

злобой и яростью, спешно отправился в Хуаннихэцзы.

Там перед сельчанами Ван с грозным видом хвастливо заявил:

– Не беспокойтесь, граждане. Ждите меня. Я сразу уложу этих местных бандитов и вернусь. И вы приготовьте только обильный обед для нас. Вернусь до обеда, притащу отрезанные у них головы. Наглые мерзавцы!

Отряд Вана начал подниматься на гору за деревней, идя по следам заманивающей группы наших партизан. На середине горы находились в засаде бойцы 10-го полка. На рассвете к ним присоединилась отвлекающая группа Ким Сан Хо. Здесь наши бойцы заранее поставили чучела – заманивающие противника фигуры, которые ввели Вана в соблазн. Стрельбу начали наши бойцы, притаившиеся меж этих заманивающих чучел.

Ван и его карательная полиция, яростно атакуя, поднимались на гору. Они во весь голос кричали пугалам, чернеющим в лесу: «Сдавайся!» Им упорно противостояли эти «бойцы лесного отряда», которые не поднимают руки вверх, не обращаются в бегство, не умеют падать. Это лишь ввергло Вана в крайнюю злобу. Взяв в обе руки пистолеты, он, разъяренный, стрелял безостановочно. Пока не подох на глазах наших бойцов.

К каким выводам пришел Ван в последние минуты своей жизни – нам неведомо. Если он, хоть и с опозданием, понял, чем кончается измена справедливому делу, то, надо сказать, это слава богу. Пусть бы он это и понял, но время уже ушло.

Слух о гибели Вана разнесся широко, и отовсюду приходили к Ким Сан Хо командиры китайских антияпонских отрядов – просили его продать им голову Вана. Они хотели выставить ее над крепостными воротами Фусуна, чтобы все люди ее видели. Это стало бы, по их мнению, отмщением Вану, который сам развешивал отрезанные головы офицеров и солдат китайских антияпонских отрядов.

Я приказал Ким Сан Хо не трогать ни волоска на трупе Вана, чтобы он в целости и сохранности был доставлен в полицию уезда Фусун.

Мы слышали впоследствии, что похороны Вана проходили торжественно. Та похоронная церемония породила крылатую молву о нашей армии. В стане противника широко распространялось мнение: те, кто осмелится противостоять нашей революционной армии, ничего не получат, кроме гибели.

О боях в Синаньча и Хуаннихэцзы, где был занесен карающий меч на Вана, отмечу, сравнительно подробно рассказано в романе «История», автор которого – Хан Соль Я.

После уничтожения Вана мы намеревались подавить еще и японские войска, чтобы полностью держать весь район Фусуна в своих руках. В разные стороны были разосланы наши разведчики, которые собирали необходимую информацию. Поступили сведения: свыше 60 японских солдат движутся на судне из Фусуна в сторону Линьцзяна. Я немедленно организовал бой из засады, который удался на славу. Лишь немногим – более десятка – японцам удалось бежать на поврежденном судне, – остальные были захоронены в воде.

Несколько раз повторялись такие бои, и вскоре весь район Фусуна оказался в наших руках.

Летом того года некоторое время мы располагались в Дайне. Палатки разбили у горячего источника. Там нам удалось осуществить много разнообразных дел. В частности, были учреждены низовые организации Лиги возрождения Родины. Созданы в лесном массиве Фусуна и Линьцзяна тайные лагеря, а в них – типография, швейная и оружейная мастерские, тыловой госпиталь.

Неподалеку от нас, за небольшим перевалом, располагался неприятель. Прибыв в Дайн, мы сразу известили его в письменной форме: «...Мы будем здесь определенное время у горячего источника. Так и знай. Не смей явиться перед нами, никуда не ходи. Сиди у себя спокойно. Твое дело – посылать нам нужные вещи. Будем гарантировать за это твою жизнь и безопасность...»

От противника до нас буквально шаг ступить, но он не осмеливался поднять на нас руку. Не помышлял и убегать. По нашему требованию противник послушно исполнял роль нашего поставщика. Мы говорим: принеси парусиновую рабочую обувь – доставили точно такую; мы говорим: привези пшеничную муку – тут же ее приносят.

Как раз в те дни Вань Шунь направил ко мне своего представителя, чтобы передать мне привет и поздравление с уничтожением вожака Вана. А через некоторое время и сам старый Вань Шунь пришел к нам в Дайн на горячий источник – тот самый горделивый старичок, который раньше никак не реагировал на наши призывы сформировать совместный фронт, которые мы высказывали ему в искренних письмах и через своего посланника.

Это было просто удивительно. До того момента в интересах совместного фронта мы навестили командующего Юя и У Ичэна, а теперь, после уничтожения вожака Вана, к нам пришел сам Вань Шунь, человек с такой громкой известностью.

На первый взгляд, ему было много за 50. Глаза у него были мутные, должно быть, от употребления опиума. Встретившись со мной, он первым начал говорить:

– Вы расправились с этим мерзавцем, Ваном. Все солдаты наших антияпонских отрядов считают вас, командующий Ким, единственным в мире спасителем нашей жизни. И вот я сам пришел к вам, чтобы передать вам свою благодарность и, кстати, высказать свое желание войти с вами в побратимы. Прошу вас, командующий Ким, забыть, как раньше я, человек старческого слабоумия, обижал вас. Прошу вас снисходительно понять меня – того, кто пришел к вам, преодолев далекий путь. Не хотели бы вы со мной образовать этакое общество «Цзяцзяли»?

От просьбы Вань Шуня некоторое время я был в замешательстве. Я выдвинул ряд условий, с какими я раньше обращался к командующему Юю и У Ичэну при формировании совместного фронта. Если вы готовы принять их, сказал я, мы подумаем насчет образования «Цзяцзяли». Вот эти условия китайским антияпонским отрядам: поддерживать с нами близкие отношения и всегда оставаться союзными войсками, никогда не складывать оружие, не капитулировать перед японскими империалистами, не допускать грабежа имущества жителей, всемерно охранять наших подпольщиков и связных, регулярно обмениваться с нами информациями.

Против нашего ожидания Вань Шунь охотно согласился со всеми этими условиями. Каждый раз, когда я в подробностях объяснял предлагаемые условия, он кивал головой, выражая свое одобрение, часто вставляя в свою речь слово «совершенно»: «совершенно ясно», «совершенно верно» и так далее.

За несколько часов встречи нам удалось договориться о совместном фронте. Обе наши армии с того момента стали дружественными друг другу.

Впоследствии Вань Шунь ни разу не нарушил данное нам слово.

Уничтожение вожака Вана и привлечение на свою сторону Вань Шуня стали знаменательным событием в деятельности КНРА после Наньхутоуского совещания[2]. Мы не только подавили врага в

военном отношении и продемонстрировали могучую силу Народно-революционной армии, наши неутомимые усилия в районе Фусуна были своего рода закладкой твердого фундамента для наших последующих действий, связанных с выходом в район гор Пэкту. Эти усилия оставили неизгладимый след и на пути формирования совместного фронта народов, патриотических сил двух стран – Кореи и Китая.

2. В любимом городке

Вань Шунь возлагал большие надежды на «Цзяцзяли», на побратимство. С такой инициативой он надеялся поддерживать добрососедские, дружеские отношения с Народно-революционной армией и под ее покровительством обеспечивать себе военный перевес над противником. Одно время и У Ичэн просил нас образовать то же самое «Цзяцзяли». Вообще в китайских антияпонских отрядах существовала тенденция через образование «Цзяцзяли» вступить в коалицию с Народно-революционной армией и прикрепить к ней коммунистов.

Однако лишь посредством «Цзяцзяли», побратимства не образуется сам собой совместный антияпонский фронт, а значит, и не возникает по-настоящему монолитный союз.

Настоящие отношения партнерства могут установиться лишь в совместных боях. Их истинная ценность может быть проверена лишь в суровых испытаниях. В новой ситуации, когда нам предстояло выйти на рубежи гор Пэкту, совместная военная операция по обузданию противника могла бы стать идеальным шансом для того, чтобы превратить китайские антияпонские отряды в верных союзников Народно-революционной армии и сделать нашу коалицию с ними прочной.

Рейд на уездный центр Фусун состоялся в августе 1936 года. Он был одним из типичных сражений, имевших особо важное значение для упрочения нашего совместного фронта с китайскими антияпонскими отрядами.

– Мы уже образовали совместный фронт. Раз так, то не хотите ли вы взять большой уездный городок? – спросил я Вань Шуня как бы между прочим.

– Возьмем! – сразу согласился мой собеседник, даже не задумавшись. – С вашим отрядом, командующий Ким, мы любые полчища сокрушим. Сейчас у меня такое настроение, что вся вселенная, кажется, в моих руках. Давайте ударим по одному большому городу!

Удивительная уверенность звучала в словах вожака лесных отрядов. Удивительная потому, что еще недавно при виде японских

войск он, даже не смея драться с ними, показывал им пятки. Может быть, нынешний этот настрой порожден курением опиума?

Вань Шунь, не стесняясь нас, в открытую курил опиум. Это было показателем глубокого доверия к нам. Обычно китайские курильщики опиума перед незнакомцами никогда не курили этого зелья. Однако Вань Шунь относился к нам как к близким – доверительно. Это было полезно для нас во всех отношениях. В то время, когда он только-только возглавил антияпонский отряд, он не курил опиума. И тогда воевал на славу. В каждом бою совершал подвиги. За это вскоре был назначен командиром крупной части.

Однажды его отряд, окруженный японскими войсками, едва избежал уничтожения. Прорыв из окружения дался ценой множества убитых и раненых. Сам Вань Шунь спасся чудом. Тот однократный кризис вдруг сделал его пессимистом. Японские вояки, с отчаянными криками бросавшиеся в атаку и нападавшие, как стаи шакалов, оказались слишком крепким орешком для недисциплинированных, слабо вооруженных солдат китайского антияпонского отряда. К тому же вожак Ван следовал за этим отрядом по пятам и, настигая, беспощадно трепал его.

Вань Шунь после этого ушел в горную глушь и затаился, возведя вокруг лагеря земляные укрепления. Он совсем отказался от боев и его люди принялись грабить население, еле-еле поддерживая существование отряда, который жил за счет отнятого у жителей добра. Естественно, в таких условиях нарастала бандитская психология. Этот старый «глава банды» проводил в лесу дни и месяцы за курением опиума, тяжело вздыхая и досадуя.

В ту пору многим из подчиненных Вань Шуня надоело служить в отряде. Бросив оружие, они вернулись в свои родные места. Одни превратились в местных бандитов, другие – с белым флагом пришли в казармы марионеточной армии Маньчжоу-Го. Командиры проводили день за днем за азартными играми, не зная, что творится в людском мире. Не в диковинку были избиения и грубая ругань. Произвол командиров крайне ухудшил отношения между начальниками и подчиненными. Все это грозило отряду Вань Шуня недалеким разгромом.

Путь к спасению его отряда, обреченного на крушение, лежал через коалицию с нами. И мы надеялись, что в совместных боях наших объединенных сил сумеем внушить Вань Шуню и его подчиненным веру в победу над врагом. Вот почему мы сразу же

после удачных переговоров с Вань Шунем предложили атаковать крупный уездный город. К счастью, он без промедления согласился, и дело у нас пошло словно по маслу.

– Мои подчиненные – и офицеры и солдаты – все восхищались, увидев, как вы, командующий Ким, здорово бьете вожака Вана, – говорил Вань Шунь. – Когда мы с вашим отрядом ударим на городок, мои ребята пойдут на это с радостью. Разработайте, пожалуйста, оперативный план.

Он прямо-таки восхищался нашими подвигами в Лаолине, Синаньча, Сигане и Дайне. Больше того, считал примененные нами в боях методы, тактику волшебно-таинственными.

– Еще с давних времен, скажем, с периода Чуньцю (период с 722 по 481 гг. до н. э. эпохи Чжоу в Китае – ред.), – сказал Вань Шунь, – знаменитые полководцы Китая побеждали своей тактической мудростью. Японцы же, знаю, воюют храбростью. Так какими же приемами вы, командующий Ким, ведете людей от победы к победе?

Я улыбнулся и ответил:

– Конечно, методы боя важны, но куда более важно морально-духовное состояние воюющих.

– Я вот что замечаю: подчиненные у вас, командующий Ким, все сильные, смелые, храбрые. А наши ребята, увы, все до одного трусливы. Просто не могу им доверять, – с горечью вздыхал Вань Шунь.

– Не слишком убивайтесь, господин начальник. Добьемся успеха в совместной антияпонской борьбе – и они приобретут уверенность, станут смелыми солдатами. Давайте сейчас решим: какой город лучше взять? Прошу выбрать.

На мои слова Вань Шунь ответил, помахивая руками:

– Это лучше сделать вам, командующий Ким.

Однако в тот день, обмениваясь мнениями об объекте атаки, мы так и не пришли к окончательному решению и разошлись. Мне казалось, что Вань Шунь в душе желает напасть на уездный центр Фусун, но он не настаивал на своем. Для меня это было, как говорится, слава богу. Фусун, вместе с Гирином, для меня – незабываемый на всю жизнь, любимый, «насиженный» край. Фусун – неприметный уездный центр, какие часто встречаются на просторах Маньчжурии. В ту пору, когда я еще ходил в начальную школу в Фусуне, там не было ни одного здания выше двух этажей,

не было даже электричества. По городу Фусуну было разбросано несколько сотен домов, но почти все – ветхие домики с соломенной крышей да лачуги. Редко попадались кирпичные дома и дома с черепичной кровлей, или добротные деревянные постройки. Их было так мало, что можно было бы перечесть по пальцам.

Но эти домики и лачужки, насквозь пронизанные бедностью и нищетой, я любил, как частицу самого себя. Где бы ни находился, я с тоскою воскрешал в своей памяти улицу Сяонаньмынь и реку Сунгари, куда частенько ходил, – словно это был милый сердцу пейзаж моего родного края.

В этом городе я воспринял отцовское завещание, ставшее компасом на моем жизненном пути. Десять лет прошло с той поры, как я, тронутый отчими заветами, шагал к месту погребения в поселок Яндицунь, вслед за гробом отца. Поговорка гласит: «За десять лет даже горы и реки меняют свой облик». Теперь, возможно, думал я, изменились и окрестности отчей могилы.

Подавление противника в Фусуне имело бы громадное значение во всех аспектах, если иметь в виду необходимость реализации нашего стратегического замысла о выдвижении на рубежи гор Пэкту. Это я знал лучше, чем кто-либо другой. Но все-таки почему-то я не мог сразу решиться атаковать Фусун.

После встречи с Вань Шунем мы углубились в работу с низовыми организациями ЛВР. И в то же время вели активную разведку городов, выбирая подходящий объект для налета.

В самый разгар подготовки к взаимодействию с отрядом Вань Шуня откуда ни возьмись появился передо мной без всякого предупреждения со своими бойцами Ли Хунбинь – командир 1-й отдельной части войск У Ичэна. В самые жаркие дни лета Ли форсированным маршем проделал дальний путь. Лицо у него все было в поту, военная форма пропылилась и покрылась пятнами выступившей соли.

Его 1–я отдельная часть считалась едва ли не самым боевым подразделением войск У Ичэна. Ли Хунбинь был искренне предан своему начальству. Его называли правой рукой У Ичэна, который любил этого умелого командира. Это был наш старый знакомый, который без стеснения балагурил бы с нами.

С войсками У Ичэна мы расстались после недолгой встречи в Цингоуцзы в Северной Маньчжурии. Как же подчиненный ему отряд нашел следы Народно-революционной армии,

продвигающейся на юг, и дошел до Фусуна?

– Знаете, к вам, командующий Ким, послал меня командующий У. «Отряд командующего Кима, – говорил батька, – наверное, в походе на юг, в направлении гор Пэкту. Найди его где–нибудь и взаимодействуй с ним». Так приказал он. Словно не замечая усталости от дальнего пути, командир отдельной части долго и вдохновенно рассказывал о командующем У.

– Когда батька сказал: «Иди найди отряд командующего Кима», – у меня в глазах потемнело. «Как это так? Маньчжурская земля, я говорю, широка, как безбрежный океан. К тому же у отряда Ким Ир Сена неуловимая тактика. Где ж его найти?» Батька говорит: «Какой ты дурак! Что тебя беспокоит? Все равно иди – боком или ползком. Иди туда, откуда громче доносятся выстрелы. Там и найдешь командующего Кима. Понял?» Да, у батьки-то мудрые слова! Разглядываю всю Маньчжурию и вижу: громче, чем где-нибудь, раздаются выстрелы здесь, в Фусуне.

– Да, так-то так. Здесь наш отряд что ни день открывает огонь. У нас есть план – скоро с отрядом Вань Шуня нападем на большой город. Хотелось бы привлечь и ваше подразделение к этой операции. Конечно, если вы не возражаете, уважаемый Ли. Каково ваше мнение?

– Не могу отказаться от лестного предложения. Командующий У прямо толкал меня в спину: «Иди на взаимодействие!» Батька обещал вскоре прийти вслед за нами, закончив кое-какие текущие дела.

К прочной коалиции с отрядом Вань Шуня присоединилась, таким образом, и отдельная часть Ли Хунбиня. У нас был как бы двойной праздник.

У меня на душе стало теплее. Ли Хунбинь, преодолев далекий путь, пришел к нам помочь Народно-революционной армии! Когда мы встретились в Цингоуцзы с У Ичэном, он был в подавленном, унылом настроении. С досадой сетовал на Чжоу Баочжуна, который не признал его командующим фронтом антияпонских войск.

В то время он почти не упоминал о сотрудничестве с нами.

И вот теперь У Ичэн, все время изливавший досаду на Чжоу Баочжуна, направил к нам Ли Хунбиня, говоря, что с компартией Ким Ир Сена будет держать единый фронт до самой могилы. Это было выражением его поддержки и неизменного доверия к нам. Командующий У хотя временно колебался после того, как Ван Дэлинь уехал в Внутренний Китай через территорию Советского

Союза, но не отказался от великой идеи о едином фронте и неизменно ратовал за сотрудничество с нами. Дело это было поистине заслуживающим чести.

Поскольку у нас тогда гостил и Вань Шунь, Ли Хунбиню, даже не успевшему привести себя в порядок, пришлось участвовать в обсуждении будущей совместной операции.

Мы еще раз посоветовались об объекте нападения.

Я намекнул на Мэнцзян как на объект налета. В Мэнцзяне мы останавливались почти на месяц летом 1932 года, возвращаясь из Тунхуа после встречи с отрядом Рян Сэ Бона. Там мы пополнили свои ряды, восстановили подпольные организации, там была наша опора. Все было нам знакомо в этом краю. Разразится бой – значит, мы легче достигнем своей цели.

Вань Шунь не согласился – мол, расстояние до Мэнцзяна слишком велико. Пусть мы победим в бою, добавил он, но при возвращении легко можем попасть в окружение противника.

Вань Шуня тянуло в уездный центр Фусун.

– Давайте атакуем Фусун, командующий Ким!

Ли Хунбинь тоже воскликнул, крепко сжав кулаки, весь объятый гневом. В этом у него был свой резон. При отправлении из Эму он, чтобы узнать наше местонахождение, послал в разведку командира роты, некоего Моу Чжэньсина. А тот в ходе выполнения задания был арестован фусунской жандармерией.

Враги с угрозой спросили арестованного: зачем он явился в Фусун, с кем должен встретиться? На допросы он отвечал молчанием. Жандармские варвары, изощряясь в пытках, влили ему в рот крутой кипяток. Обваренная кипятком кожа полости рта и горла вмиг отрывалась, губы покрылись волдырями. Однако комроты, человек стойкий и выносливый, не изменил своим убеждениям, продолжал молчать.

Враги, наконец, повели его на казнь вместе с крестьянами-патриотами Фусуна, которые были задержаны, обвиненные в «связях с бандитами». Расстреливали арестованных на северной окраине Фусуна. Пули убийц не сразили комроты, хотя и задели. Его, живого среди трупов, нашел и принес к себе на спине какой-то добрый человек. И вылечил. Моу вернулся в отряд. Из его рассказов, буквально восставшего из мертвых, стали известны людям подробности зверств японских полицейских и войск, расквартированных в районе Фусуна.

Ли Хунбинь рассказывал о некоторых злодеяниях, о которых слышал и которые видел своими глазами Моу Чжэньсин в жандармском застенке.

После смерти вожака Вана японские войска и полиция под предлогом розыска «связанных с бандитами» заблокировали крепостные ворота, сделав их своеобразным фильтром. Всех тех, кто пытался пройти ворота без пропуска или с просроченным удостоверением, арестовывали, а затем подвергали пыткам. Тех, кто сопротивлялся, тайно убивали – одному богу известны их могилы. Более жестоких методов казни не знала история никакой страны в древние и в нынешние времена.

Задержанных у ворот враги некоторое время держали в гостинице, что близ моста у Западных ворот. А на рассвете уничтожали их методом «тамэсикири» за теми же воротами, у озера на берегу реки Тоудао-Сунгари. Суть метода «тамэсикири» состояла в следующем: вояк с целью «воспитания воинской натуры» учили саблей отрубать головы у живых людей, чтобы солдаты «видели брызги свежей крови». Перед этим вопиющим методом убийства содрогнулся бы даже бог извергов.

Обезглавленные трупы бросали в озеро. Впоследствии фусунцы не случайно назвали то озеро «краем убийства». Враги, разыскивая всех тех, кто разглашал тайну «тамэсикири», расправлялись с ними тем же методом. И новые жертвы тоже сбрасывались в воды «края убийства».

Мое сердце вскипало гневом. Разум терзало раскаяние: прежняя моя мысль о том, что светлую память о Фусуне нельзя нарушать винтовочными выстрелами или затуманить пороховым дымом, оказалась не более чем бессмысленным сочувствием к нему.

На самом деле Фусун, вместе с Линьцзяном и Чанбаем, был одним из особенно важных опорных военных пунктов противника среди многих уездных городов вокруг гор Пэкту. Японские империалисты, считая Фусун одним из главнейших опорных пунктов «обеспечения безопасности и спокойствия в Дунбяньдао», разместили в нем значительные контингенты вооруженных сил – части Квантунской армии, марионеточных войск Маньчжоу-Го, полицейский отряд и так далее.

Расположился здесь и отборный отряд Такахаси, имевший, мол, большой опыт боевых действий. Поэтому разгром противника в этом городе имел бы большое значение для взятия в последующем под наш контроль района гор Пэкту.

«Разгромим гнуснейшего врага в уездном центре Фусун и отомстим за обиду народа!», «Спасем ни в чем не повинных смертников, получающих крещение «тамэсикири» в адском городке!» – откуда-то, казалось, все громче доносились голоса, полные кровной обиды. И мне они не давали покоя.

Ударим первым делом на Фусун! В этом же городке, с которым связывали меня незабываемые узы, невинные люди что ни день погибают от беспощадных ударов японских сабель! Эта трагедия разыгрывается почти на наших глазах. Так зачем же нам идти в Мэнцзян? Ударим на Фусун! Так мы сможем и отомстить врагу за обиду местных жителей и поставить на прочную основу единый фронт с китайскими антияпонскими отрядами. Это поможет нам взять под контроль район гор Пэкту. Именно поэтому предстоящая битва не терпит ни малейшего отлагательства. Нападение на уездный центр Фусун стало бы самым большим подарком, который я мог бы сделать для всех жителей городка. Оно явилось бы выражением самой горячей, самой истинной любви к ним, которую я мог бы посвятить им. Так складывались мои мысли, вылившиеся, в конце концов, в твердое решение – совершить рейд на Фусун. Ему, этому рейду, было суждено стать решающим моментом во взятии северо-западного района гор Пэкту.

Так мы пришли к договоренности насчет объекта предстоящего рейда. А затем еще раз провели тщательную разведку Фусуна.

После изучения всех разведданных мне стало ясно, что нас ожидается весьма тяжелое сражение. Выяснилось, что оборонительные сооружения Фусуна намного прочнее, чем мы предполагали. Фусун, как и все другие уездные городки в Маньчжурии, был обнесен надежными земляными укреплениями и фортами.

Если что-то нам благоприятствовало, так это было то, что рота марионеточной армии Маньчжоу-Го, несущая караульную службу у крепостных ворот, находилась под нашим влиянием и что я хорошо знал этот городок. Подпольщики нашего отряда создали в этой роте организацию Антияпонского общества. Ее возглавлял заместитель командира роты Ван. Он обещал нам назначить в караул доверенных членов общества и одновременно, когда налет начнется, открыть крепостные ворота.

На оперативном совещании мы определили каждому отряду боевое задание. Нашему отряду предстояло взять Восточный форт

и продвинуться в направлениях Больших и Малых Южных ворот, чтобы уничтожить противника внутри городка. Китайским антияпонским отрядам поручили действовать в направлениях Восточных и Северных ворот. Чтобы отвлечь внимание врага, обороняющего городок, мы решили накануне боя небольшими отрядами Народно-революционной армии атаковать Суншучжэнь и Ваньлянхэ (Ваньлянсян). Подготовка к боевой операции, можно сказать, была проведена идеально. Мы были уверены, что рейд увенчается победой наших объединенных войск.

Однако, вопреки нашему предположению, с первого же момента боя мы столкнулись с серьезными трудностями. Главная причина этого состояла в том, что китайские антияпонские отряды просрочили назначенное время сбора и действовали по своему усмотрению.

Часть Ли Хунбиня проявила чрезмерный энтузиазм: миновав назначенный пункт сбора Цзяньчангоу, направилась прямо к Восточным воротам. И отряд, подчиненный Вань Шуню, не пришел в назначенный срок. Это нас очень обеспокоило. Послали связного за ним и ждали более часа, но в Цзяньчангоу подчиненные Вань Шуня не явились.

А ведь дату и час атаки мы назначили не одни. Их определили вместе с Вань Шунем и всеми другими командирами китайских антияпонских отрядов, при этом всерьез взвешивая все возможные предпосылки «удачи и неудачи, счастья и несчастья». Хочу отметить, что, устанавливая даты, они показали себя довольно суеверными. Например, командир отдельной части Ли Хунбинь особо интересовался тем, из каких чисел составляется дата и время налета.

По правилам восточной натурфилософии «инь и ян», четное число – «инь», нечетное – «ян», говорят, что большие дела надо совершить в такие даты и время, которые образуются из нечетных чисел, например, из 1, 3, 5, 7... Только тогда приходит удача. Таково было убеждение Ли Хунбиня.

Мы не приняли во внимание суеверную концепцию «инь и ян», но случайно назначили время начала боя – 1 час ночи 17-го числа. Это было 1 июля по лунному календарю, что удовлетворило желание Ли Хунбиня.

Вань Шунь, раньше прибывший в Цзяньчангоу с несколькими бойцами своего отряда, расхаживал, просто не находя себе места. Он велел подчиненным со сложенными ладонями, обращаясь к

восточному небу, произносить какие-то невнятные заклинания. Казалось, он желал, чтобы ему помогли и духи неба и земли. Командиры всех подразделений намылили голову старому вожаку: предал, мол, общее дело отряд Вань Шуня. У него по лицу струями тек пот.

Видя, как растерялся этот старый вожак под колкими взглядами других, я не мог удержать в себе жалость к нему. В тот миг, как ни странно, мне захотелось скорее заступиться за Вань Шуня, нежели спросить с него за невыполненное. В ходе подготовки к предстоящему взаимодействию, собственно, не было большего энтузиаста, чем Вань Шунь. Да и не было столь инициативных, как Вань Шунь, который выступил со многими конструктивными предложениями. Не раз он призывал подчиненных строго соблюдать время и дисциплину в ходе операции. И это, скажу честно, служило большой поддержкой, вдохновением для нас, придающих столь важное значение образованию совместного фронта с китайскими антияпонскими отрядами.

Большие и искренние усилия прилагал Вань Шунь в авангарде борьбы за коалицию с Народно-революционной армией. А вот дошло до практических действий – и он стал помехой в развертывании операции. Таковыми были досадные противоречия, побудившие меня питать сочувствие к нему.

По правде говоря, мне не позволительно было в данной обстановке проявлять к кому-либо сочувствие или жалость. Время неутомимо шло – щелкала секунда за секундой, и сердце у меня сжималось от досады. Ведь я должен был выполнять роль главнокомандующего в предстоящем бою. Я сотни раз участвовал в боях, но не было еще такого случая, как в тот момент, когда я так встревожился и растерялся.

Я раскаивался в том, что на оперативном совещании не обратил особого внимания командиров на необходимость точного соблюдения назначенных сроков. Меня особо заботили тогда меры, направленные на то, чтобы не допустить посягательств на жизнь и имущество жителей города, не запятнать отношения между армией и населением. Я не желал, да и не мог допустить, чтобы здесь, на фусунской земле, еще раз повторились такие недобрые деяния, что совершили солдаты китайских антияпонских отрядов во время рейда в уездный центр Дуннин.

Опоздал отряд Вань Шуня. О том, что может случиться такая

беда, мы вообще почти не беспокоились. Это был такой вопрос, на который мы не обратили серьезного внимания, и поэтому случившееся дало нам особенно сильный душевный толчок.

Это чрезвычайное происшествие могло бы обречь предстоящий бой на провал. Оно поставило нас перед дилеммой: принять ответные меры, приспосабливаясь к сложившейся ситуации, или отказаться от запланированной операции. Однако нельзя отказываться от подготовленного со столь большим трудом рейда. Случись такое – это стало бы ушатом холодной воды, вылитым на боевую страстность солдат китайских антияпонских отрядов и бойцов Народно-революционной армии, накаленную перед совместной операцией.

Отряд Вань Шуня не успел явиться вовремя из-за курения опиума. Среди командиров и солдат того отряда было немало людей, страдающих наркоманией. Мне доложили, что многие наркоманы без опиума не могут увеличить темпы марша.

Во имя победы в совместной операции нам пришлось послать опиум походному отряду Вань Шуня. Если бы мы не приняли экстренных мер, то они провели бы целый день в дороге. Когда-то после боя в уездном центре Эму Ван Жуньчэн сказал мне, что в совместной операции китайские антияпонские отряды сравнительно хорошо воевали именно благодаря опиуму. Тогда я принял его слова за шутку. А теперь выяснилось, что это была не шутка, коли подчиненные Вань Шуня, как мне доложили, не могут ускорить движение за неимением опиума.

Все отряды явились на пункт сбора намного позже, чем предполагалось. Командир полка, возглавлявший главный отряд, наконец, запыхавшись, последним явился перед вожаком Вань Шунем и доложил ему о прибытии.

Вань Шунь, выхватив из кобуры маузер, грозил расстрелять комполка. В ту минуту я, можно сказать, до мозга костей почувствовал, как вредно курение опиума. То, что мы пережили с болью в душе в те дни, заставило нас впоследствии даже ввести крайнюю меру в партизанской армии: курильщиков опиума расстреливать.

Из-за опиума, говорят, нависли тучи крушения над цинским Китаем, где черепицы королевского дворца седой старины гордились вековой историей, и начали рушиться стропила домов. Одно время цинский Китай был вынужден дважды вести

«опиумные» войны с Англией, вывозившей в него опиум контрабандой. Опиум, культивированный в Индии, проник даже в цинский Китай и сделал несколько миллионов китайцев курильщиками этой отравы. Зато из страны вытекал огромный поток серебра. Львиную долю прибылей от продажи опиума загребала Англия.

Линь Цзэсюй и другие передовые деятели цинского Китая, идя в ногу с народом, выступили против контрабандного ввоза опиума, сопротивляясь английским агрессорам. Война сопротивления была жаркая, но из-за вероломства правящих кругов цинский Китай был вынужден отдать англичанам Гонконг – часть своей территории.

Опиум, в конце концов, можно сказать, поглотил Китай. Опиум – это величайший позор и боль китайского народа, оставленные ему цинской династией в XIX и XX веках. В начале 30-х годов в Маньчжурии тайно продавалось громадное количество опиума. Не говоря уж о богачах и чиновниках, даже среди простолюдинов, не имеющих надежд на завтрашний день, было немало курильщиков опиума. У них из носа болезненно текли сопли, мутные глаза равнодушно смотрели на все в мире. Всякий раз встречая таких людей, я окидывал мысленным взором длительную историю народа дружественной страны, полную кровавых бедствий и страданий, не мог не испытывать боль в душе.

... Все отряды такой рысью форсировали марш, что у бойцов в горле пересохло. Но пришли они, как говорится, к шапочному разбору. Солдаты роты марионеточной армии Маньчжоу-Го, состоявшие в Антияпонском обществе, несли караульную службу у крепостных ворот в ожидании условного сигнала и в час смены, насыпав песок в ствольную коробку пулемета, покинули пост. Стало быть, с самого начала срывался наш оперативный план, по которому мы намеревались бесшумно ворваться в городок через открытые крепостные ворота и одним махом уничтожить врага.

Тогда, честное слово, пришла мне в голову мысль: «А не лучше ли отказаться от боя? В такой ситуации, может быть, мудрее было бы отложить бой на другой день».

Но наша ненависть к врагу была слишком неудержима, чтобы отойти с поля боя, видя перед носом истерзанный городок Фусун. И еще: на эту битву мы возлагали необычайно большие надежды для взятия района гор Пэкту.

Что будет, если мы, имея вооруженные силы численностью в

1800 с лишним человек, не атакуем городок и отойдем без боя? Мир будет вправе порицать нас: «Видите – это ничтожное жалкое сборище!» Великий замысел о совместном антияпонском фронте наверняка лопнет, как мыльный пузырь. Да и слабо прозвучат наши выстрелы, что дадим в будущем в горах Пэкту.

Я обратился к командирам Народно-революционной армии с такими словами: «Ситуация сложилась трудная. Но давайте возьмем на себя роль правофланговых и будем сражаться не на жизнь, а на смерть. И проведем со столь большим трудом подготовленную операцию победоносно!»

Такие вот осложнения и искривления принес пролог рейда к уездному центру Фусун... Наконец, я отдал приказ: «В атаку!» Бойцы Народно-революционной армии сразу же одним махом взяли Восточный форт и дальше продвинулись вперед в сторону Малых Южных ворот. Солдаты китайских антияпонских отрядов налетели на Северные и Восточные ворота. На улице перед Малыми Южными воротами завязалась рукопашная схватка. По нашим войскам, продвигавшимся в крепостные ворота, открыл огонь пулемет с форта. КП я разместил невдалеке от упомянутых ворот, и меня оглушила трескотня пулеметной очереди.

Отряды Народно-революционной армии под прикрытием пулеметной роты разрушили крепостные ворота и ворвались в город.

В момент, когда наши бойцы самоотверженно обеспечили первый прорыв, мне доложили, что отряд Вань Шуня, атаковавший Северные ворота, начал отступать, испугавшись грохота вражеского артобстрела. Я приказал ротному Ли Дон Хаку быстро продвинуться с ротой в сторону Северных ворот на помощь отряду Вань Шуня.

Спустя немного подчиненные Ли Хунбиня – им было поручено продвинуться в сторону Восточных ворот, – не сумев отбить контратаки врага, начали пятиться назад. А хлынувшие из Восточных ворот враги повернули в сторону Малых Южных ворот.

Как говорится, беда не приходит одна. До меня долетела весть о том, что небольшой отряд, возглавляемый Чон Гваном, возвратился сюда, отказавшись от налета на Ваньлянхэ. Это тоже меня встревожило. Оказывается, разбухшая Тоудао-Сунгари не дала нашим бойцам переправиться через реку. Подчиненные Вань Шуня, наступавшие на Северные ворота, все отходили. И не только

из-за артобстрела. Они приняли один из наших отрядов, возвращающийся к нам после отказа от налета на Ваньлянхэ, за подкрепление противника и, боясь возможных ударов спереди и сзади, обратились в бегство.

В боевых порядках отряда Вань Шуня создался хаос, что повлияло и на фланги, внесло суматоху в отряд Ли Хунбиня. Такие губительные последствия причинил всему ходу боевых действий тот факт, что Чон Гван своевременно не доложил нам об отмене штурма Ваньлянхэ.

Ситуация в бою пока еще не поправилась, а уже забрезжил рассвет. С течением времени обстановка становилась все неблагоприятнее для нас. Именно в эти минуты ко мне прибежал Ли Хунбинь.

– Господин командующий, дело табак. Больше нельзя мешкать. А то полный провал!

Он явно желал немедленного всеобщего отступления.

– Ой-ой, всему конец! – отчаянно воскликнул он, рассеянно глядя на предутреннее, все светлеющее небо.

Я, схватив его за плечо, громко сказал:

– Командир Ли, не убивайтесь слишком. Время такое, что нельзя терять присутствие духа, надо превратить беду в счастье. Недаром говорят: в счастье таится беда, в беде – счастье.

Так я сказал ему не потому, что у меня был какой-то особо остроумный вариант, который сулил нам превратить беду в счастье. Я только крепил свою решимость: именно в этот момент, когда начали отступать китайские антияпонские отряды, применить тактику заманивания и тем самым взять в свои руки инициативу в бою.

В случае возникновения неблагоприятной ситуации надо выманивать противника за крепостные ворота, в горное ущелье, чтобы там окружить и уничтожить его, – таков был, конечно, тактический принцип партизанских действий. Таким был и заранее подготовленный нами резервный вариант. Подобная тактика заманивания, однако, давала большой эффект только в ночных условиях.

Мы стояли на перепутье – либо покинуть место сражения до полного рассвета, либо пойти в лобовую атаку и вступить в бой не на жизнь, а на смерть.

Мы решили применить тактику заманивания, но не смели тотчас

отдать приказ об отступлении и мешкали: боялись возможных людских потерь. В это самое время, к нашему счастью, сотворилось чудо – нам помогло небо. В городке и его окрестностях вдруг заклубился такой густой туман, что невозможно было что-либо разглядеть даже перед самым носом.

Я отдал всем отрядам приказ – собрать разбросанных солдат и отойти на гребни гор Дуншань и Сяомалугоу.

Враги бешено преследовали наши отступающие войска.

Когда мы начали взбираться на Дуншань, со стороны седловины, что у выступа середины горы, донесся одиночный выстрел. Обеспокоенный, я остановился: там, на седловине, остались семь-восемь партизанок, чтобы приготовить завтрак после боя. Казалось, враги, пронюхав, что главным направлением нашего отступления является Дуншань, намеревались заранее занять ту седловину, с двух сторон нанести удары по нашему командованию и главным силам.

Выстрелы с седловины участились. Стало ясно, что наши партизанки вступили в жаркую перестрелку с крупным отрядом противника.

Я велел ординарцу узнать, что происходит на седловине. Вернувшись, он доложил мне о решимости партизанок Ким Хвак Сир и Ким Чен Сук ценой крови отстоять седловину для безопасности командования. Надо сказать, что в тот день наше командование фактически было спасено партизанками – героическими защитницами седловины. Если бы они не остановили натиск врага, то мы не смогли бы подняться на Дуншань раньше, чем противник. Партизанки вместе с подоспевшей 4-й ротой 7-го полка нашей Народно-революционной армии решительно отстояли эту гору.

В самый разгар ожесточенного боя с противником на седловине главные силы 7-го полка под покровом густого тумана устроили цепь засад на южной высоте Дуншаня. А китайские антияпонские отряды заняли гребень противоположной горы – через долину. Лишь после этого рота, прикрывавшая отход главных сил, отступила вглубь затуманившейся долины, заманивая противника. Наконец, и эта рота в дальнем углу ущелья взобралась на гору и бесшумно устроилась в засаде.

Отряд Такахаси, слывший своим палаческим методом «тамэсикири», целиком попал в ловушку, из которой не выйти живым. Похоже, исход боя был уже предрешен.

Немалое время сотрясались небо и земля от грохота перестрелки – мы вели огонь с горы вниз, а противник – вверх из ущелья. Солдаты Такахаси атаковали волнами, применяя ту самую пресловутую тактику, какую называл Вань Шунь «приемом храбрости». Но они каждый раз отступали, оставляя груды трупов. Увидев, что атаки бесполезны, они прекратили пальбу и, прилипнув к подножию горы, ждали подкреплений.

Я приказал перейти в контратаку. Со звонким звуком горна из засады выскочили смельчаки нашей армии и валили врагов, как подкошенных. Первым в рукопашный бой рванулся Ким Мен Чжу, командир отделения 7-го полка, имевший прозвище «яньцзиская тюрьма».

Он – участник восстания 30 мая. После ареста был брошен в Яньцзискую тюрьму. Вместе с заточенными в тюрьму членами подпольной организации он шесть раз за пять лет пытался бежать из неволи. Наконец, ему удалось, убив топором начальника тюрьмы, бежать из застенка. Главным героем этого события был именно Ким Мен Чжу. Оттого соратники прозвали его «яньцзиской тюрьмой».

Кроме этого прозвища, к нему пристало и другое – «семизарядка». Он семь раз участвовал в крупных боях и семь раз совершил большие подвиги, получив ранение. Боевые друзья, чутко реагируя на это, наградили его этим прозвищем. Он не страшился смерти, был львом нашего отряда.

Не менее храбро, чем эта «семизарядка», сражался в этом бою Ре Ен Чжун, командир роты 8-го полка, который самоотверженно помогал Ким Мен Чжу при бегстве из Яньцзиской тюрьмы. Они, Ким Мен Чжу и Ре Ен Чжун, были закадычными друзьями, их дружба окрепла в огне борьбы.

Партизанская «богатырка» Ким Хвак Сир стреляла из пулемета всегда с широко открытыми глазами. На вопрос боевых друзей: «Почему ты не закрываешь один глаз?», она отвечала: «Чтобы как следует разглядеть мерзкие мордашки япошек». Каждый раз, когда она поворачивала дуло пулемета, враги с воплями валились наземь. В тот день она даже бросилась в рукопашную штыковую схватку.

В бою под уездным центром Фусун был и такой эпизод. Ким Чен Сук, взяв по маузеру в каждую из рук, стреляла, словно из пулемета и скосила десять с лишним врагов.

Тот командир полка из части Вань Шуня, которому чуть было не досталась пуля маузера из-за курения опиума, под вражеским огнем руководил своими бойцами, стоя на скале и выкрикивая команды. В тот день все китайские антияпонские отряды ярко показали свою реальную силу.

«Отборный отряд» Такахаси в ущелье Дуншаня потерпел полный крах. О трагическом для японцев событии того дня было доложено командованию Квантунской армии еще до полудня. И с Синьцзинского аэродрома поднялись в воздух военные самолеты, нагруженные бомбами и боеприпасами, чтобы помочь войскам, расквартированным в Фусуне. Из Тунхуа, Хуаньжэня, Сыпинцзе и других мест в пожарном порядке были переброшены подкрепления. В Фусун экстренно направлен и гарнизон из Чунганчжина. Об этом мы узнали позже из газет «Тоньа ильбо» и «Чосон ильбо».

Такахаси, как и комбат Вэнь из Лоцзыгоу, пожалуй, передал своему начальству крайне раздутые сведения о наших силах. А иначе чем объяснить, почему так шумно хлынули со всех сторон в Фусун столь огромные подкрепления? Вооруженные силы противника, призванные спасти Такахаси, лавиной накатывались из Линьцзяна, Чанбая и Мэнцзяна и других соседних уездов. Однако и эти отчаянные спасательные меры, принятые с чрезвычайной быстротой, не смогли вызволить Такахаси из ловушки. 17 августа после полудня, когда в Фусун ворвалась часть подкрепления, исход боя уже был решен. Когда мы, окончательно осмотрев позиции, направлялись в глубь леса, из Синьцзина прилетели вражеские самолеты. Они вслепую, куда попало, сбрасывали бомбы на разрушенный нами Восточный форт и жилые дома в окрестностях городка.

– Видите, эти самолеты не загипнотизированы ли вами, командующий Ким? – говорил Вань Шунь, злорадно глядя на бешено пикирующие бомбардировщики.

Эти слова позволили мне сделать вывод, что цель нашего налета на уездный центр Фусун полностью достигнута.

Впереди Вань Шуня под командованием комполка бодрым шагом маршировали сотни его подчиненных, до отказа нагруженные трофеями, с видом триумфаторов, одержавших победу на поле боя. Выражение их лиц, походка совсем изменились – до такой степени, что трудно было поверить, что идут те самые люди, которые из-за нехватки опиума нарушили

сроки сбора и создали большой хаос в операции. В движущихся колоннах китайских антияпонских отрядов то и дело раздавался громкий смех.

– Если мы продолжим такие бои, они, думается, совсем откажутся от опиума, – указывая рукой на отряды, уверенно я сказал Вань Шуню.

– Прошу простить того комполка.

Выслушав меня, он ответил со слезами на глазах:

– Благодарю, командующий Ким! С той же просьбой, честное слово, я хотел обратиться к вам. Значит, вы уже своими словами простили всех нас. Вот теперь, думаю, мои ребята будут жить по-человечески. И я, как У Ичэн, до гроба буду поддерживать единый фронт с вами, командующий Ким!

По всей вероятности, рейд в уездный центр Фусун, как и рейд в уездный центр Дуннин и бой под Лоцзыгоу, был сенсационным событием. Это открыло офицерам и солдатам китайских антияпонских отрядов путь к идеологической перестройке. Завершив победой этот бой, они впервые испробовали «вкус» единого фронта. Практика, как правило, всегда рождает более живую и твердую веру, нежели теория. Наши идеи и теория, касающиеся единого фронта с китайскими антияпонскими отрядами, – не пустословие, а истина и правда. Это еще раз подтвердил рейд в уездный центр Фусун.

С тактической точки зрения этот бой дал нам немало серьезных уроков. До того я вел много боев, но ни разу еще не было, чтобы так часто и резко, как в том рейде, менялась боевая обстановка. В принципе в войне изменение обстоятельств, как правило, зависит от действий противника. Однако при осуществлении рейда в тот уездный центр из-за оплошностей с нашей стороны возникло ненормальное положение и по той же причине создался временный хаос.

В боевой обстановке возникают неожиданные перемены и создаются препятствия. Но командир должен с помощью стальной воли, дерзания и хладнокровного мышления, выдержки преодолеть неблагоприятную ситуацию, оперативно приспосабливаясь к обстоятельствам. Такие качества обязательно нужны, думаю, как в борьбе с врагом в защиту интересов государства, так и в работе по преобразованию природы и общества.

Умело вести себя в соответствии с изменением обстановки и оперативно, в нужный момент, принимать необходимые решения – важные качества каждого командира.

Я с большим удовлетворением оцениваю результат рейда в уездный центр Фусун. Откровенно говоря, мы предпочли политическое значение победы в том бою возможному военно-техническому результату.

Укрепление совместного фронта с китайскими антияпонскими отрядами, более твердый контроль над северо-западным районом гор Пэкту – так можно кратко подытожить политическое значение нашей победы в ходе рейда. В моей памяти не очень сохранились сведения о числе убитых солдат противника и количестве взятых трофеев. Но об этом я ничуть не сожалею.

3. Премьера спектакля «Море крови»

Литература и искусство периода антияпонской революции, по-моему, во многом уже изучены. Большинство первоисточников найдено, их реставрация с поправками с точки зрения современных требований, можно сказать, почти завершена. Литература и искусство, рожденные в горниле борьбы против японского империализма, являются традициями нашей партии в художественном творчестве. Это – бесценное богатство, ярчайшая страница истории отечественной литературы и искусства.

Я не собираюсь теоретически анализировать их, как ученый-профессионал. Хотелось бы коснуться лишь одной вещи – художественной самодеятельности нашего отряда в Маньцзяне. Мой рассказ, думаю, более или менее поможет читателю осмыслить и прочувствовать всю атмосферу, в которой в те дни рождались произведения литературы и искусства.

Создание даже одного художественного произведения требует сложного, напряженного умственного труда, затрат душевных сил, сравнимых с боем за овладение городом-крепостью. Понятие об этом у нас имелось. Для художественного творчества мы не жалели ни времени, ни энергии, не отказывались от всякого дела, лишь бы добиться результата.

Будь в нашем партизанском строю хотя бы один военный писатель, один деятель искусства – мы бы и не переживали тех, как говорится, родовых мук и душевных терзаний, что сопровождают литературное и изобразительное творчество. Но, к сожалению, в нашем отряде не было ни одного бойца из числа профессиональных писателей и мастеров искусства.

Конечно, были литераторы, которые, окрыленные ратными подвигами КНРА и взлетом нашей славы, намеревались служить в армии.

Если бы удачно сбылись эти их мечты, то КНРА имела бы плеяду творцов-летописцев, которая воспроизводила бы ее путь по живым следам ее действий. Это был бы талантливый творческий

коллектив, способный украсить издания для внутреннего пользования КНРА, дать основу сценических представлений. Тогда было бы легче развернуть действенную пропаганду и агитацию.

В наших рядах не было и историка. И пришлось запись исторических событий вести непрофессионалам. Такими постоянными летописцами в нашем отряде были Ли Дон Бэк и Рим Чхун Чху. Они, конечно, делали все, чтобы как можно подробнее запечатлеть события того времени. Но, увы, большинство записей было либо попорчено временем, либо просто потерялось.

После освобождения Кореи наши ученые почти с пустыми руками взялись за исследование истории антияпонской революции. При восстановлении хода исторических событий они в большинстве случаев опирались на воспоминания участников революционной борьбы против японских оккупантов. Широко использовались и вражеские документы. Но в иных материалах те или иные события были либо явно искажены, либо переоценены или принижены. И, естественно, приходилось сталкиваться с целым рядом трудных обстоятельств, чтобы установить и систематизировать исторические факты. Надо сказать, что этому мешали происки и равнодушие контрреволюционных фракционеров, занимавших в то время важнейшие посты в области пропаганды. Из-за этого всесторонний сбор исторических материалов, посвященных антияпонской революции, начался только к концу 50-х годов.

В наших книгах по истории антияпонской революции встречается, хотя и изредка, некоторая путаница в датах, в указании мест событий. Все это надо рассматривать не иначе как следствие специфической реальности прошлого.

Борцы против японского империализма, сражаясь, творили историю. Они совершенно не заботились о том, чтобы увековечить свои имена. Когда мы воевали в горах, у нас было такое настроение: вспомнят или забудут нас потомки – это для нас не так уж важно. Мы делали свое дело, преодолевая всякие трудности. Если же мы взяли бы в руки оружие лишь для того, чтобы увековечить свои имена, то вряд ли смогли бы творить величайшую историю, как сегодня называют наши подрастающие поколения историю антияпонской революции.

В условиях вражеского окружения и преследования нам приходилось партизанить, постоянно меняя места своих действий.

В такой обстановке опасно было хранить любой листок документа, если он таил в себе хоть какой-то секрет. Любые записочки-письма, присылаемые из вражеских районов, мы сжигали сразу после прочтения. Это вызывалось стремлением уберечься от случайности. А документы и фотоматериалы, имеющие, на наш взгляд, историографическую ценность, мы посылали в Коминтерн в вещевых мешках.

Например, в 1939 году мы направили в Коминтерн несколько мешков документов. Но они не дошли до места назначения. Терялись материалы. Многие из таких материалов были отражены в документах японской полиции, да и в печати. Судя по всему, посыльные, по-видимому, были в пути убиты врагами.

Если при возвращении на Родину мы взяли с собой кое-что, то это не были пакеты исторических записей или документы о деятельности организаций. С нами была записная книжка со строчками революционных песен, с адресами, фамилиями и именами наших боевых друзей.

Именно пробел в первоисточниках больше всего затрудняет наших ученых в работе по исследованию истории антияпонской революции.

Приспешники империалистов, продажные писаки, рептильные буржуазные ученые, конечно, не все знают о специфических обстоятельствах и внутренней сложности нашей революции. Они монтируют различные комбинации из умещающихся на нескольких листах бумаги цифр и фактов. Они лезут из кожи вон, лишь бы любой ценой представить ничтожной историю той антияпонской революции, путь которой грудью проложили сыны и дочери Кореи, беззаветно верные Родине и делу революции.

Не удивительно и не ново, что те, кому не по душе наши идеалы и наш общественный строй, изощряются в злословии, клевете, чтобы принизить революционную летопись нашей партии. Историю, однако, тушью не замажешь, огнем не сожжешь, мечом не рассечешь. Что ни говори, пройденный нами путь вошел и войдет в историю.

Помнится, мы начали вынашивать художественный замысел пьесы «Море крови» и приступили к работе над ней в первые дни после Дунганского совещания. Можно сказать, что первым толчком к созданию пьесы стала песня «Смерть карателям». Я выучил эту песню в детстве – от моего отца. Он часто рассказывал

мне и моим друзьям о карательном погроме в Цзяньдао.

Создав в Аньту партизанский отряд, я пошел с ним в Восточную Маньчжурию. И видел, как местные жители неимоверно страдали от кровавых деяний карателей – японских войск и полиции. Сабли и штыки погромщиков отняли жизни у множества людей. Ежедневно погибали десятки, даже сотни человек. Земля Цзяньдао, где не прекращалась массовая жестокая расправа с жителями, была затоплена буквально морем крови.

И всякий раз, становясь очевидцем людского горя, я вспоминал песню «Смерть карателям», которую слышал от отца. При этом я не мог удержать закипавшего во мне чувства гнева, терзался тяжкими думами о мучениях, бедствиях нашей нации,

Помню, меня поражало то, что подавляющее большинство корейцев в Цзяньдао не пали на колени перед грозно надвигающейся столь ужасающей участью, а, наоборот, твердо взяв в руки ружья и дубины, в едином порыве поднялись на сопротивление врагу и сражались с ним. В волны общенациональной борьбы влились все: и представительницы слабого пола, скованные конфуцианскими канонами «три отношения и пять норм» и «три заповеди о покорности», и даже детишки, недавно капризничавшие за обеденным столом на коленях у мам и бабушек. Порыв этих выступлений сильно взволновал меня.

Женщины вышли за пределы семейного круга и окунулись в океан движения за преобразование общества – это была своего рода революция. Я ощущал чувство признательности и безмерного уважения к героиням этой революции, поддерживал их и сочувствовал их поступкам. Именно тогда в моем воображении начал созревать образ женщины, ставшей на стезю революции вслед за погибшим мужем, и образы ее детей.

К тому времени, признаюсь, во мне уже зародилось желание создать такое произведение, героиней которого стала бы женщина такой судьбы.

Много дней мы проводили в Фусуне. В разных местах устраивали импровизированные сцены, где выступали самодеятельные артисты, воспитывая местных жителей. Только кончится бой – и мы тут же выступаем с номерами художественной самодеятельности. А если ситуация не давала такой возможности – произносили перед людьми страстную агитационную речь.

Лишь после этого отряд уходил. Каждый раз, когда бойцы революционной армии выступали на сцене со своими скромными художественными миниатюрами, жители откликались сердечными, горячими аплодисментами.

Помнится, как-то после боевой операции наши товарищи отдыхали и веселились, когда был досуг. Пели песню «Смерть карателям». Все, кто слушал бойцов, – мужчины и женщины, стар и млад, – со слезами на глазах клеймили позором японских империалистов, клялись сопротивляться захватчикам. Одной только песни «Смерть карателям» хватило для того, чтобы место развлечения в миг превратилось в место общих слез. Увиденная мной неожиданная картина и пробудила во мне желание создать настоящие сценические, драматургические образы, чтобы еще активнее содействовать просвещению людей. Однако недостаток времени не позволял мне осуществить свое намерение.

А тут неожиданно после Дунганского совещания на мою затаенную надежду обратил внимание Ли Дон Бэк. Он показал мне журнал, найденный в каком-то поселении. Это был один из номеров нового литературно-художественного издания. В нем была помещена повесть о жене одного общественного деятеля, заточенного в тюрьму. Муж сидит за решеткой, а жена отдала своего ребенка в чужие руки, ищет другого избранника сердца и выходит за него замуж. Таков был сюжет этого произведения.

Я спросил Ли Дон Бэка, какие впечатления остались у него после прочтения повести. Он кисло улыбнулся:

– Грустно на душе – житье-бытье, скажем, таковое бывает. Ну, и ничего вроде тут не поделаешь.

– Значит, вы ... думаете, что в повести есть доля истины?

– Крошки-то истины есть, факт. У меня был хорошо знакомый общественный деятель. Его лапушка, – дело, конечно, это горестное, – тоже влюбилась в какого-то хама. Дитя бросила и удрала.

– Это же явление отдельное, случайное. Как же считать его истиной? В Корее и Маньчжурии я видел много женщин. Абсолютное большинство из них верны и мужьям, и детям, и соседям, и Отечеству. Какие это женщины! Сажают мужа в тюрьму – его заменяет жена. Берет самодельные бомбы, носит листовки за пазухой, – все отдает делу революции. Падет муж на поле брани за революцию – жена надевает мундир, занимает место

ушедшего в боевом строю и с оружием в руках бьет врага. Голодно детям – мать терпит все муки и обиды, лишь бы они не голодали. Даже готова просить для них милостыню у чужих ворот. Вот каковы женщины Кореи! Что же будет, если не видеть эту подлинную суть дела, если оскорблять жен революционеров, как это сделал Ли Гван Су?! Кстати, когда он огласил свою «Теорию преобразования нации», сеульцы забросали его бутылками пива. Точно так же ему не избежать ударов валька, которым пользуются женщины при стирке белья. Ими вооружаются наши матери, наши сестры не только при захвате у врага оружия. Вот какова истина! Разве не так, по-вашему?

Мой собеседник новыми глазами взглянул на меня, у него даже выражение лица изменилось:

– Вы правы! В этом истина!

Отражение истины я считал основным началом литературы. Лишь через показ истины литература может вести читательские массы в мир красоты и благородства. Отражение жизненной правды, подводящее народные массы к прекрасному, благородному миру, – такова подлинная миссия литературы и искусства.

В тот день мы долго беседовали. Шла речь о широко известных нам отличных женщинах-борцах, общественных деятельницах, о верных женщинах, которых можно было бы ставить в пример в моральном поведении, в нерушимой преданности.

Когда наш разговор подходил к концу, Ли Дон Бэк вдруг обратился ко мне:

– Не хотите ли вы, Полководец, создать пьесу? Я говорю о судьбе женщины-революционерки.

– Откуда у вас такая неожиданная мысль? О спектакле говорите? Может быть, вы тоскуете по тому драматургическому движению в Цзяньдао, которое вели со своими учениками в школе?

– Да нет, просто подумал вот о чем: надо бы что-то противопоставить горе-писакам, авторам таких грошовых романчиков, – ткнул он пальцем в тот найденный им журнал.

Я ему говорю:

– Писать о революционерке – это очень хороший замысел. Тут есть проблема: чтобы создать спектакль, должна быть все-таки какая-то конкретная тема. Если она родилась у вас, то расскажите.

– Какова настоящая женщина Кореи? Вот в чем тема. Показать подлинный образ корейской женщины. А мысль такая: национальные бедствия, переживаемые корейцами, неизбежно

выводят женщин на дорогу борьбы, ведь сейчас только борьба – путь к жизни. Не знаю, нравится ли это вам, Полководец?

Его словам я не мог не удивиться. Предложенная им тема была схожа кое в чем с моим замыслом, который я вынашивал в Цзяньдао при построении сюжета произведения с его главной героиней – женщиной.

– Раз уж так вы думаете, лучше бы вам самим писать-то. Как, по-вашему?

От моей просьбы наотрез отказался этот «старик с трубкой».

– Знаете, судить-то я умею, а вот творить – ни-ни. Пьесу писать вам, Полководец. Только напишите. Постановкой спектакля я сам займусь.

Я не дал утвердительного ответа. Однако после того, как с такой просьбой обратился ко мне Ли Дон Бэк, в моем воображении все ярче вставал образ героини пьесы, о котором я давно размышлял, – образ той простой женщины, которая, осилив горе от утраты мужа и сына в море крови, распрямляется и идет дорогой борьбы. Меня сильно взволновал очаровательный образ героини. Мое перо тянулось к бумаге. К моменту прибытия нашего отряда в Маньцзян пьеса была написана более чем на половину.

Для нас драматургическое творчество было не ново. И в Фусуне мы ставили пьесу. В Гирине и Уцзяцзы с увлечением занимались тем же. Однако после начала вооруженной борьбы мало у нас поставлено спектаклей. В первой половине 30-х годов, конечно, на партизанских базах нашлось несколько энтузиастов драматургического движения, но оно не было столь оживленным, как в гиринские годы. В партизанском крае любители искусства не могли всерьез отдаться делу создания такого репертуара, на что требовалось и много времени, и много сил.

Но тут, естественно, встает вопрос: почему на столь тяжелом маршруте, в походе на юг, к горам Пэкту, мы вдруг настойчиво поставили в повестку дня проблему драматургического творчества? И почему столь упорные усилия приложили для ее решения?

Работая над повышением сознательности масс, мы возлагали огромные надежды на чрезвычайную притягательность и эффективность воздействия драматического искусства. К тому времени, можно сказать, не было равноценного драматургии вида искусства, способного так сильно захватывать сердца зрителей. До той поры, когда немое кино стало звуковым и, выйдя за рамки

одной страны, завладело экранами мира, театр среди искусств располагал ни с чем не сравнимой могучей силой влияния на людей.

И я не жалел времени на просмотр спектаклей. И среди моих друзей по Чхандокской школе было много любителей театра. Всякий раз, когда в Пхеньяне гастролировала известная драматическая труппа, мы с Кап Юн Бомом ходили в город.

Театр – это такой популярный, массовый вид искусства, что после просмотра пьесы каждый зритель тут же на месте может дать оценку: «Хорошо!», «Плохо!», «Не очень!»

20-е, 30-е годы были ознаменованы бурным развитием, настоящим расцветом драматургии и театра. В период, когда я учился в Чхандокской школе, уже задавала свой тон «новая драма», оттеснив в сторону прежнюю мелодраму, поразив зрительскую аудиторию.

Прогрессивные писатели, деятели искусства вкладывали всю душу, всю энергию в театральное движение в интересах неимущих классов. Драматурги пролетарской ориентации, создав театральные труппы, выезжали на гастроли, чтобы выступать в гуще рабочих и крестьян. Такие труппы часто гастролировали и в Пхеньяне.

Хван Чхор и Сим Ен, прославившие свои имена в наших театрах после освобождения страны, тоже относятся к плеяде художников, которые с 20 – 30-х годов посвятили себя драматургическому движению.

То было время, когда везде и всюду звучали голоса: «Давай пьесу!» Даже в деревенских школах с полусотней учеников шумели о создании пьес. Увлеченные подобным велением времени, и мы в первые дни своей революционной работы окунулись в волны драматургического движения.

Процесс отделки литературной основы «Моря крови» стал и процессом выявления духовного потенциала коллектива. Не говоря уж о композиции драмы, для изображения каждой детали, для написания одной-двух фраз диалога мои товарищи давали ценные советы.

В Дунгане прошло объединенное совещание с командирами китайских антияпонских отрядов. На нем мы подвели итоги победоносных боевых операций в уездном центре Фусун. После совещания я со своим главным отрядом отправился в Маньцзян, что прилегает к западной зоне гор Пэкту.

Маньцзян – это первое село у подножия гор Пэкту, восседающих на обширном плоскогорьи. Расположено оно на южной окраине уезда Фусун. Если держишь путь оттуда на юг через перевал Догулин – ступишь на чанбайскую землю; пойдешь к юго-западу через Лаолин – на линьцзянскую.

К 1936 году это было небольшое село с разрозненными хуторами: чуть более 80 дворов. Жители занимались подсечным земледелием. Вместе с селами Наньдяньцзы, Яндицунем, Ваньлихэ и Дуцзидуном это было одно из редко встречающихся в районе Фусуна корейских поселений. В Фусуне, в отличие от Аньту, корейцев было немного.

Село это, довольно удаленное от уездного центра, можно назвать горной глухоманью, куда редко заходят чужаки. Малонаселенность и редкость появления гостей из чужих краев создавали даже впечатление, словно это одинокий островок в безбрежном океане, отгороженный от остального житейского мира. Гости же – это были, как правило, появляющиеся от случая к случаю мелкие разносчики, которые обходят все края и голосят «Берите!», предлагая покупателям редкие гребни кустарного промысла, красители и тому подобное. Захаживали и торговцы солью. А из местных знаменитостей Фусуна мало кто ступал в этот край. Побывал там, пожалуй, раза два Чвэ Чжин Ен – управляющий хозяйственно-интендантской службой. Думается, Ен Бен Чжун, заменивший его в служебной должности, гостил там пять-шесть раз.

Кстати, мне хотелось бы рассказать, что за человек этот Ен Бен Чжун. В свое время он командовал одной из частей Армии независимости, возглавляемой Хон Бом До. После того, как армия эта переместила театр своих действий в сторону Приморья, он перебрался в Фусун, – не знаю, по чьей рекомендации, – и одно время занимал пост управляющего хозяйственно-интендантской службой. Будучи начальником местной управы группировки Чоньибу, он пользовался уважением масс.

Затем Ен ушел с этой должности и начал врачевать методом иглотерапии в селе Дапучайхэ, что находилось между Аньту и Дуньхуа. Как-то Ким Сан Хо сходил в это село и расхвалил Ена до небес: врачебное искусство у него, мол, просто чудодейственное. И не раз предлагал мне обращаться к нему за лечением.

И я пошел к нему. Врач, пощупав у меня пульс, сказал: «У вас, я вижу, Полководец, весьма ослаб организм. Оленьи панты или

дикий женьшень можете достать? Сможете – выпишу вам рецепт». По его рецепту я принимал лекарства и, наконец, смог поправиться, хотя это было нелегко.

... Прошло довольно много времени после моего возвращения на Родину. Однажды я узнал, что у одного из наших сотрудников подорвано здоровье и он испытывает страдания. Восстановив по памяти рецепт, что выписывал мне Ен Бен Чжун в Дапучайхэ, я посоветовал больному принимать такие-то и такие-то лекарства. Через несколько месяцев он сообщил, что мой рецепт, к удивлению, ему очень помог. «Тот рецепт не мой, – сказал я ему, – его выписал врач по имени Ен Бен Чжун десятки лет назад в Маньчжурии».

Доктор Ен был очень осведомлен о Маньцзяне. Не знаю, откуда у него эти знания.

Большая гордость в перечне продукции, производимой в Маньцзяне, – картофель. В том краю, как и в Нэдосане, бросались в глаза крупные, величиной с детскую подушку, клубни. В реке Маньцзян обильно водились ленки.

Маньцзянцы пользовались в обиходе деревянной и берестяной посудой, сделанной из выдолбленного, расточенного дерева и согнутой березовой коры. И ложки деревянные. Чаны для сои и засолки овощей *кимчхи* тоже были долбленые из дерева.

Наш походный отряд добрался до естественных ворот в Маньцзян: там стояла пара берез. Нас ждали староста Хо Рак Е и другие сельчане. Они принесли деревянные кувшины и корыта с прохладительными напитками, приготовленными на патоке с добавлением вареного риса, и с корейской рисовой брагой. Неизвестно было, откуда они заранее прознали о нашем приходе. По словам старосты, один из крестьян села пошел в уездный центр Фусун купить соли и там услышал о прошедшем бое в городке. После его возвращения староста стал зорко следить за действиями врага. Заметил, что стали часто пролетать японские военные самолеты в направлении Маньцзяна и кружить в воздухе. Судя по этим фактам, староста и решил, что в его село придет, по всей вероятности, революционная армия.

Выпив черпак браги, я спросил старосту:

– Вижу, вы все вышли встречать нас в открытую. Не повлечет ли это за собой какую-нибудь неприятность?

– Нет, можете не беспокоиться. В нашем краю революционная

армия побывала весной. После того полицейские Маньцзяна и перед нами ползают на коленях. И еще: они услышали – вожаку Вану капут, наголову разбиты япошки в уездном центре Фусун. Просто дрожат со страху, как осиновый лист.

В ту минуту донесся громкий голос крестьянина с края моста, перекинутого через реку Маньцзян:

– Дорогие бойцы революционной армии, вы и на сей раз покажете нам свои пляски?

Весной здесь, в селе Маньцзян, наши бойцы дали концерт. В то время на сцене в русские пляски пустились несколько партизан из Хуньчуня. Эти хуньчунцы, выросшие у советско-маньчжурской границы, здорово подражали русским песням и пляскам. У сельских зрителей, любовавшихся плясунами, глаза на лоб лезли: «Видишь, как пляшут, – зашумели они. – Мы же раньше знали: танцующие просто машут руками да пожимают плечами. А вот смотри-ка – как топчут ногами. Ну и любо смотреть эти пляски-то»...

– А как же, покажем! Не только пляски, но и более великолепное зрелище.

Делая намек на это «великолепное зрелище», Ли Дон Бэк имел в виду постановку спектакля.

Штаб отряда мы разместили в верхней комнате дома старосты Хо Рак Е. С ним имел тесные связи и мой отец. 10 лет назад, когда Кон Ен спас моего отца от лап конных бандитов, они первым делом зашли в дом Хо Рак Е. Затем хозяин дома вместе с Кон Еном охраняли моего отца и сопровождали его до Фусуна.

В том доме я продолжал работу над пьесой «Море крови». Это было время после смерти Чон Гук Чжина, и пока еще не вступил в отряд Ким Ен Гук, который впоследствии ведал редакцией «Согван» («Заря») – газеты для внутреннего пользования Народно-революционной армии и опубликовал в ней несколько своих коротких рассказов. Ничего не поделаешь – и в Маньцзяне мне пришлось брать работу над пьесой на себя.

Ли Дон Бэк то и дело приносил мне газеты, журналы, брошюры, выходящие в Корее, чтобы я мог использовать их в литературной работе.

Это давало мне возможность детально знакомиться с политическими событиями, социально-экономическим положением в стране, с миром литературы и искусства.

Прогрессивное движение литераторов и деятелей искусства того времени, вообще говоря, по своему содержанию и форме было проникнуто духом любви к Родине и нации, то есть стремлением отстаивать и развивать национальное, вопреки политике японских империалистов, нацеленной на уничтожение корейской национальной культуры.

В годы колониального владычества японского империализма прогрессивная корейская литература, выполняя роль проводника, вносила в сознание людей дух любви к Родине и нации, дух самостоятельности и независимости, ориентировала ход развития драматургии, кинематографии, музыки, изобразительного искусства, хореографии и всех других видов искусств, определяла содержание художественных произведений.

Литературное движение прогрессивных писателей, именуемое «литературой группы нового направления», породило в 1925 году Корейскую ассоциацию пролетарских писателей (КАПП). С ее созданием прогрессивная литература Кореи способствовала развитию пролетарской литературы и искусства, представляющих и защищающих интересы рабочих, крестьян, трудящихся масс. Задали тон Ли Ги Ен, Хан Соль Я, Сон Ен, Пак Сэ Ен, Чо Мен Хи и другие талантливые писатели КАППа. Благодаря их труду корейская литература сумела создать немало впечатляющих произведений, пользующихся любовью народа. В их числе – «Родина», «Сумерки», «Отказываюсь от всех встреч», «Горная ласточка», «Река Рактон» и другие.

Кое-кто из писателей с величайшим трудом преодолевал жизненные тяготы, торгуя рисовой похлебкой с фасолью на перекрестке сеульской улицы Чонро. Но они находили в себе силы написать замечательные произведения, которые становились духовной пищей для людей, их проводником в жизни. Каждое из них служило как бы зарядом, угрожающим жестокому колониальному режиму японских империалистов.

Там, где звучали голоса писателей КАППа, как правило, протягивались черные щупальца японских войск, полицейских, тайных агентов, которые лезли вон из кожи, чтобы обрушить кровавые репрессии на «идеологических преступников». Чем громче были голоса писателей, тем жестче сжималось кольцо вражеской петли. Двукратные свирепые вихри повальных арестов вынудили КАПП, к великому сожалению, прекратить свое

существование в 1935 году, когда отмечалось ее 10-летие.

Писатели КАППа стояли перед дилеммой: принимать так называемую «национальную литературу» – ренегатскую, навязываемую им империалистами Японии, или совсем бросить перо. Большинство из них сумели сохранить свою совесть прогрессивного литератора. Так, Ли Ги Ен, кормясь подсечным земледелием в глубоком ущелье гор Внутренний Кымган, сберег неизменным свой облик не потерявшего совесть интеллигента, писателя-патриота, безгранично любящего Родину и нацию. То же самое можно сказать и о Хан Соль Я, и о Сон Ене. Они еле-еле сводили концы с концами, но не изменили своим убеждениям.

Японские империалисты распустили КАПП, но никакими силами им не удалось сломить присущий корейской литературе непреклонный дух сопротивления. Они не смогли перерезать жизненную артерию той литературы, которая прорастала и буйно росла на почве любви к Отечеству и нации.

Литераторов КАППа постигла участь тюремных узников или высланных в горную глушь. И в то же время в едином строю с антияпонскими революционерами – интеллигентами мастера пера на северной пограничной окраине страны, корейские писатели-эмигранты в красных районах Внутреннего Китая и в социалистической Стране Советов создали животворную, боевую революционную литературу – такую, которая активно служит корейскому коммунистическому движению и великому делу национального освобождения.

Они выразили всю полноту своей любви и сочувствия к борцам против японских захватчиков, ведущим кровопролитные бои в дремучих лесах, на крутых горах Пэкту и на просторах Маньчжурии. Они с гордостью восхваляли этих борцов как любимцев всей нации.

Романистка Кан Ген Э, впоследствии ставшая широко известной как. автор романа «Проблема человека», написала в Лунцзине повесть «Соль», в которой нашло отражение движение жителей Цзянъдао за оказание помощи армии.

Наше внимание привлекло к себе творчество поэтов Ли Чхана и Ким Рам Ина, работавших в пограничном районе.

Когда мы вышли на рубежи Западного Цзяньдао, Ли Чхан, находясь в Самсу и Хесанчжине, что на берегу реки Амнок, с чувством безграничной привязанности к КНРА написал яркие

лирические стихи, такие, как, например, «Снежная ночь в Посоне».

Ким Рам Ин в ноябре того года, когда мы создали в Дунгане Лигу возрождения Родины, основал в Чунганчжине, напротив Линьцзяна через реку, литературно-художественный журнал единомышленников «Поэтическое творчество». На его обложке было изображено красное знамя. Поэт опубликовал немало стихов революционного содержания. Они выражали симпатию к антияпонской вооруженной борьбе и сокровенное чаяние независимости Кореи. Типография, находившаяся в его ведении, тайно напечатала и прислала нам 2000 экземпляров «Программы ЛВР из 10 пунктов».

Некоторые писатели, вдохновленные боевыми успехами КНРА, намеревались присоединиться и к ратному делу. Так, романист Ким Са Рян решил служить в армии и исходил весь простор Маньчжурии в поисках нашего отряда. Так и не сумев найти его, писатель перешел в Яньан. Там он написал обширные путевые записки «Десяток тысяч *ли* на кляче».

В годы строительства новой Родины и великой войны против американских агрессоров наша литература подарила читателям такие удачные произведения, как «Гора Пэкту», «Гром», «Корея сражается», «Стальной отряд молодежи» и так далее. И вовсе не случайно, что их написали те литераторы, которые до освобождения страны состояли в революционных организациях или намеревались стоять в боевом строю. Хотя им самим не удалось сражаться в составе нашего вооруженного отряда, но они, твердо взяв в руку перо с чувством, будто берут ружье, внесли солидный вклад в просвещение нации. Благодаря таким писателям мы сумели за короткий срок сразу же после освобождения страны построить новую культуру, соответствующую вкусам корейцев.

Патриотически настроенные деятели искусства, передовые деятели нашей страны начали прокладывать непроторенный, трудный путь и к строительству киноискусства. Они рассуждали так: «Если Япония развивает кинематографию, то почему бы нам, корейцам, не создать свое кино? Давайте выпустим массу кинопроизведений, как в передовых странах, будем служить интересам народных масс и продемонстрируем всему миру нашу способность быть самостоятельными и в области киноискусства». Ра Ун Гю[3] и другие деятели искусства, не потерявшие свою совесть, выпустили «Ариран» и другие кинопроизведения, носящие

ярко выраженный национальный колорит. В этих работах проявился большой художественный потенциал мастеров искусства Кореи.

20-е и 30-е годы были тем периодом, когда из недр различных сфер литературно-художественного творчества извергалось, как лава из вулкана, страстное стремление сохранять, спасти от захирения национальную самобытность и развивать национальное, вопреки мутному потоку японского влияния, пропаганды самурайского образа жизни.

В ту самую пору танцовщице Чвэ Сын Хи удалось осовременить национальную хореографию Кореи. Она глубоко изучила танцы – фольклорные, монашеские, шаманские, дворцовые, кисэновые, находила одно за другим изящные танцевальные движения, богатые национальной окраской, и тем самым способствовала закладке основ для развития современной национальной хореографии Кореи.

К тому времени наша национальная хореография пока еще не достигла стадии сценического воплощения. На театральных подмостках были представлены произведения вокальной, инструментальной музыки, искусство образной речи, но не было случая выступления с хореографическими номерами. А тут Чвэ Сын Хи усовершенствовала танцевальные движения и на этой основе начала создавать произведения хореографии, созвучные чувствам современников. С той поры положение изменилось: хореографическое творчество наряду с другими родственными видами искусства заняло свое достойное место на сцене.

Танцы Чвэ Сын Хи вызвали широкую волну откликов не только в Корее, но и в считающихся цивилизованными Франции, Германии и других странах.

Во время нашего похода в Западное Цзяньдао в Корее случилось сенсационное событие так называемый «инцидент с вычеркиванием японского государственного флажка с изображением солнца». Весть эта долетела и до подножия гор Пэкту. Произошло вот что: редакция газеты «Тонья ильбо», печатая заметки о Сон Ги Чжоне, золотом призере по марафонскому бегу на Летних Олимпийских играх в Берлине в августе 1936 года, заретушировала на снимке японский флажок с изображением солнца, прикрепленный к груди бегуна.

Разъяренные власти генерал-губернаторства объявили о

прекращении издания газеты и бросили за решетку причастных к делу. Получив весть об этом, мы выступили с лекцией, на которой рассказывали о спортивных успехах Сон Ги Чжона в соревновании и об инциденте с исчезновением японского флажка. Прослушав лекцию, все бойцы нашего отряда выразили горячую поддержку и солидарность с патриотической позицией и смелыми действиями редколлегии «Тоньа ильбо»...

Когда текст «Моря крови» был завершен, я показал его «старику с трубкой». Прочитав пьесу, он сказал: «Ух ты! Все в порядке». И, прочертив дугу в воздухе пачкой листов рукописи, выбежал на улицу.

О некоторых эпизодах постановки спектаклей в Маньцзяне уже немало сказано в заметках о походе по местам боевой славы и в воспоминаниях участников антияпонской борьбы. Однако, в них, по-видимому, некоторые детали изложены неточно или совсем опущены: память подводит. Особенно жаль, что совсем не упоминается труд Ли Дон Бэка.

«Старик с трубкой» взял на себя режиссерскую работу. Он немало помучился уже с самого начала – с подбора артистов. Никто, например, не хотел играть роль начальника вражеской карательной экспедиции. Шли бесконечные споры. Наконец, с величайшим трудом роль была поручена командиру роты Ли Дон Хаку, человеку порывистого характера. Роль матери Ыль Нама отводилась сначала Чан Чхоль Гу, а потом перешла к Ким Хвак Сир. Роль дочери ее, Кап Сун, должна была исполнять Ким Хе Сун. Не меньше, чем при подборе актера на роль начальника карателей, затруднял Ли Дон Бэка выбор кандидатуры на роль Ыль Нама, младшего брата Кап Сун, мальчишки лет десяти. В отряде не было ни одного человека столь маленького роста, которому подошла бы такая роль. Пришлось пригласить мальчика из села Маньцзян.

В режиссерской работе «старику с трубкой» довелось пережить много волнений. Он думал, что при работе над ролями больше всего ему доставит хлопот тот малыш, которому поручили роль Ыль Нама. Однако, к его удивлению, этот деревенский мальчуган как никто другой чутко улавливал замысел постановщика.

А вот взрослые не ахти как справлялись со своими ролями. Это сильно огорчало Ли Дон Бэка. Едва выйдя на сцену, почти каждый исполнитель терял голову, не знал, как вести себя, как держаться.

Даже Ким Хе Сун, столь сметливая и чувствительная, на

репетициях говорила словно не своим голосом, и между бровями застывала складка. В момент, когда по ходу действия ей следовало заплакать, она накрепко смыкала уста. Ли Дон Бэк пускал в ход весь арсенал приемов – то уговаривал ее, то хвалил, а то и злился. Но никакого толку не выходило.

Ким Хе Сун не проявляла своего «актерского» мастерства, и все-таки каждый ее выход замечали. Почему – непонятно.

В детстве эта женщина не получила нормального школьного образования: не было денег на обучение. Что услышит и увидит из-за изгороди школы, то и усвоит. Так она училась грамоте и пению – можно сказать, просила милостыню в учебе.

Я напоминал ей детали из пережитого ею на Родине и в Цзяньдао. Я говорил: «Эта пьеса – рассказ о жизненных тяготах таких же людей, как и ты, Ыль Нам, сраженный пулей япошек, – это твой родной братишка. Подумай: на твоих глазах безжалостно убит братишка, который совсем недавно звал тебя: «Сестра, сестра!» Так почему же у тебя, сестры, сердце не обливается кровью гнева?!»

С того момента ее игра совсем изменилась.

Я намылил голову Ли Дон Хаку. Ибо он «старику с трубкой» объявил: «Не могу подражать манере командира карателей. Боюсь – как бы мой язык не привык к грубостям. Лучше бы приказать мне пленить этих мерзавцев. Тогда их целую кучку захвачу». Я же вразумлял его: «Твоя боевая задача – отменно исполнить роль начальника карательного отряда». Что ж, ему нужен приказ. Чтобы больше не придирался к порученной роли...

В село мы, партизаны, прибыли только с ружьями и вещмешками на плечах. А тут вмиг устроили импровизированную сцену и на ней показали спектакль. Подобного зрелища маньцзянцам до этого ни разу не доводилось смотреть. Публика просто не смогла скрыть своего удивления.

Когда на сцене разыгрывалась такая же картина жизни, тяготы которой испытали сами зрители, они со стесненным сердцем втягивались в мир драмы и, наконец, то проливали слезы вместе с Кап Сун, то восклицали вместе с героиней матерью. Один старик, позабыв, что смотрит пьесу, вскочил на сцену и с силой ударил длинной курительной трубкой из бамбука по лбу Ли Дон Хака, исполнителя роли главаря японских карательных войск.

Это была премьера нашей пьесы «Море крови». В тот день жители Маньцзяна всю ночь не сомкнули глаз. Простодушные горцы далеко за полночь перед коптилкой обсуждали пьесу. Из домов доносились громкий говор, смех и хохот рассказчиков и слушателей.

В ту ночь я долго расхаживал по проселку в росистой мгле. Никак не мог уснуть – говор, смех, ощущение дыхания сельчан. Они рассказывали друг другу о спектакле, громко радуясь и восторгаясь.

Я просто не мог не изумиться великой силе искусства. С точки зрения современника наш спектакль в Маньцзяне, я бы сказал, был весьма незатейлив. И было удивительно, что вся публика, увлекшись тем немудреным произведением, плакала, улыбалась, замирала сердцем, хлопала в ладоши и топала ногами.

В то время я, прохаживаясь по проселочной дороге в Маньцзяне, невольно размышлял: «Что бы они делали в этот час, если бы мы здесь не поставили спектакль? Рано вечером, наверное, они погасили бы свет, собираясь заснуть, или уже крепко спали бы, как сказал староста Хо Рак Е. Теперь в этот час в домах Маньцзяна горят огоньки коптилок. Значит, мы принесли в это село светоч? Даже если бы мы привезли сюда сотню мешков риса, они так не взволновались бы». Спектакль в Маньцзяне оказал воздействие на не тронутых образованием молодых и старых людей горного селения, открыл им глаза. И они стали новыми людьми – активно участвовали в антияпонской революционной борьбе, всемерно помогали ей. После спектакля немало молодых сельчан, вскочив на сцену, страстно заявили о своем желании стать под ружье. Маньцзян явился одним из мест, где много людей пошли в армию, одной из надежных баз нашего интендантского снабжения.

Насколько глубоко врезался в память маньцзянцам тот спектакль? Для ответа на этот вопрос вполне достаточно следующего факта. Более двадцати лет спустя побывала в Маньцзяне группа экскурсантов по местам революционной и боевой славы. Тогда местные жители, насколько мне известно, живо вспоминали не только место представления спектакля, но и имена действующих в пьесе лиц, детали сюжета, даже некоторые фрагменты диалога.

С помощью представления «Моря крови» идейно-эмоциональный заряд революционной армии, образно говоря, переливался в умы и сердца, в плоть и кровь зрителей – обильным потоком, как полноводная река Маньцзян.

Искусство периода антияпонской революционной борьбы можно кратко охарактеризовать так: это – свет, рассеивающий завесу тьмы, это бой барабана, зовущий людей к борьбе. Думается, мы все-таки правы, когда приравниваем художественную деятельность к «пушкам-барабанам»,

Наверное, сходное призвание и у современного искусства. Его основная миссия – нести человеку настоящую идею, настоящую мораль, настоящую культуру, обязательные для того, чтобы он жил по-человечески, самостоятельно.

Наши товарищи были люди действительно большого ума. Говоря об искусстве, следует иметь в виду то, что оно – дело благородное, но отнюдь не таинственное. Факты свидетельствуют о том, что народ является не только обладателем искусства, но и его настоящим творцом в истинном смысле этого слова.

Представление пьесы «Море крови» заметно способствовало обогащению партизан в идейно-культурном и эмоциональном отношении.

В первые дни после освобождения страны ко мне в дом пришли в гости писатели. Тогда я вспомнил о художественной деятельности в Маньцзяне и сказал им: «Когда мы воевали в горах, у нас не было ни профессиональных писателей, ни деятелей искусства. Как жаль! Нам приходилось самим делать все – сочинять музыку, писать пьесы, режиссировать. Теперь же вы хозяева. Создавайте хорошие произведения и окрыляйте народ, поднявшийся на строительство новой Кореи».

Да, даже одно хорошее художественное произведение, будь то стихотворение или пьеса, повесть, роман или рассказ, захватывает сердца тысяч, десятков тысяч людей. Революционная песня пулей бьет врага даже там, где до него не дотянешься штыком. Такова истина, к которой мы пришли в оценке литературно-художественной деятельности в годы антияпонской революционной борьбы.

Процесс революционного пробуждения людей, можно сказать, и есть процесс укрепления их симпатии к революционным идеям, усиления их воздействия на людей. Одним из самых действенных средств воздействия на души людей являются литература и искусство.

Как-то на встрече с японкой Одака Ёсико (Ли Сянлань), видной певицей и бывшим членом палаты советников Японии, я сказал ей:

человеческой жизни сопутствуют и песня, и танец. Где люди, там должна быть жизнь, а где жизнь – там и искусство. Как же мир без искусства называть человеческим миром?! Как же жизнь без искусства считать человеческой жизнью?!

Вот почему я говорил и говорю людям: любите литературу и искусство. Больше того, я говорю народу страны: «Умейте и созидать литературу и искусство, и пользоваться ими!»

Мы сотворили на родной земле царство искусства, получившее мировое признание, где все поют и танцуют. Такова была у нас сокровенная мечта, страстное желание в те дни, когда мы показали пьесу «Море крови» на скромной импровизированной сцене Маньцзяна, при свете лучины и керосиновой лампы.

Теперь везде в стране воздвигнуты великолепные театры, кинозалы и дома культуры на сотни, тысячи мест в каждом. Каждая провинция имеет институт искусств. Хочется, чтобы в этих дворцах наши потомки свободно пели те песни, которые не допели представители старших поколений. Надеюсь, что они будут продолжать художественное творчество, не потерявшее высокого пафоса тех дней в горах Пэкту.

Пьеса «Море крови» ныне называется вполне по-корейски, а вначале ей было дано иероглифическое название – «Хельхэ». После представления этой пьесы в Маньцзяне сами зрители и те. кто был причастен к постановке, как бы продолжали в разных местах поставить ее на сцене, называя спектакль то «Хельхэга», то «Хельхэчжичхан». Понемногу фабула и имена действующих лиц произведения кое в чем изменились, а кое-где местные жители, по-видимому, заменяли сюжетные штрихи более близкими их жизненному опыту.

Вслед за «Морем крови» мы поставили на сцене пьесу «Судьба охранника». В творческую группу включились, как бы соревнуясь, те партизаны, которые раньше не принимали участия в представлении «Моря крови».

После освобождения страны наши писатели, деятели искусства нашли все произведения, прозвучавшие в Маньцзяне.

Товарищ Ким Чен Ир определил драматургические произведения, созданные нами в годы антияпонской революции, как начало, как исток наших революционных пьес и революционных опер. Он энергично добивался их претворения в кинофильмы,

романы, оперы и пьесы. Так на основе того, что было создано нами в те годы, рождены революционные кинофильмы, революционные романы, оперы типа «Моря крови», пьесы типа «Молельни». По примеру антияпонских партизан выработан новый стиль художественных выступлений.

Когда «Море крови» было впервые экранизировано, мне вспомнилась та керосиновая лампа, что висела над простой сценой в Маньцзяне. Всплывали в памяти и жители того края, те взволнованные зрители, которые, сидя на соломенных матах, то сияли улыбками, то проливали слезы.

Хотелось бы еще раз увидеть лица тех незабываемых людей, которые горячо поздравили нас с удачным представлением «Моря крови» в Маньцзяне.

С той поры прошло более полувека. Значит, тех, кто был в то время стар, уже нет в живых. Но кое-кто из моих ровесников и тех, кто тогда был в детском возрасте, возможно, еще живет в Маньцзяне. И тот мальчик, выступавший в роли Ыль Нама, оказался бы пожилым человеком лет шестидесяти, если он жив.

4. Женская рота

Ли Гван Рин, героиню Армии независимости, корейцы одно время называли «одним-единственным красным цветком на зеленом просторе». Однако на этом «зеленом просторе», символизирующем бесчисленное множество борцов против японских захватчиков, и прежде всего партизан, появились сотни, тысячи благоухающих «красных цветков», выращенных нашей нацией.

Матери и дочери родной страны, охваченные пламенным чувством патриотизма, несмотря на большие физические тяготы и душевные муки, которые и мужчинам не всегда под силу, ни на шаг не отступали от революционного курса, отдавали священной борьбе за изгнание японских оккупантов с родной земли все свое – и молодость, и жизнь, и семью.

Размышляя об этих славных женщинах-борцах, я прежде всего вспоминаю женскую роту, сформированную почти одновременно с главной дивизией КНРА весной 1936 года.

После Наньхутоуского совещания мы направились в горы Пэкту. Как раз в это самое время шло формирование, вместе с новой главной дивизией, отдельной женской роты. Это, я бы сказал, поразительное событие стало предвестием быстрого расширения, укрепления партизанских отрядов и нового подъема антияпонской вооруженной борьбы в целом.

Рождение женской роты было делом большой важности. Оно означало, что на передовую линию революционной борьбы полноправно вышли наши корейские женщины, которые веками в оковах феодализма были заперты в четырех стенах.

Сейчас, когда мы говорим о социальном положении женщин, пускается в ход выражение: «Женщины – одна из колес повозки, именуемой революцией». Однако в годы антияпонской революции мало кто соглашался с такой оценкой. Не будет преувеличением, если скажу, что почти никто не представлял, как это женщины могут наравне с мужчинами с оружием в руках вести длительную вооруженную борьбу.

Откровенно говоря, и я вначале считал нецелесообразным привлечение женщин к армейской службе. Мне думалось, что они физически слабее мужчин и что представительницы слабого пола не вынесут на своих плечах всю тяжесть партизанской борьбы.

Нам, конечно, было известно, что в прошлом отдельные женщины в сражениях с иноземными захватчиками совершали подвиги, поражавшие весь мир, и что впоследствии легенды об их ратных делах стали предметом изумления в людях. Широко известны рассказы о героических свершениях женщин-патриоток. Среди них, например, известная пхеньянская *кисэн* (женщина, услуживающая на пирах, – ред.) Ке Воль Хян. Благодаря ей потерял голову вражеский командир Кониси. И еще женщина Рон Гэ из Чинчжу.

Читатели «Исторических записей Имчжинской войны»[4] хорошо знают, насколько жаркой была битва за Хэнчжусанскую крепость и какую большую роль сыграли в ней женщины. Крепость находилась в уезде Коян провинции Кенги. Под командой военачальника Квон Рюра корейские войска, заняв позицию на берегу реки тылом к воде, вели неравные бои с более чем 30 тысячами самураев, окружившими крепость. Сражались они не на жизнь, а на смерть. Местные женщины в подолах своих юбок без устали подносили корейским воинам груды камней, которые потом обрушивались на головы врагов. Их «патриотические юбки» короткой длины впоследствии стали красивыми передниками, их и ныне все домохозяйки в Корее носят на кухне или просто как часть наряда. Такую юбку-фартук называют «хэнчжуским передником» как раз потому, что фасон ее зародился в сражении за Хэнчжусанскую крепость.

Широко известны и рассказы о девушке Соль Чжук Хва. В годы существования государства Корё она в мужском наряде бросилась на поле сражения с агрессорами-киданями и совершили славные боевые подвиги.

История повествует о ратных делах отдельных героических женщин, таких, как Соль Чжук Хва. Но на ее страницах почти трудно найти пример, когда бы созданный из одних только женщин боевой отряд смело шел в сражения и вступал даже в рукопашные схватки.

В нашей партизанской войне женщинам приходилось быть не только сестрами милосердия, швеями и поварихами, выполняя вспомогательную роль, но и одновременно нести обязанности

обычного бойца. Раз в армии состоят женщины, то им приходится жить по жестоким законам войны. Война не делает снисхождения представительницам слабого пола. Если обстоятельства велят, то приходится наравне с мужчинами идти несколько суток форсированным маршем, неся на себе тяжелое снаряжение, воевать под градом пуль, лежа на замерзшей земле, а порою вступать в рукопашные схватки. Могут послать их во вражеский район – для подпольной работы или для приобретения продовольствия. Бывает, приходится заниматься землеройными работами, да еще в трескучие, пронизывающие морозы. Сколько еще воевать – несколько годков или десятки лет, живя под открытым небом, в зимней стуже, – никому неизвестно. Сумеют ли женщины перенести все это? Позволительно ли втягивать женщин в такой смертельный круговорот? Сколько ни объясняй это суровой необходимостью – все равно не мог решить.

Среди вовлеченных в наше движение еще с гиринского периода было немало женщин, которые выразили мне свою готовность служить в армии. И в их числе – Хан Ен Э. Она со слезами на глазах просила меня взять ее в партизаны. Однако я, уходя в Восточную Маньчжурию, оставил ее в Северной Маньчжурии против ее воли. Помнится, среди выходцев из Общества детей Гирина были девушки, которые, горя стремлением служить в армии, следовали за нами до Дуньхуа. Одна из них послала нам из Средней Маньчжурии письмо, в котором выразила свое желание вступить в армию. Просьбы были настоятельные, полные духом патриотизма, но я не мог удовлетворить их.

«Желание женщин участвовать в вооруженной борьбе – чрезмерно. Это дело мужское. У них, женщин, есть свои занятия. Вывести их из домашних задворок на арену социальной революции – это дело, конечно, достойное. Но как можно требовать от них вовлекаться в самое пекло вооруженной борьбы?» – такие мысли в то время не раз возникали у меня.

По мере развертывания подготовки к вооруженной борьбе и создания в разных местах партизанских отрядов все громче звучали голоса женщин, которые жаждали служить в армии. Многие из женщин, состоявшие в подпольных организациях, что ни говори, по своей воле шли в партизаны и упрямо гнули свою линию – без всякого разрешения оставались в отрядах.

Такая ситуация побудила нас официально рассмотреть вопрос о вступлении женщин в армию.

Когда об этом зашла речь, некоторые из числа женатых, с порога отрицали такую возможность. Они говорили: «Женщинам к лицу дела внутри семьи, а мужчинам – дела вне дома. Таков обычай наших предков. Факт, что одно время Ли Гван Рин с пистолетом на поясе ходила вместе с бойцами Армии независимости. Но это одна из тысячи, не больше. Как же обычным женщинам ходить по крутым горам и партизанить, если это трудно даже мужчинам? Вывести женщин на поля войны – авантюра». Некоторые были еще категоричнее, заявляя, что вопрос о службе женщин в армии не стоит и обсуждать.

Однако Чха Гван Су и другие товарищи сразу же отвергли подобные доводы. «...В истории человечества долгие века существовал матриархат, – говорили они. – Было, значит, время, когда мужчины жили в тени матриархата, под защитой женщин. Вы признаете это? И еще: окажутся дети в огне – первыми бросятся в пламя пожара женщины. Как же им ныне сидеть сложа руки, ведь страна – в море кровавых слез? Женщины хотят идти в армию. Так просят сами наши сестры. Это – зов времени. Помните об этом...»

Участники дискуссии не находили общего языка, спор буксовал. Мы решили создать партизанские отряды вначале из молодых мужчин, а уж затем, изучив складывающуюся ситуацию, еще раз обсудить этот вопрос.

Проблема эта, отложенная в долгий ящик, нашла вдруг свое решение при всеобщем одобрении – без всякой сшибки мнений. Поводом к тому послужила весть о женщинах Цзяньдао, которые развернули борьбу за захват оружия у врага. До нас долетела радостная весть: отважные, смелые две женщины из уезда Хэлун отняли у японского полицая винтовку, сразив его ударом валька (инструмент для стирки белья – ред.). Эта весть заставила замолчать тех, кто был против приема женщин в армию. То было время, когда все Цзяньдао взялось за приобретение оружия.

Ким Су Бок – совсем молодая 18-летняя девушка. Организация убедила ее, что очень важно раздобыть оружие. Ее не покидала мысль: «Как это сделать?» И вот однажды она вместе со своей закадычной подругой, неся на голове корыто с бельем, пошла на место стирки возле моста из жердей через речку. Затяжными дождями несколько дней назад жерди унесло, на речке торчали одинокие столбики. Целый день девушки ждали удобного случая,

делая вид, что стирают белье. Перед закатом солнца появился, наконец, японский полицай и крикливо скомандовал девушкам перенести его на спине на тот берег. Ким Су Бок, неся на спине полицая, ступила в воду. Подруга следовала за ней, как бы поддерживая полицая. Посреди реки негодяй задрыгал ногами – мол, обувь у него в воде. Тут же Ким Су Бок, сбросив с себя в реку негодника, ударила его вальком по голове... Расправившись с врагом от имени убитых родителей, обе девушки с оружием в руках вступили в антияпонский партизанский отряд. Это было летом 1933 года. С той поры к Ким Су Бок прикрепилось прозвище «стиральный валек».

И женщина Пак Су Хван, служившая впоследствии в нашей главной части начальником швейного отряда, тоже вальком сразила вражеского солдата и отняла у него ружье. Был и такой пример, когда несколько женщин, договорившись заранее, «угостили» полицейских самогоном и одним махом захватили несколько ружей.

Добытое ими оружие было ярчайшим, ничем не заменимым свидетельством того, на какую духовную высоту поднялись наши женщины, какой твердой волей они обладали. В северном приграничном районе Кореи и различных местах Маньчжурии женщины вступали в боевые отряды со своим оружием, отнятым у врага.

О чем говорят эти, я бы сказал, необычайные поступки женщин и столь значительные перемены в их духовном мире? Прежде они умели только выращивать зелень да сетовать на свою судьбу. А что побудило их смело порвать веками сковывавшие их путы феодализма и принять участие в вооруженном сопротивлении врагу? Ответ тут один: они не могли жить иначе, они вынуждены были подняться с оружием в руках. Таков был вывод, вытекавший из суровой жизни корейских женщин.

Из поколения в поколение женщины наследовали сковывающие кандалы обычаев и обиды. Одним из тягчайших преступлений феодального общества Кореи было то, что идея об уважении к мужчинам и презрении к женщинам провозглашалась как официальный моральный кодекс, узаконивающий оскорбление и унижение всех женщин, стоящих якобы ниже человеческого достоинства. Женщина в семье жила на положении прислуги. У нее были в основном только обязанности – рожать детей, готовить

пищу, обрабатывать поле, прясть, ткать... Кожа на руках грубела от работы – становилась жесткая, как гусиные лапки. Лишишься в молодости мужа – станешь вдовой до скончания века. Была угроза быть проданной за долги.

Японские империалисты, оккупировав Корею, дополнили все эти беды новым несчастьем, превращая женщину в инструмент хозяйства, в товар. Они ставили на корейскую женщину как бы позорное клеймо рабыни, лишенной Родины.

Антияпонская революция стала своего рода очистительной бурей, вырывающей с корнем все эти беды и безобразия. Она стала эпохальным событием, выведшим корейских женщин на путь революции. Они начали писать на родной земле свою новую летопись – не пером, не чернилами, а своей горячей кровью.

С ростом числа женщин, вступающих в отряд, мы задумались о том, как облегчить их участь. Пусть они взяли в руки оружие, но ведь женщина все равно остается женщиной. Несмотря на трудные условия партизанской войны, нужно было дать им возможность вести жизнь так, как свойственно женщинам.

После того, как в партизанский строй стали женщины, мы проявляли о них особую заботу – заботились как о родных сестрах. Оружие давали – самое лучшее, на ночлег определяли в самых тихих, уютных уголках, а из трофеев для них отбирали все самое хорошее.

Именно тогда ко мне в голову пришла мысль: «Значительно расширяя круг особой заботы о них, надо создать отдельный отряд из партизанок и тем самым унифицировать круг их жизни и военных действий». Я считал, что формирование роты из одних женщин поможет дальнейшему повышению их революционного достоинства и энтузиазма, максимально поднимет их сознательность и боеспособность и, наконец, уменьшит неудобства в жизни и быту.

«Возьмите нас в боевой состав. С оружием в руках уничтожим хотя бы несколько врагов и отомстим за погибших отцов, матерей и братьев» – так звучало в один голос желание партизанок. И в швейном отряде, и в госпитале, и в группе поварих – везде такое заветное желание высказывали все партизанки.

Мы приняли окончательное решение организовать особую женскую роту при командовании именно в то время, когда формировали в Фусуне новую дивизию.

При создании новой дивизии мы взяли за ее костяк более ста человек – из числа тех, которые были заподозрены в причастности к «Минсэндану». Среди них было немало женщин, в том числе Чан Чхоль Гу и Ким Хвак Сир.

Во все стороны разнеслась весть о том, что нами были сожжены кипы бумаг о подозреваемых в причастности к «Минсэндану» и что все вчерашние «сомнительные» личности признаны ни в чем не повинными. И к нам пришли «причастные» к «Минсэндану», скрывавшиеся до этого в разных местах. Среди них также было много женщин. В их числе – Ли Ге Сун, Ким Сон, Чон Ман Гым и другие. Многие из них пришли к нам поодиночке, как, например, Пак Рок Гым, которая явилась перед нами, неся на голове одеяло. Немало женщин вступали в армию группами вместе со многими мелкими отрядами, которые раньше отдельно действовали в Дацзяньчане и Вудаоянча и потом были зачислены в состав новой дивизии.

Когда мы пришли в тайный лагерь в Михуньчжэнь, Ким Чхоль Хо и Хо Сон Сук из швейного отряда особенно настойчиво просили нас перевести их в боевой состав. Никакие мои отговоры не действовали. Больше того, все швеи были готовы пойти с нами. Я спрашиваю: «Если вы все пойдете за нами, кто же пошьет обмундирование?» А в ответ: «У нас сколько угодно женщин. Хотя они слабые и хворают, но вполне могут заменить нас». Узнал – и оказалось: на самом деле в Михуньчжэньском тайном лагере было столь много партизанок, что еще сколько-то осталось бы и после выделения достаточного количества женщин в швейный отряд, госпиталь, в отделение питания. Пришлось бы либо зачислить остальных партизанок в боевые роты, либо принять другие меры, более эффективные. И это тоже подтолкнуло к мысли: «А нельзя ли в порядке эксперимента организовать отдельную женскую роту?»

Однако из одних партизанок Михуньчжэня сформировать полноценную роту было невозможно: личного состава не хватило бы. Я подсказал Чвэ Хену: «Попробуй создать один женский взвод, если, конечно, они, эти женщины, все-таки потребуют».

Однажды я как бы мимоходом спросил у Пак Рок Гым:

– Как думаешь, если мы создадим боевую роту только из женщин?

– Абсолютно согласна, – сразу с восторгом воскликнула она.

Однако Ким Сан Хо и Ли Дон Хак качали головами.

– Ну, создадим отряд из одних женщин. Но сумеют ли они как следует воевать? Сомневаюсь, в силах ли одни женщины справиться с полчищами озверелых самураев. Другое дело, если мужчины возьмут на себя командование ротой и взводами, – заметил Ким Сан Хо.

– Если будут командовать мужчины, то как же назвать подразделения женскими? Раз это, скажем, рота женская, то и командовать ею надо поручить женщине, – не согласился я с его мнением.

– Сомневаюсь, можно ли так делать?

– Вы-то сами, командиры, окончили разве какое-нибудь военное училище или военную академию?

Ким Сан Хо умолк, но, видимо, ему по-прежнему не все было ясно и понятно. А Ли Дон Хак с недоумением бормотал под нос: «Женская рота, женская рота...»

Когда мы в разговоре поставили вопрос о женской роте, Ким Чжу Хен просто ахнул: «Образуй роту только из одних женщин и пошли ее в бой – не миновать поражения. Что тогда станет с престижем КНРА?»

К апрелю 1936 года, когда у нас под Маньцзяном подготовка к созданию женской роты была в самом разгаре, перед нами, откуда ни возьмись, появился один смешанный отряд – из мужчин и женщин. Отряд был только по названию смешанным, но мужчин в нем было всего четверо или пятеро. Остальные – женщины. В их числе: Ким Чхоль Хо, Хо Сон Сук, Чвэ Чжан Сук, Хван Сун Хи и другие.

Я спросил Ким Чхоль Хо: какими судьбами она попала сюда, оставив больного товарища Чвэ Хена? И услышал в ответ: именно он послал ее сюда.

Стряхнув с себя болезнь, Чвэ Хен встал с постели, рассказывала она. Партизанки все время настойчиво просили его перевести их в боевой состав. И он сформировал небольшой отряд из наиболее упрямых просительниц, отобрав, конечно, физически самых здоровых партизанок, и отправил их ко мне, сказав при этом, что дальше все будет в порядке. По всей видимости, он решился переложить все хлопоты с партизанками на наши плечи, передав вопрос об их судьбе в наше распоряжение.

Небольшой женский отряд, в котором состояла и Ким Чхоль Хо, возглавлял совсем зеленый боец, которого звали «товарищ Чо». Почему-то неестественным выглядело, что возглавляет тот женский

отряд новобранец, похожий на цыпленка. Я стал выяснять, в чем тут дело. «Мы же женские юбки, – недовольно буркнула Хо Сон Сук, – не в чести у товарища Чвэ Хена. Только и знает заставлять нас варить кашу. Не позволено нам начальствовать».

Помощником начальника того женского отряда был тоже совсем юный, невысокого роста, новобранец Тхэ Бен Рер.

Однако фактически направляла и вела отряд высокорослая крепкая женщина Чвэ Чжан Сук. Она носила на спине, кроме винтовки и вещмешка, чугунный котел с полным мешком зерна, кухонную утварь, даже топор и пилу. Вижу: груз у нее больше, чем она сама. По объему ноши не уступала ей и Хо Сон Сук. До той поры в своей партизанской жизни я, честное слово, еще не видел среди мужчин и женщин таких, которые несли на себе столь много груза, как эти две женщины. Я помог Чвэ Чжан Сук свалить с себя груз, такой тяжелый, что и мне было трудно.

– Вишь, какая ты богатырка! – восхитился я.

– Сестра эта, знаете, за один прием съела сто пельменей. За один присест сразу шестьдесят, а потом, после караульной службы, еще сорок. Но все пошло нормально, все переварилось. Вот какая она богатырка! – проронил Тхэ Бен Рер.

Вмиг взорвался общий смех.

Бросив на него колкий взгляд, Чвэ Чжан Сук заявила, что это чистейшее вранье.

– Чего тут врать? – Я заступился за Тхэ Бен Рера. – Не справишься за один прием с сотней пельменей – как же нести такой груз?

Опять разразился общий смех.

В тот день я потихоньку организовал «состязание по силе» между партизанами – мужчинами и женщинами.

Я вызвал одного партизана, общепризнанного силача-медведя, и первым делом попросил его нести на себе вещмешок, который с себя сняла Хо Сон Сук. Он, как говорится, рос и мужал с мотыгой. В районе Ванцина слыл первоклассным игроком в национальной борьбе *сирым*. Этот обжора, любитель паровых хлебцов из клейкого риса, за один присест проглотил тридцать пять хлебцов, и то только с водой.

Он легко поднял груз Хо Сон Сук. Я положил ему на плечи два старинных ружья «Таотун» и спросил, на какое расстояние он может идти без отдыха с этим грузом и ружьями. В ответ:

«По-моему, могу одолеть километра четыре безостановочно».

Потом я предложил ему нести на себе груз Чвэ Чжан Сук. С этим грузом он еле-еле выпрямился, упираясь одной рукой в землю. Я возложил ему на плечи еще два ружья того же вида и спросил, какое расстояние может пройти. Получил ответ: «Максимум километра два».

Я спросил Чвэ Чжан Сук, какое расстояние преодолела она с этим грузом. Она стеснительно улыбнулась и промолчала. За нее Ким Чхоль Хо ответила, что после боя в Дапучайхэ она с этим грузом дошла сюда без отдыха. Выслушав ее, все сделали большие глаза: от Дапучайхэ – около 40 километров, большое расстояние. Значит, в «состязании по силе» между ними победила Чвэ Чжан Сук.

Я предложил Хо Сон Сук рассказать, как воевал небольшой отряд женщин под Дапучайхэ.

Она была коренастая, крепкого телосложения, со смуглым лицом. Это была женщина с щедрой человеческой привязанностью, серьезная, молчаливая. Но то, что считала нужным, непременно высказывала – была по натуре прямая, принципиальная.

По пути к нам в небольшом женском отряде, в котором «начальником» была Чвэ Чжан Сук, кончилось продовольствие, и партизанки переживали изрядные трудности. В горном массиве они встретились с каким-то китайским антияпонским отрядом и вместе с ним внезапно напали на коллективное поселение под Дапучайхэ. В том бою они проявили не меньше боевой воли, чем мужчины.

Солдаты китайского антияпонского отряда имели хорошее оружие новейшего образца. Но, перепуганные переходом в контратаку отступившей было маньчжоугоской полиции, обратились в беспорядочное бегство. А вот женский отряд Чвэ Чжан Сук, хотя и был вооружен винтовками устаревшего образца «Таотун», здорово потрепал врага. Партизанки отбили и неприятеля, который бросился на рубеж, занимаемый китайским антияпонским отрядом.

С особой самоотверженностью храбро сражалась в тот день партизанка, стоявшая на часах. Раненная в бок пулей, она потеряла немало крови, но стойко отражала наскоки врага. Ее пули сразили одного за другим вражеских солдат. И враг попятился назад, таща за собой трупы убитых. Женщины-бойцы с громкими возгласами ринулись в атаку. Командир китайского антияпонского отряда,

обращаясь к своим подчиненным-беглецам, закричал: «Сукины сыны! Видите, как смело дерутся с врагом корейские женщины. У них же старенькое оружие. А вы что пятитесь?» Только тогда его солдаты вернулись в боевые порядки и присоединились к преследованию врага. Бой завершился победой...

Все, кто слушал рассказ о прошедшем бое, восхищались мужеством, смелостью и несгибаемой стойкостью партизанок.

Рождение женской роты официально было провозглашено в апреле 1936 года в лесу под Маньцзяном. Роту мы подчинили непосредственно командованию и лично организовали взводы и отделения. Первым ротным командиром была назначена Пак Рок Гым.

Это было первое в истории строительства наших вооруженных сил женское боевое подразделение.

Рождение женской роты стало своего рода событием. Оно сломало тысячелетиями укоренившиеся трафареты психологии и привычек уважения к мужчинам и презрения к женщинам, практически подняло духовное, общественное положение женщин на новую высоту – уравняло их с мужчинами.

Издревле уважение к мужчинам, презрение к женщинам наиболее резко проявлялось, давало о себе знать в военной среде, больше даже, чем в сфере политики. Конечно, в сфере политики женщины были почти лишены права участия в делах. Неисчислимы, однако, примеры, когда скрытая сила влияния и господства женщин над мужчинами как бы магически воздействовала на политику и политических деятелей, играя даже судьбами государств. Однако в сфере военного дела оказывались почти беспомощными и такие женщины, которые бывали в политике порой более влиятельны, чем император или военачальник. Военное дело почти оставалось монополией мужчин. Мы же осуществили равноправие женщин с мужчинами в области военного дела и практически добились раскрепощения женщин, хотя оно и ограничилось рамками нашей революционной армии.

Появление женской роты имело значение и в том отношении, что оно ясно подчеркивало общенациональный и народный характер КНРА.

То, что революционная армия имеет свою женскую роту и что ее бойцы, не уступая мужчинам, воюют на славу, стало впоследствии известно всей нации. Оно явилось важной темой обсуждений, поражающей людей мира.

Во второй половине 30-х годов выходящая в Корее газета поместила на своих страницах информацию: «В отряде Ким Ир Сена – более десятка бойцов-женщин». Статья была короткая, но она вызвала широкую волну откликов среди нашего народа.

Весть о том, что в антияпонских вооруженных отрядах женщины, взяв в руки оружие, смело борются наравне с мужчинами, с новой силой окрылила всех женщин Кореи, весь ее народ. Она пробудила множество людей в стране и за ее пределами, обнаружив у них страстное желание вступить в Народно-революционную армию.

После создания женской роты мы постоянно заботились о ней, чтобы она могла крепко стать на ноги. Мы закаляли бойцов роты в практических боях. Стремясь повысить их политический энтузиазм и сознательность, мы при каждом удобном случае беседовали с ними на темы, оказывающие воспитательное воздействие.

Когда мы остановились в Сяотанхэ, помнится, я рассказывал бойцам женской роты о А. П. Ким (Станкевич).

Ким (Станкевич) – это известная борец-кореянка, которая родилась и выросла в России и всю жизнь посвятила делу коммунизма. Родной край ее отца – уезд Кенвон (Сэпер) провинции Северный Хамген.

Окончив пединститут, она преподавала в начальной школе. Когда в России возросло число корейских эмигрантов и прибывающих на ее территорию наших соотечественников, она перестала учительствовать: находясь во Владивостоке, вела самоотверженную борьбу, защищая права и интересы корейских рабочих, живущих в разных районах России.

После свержения царя Ким (Станкевич) вступила в большевистскую партию. Оставив дома мужа и детей, она выступает как профессиональная революционерка в защиту завоеваний Октября. Занимается внешними делами в Дальневосточном бюро хабаровского комитета партии большевиков и вместе с тем активно помогает Ли Дон Хви, Ким Рибу и другим корейцам – деятелям движения за независимость страны в организации Социалистической партии Кореи.

Ее динамичная деятельность вызывала восхищение у всех корейцев, проживающих в Приморье и других районах России, встречала их активную поддержку.

Но вот на Дальнем Востоке ситуация изменилась в пользу контрреволюции. Дальневосточное бюро городского комитета партии большевиков было вынуждено покинуть Хабаровск. Она же осталась до конца и завершила все текущие дела. Отплывая на пароходе по Амуру, она, к несчастью, была опознана, арестована и расстреляна белогвардейцами. В последние минуты своей жизни она гневно бросила в лицо врагам:

– Смерть мне не страшна. Ваши дни сочтены, подлецы и злодеи! Бредовая мечта у вас, псы мертвого дома, надеяться на крушение коммунизма!

Тогда ей было 34 года.

Вместе с Ким (Станкевич) стали близкими духовными подругами наших партизанок такие славные, знаменитые женщины, как Соль Чжук Хва, Ке Воль Хян, Рю Гван Сун и Ли Гван Рин.

Со дня своего рождения женская рота неизменно приковывала к себе всеобщее внимание. Где бы ни находились ее бойцы, к ним были обращены любовь и уважение населения. Едва появлялись хотя бы вдали партизанки, женщины в фуражке с яркой пятиконечной звездочкой, с карабинами на плечах, – жители, обегая всех односельчан, кричали: «Женская армия явилась!»

Эта рота снискала себе особую любовь народа прежде всего потому, что в любой обстановке партизанки, проявляя благородную, прекрасную нравственность, вели себя достойно, искренне помогали народу и с уважением относились к нему. Находясь в любом поселке, мы могли видеть, как подметают наши партизанки двор дома хозяина, таскают воду, помогают хозяйкам мыть посуду, пропалывают огород. Жителям они показывали свои танцы, пели песни, выступали с речами, учили их грамоте.

Женская рота была гордостью, редчайшим красивым цветком Корейской Народно-революционной армии.

В первые дни своего существования женская рота, собственно, обладала не ахти каким оружием. Большинство партизанок имели винтовки устаревшего типа, некоторые были лишены и этого. Мы решили вооружить их легкими и красивыми карабинами. Однако в нескольких ближайших боях карабины нам в руки не попадались.

Однажды поступила информация, что солдаты маньчжоугоского гарнизона, дислоцированного под Синаньча, ездят верхом. По сведениям разведки, тот гарнизон строит казармы. Я решил совершить налет на эту стройку и поручил боевое задание женской роте.

Чтобы вдохновить ее бойцов, сопровождал их до подступа к стройке. Тот бой был весьма впечатляющим.

Погода была скверная – казалось, вот-вот пойдет сильный дождь. Вражеские солдаты прекратили работу, и часовой ослабил бдительность. Грянул выстрел – сигнал дала комроты Пак Рок Гым. Из засады близ стройки женщины-бойцы стремглав бросились вперед и наставили дула винтовок в грудь вражеским солдатам. Отовсюду слышались резкие крики женщин: «Руки вверх!» Один солдат противника попытался было сопротивляться, выхватив винтовку из пирамиды. Тут Чан Чен Сук ловким ударом приклада сразила его. Бой продолжался не более десяти минут. Несколько врагов было убито, остальные взяты в плен. В бою были захвачены десятки единиц стрелкового оружия. К большому сожалению, в числе трофеев не было ни одного карабина. По словам пленных, все карабины взял с собой конный патруль. Пленные просто ахнули, узнав, что на них напали и взяли их живьем партизанки.

В последующих боях женская рота совершала блестящие подвиги. И в боях в Дайне и Дунгане она показала свою особую сноровку.

В каждом бою партизанки отличались мужеством, боевым мастерством, о котором люди часто упоминали. В налете на Дайн Чан Чен Сук, экономя боевые патроны, одним ударом кулака сразила вражеского часового и открыла путь атакующим. Во время боя в Дунгане произошло просто сказочное событие: Ким Хвак Сир и еще две партизанки при тусклом свете луны, каждая сделав по одному выстрелу из винтовки, перебили телефонный провод вражеской охраны...

По словам историков, действиям женской роты было посвящено несколько документов Южнохамгенского провинциального полицейского управления при генерал-губернаторстве Кореи. В них изложены факты. Например, в первой декаде мая по лунному календарю 11-го года Сёва (1936 г.) партизанка Пак Рок Гым и другие 40 с лишним человек из отряда Ким Ир Сена атаковали маньчжоугоский гарнизон в Синаньча в уезде Фусун, что в тот же самый период они, совершив налет на Дайн, взяли в качестве трофеев более 10 винтовок и обмундирование. Есть и запись о бое женской роты в Дунгане уезда Фусун.

Каждый раз, когда вспоминаю о плеяде антияпонских революционеров, отдавших свою цветущую молодость во имя Родины,

перед взором особенно ярко встали ее центральные фигуры – партизанки женской роты, и прежде всего славные, отважные богатырки.

Первый командир женской роты Пак Рок Гым умело управляла своим подразделением. Многие соратники характеризовали ее одним словом: «богатырка».

Просто ахнул бы тот, кто услышал, что она носила рабочую парусиновую обувь нынешнего 41-го размера. Среди партизанских трофеев было немало и рабочей обуви, но столь большой размер находился редко. И потому Пак Рок Гым часто ходила в лаптях.

Имела она за своими плечами опыт женского движения – работала председателем участкового комитета Общества женщин в Ванцине. Семья жила так бедно, что при бракосочетании невеста не могла приготовить даже одеяло, и ей пришлось справить свадьбу в лохмотьях. В семье мужа Кан Чжын Рёна тоже царили бедность и нищета: родители не могли заготовить молодоженам одеяло для первой после свадьбы ночи. Муж и жена вступили в партизанскую армию в один и тот же день и час. Их зачислили в 1-ю роту Ванцинского партизанского отряда.

Однажды ко мне пришел политрук 1-й роты. Он был озабочен тем, что Пак Рок Гым только что родила, но в доме ее отца, где она находится, нет ни кусочка ткани, годного для одеяльца. Выслушав новость, я тотчас поспешил туда. Действительно, не было ничего похожего на одеяло. Отец ее, вдовец, был весь в хлопотах по уходу за роженицей. «Нагрянули военные вихри, – говорил он. – Сколько раз было опрокинуто наше жилье! И мы смутно представляем в памяти, что такое одеяло». Вижу – новорожденный ребенок закутан в лохмотья.

Я немедленно послал небольшую группу бойцов за материалами на одеяла, чтобы было чем укрыть мать и дитя и что постелить им. Партизанки-швеи работали всю ночь напролет – шили из полученной ткани толстое, мягкое одеяло. Сшили и детское одеяльце, и платье для младенца.

Пак Рок Гым и ее муж одели ребенка в новую одежонку и постелили под ним одеяло. Но они не смели пользоваться большим одеялом. Завернули его в большой платок и бережно положили на сундук. И в зимнюю стужу, когда дрожали от холода, они не позволяли себе тронуть то одеяло.

После того, как Кан Чжын Рён, назначенный одним из комвзвода

7-й роты, ушел в Аньтуский отдельный полк, Пак Рок Гым все время жила в Ванцинском отряде. Услышав, что отряд мужа зачисляется в нашу часть, она решила прийти к нам. Перед уходом из дома отца дочь решила оставить у него то одеяло, которое было приготовлено нами. Но он настоятельно уговаривал дочь взять одеяло с собой:

– Одеяло-то, говорю, вещь драгоценная. Ведь его приготовил для вас командир Ким. Ты, доченька моя, с мужем используй его.

Она пришла к нам, положив на голову узелок с одеялом, что и стало ее прозвищем. Боевые подруги и друзья звали ее вместо имени просто «узелок с одеялом».

На первый взгляд Пак Рок Гым выглядела холодной, но это была женщина глубоко сердечная, полная человеческой теплоты, общительная по характеру. И она стала подходящей кандидатурой для подпольной работы.

С учетом всего этого мы в начале 1937 года направили ее на подпольную работу в село Синьсинцунь уезда Чанбай. Ей поручили задание – помогая Квон Ен Беку и Ли Чжэ Суну, объединить в организацию ЛВР женщин района Шанганцюй в уезде Чанбай. Она добросовестно выполняла задание, но, к несчастью, была арестована врагом и брошена в тюрьму.

В своих показаниях арестантка сама взвалила на себя всю ответственность за дела других, как это делал Ли Чжэ Сун. И этим она помогла многим революционерам освободиться из тюрьмы. Когда окровавленные товарищи, истерзанные вражескими пытками, бессильно лежали на полу тюремной камеры, она поднимала их дух своими революционными песнями.

Ее, вначале заточенную в камеру Хесанской полиции, перевели в Хамхынскую тюрьму. Враги бросили ее в одну камеру с чахоточной больной. Заразись, мол, туберкулезом и умри в тюрьме. Чахоточная узница, по фамилии Ким, была арестована за причастность к делу Чонпхенского крестьянского союза. Пак Рок Гым с риском для собственного здоровья сердечно заботилась о тяжелобольной, как мать о ребенке.

Через некоторое время чахоточная, оказавшаяся на грани смерти, была отпущена на поруки из-за болезни. Зато свалилась Пак Рок Гым, заразившись чахоткой. Члены семьи той женщины, временно освобожденной на поруки, пришли в тюрьму навестить Пак Рок Гым. Они в знак благодарности взяли с собой для нее

кофту из шелка и паровые хлебцы. Однако тюремная администрация не разрешила передачу ей принесенных вещей. Их приготовила больная Ким перед самой смертью для той доброй партизанки-богатырки, которая всю жизнь проявляла столь большую заботу о других. Пак Рок Гым, даже не успев получить эти вещи, пропитанные до слез трогательной ее сердечностью, истаяла от тяжелой болезни и навеки закрыла глаза в тюрьме.

Среди наших партизанок была и Ма Гук Хва, младшая сестра Ма Дон Хи. Под влиянием Ким Сэ Ока, подпольщика нашего отряда, она вступила в партизанский отряд в Пингандэ, что в Шицидаогоу. В то время мы действовали в районе Западного Цзяньдао. Ким Сэ Ок был ее учителем и любимым парнем. Они обещали друг другу пожениться после освобождения Родины. А пока посвящали себя делу революции. Они думали, что все остальное – дело будущего.

Однажды Ма Гук Хва, повариха, на кухне черпала из котла кукурузную похлебку и раздавала ее боевым друзьям. И тут узнала, что не хватает двух порций. Если одному из бойцов отдать свою порцию, то другой все-таки останется голодным. И что же сделала Ма Гук Хва? Помешкав, она, наконец, решила просить извинения у Ким Сэ Ока. Позвала его за казарму и сказала о том, что ее затрудняет.

– Ты, Сэ Ок, извини меня. Знаешь, сегодня на ужине твоей порции не будет, тебе придется потерпеть. Очень прошу прощения.

– В чем прощения-то? Кто в таком случае будет голодать, если не я? Зато я заранее провозглашаю вот что: после освобождения Родины каждый раз за обедом буду справляться с двойной порцией, – так пошутил и, светло улыбаясь, вернулся к себе Сэ Ок.

В ту ночь Ма Гук Хва не смогла сомкнуть глаз от думы о любимом, который «поужинал» одной водой. Но она ни на миг не подумала о себе, что и сама ведь осталась голодной.

Оба они пали смертью храбрых, так и не увидев дня возрождения Родины.

После гибели Ма Гук Хва партизанки нашли в ее вещмешке кусок материи на внешнюю сторону одеяла, на которой были вышиты аист и аистиха. Это было своего рода приданое, которое готовила она в те нелегкие, суровые дни.

Где ж найти более дорогое, более горестное приданое, чем это? Партизанка сложила голову на немилом пустынном просторе, осталась на чужбине навеки со своей несбывшейся мечтой. Что же

теперь делать! Партизанки обернули тело покойной тем заветным куском ткани.

Женская рота существовала всего лишь около полугода. Но она совершила бессмертные подвиги, которые останутся навсегда в памяти Родины и которые вечно будет чтить народ.

Они, эти женщины, борцы передовой линии антияпонской революции, с оружием в руках вели кровопролитную борьбу против сильного врага – японских империалистов. Они – яркий пример корейских женщин наших дней, настоящие типичные героини, которые достойны войти в историю борьбы за освобождение человечества. Они – предтечи времени, раньше других пришли к социальному, этическому равенству женщин и ценой своей крови проложили путь к раскрепощению женщин нашей страны.

В нашу эпоху, эпоху Трудовой партии, родилось неисчислимое множество героинь, деятельниц, передовиков труда. Эти женщины восприняли революционный дух Пэкту и продолжают боевые традиции бойцов женской роты, созданные в годы антияпонской революционной борьбы. В мышлении и практических действиях героинь нашего времени, например, Ан Ен Э, Чо Ок Хи, Ли Су Док, Ли Син Чжа, Чон Чхун Сир и других, господствует дух Пэкту. Взяв на вооружение этот дух, сегодня миллионы наших женщин сооружают на родимой земле твердыню социализма, на которую никто не осмелится поднять руку.

Ныне в нашей Народной Армии имеется много женских подразделений, унаследовавших революционные традиции антияпонской борьбы. С оружием в руках стоят на страже Родины не только бойцы этих армейских подразделений. Много девушек состоит и в Рабоче-крестьянском красном ополчении, и в Красной молодой гвардии. В нашей стране, где весь народ вооружен, десять миллионов женщин, составляющие половину населения, находятся в готовности с оружием в руках идти в бой за родную землю, когда это потребуется.

Прототипом этого десятимиллионного вооруженного отряда женщин является именно женская рота, непосредственно подчиненная командованию Корейской Народно-революционной армии.

5. Пэктусанский тайный лагерь

Покинули мы Маньцзян к концу августа, когда буйно расцветали запоздалые картофельные посадки. На подсечных делянках, дождавшихся поры жатвы, вовсю шла уборка ячменя.

Отряд неслышно передвигался на юг.

Все мои боевые друзья – от полкового комиссара Ким Сан Хо до юных ординарцев Чвэ Гым Сана и Пэк Хак Рима – отлично понимали значение нашего выступления в район гор Пэкту.

С военно-топографической точки зрения ландшафты гор Пэкту, можно сказать, напоминают неприступную природную крепость – такую, что можно оборонять и одному, но не взять и тысяче. Другими словами, место для нас, обороняющихся, очень выгодное, а для врагов, которые захотят атаковать нас, весьма неудобное.

Для расширения партизанских действий не было более подходящей базы, чем горы Пакту. Именно здесь, в горах Пэкту, служили Отчизне верой и правдой, выполняя свой ответственный долг первопроходцев, Юн Гван[5] в период государства Корё, Ким Чжон Со[6] во время правления династии Ли. Воевода Нам И[7] тоже здесь, на пемзовом покрове вершины горы Пэкту, вынашивал свои великие замыслы о возможности отразить агрессию врага и добиться спокойствия в стране.

Горы Пэкту были наилучшей твердыней, на которую следовало опираться Корейской Народно-революционной армии. Именно здесь ей предстояло создавать опорные базы новой формы и развивать боевые действия в родной стране. Но нельзя было забывать и театры наших действий в Маньчжурии, доставшиеся нам нелегко. Базируясь в горах Пэкту и переправляясь через границы Кореи и Китая, пересекать вдоль и поперек пограничные районы обеих стран и всюду бить врага – таково было наше намерение.

Мы серьезно оценивали не только значение крутых гор Пэкту как военной крепости. Не менее важна для нас была и их символика. Ведь это гора-родоначальник, символ Кореи, исток

истории нации, уходящей корнями в пятитысячелетнюю древность.

С каким святым чувством взирали корейцы на нее, гору предков, – об этом свидетельствует надпись, высеченная на памятнике-скале на берегу озера Чхон (Небесное озеро) короны, что под обрывом Полководческого пика горы Пэкту. Там начертано: «В честь защиты духа дракона озера Чхон на горе Пэкту». Памятник был сооружен в начале XX века, когда судьба страны оказалась под серьезной угрозой. Он воздвигнут перевоплощенным небесным проповедником, имевшим дело с религией тэчжонгё или чхонбульгё. Высеченные на памятнике слова недвусмысленно выражают желание, чтобы дух дракона озера Чхон, покровителя горы Пэкту, принес всем людям страны вечное спокойствие.

Преклонение перед горой Пэкту – это одновременно и чувство преклонения перед Кореей, выражение любви к Отчизне.

С детства мы питаем особое чувство привязанности к горе Пэкту, преклонения перед ней, горой-родоначальником. Это, как говорится, в крови всей корейской нации. Слушая рассказы о Пу Бун Но и Ыль Ту Чжи времен расширения территории государства Когурё, заучивая наизусть строки стихотворения воеводы Нам И, насыщенные пафосом храбрости и торжественности, увлекаясь рассказами о первопроходцах-защитниках, верой и правдой служивших Родине, – Юн Гване и Ким Чжон Со, мы с детства были глубоко тронуты, очарованы патриотическим пылом плеяды наших предшественников, которым дышат горные гряды Пэкту. И это чувство росло с нами. С нашим возмужанием вершина горы Пэкту все величественнее возвышалась в наших сердцах, все явственнее становилась символом Кореи, символом великих свершений во имя возрождения Родины.

Мы понимали: базируешься в горах Пэкту – разбудишь, вызовешь все силы нации, подвинешь их на стезю Сопротивления, добьешься окончательной победы. Это понимание было итогом, закономерным выводом из опыта антияпонской революционной борьбы первой половины 30-х годов.

На пути от Маньцзяна до гор Пэкту лежит перевал Догулин, покрытый дремучим девственным лесом, в котором даже бывалым охотникам трудно ориентироваться.

Проводником отряда был Ким Чжу Хен. Его послали три месяца назад в Чанбай в качестве разведчика, и он вернулся, отлично выполнив задание. Возглавляемая им небольшая группа

выдвинулась в сторону гор Пэкту. Они разведали положение противника, изучили местные географические условия и настроения жителей, выбрали подходящие места для тайного лагеря, наметили надежный маршрут предстоящего похода нашего отряда.

Идя вдоль речки Маньцзян, мы продвинулись глубоко в горное ущелье. И, наконец, скрылись в дремучем девственном лесу перевала Догулин. По календарю лето еще не кончилось, но лиственные деревья высокогорья уже стали одеваться в багрянец. Веяло прохладой.

На пути похода через перевал Догулин мы отметили 26-ю годовщину «дня государственного унижения».

Выйдя из Маньцзяна, мы ускорили темп движения на юг. Шли так, что не выдерживала обувь... То время почти совпало с прибытием в Сеул Минами, генерала японской армии. Это был седьмой по счету генерал-губернатор Кореи. Еще до рейда в уездный центр Фусун мы узнали из газет о том, что заменил Угаки новый глава генерал-губернаторства Минами. И мы предугадали, что он прибудет в Корею почти одновременно с нашим вступлением на Родину.

То, что прибытие Минами в Сеул и вступление КНРА в район гор Пэкту совпали по времени, как-то по-особому воздействовало на наше настроение.

Всему миру известно, что оккупация Кореи Японией – акт наглого разбоя. Японцы же с первых дней оккупации изображали эту акцию как якобы законную и справедливую, хотя «аннексия» Кореи от начала до конца явилась неприкрытым разбойничеством. У разбойников имеется свойственная им философия жизни. То есть, разбойнически захватив чужое, они цинично орут на хозяина, желающего вернуть свое: «Ты разбойник!»

Наглые японские империалисты вели себя точно так же, как вор, который кричал: «Держи вора!» Сочиненные ими оскорбительные названия КНРА, такие, как «шайка бандитов», «группа конных разбойников», «коммунистическая банда», – все до одного высосанная из пальца ложь, сфабрикованы по законам подобной бандитской логики.

В мире, где царят разбойники, все, как правило, перевернуто вверх тормашками. Незваный гость Минами, бесцеремонно хозяйничая, демонстративно вступил среди бела дня в центр

столицы Сеула. А мы, подлинные хозяева страны, пробивались по бездорожью сквозь таежные дебри тайно на свою родную землю. Ну не обидно ли?!

Перевалив через Догулин, я изменил первоначально намеченный маршрут и решил идти в горы Пэкту в обход бассейна реки Амнок. Хотелось повстречаться с жителями пограничной зоны, а заодно дать выстрелы, которые услышат наши соотечественники на Родине.

Сначала мы остановились в Дэшуйгоу. В нашем отряде был один новобранец родом из Дадэшуя. За его плечами – многолетний опыт работы с молодежью. Он состоял в подпольной организации в районе Чанбая, которой когда-то руководили Ли Чжэ У и мой дядя Хен Гвон. Его звали Каи Хен Мин. В революционную армию он вступил, когда мы действовали в районе Фусуна. Часто бывал в Фусуне, занимался куплей-продажей волов, имея всегда при себе пачки опиума. В те дни по рекомендации наших подпольщиков он повстречался со мной и, наконец, вступил в партизанскую армию.

С помощью Кан Хен Мина и бойцов дозорного отряда Ким Чжу Хена мы подробно изучили настроения жителей Дэшуйгоу и его окрестностей. Среди населенных пунктов Чанбая это село было наиболее революционизированным. Жители свято придерживались традиций антияпонской патриотической борьбы, которые сложились благодаря участникам движения за независимость Кореи после Первомартовского народного восстания (1919 г. – ред.). Устои населения тоже были надежными – люди проходили школу непрерывной закалки в этой борьбе.

Это село было опорной базой отряда Армии независимости, возглавляемого Кан Чжин Гоном. Деятели этой армии, создав в селе четырехгодичную начальную школу, развертывали среди детей, молодежи, крестьян просветительскую деятельность.

И мой отец в бытность свою в Бадаогоу часто ходил в эти края.

С роспуском организаций, находившихся в ведении Армии независимости, ее движение переживало период спада. В то время вооруженная группа Ли Чжэ У под знаменем программы Союза свержения империализма (ССИ) вступила в Дэшуйгоу, вела здесь военно-политическую деятельность.

После ареста Ли Чжэ У эти места избрал опорным пунктом своей деятельности мой дядя Хен Гвон с Чвэ Хё Иром и Пак Чха Соком. Они старались сделать массы местных жителей

сознательными и организованными, благодаря чему в районе Чанбая была создана организация Пэксанского союза молодежи (ПСМ).

Учредив военно-политический учебный пункт, союз подготовил немалое число подпольщиков и будущих партизан.

И после того, как вооруженная группа Корейской революционной армии ушла в Корею и многие из руководителей союза были заточены в тюрьму, оставшиеся на свободе члены союза в условиях глубокого подполья не прекращали свою борьбу.

Мы возлагали свои надежды на массы, которые просвещены, воспитаны, революционизированы многими патриотами и коммунистами.

Когда отряд добрался до рубежа Дэшуйгоу, Ким Чжу Хен повел меня в дом к старому Рем Ин Хвану – он был его доверенным лицом, когда Ким Чжу Хен находился в дозоре.

Это был довольно бедный дом деревенского знахаря. Куда ни кинь взор - во всех уголках дома царила бедность. Хозяин дома слыл мастером иглотерапии не только в районе Дэшуйгоу. Его привозили к себе на санях и телегах люди из Чанбая, Линьцзяна, даже с другого берега реки Амнок. Он славился как врач, но не мог даже покрыть расходы на лекарства. Игра, что называется, не стоила свеч. И хозяйка, говорили, каждый раз, когда приходила пора готовить пищу, шла к соседям одолжить горсть зерна, прикрыв подолом юбки пустой черпак, сделанный из высушенной тыквы-горлянки. Все у него точно напоминало хозяйство моего дома, на котором одно время была вывешена вывеска «Лечебница» в Бадаогоу и Фусуне.

Старый Рем тут же, не ожидая моей просьбы, сам взял мою руку, пощупал пульс и поставил диагноз: переутомление и постоянное недоедание сильно подорвало здоровье. И подал мне корешок дикого женьшеня. Помню, и старик Хо Рак Е из Маньцзяна, прощаясь с нами, вручил Чан Чхоль Гу и Пэк Хак Риму несколько корешков дикого женьшеня, чтобы использовать их для укрепления здоровья.

– Слыхал, что под вашим командованием, Полководец Ким, антияпонские соединения потрепали врага в Фусуне. Говорят, многие сотни солдат японских и маньчжоугоских войск отправились к праотцам. Это правда? - спросил меня старый Рем.

Весть о рейде в уездный центр Фусун, кажется, уже облетела всю округу.

Когда я сказал, что эти сведения верны, старец хлопнул себя по колену:

– Теперь все в порядке, Корея спасена!

Он предоставил нам ночлег на ночку и угостил ячменной кашей, смешанной с картофелем. Именно за это позже старого Рема забрали в полицию в Эрдаоцзян и убили. И сейчас меня берет дрожь, когда вспоминаю эту трагедию. Как-то мне довелось с небольшим отрядом проходить через эти места. Пользуясь случаем, навестил его могилу, налил жертвенное вино, отвесил земной поклон.

… На следующий день мы рано отправились в Дадэшуй. Обмочились мы предрассветными росами. На высотке, откуда селение виднелось где-то внизу, под ногами, мы позавтракали. Правда, еда была скудной - каждому досталось лишь по несколько вареных картофелин. Я приказал ротному Ли Дон Хаку приготовить древко и, высоко развевая флаг впереди отряда, вступить в Дадэшуй под звуки горна. Хотелось показать нашему угнетенному народу величавый, внушительный вид КНРА.

И вот нас встречают жители Дадэшуя. Их радости и изумлению не было конца. Говорили, что впервые за всю свою историю село увидело добрые сотни корейских бойцов, имеющих на вооружении винтовки новейшего образца и даже пулеметы. И появились они открыто, средь бела дня, с развевающимся флагом, под оглашающие всю округу звуки горна.

Я решил показать местным жителям спектакль, как в Маньцзяне, и велел соорудить импровизированную сцену. Думал: пообедаем и дадим представление. Но все получилось иначе: неожиданно налетели враги, едва мы за обеденным столом взяли было ложки да палочки.

Завязалась перестрелка. Нас с противником разделяло желтеющее ячменное поле. И ныне помню, как я беспокоился, чтобы не пострадали созревшие хлеба.

С противоположной стороны ячменного поля враги крались к нам по бороздам. Я подождал, пока все они выползут с поля, и дал, наконец, команду: «Огонь!» С боем справились наши бойцы здорово. Оставив десятки убитых и раненых, противник отступил в сторону Эрдаоцзяна.

Это был наш первый бой в Чанбае. Своими первыми залпами в

Дадэшуе мы оповестили не только соотечественников Родины, но и противника о выходе КНРА на рубежи гор Пэкту.

Село было в праздничном оживлении. В Дадэшуй пришли люди из соседних поселений, чтобы поздравить нас с победой в бою. Жители приветствовали нас – угощали картофельными хлебцами, корейской лапшой *куксу* из картофельного крахмала. На гостеприимство наши бойцы ответили песнями и танцами. Я произнес агитационную речь. Жители отзывались о ней добрыми словами.

Один пожилой человек, отрастивший усы бантиком, сказал:

– Вы, Полководец, скомандуйте на вершине горы Пэкту так: «Все, кто готов сражаться за независимость Кореи, собирайтесь сюда!» Тогда со всех концов страны, раскинувшейся на три тысячи *ли*, соберутся тучи людей. Я стар и горбат. Но готов для вас ко всяким услугам.

Позже я узнал, что этот человек, ободрявший нас, был по прозвищу «старым горбуном» из Сяодэшуя. Его хорошо знал и «старик с трубкой». Когда он работал в Кунбидане (Общество по военной подготовке) начальником Южнохамгенского провинциального управления связи, «старый горбун» служил там ротным. Их трогательная встреча состоялась более чем через десять лет. Он не без гордости представил своего старого боевого друга.

Настоящее имя «старого горбуна» – Ким Дык Хен. Ким Сэ Хен – его псевдоним, под которым он начал службу в Армии независимости. Он не был настоящим горбуном – просто очень сутулый. А когда-то это был стройный, широкоплечий юноша, с гармоничным телосложением. В том, что у него стала спина согнута, как у горбуна, была уважительная причина. Сам он родом хамгенец. В мрачную годину, вскоре после «аннексии», в поисках средств к существованию переселился в Дэшуйгоу. Это было село первопроходцев, которые после скитаний бросили якорь на этой целине и жили, тоскуя по покинутым родным местам и Отчизне. Но вот в деревне был создан Кунбидан. Говорили, что он, мол, вернет переселенцам потерянную Родину, откроет им путь к возвращению в родные края. Ким Дык Хен, не колеблясь, вступил в эту организацию. Чтобы получить средства в ее фонд, он был готов отдать свою миленькую тринадцатилетнюю дочь некоему человеку с условием, что потом, в подходящем возрасте, ее возьмут замуж.

А когда нужно было оружие, поехал в неведомую даль – в Россию, поглощенную пламенем гражданской войны, и бросился там в горячие битвы.

Десять с лишним лет он самоотверженно боролся. И за это впоследствии сидел долгие годы в тюрьме – дольше, чем кто-либо из его соратников. Узников заставляли работать на ручном ткацком станке по четырнадцать-пятнадцать часов в день. Чуть выпрямишься – на спину безжалостно обрушивается дубинка или кнут. Семь-восемь лет тяжкой каторги навечно согнули ему спину.

В глазах посторонних «старый горбун» выглядел никчемным уродом, но его сердце пылало неугасимым огнем, страстью патриотизма, боевым порывом. Не случайно он первым был вовлечен в вооруженную группу Ли Чжэ У. Он признался, что после встречи с Ким Чжу Хеном ждал нашего прихода в горы Пэкту с нетерпением, как соловей – лета. Их знакомство завязалось еще тогда, когда Ким Чжу Хен появился в Чанбае в качестве разведчика.

... Кончились кратковременные выступления самодеятельных артистов, закончил я свою речь и отдал приказ отряду тронуться в путь. Сельчане запротестовали: «Виданное ли дело: так подружились – и вдруг ушли?» Они просили, чтобы мы хотя бы на ночь остались у них. Мне пришлось объяснять, что нас побудило уходить. Неизвестно, когда бросится в село противник со своими подкреплениями. Уйдем мы – и село не пострадает.

Роль нашего проводника взял на себя «старый горбун».

Я подарил старому Ким Дык Хену маленькую книжечку, в которой были напечатаны на мимеографе «Программа Лиги возрождения Родины из 10 пунктов» и «Учредительная декларация ЛВР». Он был первым человеком, который получил от нас такую брошюру после нашего вступления в район, прилегающий к бассейну реки Амнок.

Спустя некоторое время в районе Дэшуя появились подведомственные ЛВР организации. «Старый горбун» состоял в одном из ее отделений в Шилюдаогоу. То отделение считалось наиболее активным среди многих низовых организаций в районе Дэшуя. Если бы тогда было возможно учредить звание «Образцовое отделение», как это мы видим сегодня в Чхонрёне (Ассоциация корейских граждан в Японии), – то отделение, несомненно, первым удостоилось бы такого звания.

У Ким Дык Хена было много собак. Эти собаки, злые, свирепые, чуткие, не давали тайным агентам и полицейским спокойно ступить на порог его дома. Собаки удивительно тонко различали людей. Подходят к ним наши, даже незнакомые, они никогда не лают. В районе Дэшуя во многом были обязаны «старому горбуну» связные и бойцы из наших малых отрядов, выполнявшие отдельные задания, в том числе Ким Чжу Хен, Ким Хвак Сир, Ким Чен Сук и другие.

Как-то раз Ким Чен Сук, получив задание, одна побывала в районе Чжунганцюя уезда Чанбай. Было это ранней зимой того же года, когда мы вступили в горные массивы Пэкту. В те дни уходившие на отдельные задания брали с собой в дорогу не крупу и зерно, а готовую пищу – вареный рис, который едят руками, или вареную картошку. Так делали и на опорных базах антияпонской борьбы в Цзяньдао связные, которым приходилось в одиночку выполнять задания. Ходишь в группе – сваришь кашу, пока другой сторожит. Но одному нельзя развести огонь, чтобы сварить кашу. А то будут обнаружены признаки жизни «горцев». Итак, Чен Сук со свертком, в котором было несколько вареных картофелин, покинула Яофанцзы. На дороге она заметила старуху с ребенком, которые жевали мерзлые листья капусты. Из-за нахлынувшей жалости она не смогла удержать слез и отдала свой сверток с пищей юному скитальцу и старухе. А сама, голодная, едва пошла дальше, версту за верстой одолевая горную тропинку. Позже она призналась, что даже не помнит, как донесли ее ноги до дому «старого горбуна». Когда она очнулась, рядом сидели тот старик с супругой, которые плакали, держа в руках миску с рисовым отваром и ложку.

Супруги заботливо ухаживали за Чен Сук – варили рисовый отвар, жарили лепешки из маша, зарезали племенную курицу и готовили куриный бульон. Не будь их заботливых рук, она не смогла бы вернуться живой в Пэктусанский тайный лагерь. Это не раз упоминала Чен Сук после освобождения страны.

«Старый горбун» не раз бывал у нас в тайном лагере. Калека, он, однако, осиливал носить нам разные материалы в помощь. Каждый раз улучив момент, он незаметно для других встречался со мной.

Когда мы дрались под Баньцзегоу, он взял на себя роль нашего проводника. В 1939 году мы устроили в честь Первомая торжественный митинг в лесу Сяодэшуя. Он был нашим гостем – представителем крестьян, что обрадовало нас.

В начале 1942 года меня ошеломила скорбная весть – «старый горбун» скончался от болезни. И в бытность свою в горах Пэкту, и впоследствии мы часто вспоминали о нем.

Это было в ноябре 1947 года. Мне доложили, что подготовлена форменная одежда курсантов только что созданного Революционного училища в Мангендэ. Захотелось увидеть юных питомцев училища в курсантской форме, и я просил прислать ко мне несколько воспитанников. Среди юных гостей, прибывших в мой дом, оказался и Ким Бен Сун – сын «старого горбуна».

Впоследствии Ким Чен Сук сама посетила училище и, вызвав к себе Бен Суна, подарила ему свою авторучку, которой она пользовалась еще с партизанского периода. И наказала ему быть прилежным учеником.

А в августе 1949 года передо мною и Ким Чен Сук явился Бен Сун в новой офицерской форме, в погонах со звездочками взводного. Назначен командиром охранного взвода. Да, прихотливая игра судьбы!

С той поры он ни дня не отлучался от нас. Вместе переживали мы горечь утраты Чен Сук, вместе были в командовании фронта в Суанбо провинции Северный Чхунчхон, вместе проводили дни в Ставке Верховного Главнокомандования, что была расположена в Косанчжине провинции Чаган. Да и после этого он долго находился вблизи от нас.

Я чувствовал на себе теплоту заботливых рук «старого горбуна», который, чудилось мне, постоянно был рядом. И каждый раз всплывали в памяти слова, сказанные «старым горбуном» в селе Дадэшуй, вспоминалась лунная ночь на горной поляне Сяодэшуя.

Остановившись на привал на поляне Сяодэшуя. мы на следующий день передвинули отряд в лесную чащу Мадэнчана и дали бойцам передохнуть. Я тоже прилег на траву, почитал книгу и незаметно крепко заснул. Разбудил меня выстрел. Враги, хлынувшие с двух сторон – от Шивудаогоу и Эрдаоцзяна, налетели на нас почти одновременно с юга и севера. Густые заросли леса мешали нам отличать своих от противника. Появился удачный шанс – обернуть наскоки противника на нас с обоих флангов в междоусобную драку самих врагов. Лишь бы незаметно ускользнуть из рощи.

Мы незаметно покинули лес Мадэнчана и поднялись на холм у

ущелья Шивудаогоу. Отсюда мы любовались перестрелкой между врагами. То был «наблюдательный бой» в Мадэнчане, позже названный в народе боем под Сяодэшуем.

В тот день ожесточенная перестрелка продолжалась приблизительно три-четыре часа. «Зрители» насмотрелись до скуки. Довольно долго дрались враги друг с другом. Наконец, одна из воюющих сторон – отряд из Эрдаоцзяна – не выдержала и протрубила сигнал об отступлении. И, только заслышав горн, другая сторона, противник из Шивудаогоу, поняла, что бой шел между своими, и прекратила огонь.

Куда же исчезли сотни партизан? Ни слуху, ни духу! Одному черту известно. Ответ на этот каверзный вопрос враги, думается, нашли в нашем «искусстве перевоплощаться». Молва о нашем умении «подняться в облака и провалиться сквозь землю» и «вырасти как из-под земли и как в воду кануть» – начала широко распространяться по приграничным зонам, по-моему, именно после этого боя в Сяодэшуе.

В тот день враги, спешно собрав трупы, показали пятки. Не хватало носилок на вывоз трупов, и они выламывали двери всех домов Синчандуна. Его жителям на время пришлось закрывать дверные проемы рогожей.

Залпы, данные Народно-революционной армией в Дадэшуе и Сяодэшуе, вызвали широкую волну откликов не только у жителей Чанбая, но и у соотечественников на противоположной стороне реки.

Когда закончился бой, мы обеспокоились тем, что попорчены картофельные поля. Но один из крестьян села Синчандун сказал:

– Картофельные поля, конечно, пострадали. Но вижу вон – валяются трупы этих япошек, извергов. Радость-то какая! Приятнее даже смотреть, чем на урожайные поля.

После этого в районе Дэшуйгоу много молодежи записалось добровольцами. Это стало прелюдией массового движения за армейскую службу, что привело к резкому росту рядов революционной армии в Чанбае.

Вступление Народно-революционной армии в Чанбай и ее военные успехи вызвали у врага растерянность и испуг. В полицейские учреждения Чанбая пачками подавались заявления об отказе от полицейских должностей, «блюстители порядка» уходили в отставку. Во вражеских властных структурах началась заметная суматоха.

Так, в Эрдаоцзяне, говорят, пропускали людей в коллективное поселение через «черный ход».

На земле Чанбая мы не ограничивались одними военными операциями. Велась и организационно-политическая работа по воспитанию и сплочению масс. Во многих местах районов Дэшуйгоу и Диянси наши подпольщики создавали низовые организации ЛВР.

И в самой Корее начали появляться такие организации.

Новые организации, возникающие в ряде мест вокруг гор Пэкту, стали звеньями надежной политической поддержки для будущей опорной базы.

И после боя под Сяодэшуем мы непрерывно вели боевые действия. Так, обойдя многие селения в бассейне реки Амнок, мы сражались под Дунганом в Шивудаогоу, под Лунчуаньли в Шисаньдаогоу, под Эрчжундянем в Эршидаогоу и в других местах уезда Чанбай. Шумно стало в районах, прилегающих к реке Амнок, как в растревоженном улье.

Значит, наша цель, поставленная при выборе обходного маршрута, достигнута удачно. Теперь пора продвинуться в горы Пэкту и там, как говорится, свить себе гнездо.

Меня вели Ким Чжу Хен и Ли Дон Хак в то место, где должен быть создан Пэктусанский тайный лагерь. Нас сопровождали основной комсостав части, комендантский отряд, а также некоторые боевые роты. Остальной личный состав я оставил на месте с заданием – еще больше «шуметь» в Чанбае.

Ущелье Собэксу было разведано Ким Чжу Хеном, Ли Дон Хаком, Ким Ун Сином и другими. Оно стало первым по счету участком будущего тайного лагеря на родной земле, в районе гор Пэкту, который был выбран нами. В шестнадцати километрах к северо-западу от этого ущелья высится корона горы Пэкту, километрах в восьми – гора Соно, а километрах в шести к северо-востоку – гора Канбэк, укрытая лесом. Горную гряду, тянущуюся за ущельем Собэксу, называли горой Сачжа.

То, что наш отряд вышел в ущелье Собэксу, создавало приятное чувство – словно хозяин после долгой отлучки вернулся в родной дом. Если судить с точки зрения большой истории, имя которой – антияпонская революция, можно сказать, что главный театр наших действий в ту пору переместился из Восточной Маньчжурии в горы Пэкту.

Когда человек, побывав в чужих краях, возвращается к своему очагу, это становится, как правило, радостью и для его соседей. Но в ущелье Собэксу, в этой глухомани Пэкту, про которую поэт пишет: «Откочевывают и дикие птицы, улетают от вечной скуки и одиночества», – не было таких соседей, которых порадовал бы наш приход. Нас встречали шумящее море тайги и говорливые горные ручья. Люди родной страны пока еще не знали, что мы обосновались в этих местах.

Прошли бы маршем дальше хотя бы на 40 километров – везде встречались бы с соотечественниками. Они с радостью заключили бы нас в свои теплые объятия. Но, увы, там, в сорока километрах, ждали нас незваные гости из островной страны, направив на нас штыки. Если бы не эти непрошеные островитяне, мы ринулись бы снежной лавиной с гор Пэкту к любимым соотечественникам, делили бы с ними несказанную радость встречи. Но встречу с ними сулит нам только одно – сражение. Ради этой битвы мы вышли в район гор Пэкту, ради этого расположились в ущелье Собэксу.

Те, кто в то время пришел сюда со мной в это ущелье, даже не представляли, что эта глушь, в которой мы свили себе гнездо, станет со временем известным историческим местом, куда теперь приезжают многие люди мира.

Чтобы не оставлять за собой следов, мы забрались в горное ущелье по руслу ручья Собэк, воды которого без устали несли на себе опавшие листья.

Экскурсанты, посещающие ныне это ущелье, пожалуй, даже не могут вообразить, какой заповедной стороной была эта местность чуть больше полувека назад. Теперь прежнюю тишь и лирический колорит былых времен заменяет все новое: прекрасная мостовая с вереницей туристических автобусов и движущимися рядами экскурсантов; турбазы и уютные дома для гостей, не уступающие по своему комфорту высококлассным отелям, нескончаемый поток люлей: песни, звучащие любое время года... А в те дни, когда мы впервые ступили туда, здесь был девственный лес. В нем деревья и кустарники стояли так густо, что не сразу бросались в глаза следы зверей. Ущелье Собэксу того времени, казалось, сохранило свой облик нетронутым с момента сотворения мира. Нам сразу понравились неповторимый пейзаж, горные ландшафты неприступной природной крепости.

Помню, таким же идеальным было ущелье Лишугоу в Мацуне

Сяованцина, где одно время располагался наш партизанский штаб. Большая его глубина, крутизна гор затрудняли противнику доступ сюда. И пусть противнику удастся пролезть туда с величайшим трудом, рельеф местности благоприятствовал нам, позволяя отбить его атаки. По горному ландшафту и другим географическим условиям ущелье Собэксу, – по нему можно добраться до Пэктусанского тайного лагеря оттуда, где ниже горы Сачжа сливаются горные ручейки, – удивительно схоже с ущельем Лишугоу в Сяованцине. Правда, есть и различия.

Теснина Собэксу глубже и краше, чем долина Лишугоу. Чем дальше пойдешь вглубь ущелья, тем больше это заметно. Над ущельем величаво возвышаются высокие стены горного массива, и вся цепь гор с короной Пэкту властвует над окрестностями. Да, теснины глубокие, горы громадные.

До сумерек мы успели разбить палатки на ночлег у ручья Собэк, у подножия горы напротив горы Чансу.

Ту ночь переночевали в палатках. Обычно я спал ночью не более трех-четырех часов. И в те дни, когда я воевал в горах, к двум часам ночи, как правило, просыпался, зажигал свет и брал книгу. А в ту ночь я, совсем измотанный, не мог проснуться до рассвета, чтобы взяться за книгу.

Встал утром и вижу: ночью высыпал иней. В районе гор Пэкту длится зима дольше и выпадает больше снега, чем в других местах, и он долго не тает. В конце июня, даже в начале июля в укромных уголках бросается в глаза прошлогодняя белизна, а в последние дни сентября или в начале октября уже можно видеть и свежевыпавший снег на горных вершинах. Его слой постепенно нарастает – и его толщина зачастую выше человеческого роста. Тогда приходится ходить в пробитых сквозь снег туннелях. Выходишь за пределы тайного лагеря – обязательно надеваешь *солъпхи* (приспособление для передвижения по глубокому снегу, надеваемое на обувь, – ред.). А то провалишься в сугроб, попадешь в большую беду.

Однако и на этом суровом высокогорье, где часты ураганные ветра и обильные снегопады, чередуются времена года, и мы могли пользоваться этими природными дарами.

Когда был бой в Лаохэйшане, я впервые отведал бузульник. Вкус отменный! Ели его так – в листья бузульника заворачивали вареный рис с приправами, – получалось вкуснее, чем любой салат. Лазурник растопыренный я испробовал первый раз в доме Ли Хуна,

что был в Шицзюдаогоу в уезде Чанбай. И тоже вкус был превосходным.

Таких съедобных растений в районе гор Пэкту было много. Бузульник рос на равнине Тэхондан, лазурник – вокруг озера Самчжи, соссюрен новопильчатый – на горе Пэгэ. Травы, собранные партизанками-поварихами, разнообразили летнюю кухню «обитателей» гор Пэкту.

Когда мы вели оседлый образ жизни в горах Пэкту, партизанские повара обрабатывали огород и выращивали овощи. В укромном месте на лугу разбили огород. Сеяли разные овощи, но капуста и редька плохо родились. Хорошо росли салат и златоцвет.

Изредка гостьей к нашему столу являлась речная мальма, выловленная в речке Собэк. В то время ее было мало: теперь же там налаживается ее разведение, количество рыбы умножилось.

На следующий день после нашего прибытия к месту назначения в горах Пэкту я вместе с комсоставом осматривал расположение будущего тайного лагеря. Осматривали и места под постройку казарм, рекомендованные товарищами из дозорного отряда. Затем состоялось совещание военных кадров. На нем подвели итоги экспедиции по маршруту от Наньхутоу до гор Пэкту. И серьезно обсудили предстоящие в горах Пэкту дела, распределили задания.

Обсужденное на совещании, а затем незамедлительно претворенное в практические дела можно кратко резюмировать так: перед нами стоит актуальная задача – всеми силами ускорить процесс создания Пэктусанской опорной базы. Она несла в себе два смысла: один – строительство тайного лагеря, другой – организационное строительство. Иными словами, создание Пэктусанской опорной базы предполагало развертывание в районе гор Пэкту сети тайных лагерей и создание подпольных революционных организаций в населенных пунктах у подножия гор Пэкту.

В первой половине 30-х годов нами были созданы в Восточной Маньчжурии партизанские районы, а во второй половине – новая опорная база в горах Пэкту. Они значительно отличались друг от друга по своему содержанию и форме. Первый вариант – как говорится, видимая, открытой формы революционная опорная база, опираясь на которую развертывались партизанские действия в постоянных партизанских районах, а второй – невидимая глазу, рассчитанная на развертывание военно-политической деятельности

при опоре па трудно обнаруживаемые тайные лагеря и подпольные революционные организации.

В первой половине 30-х годов жители опорной базы находились под властью народно-революционного правительства, а во второй – люди, охваченные сетью подпольных организаций, формально жили под контролем врага, а по существу действовали по нашим директивам, осуществляли нашу линию.

В первой половине 30-х годов мы вынуждены были направлять огромные силы на оборону партизанских районов, а во второй – надобность в этом отпала.

Это дало нам возможность развернуть партизанские действия в обширных районах. Иначе говоря, с изменением формы опорной базы мы перешли на позицию активно атакующих. Ясно, что чем больше расширялась опорная база, тем шире становился и театр наших действий.

Мы намеревались, опираясь главным образом на Пэктусанский тайный лагерь, развернуть нашу опорную базу не только в обширных районах Чанбая, а в будущем в глуби Кореи, продвигаясь в направлениях плато Пэкму, плато Кэма, Ранримского горного хребта, далее распространить пламя вооруженной борьбы с северной части Кореи в центральную и южную, на всю страну. А вместе с тем – развивать и расширять организационно-партийное строительство и движение единого фронта, всемерно ускорить подготовку к перерастанию сопротивления во всенародное.

Таким образом, создание сети тайных лагерей и подпольных организаций стало злободневным вопросом, от решения которого зависели наше существование, наша судьба, а далее и исход антияпонской революции. Поэтому мы не могли не уделять всему этому первоочередного внимания.

Создание тайного лагеря мы считали первостепенной задачей. В нем участвовали все отряды. Забота о питании и одежде легла на плечи Ким Чжу Хена. Строительство тайного лагеря и ведение его хозяйства – эти две проблемы для нас явились, если выразиться по-житейски, проблемами питания, одежды и жилья.

Следующая важная задача состояла в том, чтобы активно разыскивать тех, кто помог бы нам в создании сети подпольных организаций, и развертывать боевые действия для вдохновения нашего народа и сознательной мобилизации его на свершение дела возрождения Родины. Эти две задачи были поручены роте Ли Дон Хака.

Командиры немедленно приступили к выполнению поручений по созданию Пэктусанской опорной базы. Ким Чжу Хен и Ли Дон Хак отправились со своими ротами в путь. Кроме них, еще несколько товарищей я отправил в разные места с отдельными заданиями. И после этого сам переместился в Медвежье ущелье вместе с комендантским отрядом и некоторыми бойцами 7-го полка. Там мы должны были встретиться с основными силами части, с которыми расстались в поселке Хуангундун.

На меня произвел большое впечатление наш поход от ущелья Собэксу в Медвежье ущелье. По пути мне довелось любоваться горой Соно и водопадом Самдан (Трехступенчатый водопад). Это была настоящая феерия. Наш отряд сбился с пути и долго блуждал в лесу. И ныне не забывается тот случай, когда побывали в горячем источнике в Дато. В сплошном море лесов мы потеряли ориентировку. Куда и как идти – неизвестно. Не менее двух часов ходили туда-сюда. Пришлось отправить в разных направлениях несколько групп разведчиков. Одна из них вернулась с каким-то стариком. Сказали, что он живет в одиночестве у подножия горы Пэкту. Пошел в сторону Маньцзяна за солью и чумизой и на обратном пути наткнулся на нашу разведгруппу. Он привел нас в свой шалаш в Дато. Возле шалаша бил прекрасный горячий источник. В нем бурлила до того горячая вода, что можно было варить в ней раков докрасна. Там мы помылись, постирали, полакомились вареными раками. Однажды я смотрел по телевизору, как холодной зимой исландцы купаются в термальных водах под открытым небом, и мне живо припомнилось купание в том горячем источнике.

Тогда я о многом говорил со стариком из Дато. На мой вопрос, какими судьбами занесло его в самое подбрюшье горы Пэкту, он ответил, что жил когда-то на равнине, но вдруг пришли мрачные времена, и он пошел к горе-родоначальнице нации.

– Где подохнуть рабам, лишенным Родины, – все равно, – продолжал он. – Но я решил: доживу остаток жизни у подножия горы Пэкту и здесь умру. Я ходил в частную школу *содан,* обучился тысяче иероглифов. «Если ты кореец, – говорил частенько мой учитель, – живи с горой Пэкту, умри, сложив голову на горе Пэкту». Действительно золотые слова! Высек бы на памятнике его наставление.

И он, прищурив глаза, уставился в сторону короны горы Пэкту. Казалось, пойди вдаль по направлению его взгляда – и откроется пройденный им нелегкий жизненный путь, путь человека горькой судьбы. И мною обладело какое-то суровое чувство. Тронули струны моего сердца слова деда: «Доживу остаток жизни у подножия горы Пэкту и здесь умру».

– Ну и как вам живется в глуши Пэкту?

– Настроение хорошее, хотя житье тяжкое. Выращиваю картошку, охочусь на косуль. И очень рад, что не приходится видеть япошек. Чувствую – поправляюсь.

Беседа с ним еще раз убедила меня в том, что сама гора Пэкту – твердая опора в духовной жизни нашей нации. И снова всеми фибрами души осознал, что мы были абсолютно правы, когда посчитали горы Пэкту очагом революции. Последние годы своей жизни старик стойко проживает в горах Пэкту, одиноко – без соседей. Поистине патриотическим духом жил тот старик. Жаль, что я расстался с ним, не узнав его фамилии.

И у него, как у старика Ма, который жил на плоскогорья под Лоцзыгоу, было много книг. Когда мы, искупавшись в горячем источнике, собрались покинуть Дато и тронуться в Медвежье ущелье, он подарил мне несколько книг – повестей. Позже именно там, в Дато с горячим источником, мы соорудили санаторий для раненных в боях и физически слабых бойцов.

Это было после того, как мы прибыли в Медвежье ущелье. Однажды к нам пришли бойцы 2-го полка, которые действовали в Цзяохэ. Оттуда вернулись и другие, среди которых оказались Квон Ен Бек, О Чжун Хыб, Кан Ви Рён. С ними мы делились сокровенными чувствами, что скопились в душе.

Они говорили, как измучились на пути к нам. Холодная погода, легкое одеяние, постоянное недоедание. Продолжая поход в горы Пэкту, они совершили налет на какие-то лесоразработки и захватили волов. Двух из них привели к нам живьем, заботясь о нас. Гляжу на бойцов: кожа да кости, летние мундиры изношены до тряпья. Все это терзало мою душу. А они, взяв меня за плечо, проливали слезы.

Я дал им новую одежду. Не только верхнее платье, но и белье, гетры и рабочую парусиновую обувь. Не забыл дать и комплект туалетных принадлежностей, табак и спички.

По приказу командования Кан Ви Рён, вернувшийся со стороны

Цзяохэ, вместе с Пак Ен Суном построили тайные лагеря во многих местах Медвежьего ущелья, Хэншаня и Хунтоушаня. У них руки были просто золотые: возьмут топоры – уже через два-три дня готовы большие срубы, которых хватило бы на то, чтобы разместить целый полк. При создании тайных лагерей в районе Чанбая больше всех трудились, я думаю, они вдвоем. Однажды пришли в Медвежье ущелье бойцы из отряда, возглавляемого Цао Гоанем. Наши бойцы за день смастерили им ночлег. Увидев их умение, гости не могли скрыть своего восхищения. И все это, должен сказать, стало возможно благодаря труду их двоих.

Несколько дней я провел в Медвежьем ущелье, затем вернулся в ущелье Собэксу. Вижу – на многих участках для тайных лагерей уже выросли новые срубы. В лесу появилось много построек: дом для командования, казармы подразделений, типография, швейная мастерская, караульные помещения, контрольные будки.

Тогда в тайных лагерях к дверям бревенчатых изб умельцы крепили оригинальные ручки – ножки косули. И эти-то, не ахти какие дверные ручки запечатлелись в моей памяти как веха, разграничивающая исторические периоды. С того момента, когда ручки дверей в наши пэктусанские «жилища» начали украшаться ножками косули, иначе говоря, когда мы свили себе гнездо в ущелье Собэксу, Пэктусанский тайный лагерь стал основной базой корейской революции, ее главным руководящим пунктом. Это были ее очаг, сердцевина, центральная база для военных операций и всех наших действий, для интендантского снабжения.

Именно отсюда впоследствии, словно стрелки веера, широко распространялись тайные опорные базы в северной и средней частях Кореи.

Чтобы разнести от тех тайных лагерей пламя революции во все уголки родной страны, раскинувшейся на три тысячи *ли,* отправлялись во все районы Квон Ен Бек, Ким Чжу Хен, Ким Пхен, Ким Чен Сук, Пак Рок Гым, Ма Дон Хи, Чи Тхэ Хван и многие другие подпольщики. И те, кто пришел к нам в горы Пэкту, – Ли Чжэ Сун, Пак Дар, Пак Ин Чжин и многие другие представители народа – с новыми искорками революции снова шли в гущу народа. Отсюда уходили и наши отряды – на бой с врагом. Почти все дела, большие и малые, прямо связанные с судьбой революции, были запланированы, спроектированы, преобразовались в практические действия именно в Пэктусанском тайном лагере.

Спутники-лагеря, входящие в сеть тайных лагерей в районе гор Пэкту, находились и в Корее, и в Китае. В Корее – Сачжабонский. Медвежьей Горы, Соносанский, Канбэксанский, Мудубонский, Соенчжибонский тайные лагеря, в Западном Цзяньдао – Медвежьего ущелья, Диянсиский, Эрдаоцзянский, Хэншаньский, Лиминшуйский, Фухоушуйский, Цинфэнский, а также ряд тайных лагерей района Фусуна. По необходимости мы переходили из одного лагеря в другой, используя все имеющиеся.

Тайные лагеря в районе гор Пэкту выполняли различные предназначения. Это были не только секретные казармы. Одни использовались как тыловые базы, где были швейные и оружейные мастерские, госпиталь, другие – как промежуточные пункты связи, места ночлега для подпольщиков. Центральным в этой сети тайных лагерей был лагерь – в ущелье Собэксу. В то время мы его так и называли: «Пэктусанский тайный лагерь № 1». А ныне его называют просто «Пэктусанский тайный лагерь» или «Пэктуский тайный лагерь».

Для обеспечения максимальной безопасности и секретности там были размещены лишь личный состав непосредственно подчиненных командованию служб и основные подразделения, в том числе и комендантское. Вход и выход из лагеря строго ограничивались и жестко контролировались. Случалось, что к командованию приходили отряды и отдельные люди, не имевшие с нами постоянных контактов. Таких мы обычно принимали не в тайном лагере в ущелье Собэксу, а в тайном лагере № 2 (Сачжабонский). Там мы давали им отдохнуть, оттуда провожали их в путь, иногда устраивали для них семинары и другое обучение. Для них тайный лагерь № 2 являлся своего рода приемным пунктом, местом ожидания, уголком для собеседования, ночлегом, а также курсами и учебным классом. Чтобы не выдать своих следов, даже связным было положено приходить к командованию со стороны Лиминшуя, а на подступах к ущелью Собэксу держать путь вдоль русла речки Собэк. Не всем мы давали знать о местонахождении тайного лагеря. Какие же тайна и тайный лагерь, если они всем известны?

Местонахождение Пэктусанского и других тайных лагерей вокруг него знали, как свои пять пальцев, только Ким Чжу Хен, Ким Хэ Сан, Ким Ун Син, Ма Дон Хи и некоторые другие товарищи, бравшие на себя почти все обязанности связного, а также немногочисленный комсостав.

Итак, Пэктусанский и другие тайные лагери с их «обитателями», к большому счастью, сумели сохранить себя в секрете до победы антияпонской революции.

Для меня гора Пэкту была «домом» моей молодости. Здесь жила со мной большая семья, не сравнимая с моей семьей в детстве в родном краю, жила под снегами и дождями в горах Пэкту и мечтала о той Родине, какой мы ее видим сегодня.

Сейчас совсем немного осталось тех первопроходцев гор Пэкту, которые делили с нами горе и радость в этом горном массиве. Обстоятельства воспрепятствовали нам своевременно и точно выполнить свою миссию старшего поколения – познакомить потомков с революционной историей нашей партии, с боевыми заслугами предшественников. А ведь их следы отпечатались во всех уголках гор Пэкту.

И я не мог помогать вовремя найти местоположение Пэктусанского тайного лагеря. На моих плечах лежала уйма дел: партийное, государственное и военное строительство, война и послевоенное восстановление и строительство. Таким образом, в молодые годы я не смог выкроить времени, чтобы побывать на главной опорной базе моей деятельности в горах Пэкту.

При жизни Пак Ен Суна и их соратников я не раз наказывал им найти для потомков место, где стоял Пэктусанский тайный лагерь. Но лихой плотник тех дней так и не смог обнаружить его местонахождение, хотя ему и удалось найти места некоторых тайных лагерей, построенных им самим вместе с друзьями и расположенных в Медвежьем ущелье, Диянси и Хэншане, а также места бивуаков в Чхонбоне, в горах Пэгэ и Мупхо. Но не стоит порицать их. Они не гостили в том тайном лагере.

Местонахождение Пэктусанского тайного лагеря, наконец, нашел я, хотя и с опозданием. Как-то раз, улучив время, поехал в район гор Пэкту осмотреть восстановленные на местах тайные лагеря. А на обратном пути, где-то возле моста, перекинутого через речку Собэк, мое внимание привлекла очень знакомая глазу топография. И я послал группу экскурсантов на обследование в ущелье Собэксу. Я говорю им: «Пойдете дальше – найдете ущелье со скалистой кручей – вершиной горы, высотой более чем в сто человеческих ростов, и там увидите небольшую поляну». Не забыл особо подчеркнуть, что издали, кажется, будто горы сходятся, вход в ущелье трудно заметить. И даже к

тому времени это местечко было столь жутким, труднопроходимым, что однажды мой личный старший секретарь-референт и военный адъютант, посланные мною с заданием обследовать туристические дороги в бассейне реки Амнок, сбились с пути в девственном лесу и довольно намаялись. Пришлось послать за ними охранную роту. И ей с величайшим трудом удалось найти их и вывести из дебрей. Действительно, край был таинственный, не уступающий Михуньчжэню. Те, кто был направлен в ущелье Собэксу для разведки и обследования мест, наконец, обнаружили там сначала деревья, на стволах которых написаны лозунги, а потом и прежние места срубов и стоянок. Итак, Пэктусанский тайный лагерь обнаружил свой былой, первоначальный вид перед глазами новых поколений нашей революции.

Гора Пэкту стала в наши дни школой для второго, третьего и четвертого поколений нашей революции. Она несет в их сознание революционный дух Пэкту, созданный первым поколением. На обширной территории гор Пэкту образовался большой музей революции под открытым небом.

Символическое значение горы Пэкту обогащалось с течением истории. Фактически уже со второй половины 30-х годов эта гора начала заключать в себя новый смысл, кроме свойственной ей прежней символики.

Лава «революции ради возрождения», извергнутая из потухшего вулкана горы Пэкту, привлекала внимание двадцатимиллионной массы наших соотечественников. Осмотрев места, которые охватило в то давнее время пламя антияпонской революции, писатель Сон Ен озаглавил свои путевые заметки так: «Гора Пэкту видна отовсюду». С тех пор, как мы обосновались в горных массивах Пэкту, эта гора стала действующим вулканом Возрождения, священной горой Революции, которая, как гласит тот заголовок, видна людям отовсюду.

6. Помещик-патриот Ким Чжон Бу

С тех пор, как на политическую арену мира выступили коммунисты, пролетарии всех стран подняли лозунг: «Долой помещиков и капиталистов!» Провозгласив этот лозунг, трудящиеся массы нашей страны также длительное время вели ожесточенную, острую классовую борьбу за свержение реакционных эксплуататорских классов, вступивших в сговор с силами иноземных империалистов.

Одно время даже левые круги Революционной партии Кореи, представлявшей администрацию Кунминбу, подняли свирепые вихри ликвидации помещиков и капиталистов, объявив их уничтожение целью своей борьбы.

И мы не скрываем, что своим идеалом, целью своей борьбы считали выступление против помещиков и капиталистов. Выступать против эксплуататоров, паразитирующих на крови и поте других, – таков принцип, которого мы придерживались и придерживаемся всю жизнь. И сегодня, как и прежде, я противник эксплуататоров. И впредь, думаю, станут предметом моей ненависти те люди, которые купаются в роскоши и растрачивают богатства, добытые потом и кровью сотен миллионов трудящихся, живущих на грани голодной смерти.

Гуманизм требует справедливого распределения материальных благ и социального равенства. Этот идеал встречает всеобщее одобрение прогрессивного человечества. Мы считаем своей священной миссией выступать против политической диктатуры и экономической монополии ничтожной кучки имущих и их апологетов, морального разложения, вызванного ими, положить конец всему этому злу.

Конечно, в конкретной практике нужно четко отличать вопрос о свержении эксплуататорского класса от вопроса об отдельной личности из того класса, о каждом имущем человеке. Уже в годы антияпонской революции мы сделали мишенью своей борьбы только японских империалистов и превратившихся в их наймитов непримиримых имущих.

Однако в прошлом в сфере классовых отношений некоторые коммунисты подчеркивали лишь одну сторону дела – борьбу.

Тем самым они допускали левый перегиб в подходе к тем помещикам и представителям национальной буржуазии, которые были настроены патриотически и несли в себе антиимпериалистический потенциал. Не учитывая конкретных условий жизни и реальности, они проводили жесткую политику – политику огульной ликвидации, экспроприации, подавления всех имущих людей в социально-политическом и экономическом отношениях. Такая практика породила в ряде стран искаженное представление о коммунизме, дала повод отравленным антикоммунистическим угаром людям забрасывать коммунизм грязью.

В северной части страны ныне не существует ни помещиков, ни капиталистов.

Сейчас углубляется классово-воспитательная работа на высоком уровне: все работники умело сочетают классовую линию с линией масс. Можно сказать, что покончено с практикой одностороннего, огульного осуждения всех богатых вообще, узколобой точкой зрения, носители которой полагали, что одной и той же дубиной надо править всеми выходцами из среды класса помещиков и капиталистов, независимо от пройденного ими жизненного пути и заслуг.

Те, кто страдал когда-то из-за своего «неудачного» социального происхождения, сейчас принимаются в ряды партии, выдвигаются на ту или иную работу по их способностям и живут полной оптимизма жизнью. И люди с радостью принимают это положение, видя в этом как бы собственное счастье. Таков психологический настрой масс в наше время. Это есть бесценный плод широкой политики Трудовой партии Кореи.

Такую политику мы проводили полвека назад, проводим и сегодня. Подлинные коммунисты Кореи еще в период антияпонской революции подняли знамя великой национальной консолидации и развернули работу по сплочению в единую силу различных слоев населения, отличающихся друг от друга своим происхождением, вероисповеданием, имущественным цензом.

Мой рассказ о помещике Ким Чжон Бу, думаю, в известной мере, поможет читателю понять наше отношение к конкретным помещикам и капиталистам, постичь исторические корни проводимой нами широкой политики.

Первая наша встреча с Ким Чжон Бу состоялась в конце августа 1936 года. Бойцы небольшой группы направились в поселок

Диянси на сбор пожертвований. Возвратившись глубокой ночью, они привели к нам старика лет 70 и еще нескольких человек. Доложили, что это прояпонские помещики. В то время мы находились в поселке лесорубов Мацзяцзы, что вблизи Эрдаоцзяна, проводили там работу с массами.

Я заметил в списке задержанных имя Ким Чжон Бу и диву дался. Как же так? Привели его как «прояпонского помещика». Некоторые вспоминают, что ту небольшую группу возглавлял Ли Дон Хак. Но, если память мне не изменяет, то задержал его Ким Чжу Хен.

Я вызвал его и строго спросил:

– С какой стати вы решили ликвидировать Ким Чжон Бу?

– Знаете, этот старик владеет без малого 150 *чонбо* земли. Я никогда не слыхал, чтобы один помещик имел так много земли.

– Скажите, кто издал такой закон, что помещик, владелец имения в 150 *чонбо,* подлежит ликвидации?

– Товарищ командующий, закон тут не причем. Ведь есть поговорка: «Один богач разоряет три деревни». А богачу, как этот, по силам разорить и десять деревень.

Я, однако, потребовал привести еще хоть какие-то доводы в пользу его «решения».

Он начал пространную речь. По его словам, помещик близко знаком с неким советником филиала японского консульства, который рекомендовал японскому капиталисту Ито, приглашенному откуда-то, может быть, из Енчхона провинции Северный Кенсан, предоставить помещику большую ссуду – шесть тысяч *иен,* что позволило ему заняться лесоторговлей. Он даже купил себе автомобиль, что помогло ему расширить торговлю. Все это оказалось возможным, мол, только «по милости» этого хамова отродья – японских империалистов.

– У вас есть еще какие-нибудь другие доказательства?

– Есть, конечно. Доказательств хватает. Говорят, у него есть чины – председатель общества по охране лесов да еще шеф сельской кооперации. Очень часто ходит в ведомства Маньчжоу-Го. Его сын Ким Ман Ду – такой же, как отец. Под покровительством своего отца несколько лет служил старостой Эрдаоцзяна.

А когда я спросил, есть ли у Ким Чжон Бу положительные качества, мой собеседник немного растерялся. Он, видимо, даже не

думал собирать сведения о его достоинствах. Да и не предполагал, что я ими заинтересуюсь.

– Какие там положительные стороны? У этакого прояпонского элемента о них и речи быть не может.

Оценки руководителя небольшой группы были сплошь отрицательные. Его доклад, переполненный от начала до конца субъективными суждениями, давил на мою душу как тяжелый камень. Бойцы пока еще не вышли за рамки привычных штампов прошлого, когда акцент был сделан только на классовой борьбе и самой классовости. Они вовсе и не собирались иметь конкретные сведения об этом помещике. И вот результат: этому человеку, на помощь которого мы возлагали большую надежду в создании единого фронта еще при выходе на чанбайскую землю, они приклеили крикливые ярлыки: «прояпонский помещик», «реакционер» и тому подобное. Вдобавок они задержали не только самого помещика, но и его сына,

Эта акция не соответствовала не только нашей линии единого фронта. Она противоречила и духу Учредительной декларации Лиги возрождения Родины и ее Программы из 10 пунктов.

Более того, бойцы приводили как свидетельство прояпонских настроений Ким Чжон Бу даже тот факт, что у него имеется домашний телефон.

– Телефон-то вряд ли он поставил у себя просто для роскоши? – с жаром рассуждал командир небольшой группы. – Это явно орудие шпионства. С кем ему разговаривать по телефону? Не с кем, кроме как с консульством, полицией или ведомствами Маньчжоу-Го. Какой разговор с ними может быть? Что еще будет, если не донос?

В самом деле, в то время такую роскошь, как домашний телефон, простым людям трудно было представить даже во сне. Однако рассматривать домашний телефон как явный признак прояпонских настроений и, хуже того, как средство действий в пользу врагов, – это полная нелепость, абсурд. Если все бойцы будут оценивать людей по таким меркам, наша политика по вопросам единого фронта может на практике столкнуться с серьезными препятствиями. Ведь дело не только в одном Ким Чжон Бу.

Прежде чем порицать бойцов небольшой группы, я в душе бичевал самого себя за то, что не смог более углубленно вести

воспитание подчиненных. Когда мы в Фусуне имели дело с Чжан Вэйхуа, и тогда некоторые люди с явной предвзятостью выражали свою озабоченность. Лишь после того, как докатились до нас посланные Чжаном многие повозки, нагруженные материалами помощи, и попали в наши руки большие суммы денег, они признались в том, что и среди выходцев из имущего класса имеются хорошие люди.

Однако встреченный ими в Чанбае помещик, имеющий 150 *чонбо* земли, опять оказался для них бельмом на глазу.

Почему же люди, признавшие Чжан Вэйхуа как нашего спутника, не подумали о том, что и Ким Чжон Бу может стать нашим союзником в создании единого фронта? Это означало, что в нашей воспитательной работе, касающейся политики единого фронта, имеются пробелы.

Различные слои населения, о которых мы говорим, действительно многолики: пестрота биографий, различие в жизненном положении. Единственного, универсального рецепта работы со всеми этими людьми нет и быть не может. Однако должен быть такой принцип, который служил бы ориентиром во всяких случаях.

Так, какой же принцип мы в то время взяли за критерий при оценке человека? Нас интересовало, настроен ли он прояпонски или антияпонски, любит ли он Родину и нацию. Все, кто любит свою Родину, нацию, народ и ненавидит японский империализм, могут идти с нами рука об руку. Наоборот, тех, кто не интересуется судьбой Родины, нации, народа и ради своего собственного благополучия и спокойствия сотрудничает с японским империализмом, мы считали своими врагами. Такова была наша позиция.

С той же точки зрения мы смотрели и на Ким Чжон Бу, считая будущим союзником в создании единого фронта. Мы планировали: будем в Чанбае – напишем ему письмо с призывом о сотрудничестве или пригласим его в тайный лагерь для беседы.

– По-моему, ваша оценка Ким Чжон Бу схематична и ненаучна. Нельзя рассматривать человека так поверхностно. Помещик Ким Чжон Бу, которого считаете «прояпонским», на деле же патриотически настроен. Я хорошо знаю его прошлое. Услышав одного-двух жителей в Диянси, вы уже даете людям необдуманную оценку: Ким Чжон Бу такой-то человек, а сержант Ким – такой-то. Так говорят те, кто смотрит поверхностно и не хочет постичь суть

вещей. Пусть он такой плохой человек, но тут, спрашивается: зачем жители Диянси воздвигли на селе памятник ему в честь его высокой нравственности? Вы знаете, что там есть такой памятник? Бойцы небольшой группы отвечали: «Нет». И я сказал им:

– Узнаете вы, товарищи, его прошлое – не будете, думаю, клеймить его как прояпонского помещика. Он вовсе не враг, который подлежит ликвидации, его можно привлечь на нашу сторону. Этот помещик не реакционный, а патриотический. За это я ручаюсь.

– Товарищ командующий! Мы не знали ваших планов и неправильно поступали с ним. Мы извинимся перед ним от имени нашей группы и вернем его к себе в Диянси, – искренне раскаивался Ким Чжу Хен.

Но я не согласился с ним:

– Нет, пусть остается. И мне хотелось, кстати, повстречаться с ним. Раз дело приняло такой оборот, прошу вас привести его в тайный лагерь. Хотелось бы выкроить время побеседовать с ним. А просить прощения буду я сам вместо вас.

В тот день я рассказывал бойцам группы обо всем, что я знал, на что рассчитывал, надеясь привлечь его к созданию единого фронта. Жизненный путь того помещика в тот день стал известен всему отряду,

По моему предположению, родился он в начале 60-х годов минувшего века. Когда мы вышли в район Чанбая, этому пожилому человеку уже перевалило за седьмой десяток лет. Родной его край – село Чхонсу уезда Ичжу провинции Северный Пхеньан. Когда я учился в Гирине, Чан Чхоль Хо, уроженец Ичжу, часто рассказывал мне о Ким Чжон Бу, не без симпатии к нему – о том, что он, богач, несмотря на свое социальное происхождение, весь отдался делу движения Армии независимости. Ким Ман Ду, его сын, был старым другом Чан Чхоль Хо и О Дон Чжина еще в годы жизни в селе Чхонсу.

Когда слава об Армии независимости потрясала весь Чанбай, Ким Чжон Бу был шефом отдела южной части общества Кунбидан. Все его состояние уходило на приобретение тканей, продовольствия и других интендантских материалов для Армии независимости. Пока силы армии возрастали, в Диянси он производил картофельный крахмал и, сооружив водяную мельницу, очищал зерно, чтобы ими обеспечивать общество в качестве провианта.

В то время из Гирина, Фусуна, Линьцзяна, Бадаогоу, Хуадяня и других мест собирались в Чанбай участники движения за независимость. Для них дом Ким Чжон Бу был и ночлегом, и местом сходок. И эти обстоятельства также заставляли меня небезразлично относиться к этому человеку.

Немаловажный вклад внес он и в воспитание подрастающего поколения. К 1920 году в лесной глуши Диянси появилась частная школа *содан,* учрежденная Ким Чжон Бу, в ней обучали традиционным наукам Кореи. У него было неукротимое желание учить детей своих арендаторов лучше, чем учат в других местах. И он перестроил *содан* в четырехгодичную начальную школу с ориентацией на новые науки. Через некоторое время он принял новые меры – превратил ее в шестилетнюю частную школу, где учились более 150 учеников. В школу в Диянси он принимал всех детей из окрестных деревень. Содержание этой Чонсанской частной школы, зарплата учителей – все помещик покрывал за счет доходов от арендной платы. В школе давали национальное образование – воспитывали учеников в духе борьбы за независимость, суверенитет государства, прививали чувство любви к своей Родине и нации.

В Диянси крестьяне вносили арендную плату на принципах добровольности. Все зависело от урожая. Хочешь, отдавай один мешок, пожалуйста, хочешь десять – будь добр. Так происходило потому, что помещик Ким Чжон Бу не определял своим арендаторам норму натуральной платы по количеству и качеству земельных угодий. Между помещиком и арендаторами не было такого контракта, по которому определялось, сколько процентов из годового урожая оставалось крестьянам, а сколько шло помещику.

Ветеран антияпонской революционной борьбы Ли Чхи Хо, который одно время был арендатором у помещика Ким Чжон Бу в Диянси, вспоминает: «Я никогда не слыхал, что на свете бывают такие, как Ким Чжон Бу, добрые помещики, с широкой душой. Взяли мы у него в аренду землю, но не знали, сколько процентов урожая отдавать. Много раз занимали у него зерно и всякий раз возвращали его беспроцентно. И Ким Чжон Бу не имел претензий, во всем полагался на добрую волю арендаторов. Не случайно сельчане воздвигли перед его домом памятник в честь высокой нравственности хозяина. Владел он большой площадью земли в

Диянси, но эти делянки, факт, почти ничем не лучше пятнадцати *чонбо* плодородных равнинных полей».

Жители Диянси в один голос восхваляли Ким Чжон Бу, почтительно называя его «наш батюшка», «господин наш шеф», «господин основатель нашей школы». Действительно, редчайшее явление.

Благородные деяния Ким Чжон Бу вызывали большие опасения у соседних помещиков. Они беспокоились, как бы их арендаторы не позавидовали арендаторам Ким Чжон Бу в Диянси, обращая внимание на их жизнь. Они стали уговаривать Ким Чжон Бу: «Ты, значит, с ними даже договора не заключил, позволяешь им платить, сколько им хочется. Это уж чрезмерная «филантропия». Смотри, через три-четыре года все твое хозяйство улетит на ветер».

Хотя соседние помещики порой беспокоились такими словами, но Ким Чжон Бу оставался спокоен. Он им отвечал: «Не буду утруждать арендаторов договорами. Разве от этого трое едоков нашей семьи умрут с голоду? Когда сыты арендаторы, я тоже буду сыт. Они будут голодны, и я буду голодать. По таким правилам мы с арендаторами живем душа в душу. Так и вам бы думать».

Вот каким добрым и высоконравственным человеком был богач Ким Чжон Бу, И поэтому чиновники ведомства Маньчжоу-Го и японского консульства не смели пренебречь его авторитетом.

Среди помещиков, задержанных бойцами группы, оказался и человек с прозвищем «сержант Ким». Он тоже был патриотически настроенным помещиком. Получил он такое прозвище за то, что за его плечами была служба в звании сержанта в армии новой структуры в период Старой Кореи. Его полное имя – Ким Чжон Чхир.

«Сержант Ким» подростком добровольно вступил в армию династии Ли, рано начав тем самым воинскую службу. Одно время служил в первой осовремененной корейской армии Пельгигун (Она была создана в Корее в 1881 г. – ред.), горячо откликнулся на правительственный переворот года Капсин[8], совершенный группой реформаторов.

От его облика, сходного по простоте с деревенским дровосеком, опрятного, подтянутого, веяло твердостью и своего рода политической убежденностью. Во время реформы года Кабо (буржуазная реформа в 1894 г. – ред.) он служил в комендантском полку, охранявшем королевский дворец, потом его перевели в

местный гарнизон. После падения государства он бросился в океан движения Армии справедливости. А когда это движение сошло на нет, ушел с головой в приобретение средств на жизнь.

Почти все годы последнего периода Старой Кореи «сержант Ким» неизменно верно служил в армии нового типа. Он был живым свидетелем истории, своими глазами видел весь процесс разрушения армии династии Ли (Ее насильственно распустили японские оккупанты в августе 1907 г. – ред.) и пережил на собственном опыте все государственные бедствия Кореи нового времени. По словам Ким Чжон Бу, он, несмотря на большой стаж добросовестной службы, так и не смог подняться выше ранга сержанта. И это лишь потому, что он был северянин, родом из Капсана, уроженцев которого правители династии Ли дискриминировали как людей зоны ссылки. Правительство феодальной династии на словах ратовало за военно-политическую реформу, провозглашало отмену родовой кастовости, но оно, видимо, не избавилось от стандартов старого времени, когда выходцев из северо-западных провинций не продвигали по службе.

«Сержант Ким» был помещиком. Он имел десять *чонбо* земли и немало тяглового скота. Однако это был патриот. Он отличался прогрессивностью, восприимчивостью в своем образе мышления и действия.

Несмотря на это, в те дни многие люди не имели ясного представления о таких, как Ким Чжон Бу и «сержант Ким». Когда мы говорили: «И они могут стоять на нашей стороне при формировании единого фронта», то такие люди, разинув рот, недоумевали: «Как же привлекать их на нашу сторону? У них же так много земли. Разве это не переход на позиции классового сотрудничества?»

Собственно, еще полвека назад, когда положения Карла Маркса и В. И. Ленина считались в мире коммунистов единственным руководством к действию, каждую нашу попытку идти рука об руку с каким-то помещиком некоторые люди встречали в штыки. Они называли это отклонением от марксизма. А если мы выражали готовность сделать того или иного капиталиста нашим союзником, они дрожали от опасения: это же, мол, еретическое отступление от ленинизма. Таким было последствие чрезмерного абсолютизирования положений марксизма-ленинизма, догматического подхода к нему, оторванности от конкретных особенностей нашей страны, от живой реальности корейской революции.

О чем говорят статистические данные о процессе классового расслоения и изменения отношений землевладения в корейской деревне до освобождения страны? О том, что с ростом числа крупных помещиков-японцев резко сократилось число крупных корейских землевладельцев, которые затем скатывались на положение средних и мелких помещиков или совсем разорялись.

Японские империалисты укрепляли фундамент своего режима генерал-губернаторства путем сохранения феодальных отношений землевладения. В ходе этого процесса часть местных помещиков при поддержке генерал-губернаторства расширяла земельные угодья и капитал и превращалась в крупных землевладельцев, которые вкладывали капиталы в промышленность и торговлю, даже в компрадорскую буржуазию. Однако большинство помещиков-корейцев оставались средними, мелкими землевладельцами.

И естественно, что часть из них, разоренная вследствие оккупации Кореи японскими империалистами и их колониального владычества, ратовала за патриотизм и, хотя и пассивно, вступала на дорогу антияпонской борьбы.

Так среди помещиков и капиталистов нашей страны оказались и те, кто активно помогал делу антияпонской революции, были и те, которые с освобождением страны, добровольно сдав государству все свои земли и промышленные предприятия, стали обыкновенными трудящимися, самоотверженно работали во имя строительства новой Кореи. У этих совестливых имущих, дорожащих процветанием Родины и нации больше, чем собственной наживой, нет никаких политических причин противодействовать политике коммунистов, нет и эмоционально-психологических оснований ставить палки в колеса их революционному движению.

Конечно, и я в детстве думал, что помещики и капиталисты – все до одного паразиты, едущие на чужом горбу.

Мысль о том, что и среди имущих встречаются совестливые люди и поэтому их можно разделить на патриотически настроенных и реакционеров, возникла у меня еще в годы ученичества в Чхандокской школе. Точнее, с той поры, когда я услышал, что Пэк Сон Хэн передала в дар школьному фонду немало земельных угодий.

Дружеские узы с Чжан Вэйхуа стали для меня поводом

критически пересмотреть и отвергнуть взгляды тех, кто считает всех без исключения имущих противниками. И связи с Чэнь Ханьчжаном позволили мне более четко сформулировать отношение к богатым.

К чему приведет, если мы будем уничтожать или удалять от себя этих патриотически настроенных людей за то, что они богаты? К отвержению сторонников революции, к потере сочувствия многочисленных масс, не говоря уже о самих патриотически настроенных имущих. Массы повернутся спиной к столь бесчеловечной революции. Этому обрадуются только ее враги. Любые малейшие ошибки и отклонения в классовой борьбе в конечном счете могут обернуться величайшими преступлениями, идущими на пользу врагу, льющими воду на мельницу его стратегии.

Я попал в заколдованный круг – пришлось мне, как командиру партизанского отряда, извиняться за оплошность наших людей перед Ким Чжон Бу и его коллегами.

Как только я отдал приказ, командир небольшой группы привел их, ожидавших решения своей участи, ко мне в комнату. Я от души извинился за то, что наши люди вдруг столь бесцеремонно увезли их в ночь.

Ким Чжон Бу молча бросил на меня взор, в котором смешались и вражда, и тревога. Те же чувства выражали и взгляды других задержанных. Видимо, всех тяготила мысль: «Что будет дальше?» Хотелось бы мне поговорить с ними потеплее, но такого разговора не получалось. Холодная отчужденность не давала возможности повернуть беседу в нужное русло.

– Не знаю, кто такие вы, господа военные, – если вы Армия независимости, то скажите, сколько потребуется от нас пожертвований в фонд армии. А если вы местные бандиты, назовите цену освобождения заложников, – первым зазвучал в оледеневшем воздухе занозистый голос Ким Чжон Бу.

Его слова еще более сгустили и без того напряженную атмосферу в комнате. Ким Чжон Бу и его коллеги, очевидно, считали нас либо Армией независимости, либо местными бандитами.

Местные бандиты и китайские антияпонские отряды часто прибегали к тактике – захватывать заложников. За освобождение их они получали деньги. Сам Ким Чжон Бу уже два или три раза

побывал заложником у местных бандитов и подвергался всяким оскорблениям.

Помещики, затаив дыхание, пристально смотрели на меня. Видимо, страшно беспокоились, как бы я не назвал чересчур большую сумму выкупа за их освобождение.

В ту минуту опять явился передо мной командир той небольшой группы. У него в руках было десять пачек сигарет. Доложил, что ему не удалось заплатить за сигареты лавочнику в Диянси: хозяин, мол, не захотел брать деньги.

Я обратился к помещикам:

– Не скажете ли, кто такой хозяин лавки в Диянси, который бесплатно дал десять пачек сигарет командиру нашей малой группы?

– Это Ким Сэ Ир, человек доброй души, – ответил Ким Ман Ду как бы от имени всех. – Он инвалид и жена его работает на крупорушке по найму. И семья перебивается кое-как. Житье-то у них столь плачевное, что я дал им немного денег и посоветовал заиметь хотя бы галантерейную лавку. И вот он на эти деньги устроил лавчонку.

Выслушав его, я упрекнул командира группы:

– Семья бедная, а вы, думаю, вели себя не как следует. Не заплатили и ушли со спокойной душой. Говорите: хозяин денег получать не хочет. Это разве приличное поведение?

После такого разговора атмосфера в комнате, к моему удивлению, изменилась.

Помещики, видимо, испытав какое-то душевное потрясение, зашептались, многозначительно переглядываясь друг с другом. Кажется, они считали мой упрек командиру группы чрезмерным. Возник очень хороший шанс наладить диалог с ними.

– Извиняемся, что заставили вас, пожилых людей, идти ночью, да еще в такую ненастную погоду. Ходим по незнакомым краям, и порой у нас бывают такие оплошности. Признаться, к вам наши товарищи отнеслись в чем-то непочтительно. Хочется верить, что вы их великодушно простите, – так я снова просил прощения.

Лишь тогда, казалось, они почувствовали облегчение по-настоящему.

– Скажите, какой это ваш отряд? Вижу: по наряду вы не похожи на местных бандитов. Однако форма ваша не так, что у Армии независимости прошлых лет...

И Ким Чжон Бу с нескрываемым любопытством внимательно глядел на меня.

– Мы Корейская Народно-революционная армия, боремся за независимость Кореи, – сказал я.

Этим ответом мы, так сказать, впервые представили себя влиятельным лицам Чанбая.

– Говорите, Народно-революционная армия?! Если не ошибаюсь, это отряд Полководца Ким Ир Сена? Тот самый, что недавно здорово потрепал япошек в Фусуне?

– Да, именно тот самый отряд.

– И сейчас он, Полководец Ким Ир Сен, в Фусуне?

– Нет. Извините, господин Ким, что не успел представиться. Я и есть Ким Ир Сен.

Ким Чжон Бу взглянул на меня недоверчиво, а потом горько усмехнулся.

– Не обижайте меня, старого человека, мне уже за семьдесят. Не верится. Таким молодым, с румяным лицом, не может быть тот самый Полководец Ким Ир Сен, который, говорят, применяет тактику «сокращения расстояния». Полководец Ким совсем другой. Он нам, простолюдинам, не сродни. Он человек необыкновенный, у него, знаете, и зубы-то в два ряда. Тут в наш разговор вмешался Ким Чжу Хен:

– Перед вами именно он, наш командующий Ким Ир Сен!

Лишь теперь он поверил, что я Ким Ир Сен, и извинился за то, что сразу не признал Полководца.

– Коли так, может быть, и лучше, что полководцу менее трех десятков лет, что он не седовласый, не так-ли? – обратился Ким Чжон Бу к «сержанту Киму».

Тот утвердительно ответил:

– Битва за возрождение Родины не кончается за год-два. Значит, более надежен здоровый, молодой военачальник.

Наша беседа продолжалась теперь уже в теплой, полной взаимного понимания обстановке.

В тот день помещики спрашивали о многом. Неожиданно озадачил меня вопросом Ким Ман Ду:

– Люди говорят, что вы, Полководец Ким, заранее узнаете тайну природы на три дня вперед. Скажите, это правда?

Вопрос, конечно, был нелепым, но мне волей-неволей пришлось ответить, хотя было неловко.

– Нет, это чепуха. Неуместно говорить, что я предугадываю тайну природы на три дня вперед. Зато мы можем точно оценить ситуацию. Мы, Народно-революционная армия, имеем связи с народом, от него своевременно получаем точные сведения. По-моему, народ – Чжугэ Лян (мудрец древнего Китая – ред.). Без поддержки и помощи народа мы не можем ни шагу сделать вперед.

– Вы, Полководец, превозносите простолюдинов до небес. А мы просто не находим себе места. Думаю, наш долг – помогать вам в свершении большого дела. Так. скажите, пожалуйста, чем мы можем для вас быть полезны?

– Буду откровенным, мы. перемещаясь в Чанбай, намеревались посоветоваться об этом, если встретимся с вами. До этого мы на просторах Маньчжурии с оружием в руках много лет вели кровопролитную борьбу за разгром японских захватчиков. Начали борьбу голыми руками, а теперь Народно-революционная армия бьет врага повсеместно. Как я уже сказал, не будь помощи и поддержки народа, наша революционная армия не выросла бы в такую могучую силу, какую вы видите сегодня. Чтобы победить вооруженные до зубов японские войска и освободить Родину, вся нация должна, как один, сплотиться, объединить свои силы и помыслы. Кем бы ты ни был – помещиком или капиталистом, если любишь страну, должен помогать Народно-революционной армии.

В моих словах, по-видимому, помещики черпали большую силу.

– Те, кто любит Родину и нацию. – продолжал я, обращаясь к Ким Чжон Бу, – все без исключения, обязаны помочь революции и имеют на это право. Вы подняли в Диянси сотни тысяч *пхен* подсеки. Ради чего? Для того, чтобы своими деньгами и зернами помогать движению за независимость страны. И вот ваши арендаторы и деятели движения за независимость, объединенные едиными помыслами, воздвигли памятник в честь вашей нравственности. Не так ли?

– А позвольте спросить, откуда вы так хорошо знаете о моем прошлом, обо мне, этаком ничтожном человеке?

– Ваше имя я знал от моего отца, запомнил из уст уважаемых О Дон Чжина, Чан Чхоль Хо и Кан Чжин Гона.

– Позвольте, как фамилия и имя вашего отца?

– Его звали Ким Хен Чжиком. Когда мой отец жил в Бадаогоу и Фусуне, он часто упоминал о вас.

– Слыханное ли дело!.. – Он, часто моргая, не сводил с меня

пристального взгляда. – Беда какая! Не знал, что Полководец Ким – сын Ким Хен Чжика... Стар я и бесцельно прожил годы в медвежьих углах и, видишь, стал никудышным, кого мало интересуют мирские дела. Так или иначе, – мы-то с вашим отцом были близкими друзьями... На ту землю, где отпечатаны следы вашего отца, сегодня вы, Полководец, вступаете со своими войсками. Как рад видеть вас таким! Просто не нахожу слов!

– И я тоже несказанно рад, что встретился с вами, деятелем-патриотом. Наши товарищи, не имея представления о сути дела, привезли вас сюда. Я им сказал: «Господин Ким – не прояпонский, не реакционный, а патриотический помещик». Хотя мы не можем воздвигнуть памятник в честь вашего благодеяния, как это сделали жители Диянси, но не будем принимать патриотического помещика за прояпонского. Заверяю вас, что впредь таких серьезных промахов не будет. Вы вправе гордиться своим прошлым, когда всю душу, всю энергию посвятили движению за независимость.

Ким Чжон Бу со слезами на глазах то и дело выражал свою благодарность.

– Раз вы. Полководец Ким, назвали меня помещиком-патриотом, у меня, старого человека, нет никакой досады, хоть умру сию же минуту.

Следуя примеру своего отца, Ким Ман Ду отвесил глубокий земной поклон. На них взирали другие помещики, не скрывая тревогу и зависть.

Гаммы их переживаний понял Ким Чжон Бу и, указывая на них, вежливо сказал:

– Полководец! На самом деле и эти помещики не являются реакционерами. За них ручаюсь вам головой. Если вы мне верите, прошу вас не считать их предателями.

– Почему бы не верить, раз за них ручаетесь? Вы лично ручаетесь – и я не буду думать о них плохо.

Выслушав меня, они закивали головами в знак благодарности.

На этом закончилась первая наша беседа. И поныне она жива в моей памяти. Если бы та беседа вылилась в допрос «преступных японских элементов» или стала бы чем-то вроде митинга, где ораторы с гневом осуждают чьи-то грехи, то я теперь не мог бы со столь приятным настроением вспоминать наши разговоры со знатными людьми из Диянси в общежитии лесорубов Мацзяцзы, где мы встретились с Ким Чжон Бу и другими помещиками и

беседовали с ними до полночи, когда на дворе моросил мелкий дождь. Мы не задавали острых вопросов, скажем, таких: кто из них и как эксплуатировал арендаторов? В какой мере содействовал колониальной политике японского империализма? Сколько у них грехов перед Родиной и нацией? Наоборот, мы все начинали с установленного факта, что те помещики не настроены прояпонски. Без малейшего колебания я выказал им свое доверие. Благодаря этому доверию в ту ночь помещики получили новое представление о коммунистах.

Беседа того дня, правда, ограничилась тем, что мы познакомились и распахнули двери в души друг друга. Все основные вопросы, которые мы хотели обсудить с ними, остались на будущее. Цель наша заключалась прежде всего в том, чтобы идеологически воздействовать на помещиков из Диянси в духе «Учредительной декларации Лиги возрождения Родины» и добиться от них всевозможной материальной помощи КНРА. И еще в том, чтобы с их помощью превратить знатных людей Чанбая и его окрестностей из созерцателей, а то и противников революции в сочувствующих ее делу, ее сторонников, помощников. А для этого нам предстояло еще много беседовать с ними.

Между прочим, я намеревался вернуть Ким Чжон Бу вместе с сыном поскорее в Диянси.

На следующий день я посоветовал старому Ким Чжон Бу вернуться в село. А он категорически отказался, оборвав мои слова:

– Полководец, по правде говоря, я всю ночь о многом думал. Должен сказать, что мне помогла встретиться с вами воля неба и земли... Собственно, я давно старался во всем быть полезным Родине и нации, но, видите, почти ничего не получилось. Я уже стар, иссякла моя сила, но, главное, я осознал, что одной нравственностью нацию не спасешь. На склоне лет я беспомощно метался, не зная, чем помочь возрождению Родины. Судьба свела меня с вами. Какое величайшее счастье! Я должен остаться здесь. Пусть мой сын Ман Ду вернется в Диянси. Он оттуда, ссылаясь на меня, может послать вам материальную помощь. Сын мой скажет властям: «Надо спасти отца. Придется для этого послать партизанам кое-что. Повезу в горы продовольствие, ткань, обувь и так далее. Прошу вас на это не обращать внимание». Властям не к чему будет придраться.

Слова старика сильно тронули меня. Они проникали в глубину моей души как клич совести.

Но я не мог согласиться с ним, и потому уговаривал его:

– Вполне понимаю вас. Одни эти ваши благородные слова уже придают мне большое вдохновение. Но здесь вам трудно придется. Не годится все: и место ночлега, и питание. Притом скоро похолодает, да и усилится напор карательных отрядов японских империалистов. По-моему, вы должны вернуться домой.

Однако старый помещик все-таки упорствовал, умолял:

– Я, конечно, не гожусь в партизанские бойцы, но прошу не лишать меня, ради бога, возможности содействовать достижению независимости страны.

Я был вынужден на время оставить его в тайном лагере и вернуть в село лишь его сына.

Для знатных людей из Диянси мы выделили в тайном лагере отдельное помещение и искренне заботились о них. Живя в горах, мы во всем испытывали недостатки. Но даже в тех случаях, когда всем бойцам отряда приходилось питаться жидкой похлебкой, мы угощали помещиков из Диянси белым рисом из неприкосновенного запаса. Снабжали бойцов листовым табаком, а гостей – сигаретами в качестве особой привилегии. И день своего рождения, и новогодний праздник 1937 года Ким Чжон Бу отметил в тайном лагере.

День его рождения, насколько я помню, был в декабре месяце по лунному календарю. Еще до того он и не думал о возвращении домой. Все настаивал на своем, говорил, что, мол, не покинет тайный лагерь, пока не увидит материалы, которые должен был нам в помощь послать его сын из Диянси.

Я испытывал угрызения совести, чувствовал себя как бы виновным перед ним, да и всей его семьей. Не вернул домой старика семи десятков лет, заставил его отмечать день рождения в горах, – виданная ли бесчеловечность?

Я попросил у подпольщиков, которые действуют в контролируемых противником районах: заранее приготовить очищенный рис, мясо, спирт и другие продукты. В день его рождения я навестил юбиляра в тайном лагере. Со мной пошел мой ординарец, который нес все приготовленные продукты. Нельзя сказать, конечно, что праздничный стол ломился от обилия яств. Но надо отметить, что такой юбилейный стол в честь Ким Чжон Бу почти не имел равных в истории КНРА. Такое мы не могли приготовить

даже и в случаях, когда поздравляли боевых друзей со свадьбой. В те времена на партизанских свадьбах угощение ограничивалось миской каши да супом.

Увидев праздничный стол, Ким Чжон Бу сделал большие глаза и спросил:

– Еще далеко до новогоднего праздника по лунному календарю, а почему приготовлен такой обильный стол?

– Сегодня день вашего рождения. От имени Народно-революционной армии поздравляю вас с днем рождения! – Я налил полный стакан вина и предложил старику. – Извините, господин Ким, что вам приходится отмечать свой юбилей в такой горной глуши, в столь лютый мороз. Стол не ахти какой, но буду рад, если оцените нашу искренность. Кушайте на здоровье!

Держа в руке стакан, он со слезами говорил:

– Партизаны, вижу, питаются одной грубой похлебкой из кукурузы, терпят все муки ради того, чтобы вернуть потерянную Родину. Совестно мне, старику, принимать три раза в день горячую пищу – просто в рот не лезет. Тем более, отмечать в этих горах юбилей! Для меня, старика! Вашу заботу, Полководец, не забуду до гроба!

– От души желаю вам жить подольше, пока страна не станет независимой.

– Зачем долголетие такому старому человеку? Все равно, доживу или не доживу. Но вы, Полководец, будьте здоровы и спасите нашу нацию от бедствий.

В тот день я говорил с Ким Чжон Бу о многом.

Стоял жуткий мороз, в горах выпал обильный снег. И мы не отпускали его домой – нас беспокоило: не случится ли с ним какая-нибудь неприятность в горах да в снегу? Все-таки нам пришлось уговорить его остаться на всю зиму в тайном лагере.

Свои впечатления, полученные от жизни в тайном лагере за четыре с лишним месяца, Ким Чжон Бу высказывал откровенно. Это было его, я бы сказал, комплексным впечатлением от Народно-революционной армии. В то же время это была его сжатая оценка коммунистов Кореи, за которыми он внимательно следил на протяжении многих лет.

– Чего греха таить, до сих пор я косо смотрел на коммунистов. Но ваш коммунизм, Полководец Ким, вижу, совершенно иной. Помещиков вы делите на прояпонских и антияпонских, караете

только прояпонских. Кому плох такой коммунизм? Япошки обзывают партизанскую армию «коммунистической бандой». Но все это собачья брехня!.. За это время я кормился из партизанского котла и много размышлял. Конечно, многое решил заново. Жить-то живу, а сколько еще осталось мне жить? Но остаток своей жизни проживу достойно. Понял: хоть умру, но помочь Народно-революционной армии надо. Такова моя воля. Верьте, что я, Ким Чжон Бу, до гроба буду стоять на вашей стороне, Полководец Ким!

Итак, пожив в тайном лагере, Ким Чжон Бу превратился в нашего активного сторонника.

Среди помещиков, которых мы привезли к себе с целью перевоспитания и получения материальной помощи, оказались и такие, на которых гневно указывали пальцем крестьяне. Но за них ручался сам Ким Чжон Бу как старший. Он взял их под свой контроль, оказывал на них благотворное влияние, чтобы все они вышли на путь патриотизма, на путь антияпонской борьбы.

На нужды интендантской службы Народно-революционной армии Ким Чжон Бу пожертвовал большую сумму денег – свыше трех тысяч *юаней,* достал для нас ткани, продовольствие и другие разные вещи. Из купленных им тканей мы сшили новые ватники и военную форму для всех бойцов отряда.

После возвращения к себе в Диянси сын Ким Чжон Бу сдержал свое слово и с большим размахом оказывал нам материальную помощь. Едва вернувшись из тайного лагеря, он продал десяток с лишним волов из полученных от ведомства и запасся крупной суммой наличности. К тому времени уездные власти, провозглашая своей целью обеспечение крестьянству Диянси стабильной жизни, выделили ему в кредит десятки волов – для освоения пустоши. И после этого он взял из уездной управы более двадцати волов хорошей породы, написав гарантийное письмо, и по пути домой передал их в наши руки. Пожертвовал нам и собственную швейную машинку.

После вступления Народно-революционной армии в район гор Пэкту противник усилил гнет, контроль над населением в Чанбае. Семья Ким Чжон Бу также оказалась под надзором.

Однажды Ким Ман Ду вызвали в Чанбайскую полицию. Расспрашивали его:

– По нашим сведениям, вы имеете связь с отрядом Ким Ир Сена. Знаем, что передали в его руки много материалов. Как вы с ним

связаны? Каких и сколько материалов передали? Отвечайте без утайки.

Ким Ман Ду, не моргнув глазом, притворился несчастным пострадавшим:

– Видно, вы думаете, будто мы имеем какие-то тайные связи с отрядом Ким Ир Сена. Но вы ошибаетесь. Связей, в которых вы подозреваете, нет вообще, такого и быть не может. Коммунистической ли армии брать себе в помощники нас, крупных помещиков? Сейчас мой отец задержан в тайном лагере армии коммунистов. Это и вы хорошо знаете. Я как сын, чтобы спасти отца, послал им кое-что. В чем же моя вина? Готов отдать хоть все свое хозяйство, лишь бы спасти отца. Когда с вами случится такое, то разве не так вы поступите?

Полицейские сочли его ответы логичными, больше не допрашивали и отпустили домой.

Вот так Ким Чжон Бу и его сын все делали, чтобы помочь революционной армии. Пришлось им продать немало земли, тяглового скота.

Чтобы дать Армии независимости продовольствие и деньги, Ким Чжон Бу освоил пустошь и, наконец, стал помещиком. Все финансово-денежные средства, оставшиеся после расходов на Армию независимости, целиком пошли в помощь Народно-революционной армии. Правда, в жизни не так просто, как на словах, отказаться от стремления стать еще богаче, которое служит у помещиков и капиталистов фактором существования, и без сожаления жертвовать на алтарь Родины свое имущество – опору дальнейшего обогащения.

Именно в этом мы видим глубину патриотизма Ким Чжон Бу, высоту его заслуг перед антияпонской революцией. За весь период антияпонской революции я почти не встречал другого такого крупного помещика, который помогал бы нам с таким патриотическим пылом, столь последовательно и с таким размахом, как Ким Чжон Бу.

Позже в журнале «Самчхолли» были помещены в форме беседы со мной заметки, в которых излагались фрагменты увиденного им самим и пережитого сердцем в тайном лагере. Ниже привожу некоторые отрывки из этих заметок в том виде, как они есть.

«В пограничных районах довольно широко известен «… Ким Ир Сен». Его, пожалуй, помнит любой, кто читал газету.

Именуясь «командующим», он держит в своей воле около... своих подчиненных из числа маньчжуров и корейцев, совершая налеты туда-сюда. Со всем упорством он противостоит армии и возглавляет притон в горах! В тайне собирает вокруг себя единомышленников и мечтает о том и о сем! Что он из себя представляет?

Господин Ким Чжон Бу с огромным любопытством встречался с этим загадочным человеком.

Человек это рослый, с зычным голосом. По говору вроде бы уроженец провинции Пхеньан. Вопреки всяким предположениям, очень молод. Ему не более 30 лет, полон молодецкой силы. В совершенстве владеет маньчжурским языком. А в голосе у него командирский тон почти не слышен. Ведет он жизнь точно такую же, как и рядовые бойцы. Даже в одежде и питании не отличается от них; в горестях и радостях – всегда вместе с ними. Кажется, именно в этом кроются его притягательная сила и обаяние.

– Сколько у вас, старого человека, забот и тревог в такие холода? – тепло поздоровался он и...

– ... Кто из нас, молодых, не желает теплого местечка и благополучной жизни? Порой подряд два-три приема пищи пропускаем, остаемся даже без ячменной похлебки. Но мы охотно принимаем на себя все это мученичество. Ведь все это не зря. Я живой человек, у меня такие же и слезы, и кровь, и дух. Но мы все одолеем, бодро переживем тяготы этой холодной зимы.

Голос у него тихий, в поведении не видно грубости – все немного иначе, чем предполагалось, не то, что характерно для главаря банды.

Утешал он Кима разными словами: «Теперь зимний мороз, в снегу и шагу не ступить. Наступит весна – обязательно вернем вас домой, так что вы можете не беспокоиться». Потом, велел выделенному сторожу заботиться о нем внимательно...»

Эта заметка вышла из-под пера Рян Иль Чхона, ученика Пак Ин Чжина. Рян жил в Хесане. Кажется, Ким Чжон Бу сравнительно откровенно и смело выложил то, что было в душе, хотя все публикации находились под строгим надзором, контролем японских властей. Удивительно, что «Самчхолли» мог поместить на своих страницах статью такого содержания в те годы, когда была введена жесткая цензура на все материалы о действиях Народно-революционной армии.

Ким Чжон Бу, следуя моему совету, переселился, говорят, в Хаматан, что в Ванцине, и там скончался, так и не дожив до дня освобождения страны.

Когда судьба свела меня с Ким Чжон Бу, мне было чуть за двадцать, а теперь уже перевалило за восемьдесят. Значит, теперь я примерно на десять лет старше, чем тогдашний Ким Чжон Бу. И я, человек, которому за восемьдесят, острее в душе воспринимаю как собственные все неудобства и даже муки, пережитые им в партизанском тайном лагере. Хотя я, конечно, старался делать все от меня зависящее, чтобы тепло заботиться о старом человеке, но. думаю, не во всем ощущались мои усилия. И поныне у меня на душе тяжким камнем лежит мысль о том, что я не мог окружить его теплом и заботой, не мог угостить получше.

Я не мог перезахоронить останки Ким Чжон Бу, не мог даже воздвигнуть памятную стелу над его могилой.

Во времена, когда мы впервые продвинулись в горы Пэкту, помню, наш отряд находился в очень тяжелом положении. Ни денег, ни зерна, ни тканей – ничего не было. И тут многое решил Ким Чжон Бу. Это было его подарком на всю жизнь подлинным сынам и дочерям Кореи – от старшего поколения движения за независимость. Мне никогда не забыть его искреннюю помощь.

Патриотические деяния, которые совершил по велению своей совести Ким Чжон Бу – крупный помещик, представитель имущего класса, нельзя игнорировать. Они стали определенным вкладом в ускорение подготовки к всенародному сопротивлению против японского империализма, стали большим подспорьем в нашем деле. В отличие от 20-х в 30-е годы главный поток антияпонской национально-освободительной борьбы составляло вооруженное сопротивление. То, что в этот самый период помещики и капиталисты оказывали нам материальную, финансовую и духовную поддержку, не могло не сопровождаться риском для их собственной жизни. Но Ким Чжон Бу пошел на такой риск.

Вот почему мы относили его к числу патриотов, вот почему не можем забыть его и поныне, через многие десятки лет.

На половине территории нашей страны и сегодня существуют помещики и капиталисты. Среди них, говорят, встречаются и такие, чье богатство исчисляется сотнями миллионов. Конечно, среди них имеются и реакционно настроенные, но, пожалуй, немало и патриотов.

Каково будет отношение корейских коммунистов к помещикам и капиталистам в будущем объединенном конфедеративном государстве? Чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно познакомиться с рассказом о помещике-патриоте Ким Чжон Бу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Люди Чанбая

Западное Цзяньдао …120

Шум водяных мельниц …143

Ли Чжэ Сун …160

Вместе с боевыми друзьями
из Южной Маньчжурии …184

Ежемесячник «Самиль вольган» …208

Сентябрь 1936 – декабрь 1936

1. Западное Цзяньдао

Многие уезды, расположенные восточное гор Пэкту и севернее реки Туман, люди давно называли Цзяньдао или Северным Цзяньдао. А район севернее реки Амнок и западнее гор Пэкту называют Западным Цзяньдао.

Западное Цзяньдао памятно как местность, непосредственно связанная с действиями КНРА во второй половине 30-х годов. Когда мы говорим о Пэктусанской опорной базе, то подразумеваем именно Западное Цзяньдао и обширный район внутри Кореи, центром которых являются горы Пэкту. Просторы Западного Цзяньдао вместе с тайным лагерем в горах Пэкту, построенным КНРА в Корее, играли немаловажную роль в сети Пэктусанской опорной базы. В этом смысле, думаю, можно называть Пэктусанскую опорную базу и Западноцзяньдаоской, имея в виду только китайский район.

Некоторые люди раньше называли ее и Чанбайской, однако такое наименование нельзя признать точным. Ибо может возникнуть неправильное представление, будто в территориальном отношении Пэктусанская опорная база ограничивается районом Чанбая и прилегающими местностями Западного Цзяньдао. Она не замыкалась в районе Чанбая. Это была крупная опорная база вокруг гор Пэкту – она охватывала многие уезды Западного Цзяньдао, расположенные в верховьях реки Сунгари и северной части бассейна реки Амнок, а также обширную территорию Кореи.

Вторая половина 30-х годов характеризуется выдающимися достижениями КНРА, вошедшими золотой страницей в историю ее военно-политической деятельности. Создав несколько десятков тайных лагерей в районе гор Пэкту, мы вступили в борьбу за решение новых стратегических задач, обсужденных и намеченных на Наньхутоуском совещании. При этом Западное Цзяньдао стало ареной наших активных действий. С того момента его территория стала полем брани: там чаще шли битвы и громче раздавалась канонада, чем где-либо в другом месте.

Я не раз говорил, что Западное Цзяньдао – хорошая местность.

Под хорошей местностью понимается, конечно, природная красота, но главным признаком ее, по моему разумению, должно быть то, что там живут добрые люди. Как ни своеобразен ландшафт, но местность нельзя назвать хорошей, если жители там недобрые. Наоборот, бывает, что где-то и земля малоплодородная, плохо произрастают травы и деревья, но у жителей добрая душа, – такая местность вправе называться хорошей.

В те времена в Западном Цзяньдао проживало много корейцев. Занимаясь подсечным земледелием и скудно питаясь в основном картофелем, наши бедные соотечественники-переселенцы построили там на тощих землях, на холмах, в ущельях поселки и дали им имена бывших родных сел: Пхунсандок, Капсандок, Кильчжудок, Менчхондок и тому подобное. С большим трудом карабкались они по крутому подъему человеческой жизни. По вечерам собирались вместе и слушали при тусклом свете горящей смолы сказки о родоначальнике Тангуне[9] и «Сказание об Ондаре»[10]. Среди помещиков большинство составляли китайцы. Были и корейские помещики, но их было не так много, да и они, если посмотреть на занимаемые ими угодья, были мелкими землевладельцами. Почти ничем они не отличались от зажиточных крестьян.

Корейцы, населявшие Западное Цзяньдао, были в основном переселенцы, покинувшие Родину в поисках средств к существованию, и патриотически настроенные эмигранты, которые после захвата Кореи японскими империалистами, горя стремлением смыть позор порабощенного народа, встали на путь антияпонского движения за независимость страны.

В любом поселке подсечных крестьян Западного Цзянъдао можно было встретить бывших активистов движения Армии независимости и помогавших им жителей. Как уже сказано выше, старейший военачальник этой армии Кан Чжин Гон также жил в уезде Чанбай, а Хон Бом До, О Дон Чжин и Ли Гык Ро тоже часто ходили в эту местность через районы Куаньдяня, Фусуна и Аньту. И Кан Чжин Сок, мой дядя по материнской линии, действовал в Линьцзяне, организовав Пэксанскую группу воинов.

Здесь проживало также немало людей, которые в свое время включились в движение крестьянских союзов в разных районах Кореи. А потом, после его провала, переселились сюда с семьями. Они основали вечерние школы едва ли не во всех селах Чанбая, занимались массово-просветительской работой. Ли Чжэ Сун, Чвэ

Ген Хва, Чон Дон Чхор, Кан Дон, Ким Сэ Ок и другие известные революционеры Чанбая в большинстве случаев были учителями вечерних школ. Было в этом районе немало и корейских частных школ, созданных эмигрантами из Кореи и местными патриотически настроенными знатными людьми. Эти учебные заведения активно занимались патриотическим воспитанием учеников. Благодаря массово-просветительской работе, проводимой в вечерних школах, и воспитанию молодежи и детей в обычных учебных заведениях из среды корейцев, населявших Западное Цзяяьдао, выросла целая плеяда патриотов.

Жители Западного Цзяньдао отличались глубокими национальными чувствами и устойчивыми антияпонскими настроениями. Это, конечно, явилось закономерным следствием их бедственного жизненного положения. Но надо сказать, что это было и плодом непрерывной просветительской работы, проводимой просветителями-патриотами, первопроходцами времени. Среди обладающих этими качествами можно было легко найти более активных и через них сплотить в организацию многих людей. Для этого достаточно было бы послать в этот район всего лишь одного подпольщика.

Мы направляли в Западное Цзяньдао подпольщиков из Корейской революционной армии еще в начале 30-х годов и вдохнули в эту местность «гиринское веяние». Их усилиями здесь было создано много наших организаций. После того, как в Наньхутоу и Дунгане были обсуждены вопросы о создании опорной базы новой формы, мы направили в Западное Цзяньдао небольшую группу во главе с Ким Чжу Хеном. Бойцы группы пребывали во многих селах в окрестностях гор Пэкту, и прежде всего в уезде Чанбай. Они знакомились с состоянием революционного движения в этой местности, искали активистов и воспитывали массы, готовясь к закладке фундамента для военно-политической деятельности главной части КНРА. В результате в Западном Цзяньдао была создана прочная база для поддержки ее действий и широкого развертывания движения за формирование единого антияпонского национального фронта.

Все это стало важным фактором того, чтобы мы быстро и успешно революционизировали район Западного Цзяньдао.

Если опытные подпольщики ведут работу по повышению сознательности жителей там, где имеется надежная массовая почва, то они могут

быстрыми темпами поднять уровень организованности масс и ускорить процесс их революционного воспитания. Таков был ценный опыт, который мы приобрели в ходе деятельности, развернувшейся главным образом в районе Западного Цзяньдао.

Знакомясь с положением в Западном Цзяньдао, мы видели его особенность в том, что здесь не очень сильно влияние режима Маньчжоу-Го. В этой местности выращивали главным образом картофель, и среди жителей было мало таких, которых можно было бы обложить налогом. В уезде Чанбай, например, насчитывалось всего несколько чиновников, управляющих населением, во главе с наместником.

Находясь несколько месяцев в Фусуне, я узнал, что в местной управе совсем мало лиц, способных вести земельный кадастр как следует. И, естественно, чиновники сетовали, что многие люди обрабатывают бесхозные земли без разрешения.

Характерной чертой полиции в районе Фусуна было то, что служба еле-еле держалась на родственных и приятельских связях. Кроме того, среди полицейских было много бывших охотников, принятых в полицию лишь по тому, что умеют стрелять. Все они были неграмотны и не могли даже как следует осуществлять контроль за людьми. Следовательно, управленческая администрация уже по составу своему не могла быть сильной.

Далее, я убедился, что в Чанбае положение мало чем отличается от положения в Фусуне. Такие местные особенности создавали благоприятные условия для того, чтобы сравнительно легко сделать жителей сознательными, организованными.

В Западном Цзяньдао не было фанатиков, преследовавших корейских коммунистов по обвинению в причастности к «Минсэндану». Здесь почти не нашлось и тех, кто либо осуждал борьбу корейцев за освобождение своей Родины под знаменем корейской революции, либо мешал их движению. Иначе говоря, не было тех, кто пренебрежительно и дискриминационно относился к нам, напоминая всякий раз, что, мол, мы проживаем по чужим углам, на чужой земле. Это тоже давало нам возможность свободно развертывать в бассейне реки Амнок и в глубине Кореи, главным образом, в горах Пэкту военно-политическую деятельность по развитию антияпонской революции согласно собственным убеждениям и решениям, не подвергаясь никаким притеснениям и ограничениям.

И в деле укрепления своих партийных организаций мы не испытывали никакой стесненности. Могли самостоятельно вести по собственным планам с широким размахом организационно-партийное строительство как в районе Западного Цзяньдао, так и в Корее.

Словом, в Западном Цзяньдао практически не было тех, кто связывал бы нам руки. Мы делали все по своему усмотрению: хочешь напасть на город – нападай, хочешь создать парторганизации – создавай, хочешь двинуться в Корею крупным отрядом – пожалуйста.

А ведь все было иначе, когда мы воевали на опорных партизанских базах Северного Цзяньдао. Так, стоило нам только сходить в Корею через реку Туман хотя бы на короткую встречу с соотечественниками, как к нам сразу начинали придираться: «Вы, значит, скатились в болото национализма». Когда мы настаивали на формировании народно-революционного правительства, Восточноманьчжурский Особый окружной комитет (ВМООК) и руководство уездного комитета партии игнорировали наши предложения, требуя установления правительства Совета. Говорили они, что такова, мол, линия центра.

Имелось еще одно благоприятное условие для того, чтобы мы могли ускорить процесс революционного воспитания жителей Западного Цзяньдао и обеспечить с их стороны активную поддержку нашей самостоятельной линии борьбы. Местные жители были свободны от слепого преклонения перед Россией. Они питали привязанность к социализму, но среди них не было распространено стремление во всем подражать России.

В Северном же Цзяньдао, граничащем с Дальневосточным краем единой горной цепью, влияние России было велико. В бытовой лексике населения этой местности было немало слов российского происхождения. Так, жители Северного Цзяньдао спичку называли на русский манер «пичжикэ» – подобно тому, как и ныне говорят старожилы провинции Северный Хамген. Ванцинцы, хуньчунцы, яньцзийцы, хэлунцы чаще употребляли русские слова: «пионер», «колхоз», «ячейка», вместо соответствующих корейских слов. Были, конечно, и такие, которые любили больше употреблять русских слов, чтобы показать свою «образованность». Но большинство людей, употребляя русские слова, тем выражали свою привязанность к социализму и чувство близости к советскому

народу, совершившему первым в мире социалистическую революцию. В каком-то смысле можно было считать подобный говор на русский манер бесхитростным выражением симпатии к коммунистическим идеалам.

Все жители Северного Цзяньдао – от мала до велика, мужчины и женщины – могли промурлыкать одну-две русские песенки. Они хорошо плясали на русский манер. В партизанском районе часто на концертной сцене представлялась такая русская пляска, когда танцоры то и дело приседали и приподнимались в такт, поочередно хлопая ладонями по коленкам. Такой пляской теперь можно любоваться на сцене художественного фестиваля дружбы «Апрельская весна».

В Хуньчуне и Ванцине нередко встречались коммунисты-стиляги. Они носили точно такую, как у россиян, рубашку и громко скандировали: «Да здравствует победа мировой революции!», «Да здравствует диктатура пролетариата!»

Итак, они, люди Северного Цзяньдао, любили русские слова, пели русские песни, исполняли русские пляски, одевались в русскую одежду. В ходе такой жизни у них, питавших привязанность к России – первому в мире социалистическому государству, незаметно даже для них самих порождалось низкопоклонство перед Россией – мол, Россия самая превосходная страна в мире, россияне – самые лучшие люди.

Жители Северного Цзяньдао не полностью освободились и от низкопоклонства перед Китаем. Среди них находилось немало таких, которые полагали: корейская революция может победить только после победы китайской, революция в Корее свершится лишь при помощи китайцев. Они часто употребляли не только русские, но и китайские слова. Так, даже лопату они называли по-китайски «гуанцяо».

Резкий контраст им составляли люди Западного Цзяньдао. Они не употребляли ни русские, ни китайские слова – неизменно говорили на исконно хамгенском или пхеньянском провинциальном диалекте, как на Родине. В обычаях, этикете, питании, речи – во всем они бережно сохраняли традиции, свойственные корейской нации.

Переместившись в горы Пэкту, мы обходили Западное Цзяньдао – изучали природно-географические условия и настроения населения. Мы убедились в том, что этот район имеет благоприятные во многом условия для партизанских действий. В ходе знакомства с

людьми и природой Западного Цзяньдао еще более утвердилась, стала непоколебимой наша решимость создать основную базу революции в районе гор Пэкту, развернуть по-настоящему вооруженную борьбу.

Выступление главных сил КНРА в Западное Цзяньдао стало крупным событием. Оно положило начало великому периоду, который именуется нашими историками и народом как «период крутого подъема» антияпонской революции. Это историческое событие высветило ярким лучом тьму национальной трагедии. Сыны и дочери Кореи, верные идеалам любви к своей Родине и нации, не впали в уныние, не жаловались на то, что на карту поставлена судьба нации. Твердой поступью они пришли в горы Пэкту, чтобы спасти соотечественников из пучины бедствий и страданий. Думали одно: настала пора решающего поединка – уничтожим врага или погибнем.

Так оказалось, что добрых десять лет с момента создания Союза свержения империализма мы вели подготовку к выступлению в горы Пэкту. Мне пришлось преодолеть множество перипетий и зигзагов с тем, чтобы претворить в жизнь ту решимость, которую я укрепил еще в дни пребывания в Хуадяне, решимость поставить войска на ноги и объявить на горе Пэкту священную войну за независимость, когда наступит подходящее время. Пройденный нами маршрут в тысячи, десятки тысяч *ли* не был столбовой дорогой. Все дороги без исключения были круты, тернисты.

Если бы мы направились в Западное Цзяньдао прямо из Хуадяня после создания ССИ, то мы добрались бы до гор Пэкту не позже чем через пять-шесть дней. Однако мы не выбрали прямого пути к горам Пэкту, а приступили к фундаментальной работе по пестованию революционных сил в Гирине и его окрестностях. Эта работа продолжалась и после перемещения поприща нашей деятельности в Восточную Маньчжурию. Ради чего? Для того, чтобы подготовить войска, с которыми нужно было отправиться в горы Пэкту. Для того, чтобы создать «море людей», которые были бы готовы оказать этим войскам материальную и духовную поддержку.

Когда я организовал первый партизанский отряд в Аньту, мне не терпелось подняться на гору Пэкту с войсками. От Аньту до горы Пэкту рукой подать. Но не каждый и не в любой момент взойдет на нее по собственному усмотрению и желанию. Слишком слабым,

малым выглядел наш отряд по сравнению с величественным видом горы Пэкту. Пока еще мы были не более чем только что вылупившимися из яйца орлятами. Над нашими головами раскинулось безбрежное голубое небо, но у нас не было могучих крыльев для взлета в небеса. Чтобы обосноваться в горах Пэкту, необходимо было расширять ряды и накапливать силы.

Гора Пэкту вовсе не была таким местом, куда можно идти в любое время, когда хочется. Величественный смысл горе Пэкту придает то, что как ни хочется взойти на эту гору – не можешь это делать по своему усмотрению. И чем меньше возможностей взойти туда, тем больше хочется сделать это. В этом кроется настоящее обаяние горы Пэкту.

Гора Пэкту ждала стальных отрядов революционной армии, железную когорту бойцов, которые могли бы победить отборные дивизии и корпуса японской армии.

В дни создания и защиты партизанских районов и были подготовлены стальные отряды, способные воевать один против ста. Десятки, сотни боев выковали стальных бойцов, проходящих сквозь огонь, подобно птице Феникс. В процессе стремительного продвижения по пути, намеченному в Калуне, Минюегоу, Дахуанвэе, Яоингоу, Наньхутоу и Дунгане, корейская революция накопила достаточные силы для выступления в горы Пэкту. С этими силами мы и пришли в Западное Цзяньдао.

Окидывая мысленным взором пройденный нашей антияпонской революцией путь, мы видим, что за это время мы вручили знамя и оружие нашим соотечественникам, братьям и сестрам, втоптанным в прах, покрытым позором гибели страны, и повели их за собой в горы Пэкту и здесь громили японских империалистов.

Решающие предпосылки для этого были определены на совещаниях, созванных в лесах Наньхутоу и Дунгана. После этих двух совещаний у всех нас разговоры шли о горе Пэкту. «... Родина зовет нас. Гора Пэкту ждет нас. Давайте скорее расположимся в горах Пэкту. Энергично развернем подготовку к партийному строительству, расширим сеть организаций ЛВР с большим размахом, поднимемся на решительное всенародное сопротивление, чтобы смести с лица земли захватчиков – японских империалистов! Давайте ударим на горе-родоначальнике Пэкту в колокол Возрождения нации, чтобы все корейцы, проснувшись ото сна, освежили себя патриотическим духом и встали на борьбу за

спасение Родины! Вернем мужество народу, лишенному уверенности, упавшему духом, и поднимем его на ноги! Преодолеем инерцию национального разъединения и сомкнем наши ряды. Мы пойдем в авангарде, прокладывая исторический путь возвращения на Родину!..» Таковы были наша воля и наше убеждение при выступлении в горы Пэкту.

Конечно, мы не считали вершину горы Пэкту лестницей в небесный мир, как полагали наши предки. Для нас гора Пэкту была воротами, ведущими на Родину, плацдармом для выхода к нашему народу. Гора Пэкту представляла собой важный стратегический опорный пункт, расположенный в треугольнике Западное Цзяньдао – Корея – Северное Цзяньдао.

Обосноваться в горах Пэкту означало бы связать едиными узами народ Кореи, патриотических деятелей Западного Цзяньдао и коммунистов Северного Цзяньдао, обеспечить единое руководство революционным движением в Корее, движением за независимость в Западном Цзяньдао и коммунистическим движением в Северном Цзяньдао. Взяв под свой контроль горы Пэкту, мы могли бы установить связь и с Японией при опоре на территорию Кореи, добиться солидарности с антияпонским движением во Внутреннем Китае за Шаньхайгуанем, осуществить через Северное Цзяньдао сотрудничество с коммунистами, деятелями антияпонского движения за независимость в Северной Маньчжурии и Приморском крае Советского Союза.

Мы в полной мере учли уроки, полученные нами при создании и защите партизанского района в Восточной Маньчжурии. Исходя из этого, мы превратили Западное Цзяньдао в полупартизанский район, а не в полностью партизанский район, как это делалось в Северном Цзяньдао. Я уже говорил выше, что под полупартизанским районом подразумевается такой край, где днем хозяйничают враги, а ночью – мы. Почти все должности старост десятидворików, поселковых старост, начальников волостных управ занимали наши люди. Днем они притворялись, будто оказывают услуги японской армии и полиции, чиновникам Маньчжоу-Го, а ночью усердно брались за свои дела: собрания, занятия в вечерних школах, сбор интендантских материалов, помол зерновых для революционной армии.

Можно сказать, что Ли Чжэ Сун, Ли Чжу Ик, Ли Хун, Чвэ Бен Рак, Чон Дон Чхор, Ли Ён Сур, Рем Ин Хван были представителями

тех, кто воплощал в себе жизнь полупартизанского района.

В прошлом руководители парторганизации Восточной Маньчжурии, создав только партизанские районы в форме освобожденных зон, оставляли без должного внимания жителей вне партизанского края. Они даже, бывало, враждебно относились к жителям контролируемого врагом района, обзывая их «белыми массами», и чуждались населения промежуточного района как «двурушнических масс». Деление масс на «красные» и «белые» было серьезной ошибкой. Это играло на руку врагам, пытавшимся блокировать партизанские районы. В конечном итоге это мешало монолитному сплочению революционных сил и формированию единого фронта.

Этот горький опыт обязывал нас сделать весь район Западного Цзяньдао полупартизанским и, следовательно, всех его жителей – нашими людьми, без деления на «красных» и «белых». Наших людей было много и в отрядах самообороны, несущих сторожевую службу в коллективных поселениях.

Однажды мы пошли в коллективное поселение Бадаоцзян, чтобы добыть продовольствие. В отряде самообороны села состоял посланный нами подпольщик. Наш небольшой отряд, получив от него донесение, напал на село с революционной песней, произведя лишь холостой выстрел. Мы не разоружили отряд самообороны и вернулись, взяв с собой только продовольствие, которое заранее было подготовлено подпольщиком.

После ухода партизан подпольщик пошел к японскому полицейскому и обманул его: «Знаете, – сказал он, – партизаны напали на село, забрали продовольствие. Но им не удалось занять форт. Этот форт спас охранников».

Так люди Западного Цзяньдао открыли сердца перед партизанами, а японских солдат, полицейских и чиновников Маньчжоу-Го обманули. И мы могли успешно вести все дела по своим планам.

Западное Цзяньдао стало основным театром деятельности КНРА, которая своими активными действиями держала его под контролем три-четыре года – с момента нашего выступления в район гор Пэкту до перехода на рейдовые операции крупными отрядами. После «Трудного похода» (декабрь 1938 – март 1939 гг. – ред.) главная арена наших действий вновь переместилась в Восточную Маньчжурию. А после Сяохаэрбалинского совещания мы, наряду с

Пэктусанской опорной базой, имели еще одну опорную базу на территории Советского Союза и развернули подготовку к встрече крупного события – освобождения Родины.

Вообще говоря, в период антияпонской революции центрами действий КНРА были, во-первых, Северное Цзяньдао, во-вторых, Западное Цзяньдао, в-третьих, район Заозерной высоты в бассейне реки Туман. Это были важные опорные пункты, обеспечившие победу антияпонской революции.

В Восточной Маньчжурии мы осознали, что полупартизанский район дает весьма благоприятные возможности для наших действий в условиях, когда усиливается, ожесточается наступление противника. В этом мы еще раз глубоко убедились и в Западном Цзяньдао. То, что мы превратили этот район в полупартизанский, сделали его нашим миром, стало ключом к успехам, фактором побед во многих сферах после нашего вступления в район гор Пэкту.

Превратив Западное Цзяньдао в полупартизанский район, мы вели активные военные действия. Небольшие вооруженные отряды, примерно по двадцать бойцов в каждом, что ни день трепали врагов, пересекая Западное Цзяньдао вдоль и поперек. И в Корею мы направили множество мелких отрядов.

Мы действовали не крупными отрядами, а рассредоточенно, разбившись на вооруженные отряды малой численности. Одна из причин состояла в том, что мы не хотели обременять местных жителей, которые еле-еле сводили концы с концами, питаясь лишь картофелем и овсом. Проблема питания резко обострялась, когда мы действовали группами в сотни две с лишним человек, не говоря уже о большом отряде в 500 – 600 бойцов и больше.

К 1938 году враги завершили строительство коллективных поселений в районах Восточной и Южной Маньчжурии. После этого революционной армии стало труднее доставать продовольствие. Чтобы раздобыть провиант, приходилось вести тяжелые бои, а это означало, образно говоря, менять кровь товарищей на продовольствие. Поэтому мы предпочитали в большинстве случаев действовать мелкими отрядами. Так было легче решить продовольственную проблему. «Пусть мы будем голодать, – думал я, – но нельзя допустить, чтобы наши товарищи проливали кровь».

Под непосредственным влиянием антияпонской вооруженной

борьбы в Западном Цзяньдао у населения повысился антияпонский боевой дух, усиливались революционные выступления.

Прибыв в Западное Цзяньдао, мы беседовали с местными стариками. Они говорили, что много слыхали о нас еще в 1932 – 1933 годах.

В начале 1936 года Ли Чжэ Сун и Ли Чжу Ик встретились с подпольщиками партизанской армии Квон Ен Беком и Ким Чжон Пхиром, которые пришли в Западное Цзяньдао под видом контрабандистов – торговцев опиумом. Они получили от подпольщиков информацию о действиях КНРА, в том числе о происходящем переформировании партизанской армии. Насколько мне известно, они уже тогда понимали, что главная часть КНРА может выйти в район Чанбая. Эта весть сразу облетела весь уезд Чанбай и дошла даже до членов Капсанского комитета действия в Корее. Говорят, что староста десятидворика Ли Ён Сур, проживавший в Тяньшаншуе, уже с 1932 года ратовал за нас среди своих коллег. «Сейчас Полководец Ким Ир Сен, – говорил он, – ведет партизанскую борьбу в Северном Цзяньдао. Уверен, что когда-нибудь он придет со своим отрядом в горы Пэкту и вернет Корее независимость». И он призывал их не изменять своим убеждениям и продолжать антияпонское патриотическое дело.

Молодежь Чанбая, окрыленная вестью о деятельности КНРА, с давних пор страстно желала идти в партизаны. Кан Хен Мин, одно время занимавшийся работой с молодежью в селе Дадэшуй, говорил своим друзьям: «Я больше не могу ждать Полководца Кима, сидеть сложа руки. Пойду сам к нему и вступлю в армию. Прошу вас позаботиться о моей семье после моего ухода». Он пошел в сторону Фусуна и вступил в партизанский отряд.

После того, как мы вышли в Чанбай, многие жители Западного Цзяньдао горячо стремились вступить в армию. После встречи с нами многие юноши и девушки приходили в штаб именно с такой просьбой. Мы приняли лишь часть из них. Большинство из них мы оставили в районе, контролируемом врагом. Они были нужны для усиления подпольной работы.

Однако после создания коллективных поселений принимали в отряд всех желающих без исключения. Окажись юноши за земляной стеной крепости – они не смогут сделать ничего, а враг погонит их на выполнение трудовой повинности.

С тех пор, как мы выступили в Чанбай и прозвучали наши

первые выстрелы в Дадэшуе, антияпонские настроения жителей Западного Цзяньдао поднимались неудержимо.

Пожилые люди Шилюдаогоу, увидев, как мы разбили наголову японские войска в Дадэшуе и Сяодэшуе, не скрывали радости: «Исстари не миновали гибели те, кто не давал покоя народу. Не могут быть исключением и эти япошки!» А молодые люди, в свою очередь, восторженно восклицали: «Думали, что Корея погибла навеки. Нет, она не погибла! Видим – бьется ее сердце!»

Когда КНРА развернула активные военные действия в Западном Цзяньдао, население на обеих берегах реки Амнок слагали одну за другой легенды о нас. Иные старики, приверженцы религиозного учения чхондогё, рассказывали о могуществе нашего отряда так: «Командир Ким Ир Сен применяет тактику «сокращения расстояния» – появляется то на востоке, то на западе, словно молния, и разбивает японских империалистов вдребезги». Они создали даже такую небезынтересную сказку: «В одном полицейском участке «блюститель порядка» позвонил кому-то. В этот самый момент появился невесть откуда партизан, выстрелил из ружья – и у негодяя оторвалось ухо. Он собирался было дать тягу, партизан дал второй выстрел – и у того оторвалась нога».

Народные легенды, сложившиеся в Западном Цзяньдао, распространились до глубинных районов Кореи через реку Амнок. Если крикнут на берегу реки Амнок со стороны Чанбая: «Вчера ночью революционная армия напала на Баньцзегоу» – услышат на противоположном берегу все жители Самсу.

В Западном Цзяньдао мы пользовались большой помощью местных жителей. О том, какую активную поддержку они оказывали Народно-революционной армии, свидетельствуют воспоминания многих людей, хранящиеся ныне в нашем партийном архиве.

Они помогали революционной армии искренне, считая это делом своей совести. Тех, кто стоял в стороне от помощи революционной армии, заботясь только о своих личных интересах и благополучии, клеймили позором, как бессовестных людишек.

После нашего прихода в Западное Цзяньдао японские империалисты лезли из кожи вон, пытаясь оборвать связи между революционной армией и народом, закрыть людям доступ к ней. Стоило корейцам при встрече друг с другом обменяться рукопожатием, как японцы тут же бросали на них косые взгляды: они, мол, заражены коммунизмом.

В Западном Цзяньдао местные жители не могли даже сходить в соседнюю деревню. Нужно было получить разрешение у сельского старосты. Было запрещено иметь ложек больше, чем число едоков в семье. Окажись хоть одна лишняя ложка – придирались: это, дескать, для помощи бойцам революционной армии. То и дело производили обыски и забирали все «лишние» ложки.

Враги опубликовали декрет. В нем было объявлено: тот, кто принесет отрубленную голову бойца революционной армии, будет награжден денежной премией в 50 *юаней.* А тот, кто поймет бойца живым, получит еще больше. За меня была обещана еще более высокая премия. Это широко извещалось во многих материалах. Одно время враги заставляли жителей разбрасывать в лесу листовки, предлагающие нам капитуляцию. Принуждали людей и к тому, чтобы они посылали партизанам в качестве «материалов помощи» отравленную соль.

Все эти происки были нацелены на разрыв кровных связей между партизанами и народом. Но люди Западного Цзяньдао не поддались подобным козням. Чем неистовее становился враг, тем более укрепляли они связи с Народно-революционной армией, тем ярче разгоралось народное движение за оказание ей помощи. Когда враг организовал в каждом селе ночную стражу с целью пресечения партизанских действий, то сторожа, делая вид, будто несут патрульную службу, помогали бойцам Народно-революционной армии и подпольщикам, проникшим в коллективное поселение.

Враг безжалостно сжигал села, где обнаруживался хоть малейший признак помощи нашей армии, убивал всех людей, от мала до велика, заподозрив в причастности к этой помощи. В вихрях таких злодеяний были преданы огню и Диянси, и Дадэшуй, и Синьчандун. Один учитель в селе Дадэшуй был расстрелян за такое «преступление»: он передал в партизанский отряд авторучку.

Но жители Западного Цзяньдао не покорились оккупантам. Даже после кровавых экзекуций они поднялись, как один, участвуя в движении по оказанию помощи нашей армии.

Враги непрерывно терпели поражения в боях с КНРА, но перед народом хвастались, будто их войска одерживают победу за победой. Когда мы сражались с противником в Сяодэшуе, местные жители полагали, что революционная армия потерпела поражение. Ибо после боя противник трубил в трубы, будто бы он победил. Но

мнение жителей изменилось после того, как они своими глазами увидели несколько десятков убитых японских солдат на поле боя. Увозя трупы своих солдат, враги лгали, будто бы это трупы солдат коммунистической армии.

Сразу же после того, как мы после налета покинули Ши-эрдаогоу, в этом селе и его окрестностях широко циркулировали слухи о партизанах. Ошеломленные молвой, враги выставили голову убитого японского офицера высоко над Северными воротами, через которые только что вторглась и ушла революционная армия. И пустили слух: убит начальник коммунистической армии. Но вот прибежала к Северным воротам жена убитого офицера и, увидев голову своего мужа, укрепленную на шесте, горько зарыдала: «Ой-ой-ой, что случилось с тобой! Какая беда!»

Так был разоблачен лживый трюк.

Подобные трагикомедии повторялись не раз. Подобный же фарс имел место и в Фусуне, и в Линьцзяне.

Когда-то Цзинъаньская армия, стремясь получить премию от японских боссов, выставляла на улицах Фусуна и Линьцзяна голову какого-то неизвестного человека и маузер, на котором была высечена надпись: «Ким Ир Сен». Так они хотели подкреплять ложные слухи, будто наш отряд полностью уничтожен. Но и этот дешевый номер потерпел фиаско: мои бывшие одноклассники начальных школ и другие знакомые в Линьцзяне и Фусуне уточнили факт на месте, разоблачили и этот дешевый трюк Цзинъаньской армии. Наоборот, обман помог жителям ясно увидеть то, что Народно-революционная армия здравствует по-прежнему и что ее командующий не только жив, но и продолжает руководить сопротивлением оккупантам.

Никакими средствами и способами враги не смогли подавить или вытравить антияпонские настроения жителей Западного Цзяньдао, чувства привязанности к Народно-революционной армии, стремление оказать ей помощь. Не удалось поставить преграды на пути помощи нашей армии. С течением времени она все более усиливалась, несмотря на жестокие репрессии противника.

О движении жителей Западного Цзяньдао за оказание помощи армии расскажу потом. Здесь же я поведаю лишь о некоторых эпизодах и лицах.

Когда мы проходили через населенные пункты Западного Цзяньдао – сельчане выбегали на улицы с картофельными тянучками темного цвета, совали их партизанам в карманы. Они активно помогали партизанам и после появления коллективных поселений, куда японские оккупанты загнали всех жителей. Враги ужесточили контроль над продовольствием, пересчитывая площади пахотных земель и объем урожая. Но и в этих условиях местные жители ухитрялись оказывать нам помощь, прибегая к разным уловкам. Так, в пору уборки картофеля они снимали только ботву, оставляя в земле клубни, чтобы партизаны могли их потом собрать. А кукурузные початки с неободранной пленкой (в таком виде они не гниют) хранили в плетеных сараях, специально сооруженных в лесу. А потом сообщали партизанам: «Возьмите там-то кукурузу». Точно так же не убирали с полей соевые бобы, сообщая революционной армии, чтобы бойцы собрали урожай. Таким образом, мы одну зиму питались растертыми соевыми бобами, сваренными с сушеной зеленью.

Жители Западного Цзяньдао первыми применили такой метод поставки продовольствия в помощь партизанской армии: оставляли на полях нежатые хлеба, а бойцы, зная об этом, сами собирали урожай.

Известно красноречивое признание, сделанное начальником Южнохамгенского провинциального полицейского управления. Выступая в Хесане, он сказал: «Нынешняя моя инспекция этой местности показала, что Западное Цзяньдао для нас как гвоздь в сапоге. Во-первых, все жители Западного Цзяньдао, очевидно, имеют тайные связи с партизанами. Здесь действуют по меньшей мере несколько десятков тысяч партизан. А между тем нам доложено, что партизанам дано всего лишь три *маля (Маль* – мера объема, равная 18 литрам. – ред.) зерна. Если бы, например, в каком-то селе побывали триста партизан, то они съели бы несколько *малей* зерна в день. А почему доложили – только три? Вот свидетельство тайных связей людей Западного Цзяньдао с партизанами. Во-вторых, жители Западного Цзяньдао превратились в красных. Спроси их: «Не видели людей с гор или бандитов?», все, даже дети, ответят – «Нет». А когда спрашиваем: «Видели революционную армию?», отвечают: «Да». Это говорит, что они считают партизан своей армией и сами стали красными. В-третьих, Западное Цзяньдао стало постоянной опорной базой для партизанских

действий. Раньше сюда приходили отряды Армии независимости и местные бандиты летом или осенью, а зимой уходили в другие места. А вот отряд Ким Ир Сена действует здесь и зимой. Так что в этом районе следует создать коллективные поселения». В этих словах – наглядное свидетельство неразрывной связи между революционной армией и народом, весомое признание того, что жители самоотверженно защищали и поддерживали революционную армию.

Врагам трудно было «обеспечить безопасность» в Западном Цзяньдао. И они признали, что коммунизм и три народных принципа стали своего рода маяком, освещающим массам путь вперед. Они вопили: «Чтобы вырвать население из-под влияния коммунистической банды и антиманьчжоугоской, антияпонской банды и разгромить их, придется провозгласить более привлекательную цель, чем их политическая цель, указать соответствующий ясный путь ее достижения и проводить политику, завоевывающую симпатии масс. То есть нужно проводить такую политику, позволяющую легче и успешнее, чем коммунистическая банда, привлекать массы на свою сторону, пропагандировать движение масс, стремящихся к реализации идеалов строительства Маньчжоу-Го, вести всех людей по этому направлению. Только обработка банды с помощью основанного на таком руководящем курсе политического, экономического, идеологического и социального национального движения, – это станет его специфической сферой – поможет успешно подорвать идейные, политические позиции бандитов и преодолеть их».

«Коммунистическая банда» – таково было оскорбительное название Народно-революционной армии. «Антиманьчжоугоская, антияпонская банда» – такой ярлык был приклеен всем военным силам, выступавшим против марионеточного государства Маньчжоу-Го и японского империализма.

Враги использовали весь арсенал своих средств и приемов, пытаясь уничтожить Народно-революционную армию и прервать ее связи с народом. Но все их попытки были напрасны.

Японские погромщики сожгли дотла Диянси. Сельчане испытывали большие трудности из-за отсутствия рабочего скота. Им надо было и обрабатывать землю, и наниматься на перевозку бревен, но не было ни одного вола. После долгого обсуждения жители села Диянси решили обратиться в уездную управу с

просьбой помочь им рабочим скотом. Послали туда юношу Ли в качестве своего представителя вместе с несколькими молодыми людьми для охраны. Видимо, он был наиболее толковым и находчивым парнем в селе.

Ли прибыл в уездную управу и произнес целую речь: «Люди нашего села никогда никаких тайных связей с коммунистической армией не имели. А вот японские войска, не имея достоверных доказательств этого, за одну ночь превратили село в пепелище. Где же видана на свете такая несправедливость?! А что сделали вы, чиновники уездной управы, глядя на все это? То и дело обещали: «Превратим ваше село в «деревню благонадежных людей». А почему же не предотвратили налет карательного отряда, даже видя его деяния воочию? Теперь все лопнуло, как мыльный пузырь, – и «деревня благонадежных людей» и тому подобное. Нам нужны волы, чтобы возделывать землю. Ведь только земледелие дает нам хлеб насущный. Не так ли?» Его тирада так сильно тронула наместника уездной управы, что он ссудил крестьянам села Диянси более двадцати волов.

Когда переговоры завершились удачей, юноше Ли вдруг пришли на память партизаны, которые страдают в горах, не имея ни кусочка мяса. Его точила мысль: «Конечно, надо и землю пахать, и бревна возить, но не лучше ли передать всех этих волов в революционную армию на питание?» Он тут же через подпольную организацию в уезде сообщил партизанскому отряду: «Мы будем возвращаться в село с волами, которых ссудила уездная управа, а вы устройте засаду и совершите «налет» на нас. И уведите волов в тайный лагерь».

Получив это донесение, мы устроили засаду на дороге между уездным центром и селом Диянси. Группа весьма искусно изобразила «налет». Уездная управа направила с тем молодым человеком даже вооруженных конвойных из марионеточной армии Маньчжоу-Го, чтобы он смог благополучно вернуться в село с выделенными жителям волами. Конечно, эти конвойные подвергались партизанскому налету.

Партизаны обезоружили их, затем на их глазах связали веревками юношу Ли и других молодых ребят из села Диянси. При этом нарочно им угрожали: «Вы – людишки ничтожные, предатели! Прислуживаете самураям и чинушам Маньчжоу-Го. За это мы вас всех расстреляем». И привели их в тайный лагерь. Там все эти

юноши вступили в партизанский отряд. Так сказать, одним выстрелом мы убили двух зайцев.

Это один из эпизодов, высвечивающих отношения между армией и народом, которые сложились в период нашего пребывания в Западном Цзяньдао.

Местные жители оказывали нам материальную и духовную поддержку уже с первых дней после прибытия КНРА на чанбайскую землю. К могучему потоку этого движения присоединились не только рабочие, крестьяне, другие люди труда, но и представители тех слоев населения, к которым некоторые коммунисты, зараженные догматизмом, относились враждебно, считая их заведомо находящимися «по ту сторону баррикад».

В Шицзюдаогоу уезда Чанбай жил крупный китайский помещик Цао Дэи. Он получил от умершего дяди наследство и стал большим богачом, когда ему пошел четвертый десяток лет. Имел свыше 80 *чонбо* пахотной земли. Более половины сельскохозяйственных угодий в округе принадлежали ему. *У* него были шесть наложниц. С полицейскими он имел отношения названых братьев. С точки зрения догматика он был таким, которого следует ликвидировать. Если искать у него положительную сторону, то ею, возможно, было бы сильное чувство национализма.

Когда Народно-революционная армия нанесла сокрушительный удар по японским и маньчжоугоским войскам и полиции в Дадэшуе и Сяодэшуе, Цао Дэи, перепуганный насмерть, взяв наложниц с собой, ушел в уездный центр Чанбай, поручив управляющему усадьбу и землю.

Большое влияние на этого помещика имел староста Ли Хун. Процесс привлечения Цао Дэи на нашу сторону был драматичен.

Создав тайный лагерь в районе гор Пэкту, мы поручили хозяйственникам подготовиться к новогоднему празднику 1937 года. Я придавал большое значение первому празднованию Нового года в горах Пэкту. С нетерпением ожидали его и бойцы. Ким Чжу Хен, ответственный хозяйственник отряда, до боли в ногах обходил села Западного Цзяньдао, доставая нужные припасы.

В Чанбае крестьяне выращивали рис только в бассейне реки Амнок, что в Шицзюдаогоу. Урожай целиком шел в помещичьи закрома.

От подпольщика Чи Тхэ Хвана поступило к Ким Чжу Хену донесение: большой запас продовольствия, мяса и сахара,

достаточный для того, чтобы накрыть обильный стол в новогодний праздник, имеется у Цао Дэи. Получив информацию, Ким Чжу Хен посоветовался с Ли Чжэ Суном и тут же послал Цао Дэи извещение от имени Народно-революционной армии: «Мы полагаем, что вы, как китаец, не утратили совсем национальную совесть. И поэтому мы ничуть не тронули ваше имущество. Наш принцип – охрана добра всего народа, за исключением имущества японских прихвостней. Вы обязаны в свою очередь ответить на наше справедливое отношение практическим делом. Чтобы оправдать наши ожидания, вам следует добровольно помогать революционной армии. Когда и чем вы сможете оказать нам помощь – прошу ответить скорее».

Получив это извещение, Цао Дэи закрыл ворота покрепче и страдал, лежа в постели, от мучительного раздумья. Попал в заколдованный круг: поможешь Народно-революционной армии так, как предлагалось в извещении, – от японцев беды не оберешься. Откажешься в помощи – не избежишь возмездия революционной армии. Он не прислушивался к шепоту смазливых наложниц, кокетничавших у его постели, и все время тяжело вздыхал. Наложницы суетились вокруг, говоря: «Какая же приключилась у него беда!» В такой момент Ли Хун, по распоряжению Ли Чжэ Суна, явился в уездный центр «пощупать пульс» у помещика Цао. На улице городка он, староста поселка, встретился с одной из любовниц помещика. Она сказала: «Знаете, наш старик уже несколько дней не ест, не спит. Прошу вас, староста, зайдите, утешьте хозяина за обеденным столом». Ли Хун не преминул воспользоваться удачным случаем и пошел в помещичью усадьбу, хотя и делал вид, будто удовлетворяет ее просьбу неохотно.

Цао Дэи с такой радостью встретил гостя, словно его навестил бог. Выпили несколько стаканчиков водки, а потом помещик показал гостю извещение революционной армии и спросил:

– Братец мой, как мне быть?

Староста пробежал глазами бумагу и, взяв помещика за руку, ответил:

– Не очень беспокойтесь, брат! Революционная армия вас не убьет. И меня схватили несколько месяцев тому назад партизаны. Попал в их тайный лагерь. Но, знаете, эти люди – не бандиты. Они не расправляются с людьми без разбору. Преподнесите, брат, разок

им щедрый подарок. Тогда, уверен, эта революционная армия, тронутая вашей милостью, будет вас охранять.

Выслушав его, Цао Дэи проговорил:

– Добра-то мне не жалко. Но, честное слово, боюсь посторонних глаз. Узнают об этом – наверняка отправят меня на тот свет. Ну, как же мне не колебаться? Коль у тебя, староста, есть подходящий рецепт, скажи-ка. Сделаю так, как ты предложишь.

– Коль не жаль добра, – сказал Ли Хун, – поделитесь им. И не стоит так надрывать себе душу. Если вы, брат, будете вести себя как следует с революционной армией, то и я мог бы подольше оставаться старостой в Шицзюдаогоу хотя бы еще несколько лет. И крестьяне смогут спокойно работать на земле.

Цао Дэи попросил Ли Хуна:

– Послать грузы революционной армии поручаю тебе, староста, Только сделай так, чтобы не было последствий.

Получив донесение о том, что Цао Дэи решил прислать нам материалы помощи, я без промедления направил в Шицзюдаогоу более 20 бойцов. Они благополучно вернулись в тайный лагерь с несколькими десятками саней, нагруженных шестью сотнями с лишним *малей* зерна, несколькими свиными тушами и большим количеством сахарного песка. И впоследствии Цао Дэи не раз помогал нам, присылая множество продовольствия, различных материалов.

В рядах широкого движения за помощь нашей армии, превратившего Западное Цзяньдао в революционный край, оказались и те, которые служили японцам полицейскими или десятниками строек.

Взять, к примеру, одного полицейского. Он работал в одном из полицейских участков уезда Самсу. Под влиянием успехов КНРА он раскаялся в своем прошлом, решил начать свою жизнь заново. Расправившись с начальником участка и его заместителем и забрав их оружие, пришел к нам и вступил в партизанскую армию. Нам помогали и некоторые десятники на стройке железнодорожной ветки для вывоза леса и на лесоразработках. Приходят к ним наши бойцы – и они сами открывают двери складов и, ничуть не колеблясь, вытаскивают вещи для нас. Разумеется, при этом они притворялись, будто делают все это по принуждению. Один десятник на лесоразработках Эршидаогоу даже открыто распространял среди рабочих и крестьян, занимавшихся рубкой

леса, и бойцов лесного отряда, находившегося в окрестностях, песню «Горькая судьбина прояпонского солдата». Песня эта выражала ненависть к войне и отвращение к службе в чуждой народу армии.

Никогда не забуду я и об интеллигентах Западного Цзяньдао, принявших активное участие в оказании помощи нашей армии. В те времена интеллигенция этой местности была представлена в основном учителями. Среди них жив и до сих пор в моей памяти Кан Ен Гу, работавший в Чонсанской частной школе.

Во время первой встречи со мной педагог сказал:

– Я же недостоин видеться с вами, Полководец. Я прислужник врага – участвую в осуществлении политики японских империалистов в области образования,

– Нет, нельзя считать огульно таких людей плохими. В чем же виноваты учителя? Они обучают грамоте детей родной страны, которые растут на чужбине, не видя даже солнечных лучей. Каждый, кто поневоле служит под гнетом японских империалистов, вполне сможет внести свой вклад в борьбу за независимость, если у него жива национальная совесть.

Так я успокаивал его, но все-таки тревога его не улеглась. Он напряженно, даже, я бы сказал, настороженно глядел на меня с мрачным выражением на лице.

– Вы учите детей и, наверно, немало переживаете, – сказал я.

А он кисло усмехнулся и ответил:

– Тут не стоит переживать: ведь это самурайское образование.

В тот день я, уходя из села, сказал ему:

– Вот мой вам совет, учитель. Не забывайте о том, что вы кореец. Чтобы подрастающие поколения впитывали в себя дух Кореи, сами учителя должны не терять этот дух. Учитель Кан крепко запомнил мой совет. Вскоре после нашего ухода из села он вступил в ЛВР и активно работал в организации. Занимаясь педагогической работой, он деятельно помогал нам. Мы попросили у него мимеограф – прислал. Нужны были ткани – достал, потребовалось продовольствие – предоставил. Сам приходил в тайный лагерь с материалами помощи. Он даже подслушивал телефонные переговоры противника с помощью переданного нами аппарата и регулярно доносил нам об их содержании.

Кан Ен Гу, вся жизнь которого была связана с учительствованием, продолжал обучать новое поколение в школе и после

возвращения на освобожденную Родину. Однажды – кажется, в конце 50-х годов – мне доложили, что он, работающий директором одной из полных средних школ Пхеньяна, балует учеников, не решается направлять их на производственный труд, на стройки.

Я позвал его и спросил, действительно ли он так поступает. Низко склонив голову, он ответил, что да, это факт.

– Не верится мне, что такое может быть в школе, где вы работаете директором. Разве вы уже забыли о временах жизни в Западном Цзяньдао? – сказал я.

– Какие муки испытывали наши родители в прошлом под японским владычеством! – проговорил он. – Трудились до седьмого пота. И они хотели, чтобы их дети спокойно учились в светлых классах. Это была их заветная мечта.

Разумеется, мне были понятны его настроения, но я сказал ему вполне серьезно:

– А какими людьми вырастут наши дети, если будем только баловать их, не прививая навыков физического труда и не порицая за шалости? Надо закалять детей в трудностях. Им должно войти в привычку и носить тяжести на спине, на коромысле, и орудовать мотыгой... Тогда они будут знать цену пота, уважать рабочих и крестьян и научатся строить социализм. Для успешного построения социализма нужно, чтобы дети унаследовали революционный дух Пэкту, боевой дух людей Западного Цзяньдао.

В незабываемом Западном Цзяньдао, где канонада ожесточенных боев сотрясала небо и землю, жители вместе с нами заложили фундамент прочных революционных отношений между армией и народом. Здесь была создана надежная основа единого фронта, охватывающего широкие массы, включая последователей религиозной секты чхондогё, патриотически настроенных имущих, учащуюся молодежь и интеллигенцию, проложен путь к установлению связей с революционерами, населением внутри страны. В Западном Цзяньдао родилась целая плеяда выдающихся патриотов, народных героев, имена которых достойны по праву занять место в летописи антияпонской национально-освободительной борьбы в нашей стране. Революционный дух Пэкту, боевой дух людей Западного Цзяньдао ныне кипит в сердцах людей всей страны.

2. Шум водяных мельниц

В селениях Западного Цзяньдао, разбросанных вдоль отрогов горных цепей Пэкту, всюду нас встречали бегущие по глубоким ущельям бурные ручьи, с которых слышался шум водяных мельниц, шелушивших зерно. Глубокой ночью, когда этот шум доносился издалека под лунным сиянием, он наводил на нас неизбывную тоску по родине. Водяные мельницы в Чанбае толкли в жерновах слезы корейских переселенцев.

С нашим продвижением в горы Пэкту изменились назначение и значение этих водяных мельниц. С осени 1936 года жители Чанбая начали шелушить на этих мельницах большое количество зерна для посылки к нам. Из десятков больших и малых водяных мельниц в Чанбае почти не было таких, которые бы не работали на нашу армию.

Эти мельницы глубоко запечатлелись в моей памяти как символ всенародной помощи нашей армии. Базируясь в горах Пэкту, мы долгие годы вели антияпонскую войну. Я думаю, что это стало возможно благодаря активной поддержке и помощи со стороны чанбайского населения.

Первыми оказали помощь Народно-революционной армии в Чанбае жители селения Дэшуйгоу, что в Шилюдаогоу.

В Чанбае первой деревней, где мы остановились, был Синьчандун. Все деревни, находившиеся в ущелье Шилюдаогоу, в том числе Синьчандун, называли Дэшуйгоу.

Верхний Синьчандун, куда мы зашли, представлял собой глухую деревню, расположенную у слияния двух горных ручьев. Здесь насчитывалось сорок с лишним дворов. И в этой глухомани тоже работала водяная мельница.

В тот день сельчане Синьчандуна намололи гречиху, приготовили холодную лапшу *куксу* из гречневой муки в честь бойцов нашей Народно-революционной армии и потчевали их. Движение за оказание помощи Народно-революционной армии, начатое сельчанами Дэшуйгоу, что в Шилюдаогоу, постепенно распространялось на Ванцзягоу, Яошуидун, Диянси и их окрестности. Западное Цзяньдао все кипело, как котел.

Были организованы многочисленные группы жителей для доставки продуктов и материалов для нашей армии. С интервалом в несколько дней эти группы приносили на плечах, на головах зерно и ткань к нам в тайный лагерь, следуя скрытными тропами, проложенными через дремучие леса.

Встревоженный этим, враг увеличил контингент вооруженных сил в районе Чанбая, не давал народу покоя. По малейшему подозрению в помощи партизанам враг предавал огню селения, крестьян без разбору арестовывал и убивал.

«Все, кто доставляет продовольствие и запретные товары коммунистической банде или имеет связь с ней, считаются агентами, связанными с бандой. Их расстреливать на месте». Таково было устрашающее письменное предупреждение, развешанное повсеместно в уезде Чанбай.

Жители пограничных селений в окрестностях гор Пэкту не могли иметь при себе не только лишнюю пару рабочей обуви, но даже коробку спичек. И все-таки, несмотря на жестокие меры, в наши тайные лагеря непрерывным потоком жители доставляли необходимые материалы.

Помощь Народно-революционной армии со стороны населения Чанбая начиналась добровольно, исходила из его жизненной потребности. Сельчане знали, что помощь революционной армии приведет к возрождению Кореи. И ради этого они не страшились смерти, им были нипочем и июльская и августовская изнуряющая жара, и пронизывающие холодом ноябрьские и декабрьские ветры и снегопады.

Каждый раз, когда восстанавливаю в памяти лица жителей Чанбая, активных участников движения за оказание помощи революционной армии, перед моими глазами встает образ простодушного, но стойкого Ли Бен Хона, отца Ли Ыль Сора, старосты села Инхуадун, члена нашей организации. Он и двое его братьев были пионерами движения за оказание помощи революционной армии в районе Чанбая.

В конце 1936 года мы располагались в тайном лагере Медвежьего ущелья. Тогда Ли Бен Хон пришел к нам, в командование, с материалами, собранными революционной организацией Инхуадуна. Среди многих материалов, принесенных им, до сих пор живо вспоминаются корейские носки на вате: в них было больше ваты, и они были вдвое длиннее, чем обычные. Вынув из поклажи носки, я примерил их: носки доходили до колен.

Я был глубоко тронут прилежностью и заботливостью женщин Инхуадуна.

– Это отличные носки! – сказал я.

Ли Бен Хон от моей похвалы покраснел:

– Дорогой Полководец! Здесь, на чанбайской земле, снег глубокий. Надо зимой беречь ноги, а то не поздоровится.

При первом же знакомстве я узнал, что он человек очень честный и скромный. Ему было чуждо чванство. Он пришел в тайный лагерь вместе с носильщиками, но ничем не выдал, что возглавляет их, – стоял позади, потихоньку поглядывая на меня.

Когда я внимательно осматривал носки, не выпуская их из рук, кто-то закричал, развязав вещмешок с зерном:

– Товарищ командующий! Посмотрите! Такую ячменную крупу, наверно, не видел даже японский император.

Я не поверил своим глазам: белый, как снег, очищенный ячмень! Неужели это не белый рис, а ячмень? С какою же старательностью шелушили его, что получился такой чистый, такой аппетитный!

– Большое спасибо, батюшка! Впервые вижу такой ячмень. Как вы шелушили его, если получился такой белый?

– Четыре раза шелушили.

– Боже мой! Ячмень-то два раза шелушат, чтобы приготовить из него кашу. Какие же вы заботливые!

– Это наши бабы такие упорные.

И на этот раз Ли Бен Хон приписал заслугу женщинам своего селения. По его словам, стремились лучше вышелушить ячмень не мужчины, а женщины. Если постараться, говорил он, сколько угодно раз можно шелушить: хочешь – четыре раза, а то и десять раз! Чего трудов жалеть, когда дело касается революционной армии. Беда только в том, что сыщики ходят по селениям, вынюхивают: в чьих домах толкут зерно и для кого, куда потом везут очищенное зерно. Члены Общества женщин пускались на всякие уловки, чтобы уйти из-под слежки. Они идут в Хесан на базар, покупают там ткани для революционной армии, обвязывают ими себя или свертывают их как пеленки и укутывают ими младенцев. Для этого женщины ходят на базар специально с младенцами на спинах. Недогадливые старухи и старики кричат им вслед: «Эй, бабы, не берите на себя лишних хлопот!» А бабы будто и не слышат, идут с младенцами на спинах. Так приспособились скрывать скупку тканей.

Ли Бен Хон ни слова не сказал о том, как старательно трудятся мужчины. Говорил только о хлопотах женщин.

Его слова тронули меня. Я взял горсть ячменя из вещмешка и, понюхав, обратился к окружавшим меня:

– Японский император, что дерево без корней, хотя он вознесся высоко. А мы, незаметные, – новые ростки, выросшие из крепких корней. Откуда ему, императору, увидеть такой замечательный ячмень, какой лежит у нас на ладони?

О размахе движения за оказание помощи нашей армии, развернутого жителями Инхуадуна. мы узнали во всех подробностях в следующем году от Ли Ыль Сора. В том году он вступил в наш отряд. Как и его отец, он не любил хвастаться. Более того, почти ни слова не проронил о хлопотах отца и матери. Но как-то оговорился – поведал нам о том, как мать собирала малину, чтобы, продав ее, скопить по грошу деньги на отрезы для вещмешков.

В этом поселке было много дворов, где терпели лишения, оставшись без продовольствия. К числу таких дворов относилась и семья Ли Ыль Сора. Хотя она питалась жидкой похлебкой с прибавлением съедобных трав, но не хотела быть в хвосте у других в деле оказания помощи революционной армии. Летом мать собирала малину, а осенью – дикий виноград и плоды актинидии и продавала их на хесанском базаре. Каждый раз, когда мать возвращалась домой из леса с ягодами и выбирала из них лучшие, малолетние братья Ли Ыль Сора усаживались вокруг матери, глотая слюнки. Мать хорошо знала желания своих детей, но не могла дать им хоть одну ягодку. Она считала, что если дети попробуют малину, то это умалит ее искренность в отношении к революционной армии.

Вернувшись домой из нашего тайного лагеря, Ли Бен Хон похвастался перед своими детьми, что встретился со мной. Услышав об этом, Ли Ыль Сор тут же заявил, что немедленно пойдет к партизанам, чтобы драться под моим командованием. Но отец возражал.

– Бойцы Полководца – все без исключения, – говорил он, – бравые, умело обращаются с ружьями, а ты что – деревенский в штанишках из конопляного холста, знаешь только одно: мотыга, и больше ничего. Как же ты думаешь вступать в революционную армию? Пойдешь потом, пока поработаешь над собой.

Так Ли Бен Хон тут же отказал в просьбе сына – велел ему вступить в члены отделения Лиги возрождения Родины, чтобы он прошел там школу закалки. Лишь летом следующего года он послал его и племянника в партизаны. Посылка своих любимых детей в армию считалась высшим проявлением духа оказания помощи армии.

И после того, как сын Ли Бен Хона вступил в партизанский отряд, он без устали продолжал оказывать помощь революционной армии,

Поздней весной 1937 года мне довелось снова встретиться с Ли Бен Хоном в Тяныпаншуе. Тогда он принес краски, которые впоследствии были эффективно использованы. Ими раскрасили бумажные цветы и флажки для места совместного митинга армии и народа, устроенного в честь победы в бою в Почхонбо.

Все материалы, присылаемые нам в помощь, говорили об искренности чанбайцев. которая до слез трогала наши сердца.

В те дни крестьянские хозяйства, занимавшиеся подсечным земледелием и имевшие четыре пары рабочих рук, в лучшем случае собирали в год по 20 – 30 *тан (Тан* – около 20 *малей)* картошки. А чтобы получить один *малъ* картофельного крахмала, нужно было смолоть вдесятеро большее количество картофеля. Тогда один *малъ* такого крахмала стоил примерно 6 *цзяо,* то есть был дешевле одной пары рабочей обуви. Поэтому крестьянам приходилось заниматься винокурением и изготовлением патоки, чтобы раздобыть лишний грош. Однако время было такое, что, даже имея деньги на руках, нельзя было свободно покупать вещи. А уж чтобы доставить их, хотя в малом количестве, нашей армии, требовались поистине громадные усилия и изворотливость.

Несмотря на столь тяжелые условия, чанбайцы все-таки доставали всякую всячину и посылали ее в горы.

Среди корейцев, проживавших в уезде Чанбай, почти не было таких, которые бы не помогали нашей армии. Даже старики, которым нелегко было передвигаться без палки, ходили в горы, чтобы надрать липового лыка. Из него они ночи напролет плели для нас лапти. А женщины, скрываясь от глаз японских холуев, и в зимнюю стужу, ночами, не разводя костра и попеременно стоя в дозоре, шелушили зерно на крупорушке.

Доставку этих материалов в большинстве случаев организовали сельские старосты. Почти все они в уезде Чанбай были

руководителями отделений и филиалов Лиги возрождения Родины. Взять на свои плечи такое дело им было во многом уместнее и удобнее, чем другим. В то время шефы интендантских служб нашей революционной армии специально посылали сельским старостам официальные угрожающие письма с требованием доставить им материалы. Так делалось для того, чтобы дать им возможность избежать ответственности перед врагом за помощь революционной армии. Получив такие письма, сельские старосты могли оправдаться, что действуют поневоле, под угрозой, продолжая втайне организовывать работу по оказанию помощи.

В день, когда снаряжалась группа по перевозке материалов помощи из села, сельчане все как один вызывались быть носильщиками.

Наши бойцы приходили в дома жителей Чанбая как к своим родным.

Дом Рем Бо Бэ – это один из тех домов, которые мы часто навещали за помощью.

По словам Рем Ин Хвана, первооткрывателем Дэшуйгоу был Кан Чжин Гон. Ему нельзя было жить на родине, и он вместе с родными – всего несколько человек – переправились через реку Амнок и расположились в ущелье Шилюдаогоу.

Рем Бо Бэ была женой двоюродного младшего брата Кан Чжин Гона. Рем Ин Хван рассказывал, что Рем Бо Бэ и ее муж больше всего находились под влиянием Кан Чжин Гона. Их отличали сильное антияпонское настроение и твердые убеждения.

Это побуждало меня навещать Рем Бо Бэ и ее мужа, когда бывал в Дадэшуе. До сих пор перед моим взором живо предстает образ Рем Бо Бэ, которая не находила себе места, приготовив стол для меня и поставив на него скромное угощение: ячменно-овсяную кашу, перемешанную с картофелем. Она постоянно держала овес и ячмень, замоченные в большом корыте, чтобы в любое время, хоть ночью, если мы нагрянем к ней, немедленно сварить кашу. Каша, сваренная Рем Бо Бэ, вызывала большой аппетит – была мягкой, вкусной.

Но ведь если среди ночи дым идет из трубы – чего доброго, вызовешь подозрение у агентов. Кан Ин Хон, ее муж, укоротил дымовую трубу, прикрыл ее пшеничным снопом, чтобы дым рассеивался понизу. Хозяйка и ее муж были люди добрые душой.

Все жители Дэшуйгоу жили в крайней нужде, но считали

большим счастьем для себя хоть чем-то услужить революционной армии. Не случайно враги однажды сожгли деревню Дадэшуй, превратив ее в море огня. Это была душераздирающая трагедия, напоминающая «море крови» в Северном Цзяньдао. Сметут крестьяне золу с каменных плит (Они образовывали пол в корейской утопленной комнате. – ред.), построят заново на них свои хижины – а враги снова налетают на них и жгут дома.

Семья Рем Бо Бэ вынуждена была переселиться в Чжанмоцзы, что в Синьчандуне.

Узнав об этом, мы пошли туда повидать Рем Бо Бэ. И там тоже слышался шум водяной мельницы. Я воспринимал эти звуки как хороший признак. Где не смолкал шум водяных мельниц, – там шла борьба, там жили люди, считающие для себя высшим счастьем оказать помощь нашей армии. Там жил дух Кореи, что в огне не горит, не колеблется в любых бурях. Звуки мельницы раздавались подобно призывному бою барабана: народ наращивал сопротивление японскому империализму, оказывая помощь нашей армии.

Вместе с ординарцем мы пошли прежде всего на водяную мельницу. Там и встретились с Рем Бо Бэ.

Увидев меня, она повалилась на колени и всхлипывала. В плаче женщины, покинувшей Дадэшуй, звучало горе горькое.

– Мамаша! Не плачьте, возьмите себя в руки. Ничего не поделаешь. Надо же вытерпеть. – Я с большим трудом утешил ее.

Нам говорили, что эту новую водяную мельницу ее семья поставила после переселения. Рядом с мельницей был сруб. Это был ее дом.

В тот день она сходила в соседний поселок за курицей, зарезала ее, приготовила мясной бульон и *куксу* из картофельного крахмала с курятиной. Потчуя нас, она очень смущалась: мол, слишком скромное угощение...

Мне до сих пор трудно забыть *куксу* из картофельного крахмала, что приходилось часто отведывать в поселках уезда Чанбай. И поныне, когда устраиваю банкет в честь дорогих гостей, на стол, как деликатес, подается *куксу* из картофельного крахмала, полученного в том числе и из замороженного картофеля.

В ту ночь она очень беспокоилась – не мешает ли мне спать шум водяной мельницы. Напрасное беспокойство! Напротив, под этот шум мне было легко засыпать, как и легко предаваться размышлениям.

Семья Рем поставила в Чжанмоцзы новую мельницу на речке не столько для себя, сколько для оказания помощи нашей армии.

Но и этот глухой уголок Чжанмоцзы не был тем местом, где люди могли жить свободно. Враг протянул свои щупальца и к этой глухомани. Нагрянули полицейские из Эрдаоцзяна и разгромили мельницу. Всех сельчан приволокли в полицейское отделение. Члены семьи Рем Бо Бэ три дня подвергались жестоким пыткам, их полумертвыми привезли на розвальнях, запряженных волом. Особенно жестоко был избит старик Кан – он оказался в тяжелом состоянии.

Прослышав об этом, я направил ему несколько желчных пузырей медведя, которые особо эффективны при лечении кровоподтеков и ушибов. Говорят, все члены ее семьи выздоровели – им помогли присланные нами желчные пузыри медведя. Встал с постели и старик Кан, получивший самые жестокие ранения. И он снова взялся за работу по оказанию помощи партизанам.

Старик был мастером в столярном деле. В лесу он срубил березу и отремонтировал разломанный брус, к которому прикреплен пест крупорушки. Дети уговаривали отца повременить с работой, подождать, когда поправится здоровье. Но он стоял на своем, их уговоры резали его слух.

– Что вы говорите, дети?! Нынче трудятся изо всей мочи даже восьмидесятилетние старики и старухи. Старики плетут лапти, старухи шьют ватные носки, чтобы помочь партизанам, которые терпят лишения в горах. Как же я могу сидеть сложа руки, когда у меня все тело здоровое!

Водяная мельница в Чжанмоцзы снова зашумела.

По просьбе старика Кан Ин Хона мы приняли его сына, Кан Чжон Гына, в революционную армию. Я всегда был рядом с ним, заботился о нем. К сожалению, он погиб в бою.

И семья Ким Сэ Уна, жившая в Пингандэ, что в Шицидаогоу, была замечательной семьей. Ее члены от всего сердца помогали революционной армии.

Ким Сэ Ун был верный революционер. Он привлек своего младшего брата, сестру и четверых своих детей – сыновей и дочерей, а также других родственников к революционной борьбе, активно помогал их деятельности. Ким Сэ Ок, жених Ма Гук Хва, – это его младший брат; Ким Ик Хен, тоже ветеран антияпонской

революции, – его младший сын. Отважным бойцом был и его старший сын, вступивший в Корейскую Народно-революционную армию. Сразу же после вступления в КНРА он участвовал в бою на горе Цзяньсаньфэн. Позднее он занимался подпольной деятельностью внутри страны, был арестован врагами. Насколько мне известно, его приговорили к 15 годам тюремного заключения. Сидел он в Содэмунской тюрьме вместе с Квон Ен Беком, Ли Чжэ Суном. Был убит весной 1945 года.

Дом Ким Сэ Уна находился в глуши, недалеко от тайного лагеря революционной армии. Часто заходили в его дом малые партизанские группы и подпольщики. Здесь обычно останавливались на ночлег революционеры, приходящие в тайный лагерь из Кореи. Его дом был как бы «постоялым двором», где бесплатно ночевали бойцы Народно-революционной армии и подпольщики. Хозяин дома арендовал землю у китайского помещика. Весь запас продовольствия он отдавал на подмогу революционерам.

Именно находясь в его доме, Квон Ен Бек руководил партийной работой в уезде Чанбай.

Наши товарищи дали Ким Сэ Уну прозвище «таспхо». Оно происходило от китайского слова «дашифу», что означает повар. Столько же гостей он принимал, что заслужил такое прозвище! Котел в его доме был впятеро больше обычного. В таком большом котле варили кашу, вычерпывали ее большим черпаком, угощая бойцов революционной армии. Когда гостей было много, Ким Сэ Ун сам хлопотал на кухне: засучив рукава и обливаясь потом, помогал женщинам. Он был инвалид – были разбиты сильно обмороженные пятки, и он не мог ступать нормально. И все-таки с мешком зерна на спине по несколько раз в день ходил на мельницу.

– Эх, были бы целы у меня пятки, хоть и стар, но пошел бы в партизаны, мог бы там служить хотя бы интендантом... – часто шутил он с гостями.

Быть бедным арендатором и готовить каждый день целый котел каши для подпольщиков – вряд ли сохранится хоть сколько-нибудь зерна в доме. Видимо, Ким Сэ Ун сам не раз оставался без еды.

Действительно, трудно с чем-либо сравнить самоотверженность чанбайцев в оказании помощи делу революции. Они готовы были продать все свое имущество, чтобы оказать бескорыстную помощь революционной армии. А когда надо было пожертвовать собой, шли и на это.

Случилось это в мае 1937 года. На дороге, ведущей в Эрдаоцзян, были найдены трупы грудного ребенка и женщины, что страшно поразило людей.

Это была простая деревенская женщина. Она тайно лечила укрытого в ее доме раненого партизана, за что и была арестована. Ворвался в дом японский жандарм и под конвоем увел в штаб лечащегося раненого и женщину. Однако женщина оказалась не робкого десятка. При выходе из дома она незаметно спрятала острый перочинный ножик за пазуху, а потом, улучив момент, полоснула ножиком по лицу жандармскому офицеру и выхватила у него из-за пояса пистолет. Ее смелость спасла жизнь раненому бойцу революционной армии. Она почти полчаса с пистолетом в руке держала жандармского офицера на прицеле – до тех пор, пока раненый не исчез из вида. Но жандарм-офицер, опомнившись после испуга, набросился на женщину, отнял у нее пистолет и зверски колол и резал шашкой ее и ребенка. Вскоре весть об этом обошла всех людей.

Однажды ночью труп женщины исчез, точно сквозь землю провалился. Это было своего рода чрезвычайным событием. Жандармы подняли шум и суету, будто произошло какое-то крупное происшествие. Ведь неизвестно куда пропал труп, за которым круглые сутки следил зоркий глаз тайных агентов. Одному богу ведомо! Видимо, члены одной из революционных организаций Эрдаоцзяна или его окрестностей, улучив момент, незаметно унесли его.

В уезде Чанбай есть поселок Чжуцзядун. Там было много известных революционеров. И «старик – острый ножик» Ким Рён Сок боролся в этой местности. И он тоже, как та неизвестная женщина, о которой я рассказал выше, разрезал веревку на руках и уложил ножиком конвоировавшего его японского офицера. Ким Рён Сок вступил в партизанский отряд, служил интендантом. Вот тогда его боевые друзья и дали ему прозвище «старик – острый ножик». С тех пор это прозвище стало как бы вторым именем Ким Рён Сока. Даже дети одного из многоэтажных домов Пхеньяна, где он провел последние годы своей жизни, называли его «стариком – острым ножиком».

К сожалению, «женщина – острый ножик» не оставила даже своего имени. Раненый, которому она помогла бежать, по всей вероятности, не добрался благополучно до своего отряда.

Однажды я оставил двух товарищей в доме старика Чи Бон Пхара – члена подпольной организации Чжуцзядуна. Это были Ким Рён Ен, который страдал от желудочных заболеваний, и еще один раненый новобранец, не помню, как его звали. Старик Чи Бон Пхар целых два месяца старался излечить их. Сам он погиб потом во время вражеской карательной операции.

Когда враг налетел на Чжуцзядун, старик Чи Бон Пхар помог бойцам революционной армии укрыться в горах, а сам остался дома. Он думал: если самому укрыться, то дом опустеет, и враг, вполне возможно, пойдет по их следам, а затем устроит поиск в горах.

Враги орали: «Где бойцы революционной армии?» Но старик отрезал: «Не знаю». Они изо всей силы безжалостно ударили старика по лицу кожаным ремнем. Брызнула кровь… Удары следовали один за другим под выкрики грубых ругательств, но старик молчал, крепко сжав рот.

Враги угрожали заживо закопать его. Он стоял в вырытой яме, а в грудь его упиралось дуло ружья. Враги кричали: «Где раненые партизаны? Скажешь – вознаградим, не скажешь – убьем, чтоб тебя черви сожрали!» Но и это не действовало на старика, он по-прежнему молчал.

Озлобленные враги застрелили его тут же, в яме. Перед смертью старик успел коротко сказать односельчанам: «Хорошенько помогайте нашей армии. Только тогда быстрее придет новый мир».

Этот случай с гибелью старика Чи Бон Пхара называли «инцидентом в Чжуцзядуне». О нем я узнал после по докладу Ким Рён Ена.

Старик Чи Бон Пхар – простой крестьянин. Всю жизнь он пахал землю, жил скромно и честно. Что побудило его держаться так непоколебимо в последние минуты своей жизни, стоя в яме, которой суждено было стать его могилой? Что заставило его погибнуть смертью героя, встретить ее лицом к лицу, подобно богатырю?

Его завещание – пусть быстрее придет новый мир, а для этого надо беззаветно помогать нашей армии – убедительно учит всех нас тому, какое важное значение имеет вера человека, какой великой силой обладает убежденный человек.

Чанбайцы, пренебрегая опасностью, даже с риском для жизни,

оказывали помощь нашей революционной армии, не ожидая и не желая никакого вознаграждения за это для себя. И после освобождения страны никто из них не претендовал на роль героя: вот, мол, какой я человек, знайте меня!

Когда страна стала свободной, Рем Бо Бэ вместе со своими детьми переправилась в Хесан, где и осела. Прошло более десяти лет, но она не дала нам весточки, где и как она живет.

Лишь в 1958 году, поехав в провинцию Рянган руководить на месте работой провинции, я узнал, что она живет в Хесане. На вокзале я встретился с ней. Волосы на ее голове совсем поседели.

– Мамаша! Ушел от нас и Чжон Гын, ушел и его отец...Лишь тебя сегодня вижу, мамаша, с совсем побелевшими волосами...

Я не мог договорить: ком застрял в горле. Кан Ин Хона, мужа Рем Бо Бэ, приволокли в полицейское отделение за то, что он помогал революционной армии, подвергли избиениям. Вышел он весь в кровоподтеках, харкал кровью, потом умер.

Она обняла меня, из глаз ее хлынули слезы.

– Мамаша! Где это видано? В былые времена я заходил к тебе в дом как в свой. Уже прошло более десяти лет, как страна стала свободной. Почему ты не приехала ко мне? Даже письмецо не написала. Как это так? – с сожалением сказал я, поглаживая ее загрубевшие руки.

– Конечно, мне очень хотелось поехать в Пхеньян, чтобы повидать вас, Полководец. Но разве таких людей мало, разве я одна? Если все поедут повидать вас, то когда же вы, и без того занятый, будете успевать заниматься государственными делами?

В былые времена эти порывистые чанбайцы, едва увидев нас, выбегали за околицу, не замечая, как обувь сваливается с ног. Но, вернувшись на освобожденную Родину, они живут тихо, скромно, не заявляя о себе на весь мир.

После этого разговора я предложил ей немедленно переселиться в Пхеньян, дал ей квартиру на живописном берегу реки Тэдон.

Такими были чанбайцы, которые в дни антияпонской революционной борьбы помогали нам, не жалея ни трудов, ни своей крови.

И Ким Сэ Ун, о котором я коротко уже упомянул, с осени 1937 года работал внутри страны, обходил Унхын, Почхон, Мусан, Сончжин (г. Кимчак) и другие районы, создавал подпольные организации, организовывал оказание помощи нашей армии.

Потом он переправился в Тумынь. Определившись в повозочные, он там работал в подполье вплоть до освобождения страны. Не удивительно ли, что он, будучи инвалидом, хромым, не уступал здоровым – колесил по обширным районам, развертывая подпольную деятельность?! Он не любил хвастаться тем, что делал. Материалы, рассказывающие о его деятельности внутри страны, дошли до нашего сведения лишь спустя многие годы. Они привлекли внимание историков. И таких людей, как Ким Сэ Ун, было немало.

В то время жители Западного Цзяньдао в большинстве своем состояли в Лиге возрождения Родины. Если выразиться по-современному, то все без исключения были «скромными героями», «скромными заслуженными людьми».

Враги делали все, чтобы порвать связь между Народно-революционной армией и народом: создавали коллективные поселения, сооружали форты, земляные валы, ставили проволочные заграждения, стремясь отрезать «русло реки» помощи нашей армии. Но им не удалось отгородить души жителей Западного Цзяньдао, тянувшихся к горе Пэкту. В коллективных поселениях начальники отрядов самообороны, сельские старосты, сторожа крепостных ворот в большинстве своем были нашими людьми. И, естественно, затея с коллективными поселениями выглядела даже в чем-то комичной.

Пэктусанскую опорную базу отделяли от населенных пунктов значительно большие, чем восточноманьчжурскую, расстояния. Но можно сказать, что связь между армией и народом становилась все более тесной. Более крепким стало их чувство привязанности друг к другу. Веря в народ, мы определили горы Пэкту новым очагом корейской революции. И наши надежды на народ не пропали даром. Жители Пэктусанской опорной базы, чьи сердца были преисполнены пламенными чувствами патриотизма, верности и чистой любви к революционной армии, не на шутку встревожили врагов своим движением за оказание помощи партизанам. Оно превосходило и наши ожидания, более того, оно не поддавалось человеческому воображению.

Чанбайцы оказались людьми поистине героическими. Они дали яркие примеры помощи воинам революционной армии, положив начало славной традиции. Это дело развивалось и превращалось в общенациональное, охватывая все слои населения, все поселки, все

крестьянские дворы, всех от мала до велика – мужчин и женщин, стариков и детей. Пользуясь их помощью, мы одерживали победу за победой в трудных схватках с врагами.

Движение за оказание помощи воинам превратилось в обширном Западном Цзяньдао в бурный поток. Я увидел его воочию и вновь со всей остротой ощутил, какую великую силу рождает организованный народ. Сеть наших организаций действовала везде и всюду: и на плоскогорье, и в горном ущелье, лишь бы там было хотя бы три крестьянских двора. Пошлем туда связных с короткой записочкой – они тут же просыпаются, передают из уст в уста весточку: мол, бойцы революционной армии недалеко, в четырех километрах. Они хотят побывать в нашем поселке и поесть. Давайте скорее наварим горячей каши и попотчуем их. И они на скорую руку приготавливали нам еду.

Достаточно было лишь одной такой записочки, чтобы привести в действие организации. Можно было бы одновременно позвать всех жителей Западного Цзяньдао в горы Пэкту, чтобы они поднялись на вершину горы Пэкту и провозгласили: «Да здравствует независимость Кореи!» Стало ясно: с осени 1936 года жители Западного Цзяньдао уже представляли собой организованный народ, действующий по нашей команде.

У нас пословица гласит: имей хоть три *маля* жемчуга, но драгоценным украшением они станут лишь тогда, когда в каждой жемчужине проделаешь отверстие и нанижешь их на нитку. Каждый человек, проживавший в Западном Цзяньдао, был бесценным существом, которое можно сравнить с жемчужиной. Из этих жемчужин драгоценное украшение сотворили именно организации Лиги возрождения Родины, превратившие Западное Цзяньдао в родной для нас мир.

Что получилось бы, если бы нам не удалось сплотить население Западного Цзяньдао в единую организацию? Каждая жемчужина была бы раздавлена врагом или оказалась бы под гнетом, лишилась бы своей красоты. Каким бы пламенным чувством патриотизма, любви к своей нации ни воспламенялся человек, – один в поле не воин.

Вот почему я постоянно говорю: самое великое благо для революционера – это организация. Можно сказать, никогда не померкнет значение организации для революционеров и народов разных стран, стремящихся к самостоятельности. Изменятся

времена, но это вовсе не даст повод допустить умаление роли организации. Пусть революция одерживает победу за победой, но это отнюдь не значит, что можно ослабить степень организованности народных масс.

Организованность масс необходима не только в борьбе за завоевание власти, но и после победы – для успеха государственного строительства, а также для того, чтобы после построения коммунистического общества далее добиваться новых и новых успехов, продолжать революционные преобразования. Революционное развитие не имеет конца, и нет конечной станции на пути роста организованности масс. Такова закономерность развития общества, таков закон, которому должны придавать важное значение все, кто борется за строительство развитого общества.

И ныне мы сплачиваем народные массы в организации. Мы будем неустанно повышать организованность масс и после того, как завершим создание коммунистического общества. Организованными усилиями народных масс мы построим на этой земле самостоятельно развивающееся общество, которое будет постоянно крепнуть и процветать, станем железной стеной на защиту нашей Родины, нашего строя.

И тогда, когда в начале 40-х годов японские империалисты, пустив в ход так называемую «политику японо-советского добрососедства», вводили в заблуждение народы мира и одновременно пытались залить холодной водой огонь нашей борьбы, разглагольствуя об «отрезанности и одиночестве» корейских коммунистов, и тогда, когда гитлеровская Германия неудержимой лавиной ринулась на Москву, трубя «о трагическом конце» коммунистов, я, вспоминая о водяных мельницах в Ванцине и Чанбае, черпал в них силу и веру.

И в дни войны, полные суровых испытаний, когда мы дрались с империалистами США, бахвалившимися своим «могуществом» в мире, и с армией их сателлитов, мне вспоминались те водяные мельницы в Чанбае, и это давало мне уверенность в завтрашней победе. Может, найдется такой человек, который посчитает это странным. Но было именно так.

В дни, когда я ходил в поселки Чанбая, я сам видел в тех водяных мельницах свидетельство несомненной любви народа к нам, проявление его несокрушимой воли – оказывать нам помощь и

поддержку, видел неизменную его верность – силу превозмогать смертельный риск.

В дни нашего временного отступления во время войны мы с Ли Гык Ро как-то побродили по берегу реки Тонно (река Чанчжа). Тогда я вспоминал о водяных мельницах в Чанбае. И в своих рассказах я не раз подчеркивал: когда мы были в горах Пэкту, чанбайцы шелушили зерно на этих мельницах. Получая от них эту помощь, мы, сражаясь, не голодали. Враги жгли поселки, громили мельницы, но их шум не стихал. Если опираться на народ, пробудить его силу, то можно отразить натиск любого сильного противника.

Тогда корейцы в Чанбае, продолжал я, ставили водяные мельницы и на горных ручейках в ущелье. Они умно использовали течение воды. А как широка река Тонно, – но она несет свои воды, пряча их силу от людей. Когда кончится война, надо бы перегородить реку плотиной. На ней построим крупную гидроэлектростанцию. Шел такой разговор.

Заложенная в годы антияпонской вооруженной борьбы традиция помощи воинам, традиция единства армии и народа, пройдя затем школу великой Отечественной освободительной войны, становилась все более нерушимой, прочной и принимала все более широкий размах.

В чем секрет победы нашей молодой Республики над «сильнейшей державой» в мире? В том, что противная сторона во всяком случае подняла на ноги только одни вооруженные силы, в то время как наша сторона мобилизовала весь народ, сражалась с врагом сплоченными силами армии и народа.

Прочно унаследована и получила сегодня дальнейшее развитие могучая традиция помощи воинам, традиция единения армии и народа под руководством нашей партии.

Ныне в нашей стране повсеместно активно развертывается движение «Наше село – наш пост», «Наш пост – наше село»: народ помогает воинам, а воины – народу. Особенно быстро это движение распространяется на все заводы и фабрики, сельхозкооперативы, жилые кварталы, учебные заведения страны после назначения товарища Ким Чен Ира Верховным Главнокомандующим Корейской Народной Армии. Таких взаимоотношений армии и народа не найдешь в истории военного строительства в других странах мира. Это – большая гордость Кореи. Благодаря сплочению

воедино великих сил армии и народа нам не страшны никакие угрозы и шантаж врагов.

Я считаю единодушие и сплоченность, единство армии и народа одним из самых блестящих успехов корейской революции.

До сих пор мне слышится мерный шум водяных мельниц, который не умолкал в годы войны против японского империализма. Вместе с этими звуками перед моими глазами живо встают лица многих чанбайцев. Сколько из них погибли на виселицах, сколько лишились жизни в тюрьмах! Сколько из них замерзли насмерть в снежных горах Пэкту, спеша к нам с помощью!

Думая об их добрых делах и заслугах, склоняю голову перед их памятью, и сердце мое переполняется чувством благодарности к ним.

3. Ли Чжэ Сун

По прибытии в район гор Пэкту мы немедленно приступили к постройке тайного лагеря. Не мешкая, одновременно начали создавать организации ЛВР в тех населенных пунктах, где проживали корейцы. Для этого были выбраны прежде всего места, примыкающие к горам Пэкту, – район Чанбая и район Капсана в Корее.

Нужно было все предусмотреть, чтобы хорошо выполнить эту трудную задачу. И прежде всего – найти надежных людей, которые могли бы помогать нам даже с риском для собственной жизни.

Вскоре после вступления в Западное Цзяньдао я направил в Чанбай небольшой отряд. Я еще раз серьезно проинструктировал ротного Ли Дон Хака. «Ваша задача, – говорил я ему, – отыскать способных лиц. Хоть переворошите весь Чанбай, но надо разыскать надежных помощников. Громить врага – дело второстепенное, главное – поиски способных людей. Если враг подвернется посильный, – громите, а в других случаях в бой не ввязывайтесь».

Ли Дон Хак выполнил свое задание успешно и вместе с Ли Чжэ Суном вернулся в тайный лагерь. Ли Дон Хак на вид казался суетливым, но по натуре был человеком исключительно внимательным и находчивым. Он сыпал такой скороговоркой, что у того, кто первый раз слушал его, ум за разум заходил. Эта его скороговорка постоянно будоражила бойцов. Не случайно товарищи наградили его прозвищем «потачжи». Оно, по-видимому, происходило от слова «поктакчжир» (суетиться).

Ли Дон Хак со своей ротой исходил весь Чанбай и однажды на поляне за Эршидаогоу застал молодого сельского старосту, который руководил утренней физзарядкой детей и молодежи. Это и был Ли Чжэ Сун, а то селение, где дети занимались утренней зарядкой, называлось Синьсинцунь. Будучи сельским старостой, он одновременно преподавал в вечерней школе. В Синьсинцуне все, включая стариков, детей, женщин, питали к своему старосте исключительную привязанность, обращались к нему почтительно: «Наш учитель».

Ли Дон Хак решил прощупать Ли Чжэ Суна, чтобы узнать, что он за человек. Он попросил его подготовить провиант для партизанской роты примерно на двое-трое суток. А староста моментально собрал так много продуктов, что бойцам роты было не под силу унести их. Тогда он сам вызвался доставить все в тайный лагерь. Ли Чжэ Сун обладал не только удивительной сноровкой в делах, но и большим сердцем. Прямо-таки влюбился «потачжи» в доселе незнакомого старосту. Ему захотелось лично представить Ли Чжэ Суна командованию, если даже его будут потом критиковать за легкомыслие. И он тут же удовлетворил просьбу старосты, когда тот вызвался доставить продовольствие.

Если враги узнают, что сельский староста сам добровольно доставил продукты и повел за собой сельчан, то у него непременно возникнут неприятности. И поэтому бойцы роты «потачжи», связав Ли Чжэ Суна веревкой, сделали вид, будто уводят его, как большого преступника, под конвоем.

Спустя три дня прибыла в район тайного лагеря эта группа носильщиков из Синьсинцуня. Когда они оказались в 8 – 12 километрах от лагеря, Ли Дон Хак решил возвратить домой всех сельчан. Однако Ли Чжэ Сун настоятельно просил допустить его в тайный лагерь.

Ли Дон Хак хотел еще раз прощупать его и напустил на себя вид человека, попавшего в трудное положение.

– Так не полагается делать. Как поверить, взять вас на секретную базу?

Тогда Ли Чжэ Сун, схватив Ли Дон Хака за рукав, находчиво предложил:

– Раз так, то не лучше ли вам испытать меня? Вы можете поручить мне такое задание, выполнение которого потребует большого риска.

Ли Дон Хак согласился. Он предложил ему приготовить за три дня пять пар больших ватных носков, с голенищем до колена, и пять пар гетр. «Вернетесь в срок с этими вещами – возьму вас в тайный лагерь, а придете после срока или с пустыми руками – значит, не выдержали экзамена».

Ли Чжэ Сун самоуверенно заявил: «Это же пара пустяков! Такой экзамен выдержу, когда угодно», – и возвратился в Синьсинцунь. Дома он велел жене и теще срочно сшить пять пар ватных носков и пять пар гетр. Они за ночь сшили их из одного-единственного ватного одеяла, которое принесла в

приданое жена. С ними он и вернулся в намеченный пункт. Только тогда Ли Дон Хак, обняв Ли Чжэ Суна, представился ему: без утайки назвал свое прозвище «потачжи», сказал, где родился. «Выходит, – говорил он, – из-за меня ваше одеяло взлетело на воздух». Так Ли Чжэ Сун выдержал экзамен.

Когда я возвратился к себе, обойдя район гор Пэкту, ко мне явился Ли Дон Хак и доложил: «Я нашел хорошего парня из села Синьсинцунь. Привел его в тайный лагерь – хотелось представить его вам, товарищ командующий». Он не переставал нахваливать Ли Чжэ Суна. По его словам, Ли Чжэ Сун уже несколько дней провел в тайном лагере, за это время ни минуты не отдыхал, читая печатные издания для внутреннего пользования. Добавил, что он человек такой упорный и усердный, что уже успел научиться у партизан разбирать и собирать оружие, а также умению ориентироваться.

– Он, видать, – продолжал ротный, – человек умный, прямой, полон революционной страсти, настоящий энтузиаст. К тому же у него такой общительный характер, что за несколько дней сдружился со всеми нашими товарищами. Он умеет обращаться с массами.

Если не считать его оценку преувеличенной, то общая характеристика старосты села Синьсинцунь, можно сказать, была положительной.

У Ли Чжэ Суна лицо было миловидное и нежное, как у женщины. Особо впечатляющими были улыбающиеся глаза. Внешне он выглядел человеком чересчур мягким и слабым, но на деле же был иным: стойкость, разум, твердая, как сталь, воля, несокрушимая, как скала, вера, хладнокровность суждений.

Ли Чжэ Сун родился в семье бедного крестьянина. С детства судьба повязала его с горем и несчастьем. Из-за бедности он не мог перешагнуть даже порог школы. Помогая матери, полол чужие поля по найму. Десятилетним мальчиком батрачил у помещика из соседнего села. Однажды вечером – в том году, когда ему исполнилось одиннадцать лет, – он плел соломенные лапти в своей батрацкой каморке, пристроенной к помещичьему дому. Нежданно-негаданно пришла к нему родная мать. Как он истосковался по ней! Но он не поднял глаза на нее, пока она, открыв дверцу, не вошла в каморку и не села у краешка циновки. «Что с тобой?» – удивилась мать. Но сын, ничего не ответив, продолжал плести лапти. Бедной матери ничего не оставалось, как выйти из каморки, так и не услышав

от сына ни одного теплого словечка. Лишь тогда Ли Чжэ Сун, прекратив работу, выбежал вслед за ней и, захлебываясь слезами, заговорил:

– Мама! Прошу тебя больше не приходить! Придешь ты – в помещичьем доме начнут презирать нас. Подумают: вот она пришла за подачками, – и будут издеваться.

Мать поняла, что творится в душе сына. Она обняла его, а затем, опустившись наземь, горько зарыдала. Она твердо обещала: «Как ни тоскую по тебе, но больше не приду в помещичью усадьбу!»

Ли Чжэ Сун был прилежным и целеустремленным. Не получив стационарного образования, он самоучкой овладел знаниями даже в объеме средней школы. До четырнадцати лет он прожил в батраках, потом несколько лет ходил в вечернюю школу. Он научился у старшего брата родной грамоте. Уже будучи женатым, продолжал заниматься самообразованием, постоянно носил под мышкой иероглифический словарь. В душу его на всю жизнь запала глубокая обида на то, что ему не удалось получить школьного образования. И, переселившись в Синьсинцунь, он открыл там вечернюю школу для детей крестьян, занимающихся подсечным земледелием. Так началась его неутомимая просветительская деятельность.

В бытность в родном краю Ли Чжэ Сун несколько лет состоял в детском обществе и союзе молодежи. После того, как его старшего брата посадили в тюрьму, японская полиция начала следить и за ним. Непрекращавшиеся преследования, репрессии грозили ему опасностью. И в начале 1932 года он переселился в район Капсана, где жила семья родителей жены. В то время Пак Дар и другие передовые деятели активно развертывали здесь патриотическое движение за просвещение масс. Вместе с ними Ли Чжэ Сун организовал тайный читательский кружок в селе Опхун и начал изучать новое идеологическое течение.

Члены кружка были готовы без колебаний пожертвовать собой в справедливой борьбе за спасение Родины и нации от бедствий и страданий, но они не могли найти верного курса борьбы и тяжело это переживали. Они устанавливали повсеместно в стране нити связи, пытаясь выйти на верный путь, найти выдающегося руководителя. Правда, порой они встречались с забившимися в горы «предтечами» – выходцами из крестьянского союза и профсоюзов и завзятыми доктринерами, у которых, однако, не имелось ни ясной линии, ни четкой тактики борьбы.

Ли Чжэ Сун стал присматриваться к Корейской Народно-революционной армии. Начиная с 1934 года, внутри страны уже ходили слухи о том, что КНРА продвинется в район Чанбая. Ли Чжэ Сун, отменив свой первоначальный план перебраться в сторону Хуньчуня, перешел в Цяньгэдэ, что в Эршидаогоу уезда Чанбай. Позже переселенцы, бросившие якорь в Цяньгэдэ, дали ему наименование «Синьсинцунь» («Деревня нового процветания»).

От Синьсинцуня до Почхонбо не так уж далеко, если идти прямиком. Оттуда видны и гора Пэкту, и горы Пэгэ, Собэк, Кончжан. Жить в краях, откуда виднеется гора Пэкту, – уже одно это приносило Ли Чжэ Суну, смертельно тосковавшему по родному краю на немилой чужбине, таинственное облегчение.

За переселенцами следовали, как тень, гнет чиновничества и жизненные невзгоды. Под тяжестью арендной платы, трудовой повинности, многообразных и непосильных поборов бедным крестьянам, занимавшимся подсечным земледелием, некогда было распрямить спину, поднять глаза на небо. Всякий раз по праздникам помещики требовали от арендаторов ублажать их подношениями, даже вменяли им в обязанность заготавливать дрова. К довершению такой обязанности на корейских переселенцев Чанбая сердито покрикивали и полицейские сел Карим и Чхонсу, расположенных на противоположном берегу реки, на корейской земле, – требовали заготовить дрова и для них. При осмотре крестьянских дворов мелкие полицейские чины, как правило, шарили по курятникам и, вытаскивая яйца, поедали их. А на обеденных столиках у крестьян-подсечников красовалась одна лишь ячменная каша или жидкая овсяная похлебка.

В Синьсинцуне насчитывалось более 60 крестьянских дворов, но ни у кого не было тяглового скота. Нетрудно догадаться, какой тяжестью ложился на их плечи поистине каторжный труд. Крестьяне тащили на себе соху, впрягаясь в нее.

Был, говорят, такой случай с молодоженами во время весенней пахоты. Целый день они пахали землю без тяглового скота. Сперва за ручки сохи взялась жена, а муж вместо вола впрягся в соху и тянул ее. А затем, когда впряглась жена, соха, врезавшись в землю, не двинулась с места. Мужа взяла досада. И как он привык пахать в родном краю, подстегивая и понукая быка, так и сейчас он невольно крикнул: «Ирра...» Жена не выдержала и взорвалась: муж

считает ее коровой! Обиженная, она, опустившись на краю поля, горько всхлипывала. Тогда муж, бросив соху, подсел к ней и извинился: нечаянно, мол, оговорился. Он досадовал на себя, сетуя: «Эх, будь все проклято. Придет ли когда-нибудь конец горькой доле крестьянина, что хуже, чем у крота?»

Такие жизненные тяготы способствовали быстрому пробуждению национального и классового самосознания крестьян Синьсинцуня.

В большинстве это были разорившиеся крестьяне, переселившиеся сюда из провинций Северный и Южный Хамген, а также эмигранты, которые раньше состояли в крестьянском союзе, союзе молодежи и в других массовых организациях разных оттенков и участвовали в антияпонском движении. Они покинули родные края в поисках новой арены своей деятельности.

Среди них был и Ким Бен Чхор, который работал позже в Синьсинцуньском филиале ЛВР и местной Особой партячейке. Он тоже раньше, до эмиграции, действовал в стране.

Когда он еще был в Корее, то постоянно говорил своим товарищам, что крестьянский союз, если он хочет добиться успехов в своей борьбе, должен искать возможность встать под руководство КНРА: без этого условия борьба внутри страны не увенчается победой. На этом он упорно настаивал. Разумеется, его доводы разделяли многие товарищи. Но не все. Некоторые смотрели на его аргументы скептически, сомневались в том, что удастся установить связь с революционной армией.

Решив, пусть даже, если придется, в одиночку, отыскать партизанский отряд, Ким Бен Чхор перебрался в Синьсинцунь уезда Чанбай, где действовали его близкие друзья.

Среди деятелей в стране он был одним из тех пионеров и борцов, которые первыми убедились в неразрывности вооруженной борьбы за границей и политической борьбы внутри Кореи и в необходимости согласовать эти два направления. Они вышли за рамки пустых словопрений, активно осуществляли эту идею, а после установления связей с революционной армией не щадили и жизни во имя проведения нашей линии.

Ли Чжу Гван, Ли Чжу Ик и другие корейские патриоты в начале 30-х годов организовывали в районе Чанбая Красный крестьянский союз корейцев в Маньчжурии и, опираясь на него, развертывали массовую борьбу. Крестьянский союз начинал свою деятельность с

просветительства, выступая против суеверий, азартных игр, ранних браков, выдачи замуж за деньги, борясь с неграмотностью. Его деятельность, пройдя через стадию экономической борьбы, то есть конфликты вокруг вопроса об аренде и отказ от насильственной трудовой повинности, постепенно переросла в антияпонскую политическую борьбу. Люди выступали против строительства военных дорог и сооружений, создавали помехи их строительству.

До тех пор, пока мы не создали организации ЛВР в районе Чанбая, массовое движение в Синьсинцуне и его окрестностях направлял, насколько мне известно, тот Красный крестьянский союз.

Если сказать коротко, то Ли Чжэ Сун был человек чистый, как лист белоснежной бумаги. Сравнительно несложной была его биография. Это убедительнее всего доказывало, что он не запятнан неверными способами мышления и борьбы, свойственными деятелям-стилягам и фракционерам. Несложность его биографии, по нашему мнению, была его достоинством. Идеология или доктрина, посеянная в чистом, ничем не загрязненном сознании человека, никогда не может затуманиться.

Немало было интересного в той философии человеческой жизни, которую, мол, усвоил Ли Чжэ Сун за время участия в антияпонском патриотическом движении. Он говорил: «Самое трудное из всех человеческих дел – это быть пионером, руководителем. То есть решать две или три задачи сразу, когда другие заняты одной; делать два или три шага, когда другие продвигаются лишь на один шаг, – это самое тяжелое дело».

В его рассуждениях содержалась поистине глубокая истина. В них отразились переживания революционера, идущего впереди всех и прокладывающего трудный путь – путь преобразования общества.

– Сколько у вас мук-мучений! – сказал я ему. – Ведь вы и занимаетесь земледелием, и работаете сельским старостой, и делаете революцию.

Ли Чжэ Сун, улыбаясь, ответил:

– Да, мучений не счесть. Но есть в них для меня и радость. Время-то жестокое. Не будь таких страданий и мук ради революции, какой смысл жить человеку на свете?

По его словам, работа с массами – это самое интересное дело, а возможность приобрести новых товарищей – самая большая

радость. Я спросил, кто наиболее трудно поддается при завоевании масс. Он ответил: «Старые люди». Ли Чжэ Сун заявил, что будь только большая спортплощадка и дом собраний (клуб), ему нипочем просветить целое селение, ему под силу даже целую волость революционизировать.

Я полностью разделял его взгляды на массы, его подход к работе с массами.

Вот один интересный эпизод из практики Ли Чжэ Суна по просвещению масс. Речь пойдет о «семейной вечерней школе». Это – школа в рамках одной семьи. В семье Ли Чжэ Суна работала именно такая вечерняя школа, в которой состояли все члены семьи. По вечерам собирались все члены семьи. Что называется, засучив рукава, Ли Чжэ Сун обучал свою жену и младших сестер. Благодаря этой вечерней школе в его семье не стало безграмотных.

Знакомясь с работой Ли Чжэ Суна с массами, я как бы невзначай спросил, как настроены старосты десятидворików, принесшие на своих спинах грузы в тайный лагерь.

По его отзыву, все они люди хорошие. Сомнительна репутация только одного из них – приемного сына помещика Чхона, которого взял с собой комроты Ли Дон Хак. Тот парень, приняв революционную армию за «банду», опасается, как бы его не убили партизаны, и все время тревожится – со дня прихода в тайный лагерь.

Я испытующе спросил Ли Чжэ Суна:

– Допустим, что ротный Ли Дон Хак привел его для сбора пожертвований. Но как вы, собственно, думаете об этом? Выскажите ваше мнение: что нам делать с ним, приемным сыном помещика Чхона.

Словно ожидая такого вопроса, Ли Чжэ Сун тут же излил то, что было у него в душе.

– Я думаю, что партизаны не будут расправляться с ним. Он ведь только называется приемным сыном помещика, а на деле – бедный парень, почти что батрак и ни в чем не повинен. Он был великодушен и судьбу парня рассматривал с учетом интересов единого фронта. Признаюсь, меня поразили его снисходительность и своеобразное мышление.

Правда, мы с Ли Чжэ Суном сошлись в подходе к приемному сыну помещика Чхона. Ли Дон Хак терпеливо воспитывал парня, добиваясь, чтобы он получил правильное представление о нас.

И вот настало время, когда он вызвался вступить в революционную армию. Мы удовлетворили его желание. Когда мы шли в бой у Эршидаогоу, тот юноша был нашим проводником. Позже приемный сын помещика, которому оказал большое доверие Ли Чжэ Сун, к сожалению, погиб в одном из боев.

Что ни говори, Ли Чжэ Сун был мужчина своеобразного характера, располагающий к себе людей. Он был наиболее подходящим человеком, чтобы революционизировать Чанбай. Дай ему необходимые знания и обучи нужным методам, и он далеко пойдет, станет способным подпольщиком-организатором. Я решил поручить ему задание по созданию организаций ЛВР в районе Чанбая.

А он, наоборот, хотел служить в армии. Сказал, что когда мы уходили в бой, он успел провести кое-какую подготовку к вступлению в армию. Он назойливо приставал ко мне с просьбой – «Раз уж так получилось, – говорил, – то разрешите сдать вступительный экзамен». Слова «вступительный экзамен» звучали так уморительно смешно, что я захохотал.

– Нет, не надо экзамена. Товарищ «потачжи» уже проэкзаменовал вас и привел сюда. Так сказать, вас уже аттестовали как достойного бойца. Если вы настаиваете, я в любое время готов принять вас в партизанский отряд. Но мне бы хотелось сделать иначе: для вас есть другое дело, оно, пожалуй, принесет больше пользы нашей революции.

– Другое, говорите? Какое? – растерялся Ли Чжэ Сун.

– Вот мое предложение: вместо того, чтобы быть рядовым стрелком, лучше бы вам взяться за создание большой организации, которая смогла бы оказывать помощь КНРА в сражениях с японскими войсками, чтобы мы победили. Как, по-вашему?

– Значит, мне создать организацию? – не скрывал любопытства мой собеседник.

– Да. Именно так – надо создать организации ЛВР повсеместно в бассейне реки Амнок, и прежде всего в Синьсинцуне, где вы живете.

Я стал объяснять ему актуальность, важность объединения широких слоев населения в единый антияпонский национальный фронт.

– Раз дело обстоит так, ладно, я займусь подпольно-организационной работой, – согласился смекалистый Ли Чжэ Сун. – Но

знайте, я человек неспособный. Вряд ли мне по плечу справиться с этим трудным делом. Нет у меня уверенности.

– Об этом слишком не беспокойтесь. Научитесь – и сможете. Врожденных революционеров не бывает. Любой им может стать, если он готов посвятить себя делу революции, начнет прилежно учиться с азов в практической борьбе и накапливать опыт. Знания для этого мы вам дадим.

Мы организовали индивидуальный семинар специально для Ли Чжэ Суна. Основные лекции были посвящены анализу линии и характера корейской революции, ее тактики и стратегии. С ними выступил я. О Программе ЛВР из 10 пунктов, Учредительной декларации ЛВР и ее Уставе, об истории Интернационалов рассказывал Ли Дон Бэк. Думаю, за весь период антияпонской революционной борьбы не было такого случая, чтобы перед одним слушателем попеременно выступили несколько способных лекторов и излагали перед ним столь объемный и глубокий материал.

После семинара Ли Чжэ Сун, покидая тайный лагерь, от души говорил:

– Я пришел сюда с одной меркой зерна, а уйду с целыми мешками «революционной пищи». Век буду благодарен вам. Теперь давайте мне задание. Закрепите за мной какой-либо район – создам там во всех корейских селах организации ЛВР.

Мы решили определить ему участок – Шанганцюй уезда Чанбай.

Перед уходом Ли Чжэ Сун попросил меня выдать ему верительную грамоту. «Покажу людям такую бумагу с вашей печатью, – говорил он, – и тогда можно объединить больше людей в организации ЛВР. Дело наверняка пойдет гораздо легче».

Я удовлетворил его просьбу: написал ему такую верительную грамоту, скрепив своей подписью и печатью.

Ли Чжэ Сун, взяв это небольшое удостоверение, твердо заверил, что не более чем за полгода превратит Шанганцюй в наш мир. То, что это, на первый взгляд, самоуверенное заявление не было пустозвонством, подтвердили в дальнейшем его успехи в борьбе.

В тот день Ли Чжэ Сун обратился ко мне:

– Уважаемый Полководец! У меня к вам просьба. Перед уходом из тайного лагеря хотелось бы хоть разок одеться в партизанскую форму. Это моя сокровенная мечта.

– Такое желание вполне можем удовлетворить. Дадим вам

одеться в военную форму, – с пониманием и сочувствием отнесся я к его просьбе.

«Как он горячо желает вступить в армию! Неспроста у него такая просьба», – думал я. Хотя он был готов отдать всего себя работе на невидимом фронте возрождения Родины, но в глубине души у него жило страстное желание служить в армии.

В то время, когда Япония после покорения Маньчжурии, движимая алчностью, планировала захватить Внутренний Китай, а затем и всю Азию в целом, лихорадочно готовилась к новой мировой войне, стремление надеть военную форму и участвовать в антияпонской войне нельзя было расценить иначе, как высшее проявление патриотизма.

Я приказал комроты Ли Дон Хаку принести со склада новый комплект обмундирования и одеть Ли Чжэ Суна.

Он очень хорошо выглядел в военной форме. Ему она была совсем впору, хотя размер подбирали наугад.

– Вы, товарищ Чжэ Сун, видать, родились для того, чтобы ходить в форме. Она великолепно сидит на вас. Раз уже вы обмундированы, решим так: вы приняты в ряды КНРА. С этого дня вы подпольщик КНРА. Поздравляю вас, товарищ Чжэ Сун, с вступлением в армию! – с этими словами я подошел к нему и крепко пожал руку.

Больше всех радовался этому Ли Дон Хак. Он, вскинув себе на спину сельского старосту в военной форме, ошалевшего от радости, кружился вокруг меня.

Так, Ли Чжэ Сун, пришедший в тайный лагерь с мешком зерна на спине, оказался зачисленным в состав партизанского отряда.

При возвращении его домой мы организовали малый бой с целью обеспечения его маскировки. Задание было выполнено небольшим отрядом Ли Дон Хака.

Очень интересен был рассказ о том, как Ли Чжэ Сун, возвращаясь к себе в село, посадил врага в калошу, ловко обманув его. Как мы и советовали, он, спустившись с гор, даже не заглянул в свой дом, прямо пошел в полицейский участок и Эршидаогоу и ни с того ни с сего начал высказывать свою «обиду». «Я не могу больше работать сельским старостой! – рассерженно говорил он. – Вы умеете заставить сельского старосту работать, а охранять его не умеете! Вы, видно, знали, что меня увели они, но не приняли никаких мер, чтобы вызволить меня. Мне страшно, и придется,

пожалуй, перебраться снова в Корею. Видите, так или иначе вашим слугам не миновать смерти. Пусть другие послужат».

Полицейские не на шутку растерялись и стали уговаривать: «Просим, ради бога, не говорить так. Думаете, мы не беспокоились о вас? Просто не знали, куда вас увели, и не успели принять меры. Ну, теперь успокойтесь и расскажите, где вас держали и как вы выбрались оттуда». «Знаете, – ответил Ли Чжэ Сун, – партизаны вели меня с завязанными глазами, и я не знаю, где пребывал все это время. Помню только то место, откуда удалось мне на рассвете убежать. Однажды они отдыхали. Вижу, часовой, охранявший меня, задремал, я и дал деру!»

Складно он плел небылицы. Полицейские пытались узнать у него, сколько партизан там, откуда он убежал, и попросили его проводить их на место.

Далее все пошло так, как и задумывалось по заранее составленному нами сценарию. Полицейский карательный отряд двинулся в ущелье, которое назвал Ли Чжэ Сун, и попал, как мышь в чан. Врагам оставалось только поверить ему.

Ли Чжэ Сун, ловко воспользовавшись доверием врага, осенью того же года вместе с Ким Бен Чхором, Ли Чжу Гваном и Ли Сам Доком создал Синьсинцуньский филиал ЛВР. Это была ее первая организация, рожденная у юго-западной подошвы горы Пэкту.

С той поры Ли Чжэ Сун, переложив обязанности сельского старосты на Ли Сам Дока, вместе с Квон Ен Беком взялся за расширение сети организаций в уезде Чанбай, и прежде всего в Шанганцюе. Для удобства мы разделили уезд Чанбай на три участка: Шанганцюй, Чжунганцюй, Сяганцюй. А Шанганцюй – еще на три направления: Шанфанмянь, Чжунфанмянь и Сяфанмянь. После образования в Синьсинцуне филиала ЛВР Ли Чжэ Сун создал такие же и в других местах – Чжуцзядуне, Яошуйдуне, Дасыдуне, Пингандэ.

Филиал ЛВР имел много отделений. Были созданы и другие организации, примыкающие к нему, – такие, как Антияпонский союз молодежи, Общество женщин, Детский отряд, которые объединяли широкие слои населения.

Не более чем за полгода Ли Чжэ Суну удалось покрыть весь участок Шанганцюя густой сетью подпольных организаций.

Почти все села, окружающие Пэктусанский тайный лагерь, были пронизаны организациями ЛВР. Они были в гуще передовой части

учащейся молодежи, интеллигенции, служителей культа в уезде, пустили свои корни даже в государственных ведомствах Маньчжоу-Го, полицейских органах, в частях Цзинъаньской армии.

ЛВР имела подведомственные ей массовые организации, охватывающие широкие слои населения. В этих примыкающих к ЛВР организациях были объединены десятки тысяч человек. Каждый филиал ЛВР имел при себе производственный партизанский отряд, который представлял собой могучую силу, способную в случае необходимости свершить большое дело, присоединившись к Народно-революционной армии.

Разветвление сети организаций ЛВР в Чанбае шло так быстро, что весь уезд полностью превратился в наш мир уже в начале 1937 года, когда мы основали Чанбайский уездный комитет ЛВР во главе с Ли Чжэ Суном.

Почти все села и люди Чанбая стали «нашими». Должности старост почти всех поселков, сел Чанбая заняли «наши люди». Они притворялись подручными врага, а на деле работали на нас.

Таким, к примеру, был начальник волостной управы Ли Чжу Ик. Перед выступлением в район гор Пэкту мы заранее отправили в Чанбай дозорную группу. В то время он был вовлечен Ким Чжу Хеном в члены ЛВР особого назначения. В Оулэдуне он открыл аптеку, врачевал и одновременно занимал должность волостного начальника. Искусно используя свое служебное положение, он очень действенно помогал нам.

По словам Ли Чжэ Суна, он все время присматривался к Ли Чжу Ику с тех пор, как того посадили в тюрьму за участие в борьбе против ирригационной компании в Корее. Советы Ли Чжэ Суна Ли Чжу Ик принимал искренне и честно, весьма добросовестно выполнял его рекомендации и просьбы.

К тому времени наши подпольщики нуждались в различных удостоверениях, особенно таких, как разрешение на переправу через реку и вид на жительство. Документы позволяли перебраться в Корею или обосноваться и безопасно действовать в селениях на китайской стороне бассейна реки Амнок. Пойти на место назначения без вида на жительство было напрасно – не продержишься и дня. Не будешь иметь разрешение на переправу – не сможешь свободно переправиться через реку Амнок, не проберешься мимо зоркого глаза таможенной полиции.

Эти документы полиция выдавала после ручательства

волостного начальника. И то только тем, кто был зарегистрирован в журнале, который предъявлялся начальником волостной управы.

Ли Чжэ Сун и Ли Чжу Ик делали все для того, чтобы наши подпольщики могли действовать безопасно и свободно. Они задумали включить много «призрачных дворов» в подворный список Эршисыдаогоу – этой последней глухомани на подъеме к горам Пэкту. До этого далекого и крутого захолустья полицейские не осмеливались добираться.

Ли Чжу Ик занес в такой журнал псевдонимы наших подпольщиков, действовавших в районе Чанбая и внутри Кореи, представил этот «подворный список» полиции и, как говорится, начал разводить бобы:

– Эх, просто беда с этими голодранцами-горцами. Все безмозглые. Абсолютно ничего не знают. Вот уже целый год, считай – двенадцать месяцев, они, забившись в глушь, никуда не ходят. Откуда им знать, что творится в мире? Хочешь жить – надо иметь вид на жительство. Они этого и понять не хотят. Что поделаешь, вид на жительство остается только мне принести этим безмозглым, как медведи, голодранцам. Нет иного выхода, хотя я просто останусь без ног. Ой, как мне трудно работать начальником волостной управы! Таким жалобам сочувственно поддакивали в полицейском отделении: «Да, действительно беда с этими невеждами-голодранцами», – и выдавали волостному начальнику, сельским старостам виды на жительство в соответствии со множеством «призрачных дворов». И у Ли Чжэ Суна всегда было в резерве достаточное количество видов на жительство, доставленных Ли Чжу Иком. Наши подпольщики в любое время могли с этими документами легко обосноваться и в других краях, без особого риска переходить через границу.

В районе Чанбая резко расширялась сеть организаций ЛВР, росли масштабы ее деятельности. Это требовало от нас укреплять новосозданные организации, чтобы, опираясь на них, распространить революционное движение в глубинные районы Кореи. Однажды для этой цели мы направили на места сразу более 30 подпольщиков.

В Синьсинцунь были посланы Пак Рок Гым (Пак Ен Хи), первый командир женской роты, и двое мальчиков-подпольщиков. Прописать этих трех «жителей» Ли Чжэ Сун поручил именно Ли Чжу Ику. Тот зарегистрировал их в подворном списке под

псевдонимами, под чужими именами.

Ли Хун, поселковый староста Диянси в Шицзюдаогоу, под влиянием Ли Чжэ Суна тоже вступил в члены ЛВР. Вернувшись к себе после встречи со мной в тайном лагере, Ли Чжэ Сун тут же навестил Ли Хуна, ознакомил его с Программой ЛВР из 10 пунктов и дал ему задание – повлиять на надежных молодых людей с целью их подготовки к приему в организацию. При этом он сказал, что это воля Полководца Кима.

Первым человеком, которого Ли Хун, выполняя это задание, представил Ли Чжэ Суну, был Ан Док Хун. Раньше он участвовал в движении крестьянского союза в Енхыне (Кымя) провинции Южный Хамген, а затем переселился в деревню Дэсаньцунь, что в Шицзюдаогоу. Весной 1937 года Ли Чжэ Сун организовал Шицзюдаогоуский филиал ЛВР во главе с Ан Док Хуном. Уже к концу лета во всех селениях этого района были организованы его отделения. Руководили ими в основном сельские старосты. Деятельность организаций так активизировалась, что дети этого района открыто пели революционные песни.

Когда я находился в горах Пэкту, мне довелось несколько раз встречаться с Ли Хуном. В беседах он часто упоминал о Ли Чжэ Суне. Он сказал, что я родился под счастливой звездой – имею в помощниках хороших людей.

– Дорогой Полководец! – продолжал он, характеризуя Ли Чжэ Суна. – Выбрав его, вы попали не в бровь, а в глаз. Земля Чанбая обширная, но я не видел другого такого умного, добросовестного человека, как Чжэ Сун. Ему бы наслаждаться – ведь у него медовый месяц, а он постоянно бегает, весь в хлопотах, идет в чужие края, чтобы заниматься революционным делом. Гляжу на него – невольно чувствую уважение к нему. И я тоже обязан ему: ведь с его помощью я стал вашим солдатом.

Одно время ставка нашего командования располагалась на горе за Диянси, что в Шицзюдаогоу уезда Чанбай. В те дни Ли Хун вместе с женой очень помогали нам. Эта гора была удобным пунктом, откуда легко можно было добраться лесом до Медвежьего ущелья. Его жена, бывало, спускалась в уездный город Чанбай. Под видом торговки табаком или соевым творогом она следила за каждым движением врага. Если обнаруживались какие-то необычные признаки оживления противника, она разводила у себя во дворе костер. Заметив его, сторожевые заставы

Народно-революционной армии докладывали командованию о положении противника. А если возникала особая обстановка, такая, как передвижение крупного отряда противника, то Ли Хун сам приходил к нам и сообщал во всех подробностях.

Такие патриотически настроенные волостные начальники, поселковые, сельские старосты имелись в Чанбае всюду.

Чанбай стал нашим миром, его люди – нашими людьми. Это был большой успех корейских коммунистов в выполнении стратегической задачи по созданию Пэктусанской опорной базы.

Не прошло и полгода с тех пор, как мы обосновались в горах Пэкту, а нам уже удалось полностью превратить Чанбай и его окрестности в наш мир. Всем этим, можно сказать, мы обязаны таким верным, мужественным и страстным революционерам, как Ли Чжэ Сун.

Он был настоящий сын, истинный слуга народа, рожденный в разгорающемся пламени антияпонской войны. Это был один из замечательных патриотов, коммунистов Кореи, которые грудью прокладывали путь революции во имя освобождения народных масс.

Он был зрелый испытанный революционер, обладавший всеми качествами и способностями подпольщика-организатора.

Ли Чжэ Сун, как и О Чжун Хва, добросовестно революционизировал и свою семью. Нужно вооружить антияпонским духом, духом патриотизма прежде всего своих, кровно связанных с тобой людей, – лишь тогда можно революционизировать всю деревню, а там уж и всю страну, всю нацию, – таково было его убеждение, способ его революционной деятельности. Вот почему еще в свою бытность на родине он вовлек своих младших сестер в революционную работу. Они добросовестно помогали ему во всех революционных делах.

После переселения в Синьсинцунь Ли Чжэ Сун привлек к революционной деятельности не только жену, но и тещу.

Чвэ Чхэ Рен, его жена, благодаря заботливой помощи и вниманию мужа стала председателем Синьсинцуньского общества женщин, подведомственного Лиге возрождения Родины.

Под влиянием мужа она быстро росла идейно. Отличаясь богатством эмоций и удивительно чуткой политической восприимчивостью, она быстро усваивала методы революционной работы, строго соблюдала правила поведения революционера.

Ли Чжэ Сун очень любил свою жену, но был с ней весьма строг. Обычно он шутил, забавлял жену, был с нею весьма заботлив и ласков, но когда речь шла о подпольной работе, четко проводил грань между общими и личными интересами. И особенно требователен был, когда дело касалось сохранения тайны.

Однажды к ней прибежала жена полицейского по фамилии Ли и затараторила:

– Слушай, милая, Чхэ Рен. Ты ешь три раза в день вареный рис, и глаза у тебя такие живые и ясные, а что творится в кабаке нашего села – ничего не знаешь.

Чвэ Чхэ Рен, не ведая, в чем дело, недоумевающе глядела на жену полицейского.

– Конечно, не знаю. Какое мне, женщине, дело до того, что случается в кабаке?

– Вот темень-то ты какая?! Знаешь: муж твой там каждый вечер в кругу чужих жен наслаждается...

И не договорив, жена полицейского Ли незаметно улизнула.

В тот же вечер Чвэ Чхэ Рен побежала в кабак. Потихоньку отворила дверь и осторожно оглядела помещение: действительно, там было полно незнакомых женщин и мужчин, как и говорила жена полицейского. Среди них сидел и Ли Чжэ Сун, там был и полицейский Ли. Ничего похожего на «наслаждение», на что намекала жена полицейского, вроде бы здесь и быть не могло. Чвэ Чхэ Рен интуитивно поняла, что ее муж ведет какую-то секретную сходку в этом просторном кабаке, куда редко заглядывает полицейское око. Выходит, и сам полицейский Ли – член подпольной организации.

Что же за чепуху городила жена полицейского Ли? Какие тут «наслаждения»? Ее ревность, видать, перешла всякие границы, и та ошиблась – приняла тайный сбор за «наслаждение».

Чвэ Чхэ Рен, облегченно вздохнув, поспешно закрыла дверь кабака.

Но не могла она избежать зоркого взгляда мужа. В ту ночь ей изрядно досталось за это любопытство. Покорно выслушивала она все упреки мужа. В ту ночь она всем сердцем поняла, что попала впросак, поддавшись чужому наговору, допустила серьезную ошибку. Беспочвенное недоверие, слепая ревность могут нарушить семейный лад, даже развалить семью: ведь именно доверие есть первооснова, гарантия прочных супружеских отношений.

Хотя тогда Ли Чжэ Сун обрушил на свою жену град упреков, но не промолвил ни словечка о том, что происходило в кабаке, чтобы доказать, что его совесть чиста. Вот каким строгим он был, когда дело касалось секретов. Мы, конечно, не создавали специального кодекса поведения революционеров вообще и, в частности, подпольщиков, организаторов подполья, но Ли Чжэ Сун сам определил для себя строжайшим образом соблюдаемые правила поведения.

Когда я находился в районе Чанбая, мне довелось побывать раза два в доме Ли Чжэ Суна, что в Синьсинцуне. Как-то раз я угощался у него корейской лапшой *куксу* из крахмала мороженого картофеля и заночевал. Каждый раз, когда я бывал у него, он опускал камышовую циновку на дверь между хозяйской половиной и другой комнатой, чтобы его жена не могла рассмотреть меня. И она, даже принося каждый раз накрытый столик ко мне, не знала, что я и есть Ким Ир Сен.

Позже она узнала через Пак Рок Гым, кто я, и со слезами на глазах заявила мужу:

– Ты всегда твердишь: надо верить человеку. А мне и слова не сказал, что тот и есть Полководец Ким Ир Сен. Где ж это видано? Это просто неуважение ко мне!

– Нет, дорогая, такие сведения никому нельзя было доверять. Все это нужно ради обеспечения безопасности Полководца. Понимаю, что тебе обидно, но прошу быть снисходительнее.

Таков был закон поведения Ли Чжэ Суна.

Стойкость натуры, неизменная принципиальность мужа оказывали благотворное воздействие на развитие характера Чвэ Чхэ Рен и формирование ее мировоззрения. По возвращении из Пэктусанского тайного лагеря, где состоялась встреча со мной, Ли Чжэ Сун обратился к жене с просьбой:

– Теперь, кажется, у нас будет много гостей. Надо запасти в достатке все: картофель, крахмал, ячменную крупу, соевую пасту и дрова. У тебя, наверное, хлопот прибавится.

Позже ей действительно приходилось много хлопотать, помогая партизанам и подпольщикам. Каждый день она шелушила зерна на крупорушке. Она так много молола, что ступа крупорушки, которую смастерил Ли Чжэ Сун, едва не продырявилась.

Ли Чжэ Сун революционизировал не только семью, но и все село. Вместе с Квон Ен Веком он организовал особую партячейку в

Синьсинцуне. После ее создания в Чанбае в ряды партии вступили многие члены ЛВР. Синьсинцунь можно было поставить на первое место как в деле объединения людей в организацию, так и в оказании помощи партизанским отрядам.

Стоит только пройти слуху, что придут в село партизаны, как люди Синьсинцуня принимались поджаривать семена периллы, чтобы выжать из них масло. Они всячески экономили продукты, чтобы запасти их для партизан. Главной культурой в этом селе был картофель. Он был неудобен для перевозки, малоупотребителен в пищу, и они пускали его на картофельную муку и посылали ее в партизанский тайный лагерь.

Соевую пасту женщины Синьсинцуня отправляли не сырую, а переработанную. К густой сое добавляли пшеничную муку и из теста делали лепешки, а затем жарили, что было очень удобно для хранения и употребления в пищу.

Материалов помощи, поступивших к нам от сельчан Синьсинцуня, было очень много – несколько десятков тысяч. И это огромное количество грузов они переносили на спинах в тайный лагерь или в другие места расположения партизан.

Сельчанам Синьсинцуня, можно сказать, повезло с хорошим руководителем. Сам Ли Чжэ Сун был человек способный, к тому же ему всемерно помогали Квон Ен Бек, Пак Рок Гым и Хван Гым Ок.

Перед боем в Почхонбо мне довелось побывать в Синьсинцуне. Я был глубоко тронут горячими приветствиями сельчан в адрес революционной армии и их сплоченностью. Когда мы прибыли в село, жители немедленно установили четыре станка для изготовления корейской лапши *куксу*. Буквально в один момент наделали лапши на сотни человек. Это была действительно молниеносная работа. В то время наши товарищи отзывались о Синьсинцуне как об отличном поселке. Правда, все его жители без исключения были таковы. Позже мы узнали, что всякий раз, когда мы бывали у них, Ли Чжэ Сун заранее созывал чрезвычайное собрание, на котором обсуждалось, как лучше принять наших товарищей.

О том, какими высокими организаторскими способностями, каким большим умением применяться к обстоятельствам обладал Ли Чжэ Сун, лучше всяких слов говорит следующий эпизод.

Весной 1937 года Чанбайский уездный комитет ЛВР организовал в Синьсинцуне первомайскую демонстрацию. Чтобы устроить ее

легально, средь бела дня, на глазах у всех, необходимо было придумать хитроумный повод, чтобы враг не мог придраться. Ли Чжэ Сун придумал: будет охота на лис. Детям и молодежи всех поселков было предложено собраться в условленном месте. Демонстранты выстроились в один ряд, в руках у них – красные флаги. Скандируя «Да здравствует независимость Кореи!», они шествовали по горному гребню, откуда открывался вид на реку Амнок, до населенного пункта Наньюй в Эршидаогоу. Порой манифестанты выкрикивали и другие лозунги, чтобы ввести врага в заблуждение.

В тот день все прохожие на обеих берегах реки Амнок останавливались, любовались необычайной демонстрацией.

«Блюстители порядка» Каримчхонского полицейского участка и войска пограничного гарнизона на противоположном берегу реки Амнок думали, что нагрянула революционная армия, и не осмеливались узнать, что за волнения на вершине горы. Лишь после демонстрации выяснилось, что ее героями были не военные, а граждане. Враги переправились на чанбайскую землю и спросили: «Зачем весь народ высыпал и валом валит?»

Демонстранты ответили, что они охотятся на лис.

– А к чему же красный флаг в охоте на лис? – спросили полицейские.

– Знаете, лиса пуще всего боится красного цвета. Вот и несем красный флаг.

И на этот раз демонстранты ловко обвели полицейских вокруг пальца. Красный флаг был нужен, собственно, не только для охоты на лис, но и для демонстрации. Так в 1937 году, когда деспотизм японского империализма достиг своего апогея, собрались сотни людей и, размахивая красными флагами, среди бела дня скандировали: «Да здравствует независимость!» Не удивительное ли дело? Удачным оказалось и то, что чины японо-маньчжоугоской армии и полиции не распознали суть этой демонстрации, направленной против японского империализма и Маньчжоу-Го. На такой большой риск не посмел бы пойти никто, кроме людей, которые обладают выдающейся находчивостью и мужеством.

После нашего налета на Почхонбо Ли Чжэ Сун направил членов Синьсинцуньского общества женщин на место боя, чтобы узнать его результаты и услышать мнение населения. Об этом он сообщил нам. Мы, собственно, этого поручения ему не давали. Он все сделал по собственной инициативе, самостоятельно приняв решение.

Эти два факта уже показывают, что Ли Чжэ Сун был неутомимо мыслящим, талантливым работником, умеющим действовать собственными методами революционной работы. Он, как никто другой, глубоко размышлял о революции и о той миссии, которую возложило на его плечи время. Если бы у него не было постоянно таких напряженных размышлений, ему вряд ли удалось так основательно превратить Чанбай в наш мир в столь короткие сроки. Не было бы такого чуда.

Всякому здравомыслящему человеку ясно, что у того, кто не умеет мыслить, не может быть творческой инициативы, а там, где ее нет, невозможны созидание и новаторство.

Человек стал властелином мира, могучим существом, способным делать все, чего только ему хочется, – это, можно сказать, если выразить самую суть дела, следствие умения мыслить.

Человек – общественное существо, обладающее сознательностью. Неутомимо думая и накапливая результаты познания, он преобразовал природу, общество и самого себя, стал полнокровным хозяином мира.

Наша партия призывает руководящие кадры, партийных и беспартийных трудящихся быть страстно мыслящими потому, что придает исключительно важное значение роли мышления в преобразовании природы и общества, в воспитании нового человека.

Ли Чжэ Сун был личностью творческой, гармонически сочетавшей мышление и практику. Он не переставал думать, анализировать и на суде, и в тюрьме. В ходе судебного процесса его мысли были сосредоточены на одном: как ему, коммунисту, достойно закончить свою жизнь.

«Единственное, что я могу делать на суде, – выручать товарищей, приписывая себе больше «преступления», – так решил он в камере предварительного заключения Хесанской полиции.

Фактически, жертвуя собой, ему удалось спасти многих людей от смерти. И когда был арестован волостной начальник Ли Чжу Ик, Ли Чжэ Сун говорил ему: «О том, что мы с тобой делали, никто не знает, кроме Полководца Кима, меня и тебя. Полководец сейчас в горах, а я никогда тебя не выдам. Так что ты стой на своем – ничего с тобой не случится». Так и поступил Ли Чжу Ик и вышел на волю,

прострадав лишь несколько дней. Ли Чжэ Сун взял на себя все «преступления». Это помогло избежать высшей меры наказания руководителю партийной организации Синьсинцуня Ким Бен Чхору и Ли Чжу Гвану. Ли Чжэ Сун пожертвовал собой ради товарищей – вот в чем сказалась высокая нравственность коммуниста!

Через Квон Ен Бека Ли Чжэ Сун узнал, что Чан Чжын Рер в тюрьме стал изменником, и очень тревожился, как бы жертвой этой измены не стали многие верные друзья. Надо было как можно скорее сообщить товарищам о том, что тот превратился в цепного пса врага. Но у Ли Чжэ Суна не было даже огрызка карандаша. После раздумий он, терпя боль, прокусил себе нижнюю губу. Из нее закапала кровь. Обмакивая кончик пальца в кровь, он написал на кусочке ткани «Чжан Чжын Рер – изменник». И, идя в камеру пыток, сумел передать этот клочок в другую камеру. Так многие товарищи узнали подлинное лицо предателя и еще мужественнее вели борьбу в тюрьме.

Жаль, что не могу в своих мемуарах описать во всех подробностях трогательные эпизоды его семилетней борьбы в тюрьме.

Лицо у арестанта, которого видела Чвэ Чхэ Рен во время свиданий, было уже не то миловидное и пластичное, какое она видела в былые дни, когда он усиленно хлопотал о создании организаций ЛВР. От прежнего облика мужа ничего не осталось: он выглядел трагическим, сам – кожа да кости. Но глядя на жену через решетку, он улыбался ей спокойно и невозмутимо. И на прощание, полный самообладания, попросил жену принести в следующий раз не передачу, а карту мира. Совсем растерялась она, говорили, от этой необычной просьбы!

Почему Ли Чжэ Сун просил, сидя в тюрьме, карту мира? Не выразилось ли в этом его желание по-своему видеть на карте новую структуру мира после второй мировой войны? Думается, в его воображении рисовался образ будущей свободной Родины, которая появится на свет после великой войны и будет славиться на весь мир. Это яркое свидетельство того, что он, приговоренный к смертной казни, не впал в отчаяние и пессимизм, постоянно представлял лучезарное будущее Родины, светлое завтра мира. В реальности он жил будущим, и перед лицом смерти рисовал в своем воображении новую, счастливую жизнь, которая будет

цвести во всей красе на освобожденной родной земле. И не случайно, что Ли Чжэ Сун перед судьей, предлагавшим отступиться от убеждений, гордо провозгласил: «Коммунизм – это вечная молодость!»

В начале 1945 года Чвэ Чхэ Рен вместе с самой младшей дочкой побывала в Сеуле, в камере свидания Содэмунской тюрьмы. Когда дочке не было еще и двух месяцев, она вместе с матерью находилась в тюрьме, страдала от отсутствия молока. Теперь она уже была семилетней девочкой – бутоном цветка. Она удивленно уставилась глазенками на мужчину, обросшего темной бородой, появившегося за разделительной решеткой.

– Вот это и есть твой папа, – показала Чвэ Чхэ Рен на него.

Отец и дочка смотрели друг на друга через решетку, и из уст дочки не вырвалось слово «Папа!» Ведь она семь лет росла без отца! Она просто не научилась обращаться: «Папа!» Она видела, как папы в соседних домах не чаяли души в своих детях. А вот ее папа странный – пришла к нему дочка, а он и не собирается ее обнять, а только улыбается через решетку.

Лязгнули кандалы, и закованная в наручники папина рука коснулась ее головки и стала ласково поглаживать ее. Лишь тогда из ее груди вырвалось: «Папа!»

К горлу Ли Чжэ Суна подкатил горячий комок. «Папа скоро вернется домой», – дал он ей слово, которому никогда не суждено было сбыться. Святой обман! Какая острая боль терзала его душу от того, что он ничего не мог дать своему ребенку, который впервые увидел отца, кроме несбыточного обещания.

Ему, как он и знал, не удалось выполнить данное дочке «слово». 10 марта 1945 года палачи притащили его в камеру допроса и стали уговаривать: «Сегодня у нас день японской императорской армии. Еще не поздно: измени свои убеждения – избежишь смертной казни».

Но ни «добрые» посулы, ни жестокие пытки не смогли поставить Ли Чжэ Суна на колени.

Ли Чжэ Сун, учитель вечерней школы, сельский староста в безымянной горной глуши Чанбая, был пламенным патриотом, стойким борцом-революционером. Он положил свою цветущую жизнь на алтарь антияпонской революции.

Человек не рождается революционером. Он выковывается как борец, как революционер в ходе жизни, в горниле борьбы. Процесс

революционного становления у каждого различен. Но всякий гражданин, кто наделен идейной убежденностью и полон чувства любви к Родине и нации, кем бы он ни был, под правильным руководством непременно становится революционером. Такова истина революции, таков урок истории. Вот почему мы ставим во главу угла идеологическую революцию среди трех революций – идеологической, технической и культурной. Ибо именно она является колыбелью, в которой человек растет более сознательным и организованным, пламенным патриотом, стойким борцом-революционером. Именно в этом кроется могучая движущая сила революционной борьбы, дела осуществления самостоятельности народных масс.

Когда Ли Чжэ Сун прибыл в наш тайный лагерь – точно не помню, был это третий или четвертый раз, – я высоко оценил его большой труд, вложенный в создание организаций ЛВР. Он, почувствовав себя неловко, протестующе замахал руками.

– Что вы говорите! Дело не в моем умении или труде. Ваша верительная грамота сделала большое дело. Из-за нее Ли Чжу Ик, этот волостной начальник, сразу стал членом ЛВР. Он посмотрел на ту верительную грамоту и сказал: «Если Полководец Ким председатель ЛВР, то прошу и меня записать в члены Лиги». И чанбайцы, какие это люди! Они просто горят высоким патриотизмом. Я-то, собственно, ничего особенного не сделал.

Таким скромным был Ли Чжэ Сун.

Сегодня он с постамента на Мемориальном кладбище революционеров на горе Тэсон смотрит на наше подрастающее поколение в виде скромного небольшого бюста. Рядом с его бюстом стоят бюсты Квон Ен Бека, Ли Дон Гора, Чи Тхэ Хвана, которые вместе с ним пошли на казнь.

4. Вместе с боевыми друзьями из Южной Маньчжурии

Было немало волнующих событий, когда мы после создания тайных лагерей во многих местах района гор Пэкту развернули военно-политическую деятельность в бассейне реки Амнок. Среди них особо вспоминается, как мы вместе жили и вели совместные операции с гостями нашей части, товарищами из 2-й дивизии 1-го корпуса Объединенной антияпонской армии, как мы укрепляли нашу боевую солидарность и братство.

Вопрос о взаимодействии КНРА и вооруженных отрядов китайских коммунистов был серьезно обсужден еще в марте 1935 года на Яоингоуском совещании. По решению совещания наш отряд совершил второй поход в Северную Маньчжурию, а другой – в Южную Маньчжурию через перевал Синькайлин. На наших флангах действовал ряд китайских вооруженных отрядов. Главные из них: в районе Нинаня – отряд Чжоу Баочжуна, в районе Мишаня – отряд Ли Яньлу, в Южной Маньчжурии – отряд Ян Цзинюя, в районе Чжухэ – отряд Чжао Шанчжы. Тогда каждый из них наладил активное взаимодействие со своими соседями.

Бойцы отдельной восточноманьчжурской 1-й дивизии, выступавшей в Южную Маньчжурию, в августе – сентябре 1935 года встретились с боевыми друзьями из 1-го корпуса в Наэрхуне уезда Мэнцзян в волнующей обстановке. В то время наш отряд, перевалив снова перевал Лаоелин, проводил совместную операцию с отрядом Чжоу Баочжуна.

В отряде, направленном в Южную Маньчжурию, оказались О Чжун Хыб и Ким Пхен – командиры из Ванцина. Впоследствии О Чжун Хыб с волнением вспоминал, как торжественно встречали южноманьчжурские товарищи боевых друзей из Восточной Маньчжурии. Соорудили даже зеленую арку из сосновых ветвей, водрузили флажки, устроили трибуну и произнесли приветственную речь. Говорили, что эти торжественные мероприятия были поистине великолепны. В тот день выступил с приветственной речью от имени южноманьчжурского отряда Ян Цзинюй, а в ответ ему – Ли Сюэчжун от имени

восточноманьчжурского отряда. Слова обоих ораторов часто прерывались бурными овациями многих сотен слушателей. Помню, что в полосе экстренного выпуска газеты «Жэньминь гэминбао» («Народно-революционная газета») был помещен рисунок, лаконично и мастерски изображавший сцену этого торжества.

Когда Цао Гоань с главными силами дивизии прибыл в тайный лагерь Медвежьего ущелья, нас там не было – были заняты боевыми действиями. Нам, находившимся на полях битв, сообщил о прибытии южноманьчжурского отряда связной, посланный Ким Чжу Хеном. Казалось, он, ответственный за питание, одежду и жилье в части, голову сломал, как лучше оказать гостеприимство товарищам из Южной Маньчжурии. Хотелось встретиться с ними как можно скорее, и мы вышли в обратный путь в тайный лагерь сразу же после боя.

Встреча с боевыми друзьями из соседнего отряда была большой радостью. Тоска по людям была дорогим и горячим чувством, которое постоянно владело сердцем каждого из нас. Живя в горах, вдали от населенных пунктов, мы тосковали по многому. Тоска по родине и родным, тоска по друзьям-соученикам и по любимым людям, тоска по всем благам цивилизации... Но более всего нами владела тоска по товарищам – тоска по людям.

Для всех нас, истерзанных этой тоской, день посещения отрядом населенных пунктов был праздником. Взрыв таких чувств проявился и в том, что я и мои соратники, получив весть о прибытии боевых друзей из отряда Цао Гоаня в наш тайный лагерь, не могли удержаться от радостных восклицаний и крепко обнимали связного, сообщившего об этом.

Когда мы вернулись в тайный лагерь, из казарм выбежали 70 – 80 южноманьчжурских товарищей и тесно обступили нас. Мы не успели опомниться, как горячие объятия и рукопожатия вылились в радостную суматоху. Если бы кто-нибудь посторонний наблюдал эту картину, он, пожалуй, подумал бы, что мы пришли к людям Южной Маньчжурии в их тайный лагерь и они встречают нас так радушно.

Во время этой встречи мы с Цао Гоанем впервые познакомились.

Он был похож на преподавателя военного училища, выглядел человеком со стойкой волей и высокой требовательностью. Таково было мое первое впечатление о комдиве Цао. Однако оно изменилось, когда мы провели несколько дней вместе. Оказалось,

это был человек очень добросердечный, общительный, к тому же солидный – старше меня лет на десять, не меньше.

Узнав, что он родом из уезда Юнцзи провинции Гирин и учился в Гиринском педучилище, я ощутил такое чувство, будто встретился с земляком. Он сказал, что после окончания педучилища одно время преподавал в Гиринской средней школе № 1. Потом учился в Шаньдунской военно-политической академии, затем в Пекине. Рассказывал, что во время учебы в этих двух учебных заведениях усердно изучал марксизм-ленинизм. Приняв участие в антияпонской вооруженной борьбе, Цао Гоань стал сначала комиссаром 7-го полка 1-й дивизии 1-го корпуса, а потом осенью 1934 года – командиром и комиссаром 2-й дивизии 1-го корпуса.

– Командующий Ким, не упрекайте нас за то, что мы явились для взаимодействия в таком жалком виде. Так случилось потому, что я еще не успел покомандовать частью как следует. Прошу отнестись к нам с пониманием, – Цао Гоань с явным смущением на лице указывал на своих подчиненных, обступивших нас.

Гости из Южной Маньчжурии – и командиры, и рядовые бойцы – были в старых летних мундирах. Сквозь изрядно поношенное обмундирование просвечивало белье, так что легко было предположить, какой трудный и долгий путь проделала дивизия.

– Командующий Ким, стыдно признаться, но мы еще не успели одеть бойцов в зимнюю одежду, – горько усмехнулся он, глядя завистливым взглядом на наших бойцов, одетых в теплые ватники.

– Ничего тут стыдного нет, – ответил я. – Мундиры ваши показывают, сколько много было у вас боев, сколько вы преодолели трудностей. В таком же виде был и наш отряд, когда возвращался из похода по Северной Маньчжурии. У нас в отряде имеется небольшой запас зимней одежды. Не знаю точно, сколько ее. Можно, наверное, переодеть хотя бы часть ваших бойцов, если, конечно, не возражаете вы, товарищи из 2-й дивизии. Ну как? А остальным давайте сошьем новые...

Мои слова очень обрадовали Цао Гоаня:

– Будет так – смогу спать спокойно.

В тайном лагере мы провели с ним дней двадцать. Обменялись мнениями по вопросам совместной борьбы, и это укрепило нашу дружбу. Разговаривали обо всем без утайки, начиная с проблемы

взаимодействия двух частей и кончая житейскими мелочами. Говорили, конечно, и об управлении отрядами, о воспитательной работе в них, о способах пополнения рядов, методах работы с массами, о партизанской тактике и о перспективах революции в двух странах – Корее и Китае.

Из личных качеств Цао Гоаня особо очаровали меня его прямота и простота. Я бы сказал, что он был человеком предельно откровенным и скромным. В беседе никак не сказывалась большая разница между нами в возрасте – примерно 10 лет. Цао Гоань был таким человеком, что если понравится ему собеседник, то он откроет ему всю свою душу до дна, невзирая на различие в возрасте и в должности. Комдив Цао без колебаний откровенно поведал мне, какие трудности испытывала его дивизия и какие потери в живой силе понесла в пути.

2-я дивизия 1-го корпуса, возглавляемая Цао Гоанем, имела своим костяком отряд Антияпонской народной партизанской армии, организованный корейцами в Паньши. В ее составе был и 1-й полк 1-й дивизии, сформированный из взбунтовавшихся солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го и бойцов лесного отряда. Основной театр действий дивизии составлял уезд Паньши и окрестности.

Цао Гоань говорил, что его дивизия после своего сформирования действовала по оперативному плану штаба. То есть: дивизия ежегодно летом совершает поход в Цзянбэй, что севернее реки Хуефахэ, к зиме возвращается и, пополнив свои поредевшие в боях ряды, готовится к новому походу летом следующего года в тот же самый Цзянбэй. Такова была периодическая подвижная операция, проводимая обязательно раз в год, мол, с целью расширения участка партизанских действий. А эта регулярная операция уже привлекла внимание противника, неизменный маршрут похода был отмечен на оперативной карте врага. Противник подстерегал дивизию на подступах к цели маршрута и наносил внезапный удар по ней. И в каждом походе дивизия несла огромный урон.

Точно так же летом того года (1936 г.), сообщил Цао Гоань, дивизия во время похода потеряла немалое число бойцов. Часть сил его дивизии во взаимодействии с подразделениями 1-й дивизии из Восточной Маньчжурии зашла далеко в Саньсун, что в уезде Эму. Сразу же по возвращении из похода они собрались в районе

Хуепюаньчжаня уезда Хуадянь и пришли прямо к нам через уезд Фусун. Поэтому они и не смогли зайти и в Наэрхунь уезда Мэнцзян, где находилась тыловая база 1-го корпуса. Оттого-то бойцы и не смогли сменить летнее обмундирование на зимнее.

Цао Гоань мучился и ломал голову над тем, как преодолеть трудности, с которыми столкнулась его дивизия. Однажды он услышал рассказ о проведенном нами рейде в уездный центр Фусун. О нем рассказывали бойцы небольшого отряда Сон Му Сона, который был направлен в район Саньдаолацзыхэ уезда Фусун для приобретения провианта.

Цао Гоань сказал, что этот рассказ дал ему сильный душевный толчок. «Другие одерживают победу за победой в боях даже силами вновь сформированной дивизии, а почему нашей части всякий раз бои даются так тяжело? В каждом походе мы теряем немало людей. А затем летом опять, как заведенные, отходим в Цзянбэй? Не следует ли нам извлечь из этого какой-либо урок?» – думал он и созвал совещание командиров.

На совещании обсудили ряд мероприятий, с помощью которых нужно было добиться решительного перелома в ходе военных действий части. Одно из них – скорее провести совместные операции с нашей частью. Подобные операции позволят обогатить тактику и приемы ведения боя, накопить полезный опыт – таково было общее мнение участников совещания. Выдвинул это предложение Сон Му Сон, а сам комдив Цао Гоань выступил как активный его сторонник.

Дивизия тут же отправилась из Дадунгоу уезда Хуадянь к месту расположения нашей части.

По-видимому, боевые друзья из 2-й дивизии еще не успели повоевать с приподнятым настроением, тяжело перенося трудности. Когда я слушал рассказы о выпавших на их долю испытаниях и мытарствах, мне почему-то казалось, что эти муки – не чужие.

1-й корпус Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, называемый обычно Южноманьчжурским партизанским отрядом, был фактически наряду с партизанским отрядом Северной Маньчжурии важным соседом главной части КНРА. С первых же дней антияпонской войны мы уделяли большое внимание росту и развитию Южноманьчжурского партизанского отряда, прилагали неустанные усилия для налаживания совместных с ним боевых

действий. И в этот отряд были посланы из Восточной Маньчжурии многие лучшие кадры-корейцы, выпестованные и закаленные в горниле партизанской войны. Можно сказать, именно в рамках таких усилий мы летом 1932 года, отправляясь в Южную Маньчжурию, послали к Ли Хон Гвану и Ли Дон Гвану наших представителей для сотрудничества с ними. Однако совместная операция, к сожалению, не была осуществлена.

До Наньхутоуского совещания мы делали главный упор на сотрудничество с Североманьчжурским партизанским отрядом. Поэтому мы дважды выступали в Северную Маньчжурию со своими экспедиционными отрядами. Мы развертывали там совместные операции и с коммунистами, и с антияпонскими отрядами китайских националистов. Были и потери и жертвы, вызвавшие острую боль в сердце, но взаимодействие с соседними отрядами придавало большую жизненную силу.

Правда, географически Северная Маньчжурия была намного ближе, чем Южная, когда мы воевали в Цзяньдао при опоре на партизанскую опорную базу. Стоило перейти один перевал – и мы уже в Северной Маньчжурии.

Однако во второй половине 30-х годов, когда мы начали сражаться на новой арене – в Западном Цзяньдао, Южная Маньчжурия стала географически более близким, чем Северная, соседним районом. Звуки наших выстрелов, что слышались каждый день на юго-западном участке гор Пэкту, вызывали и у южноманьчжурских отрядов горячее желание скорее наладить взаимодействие с нашей Народно-революционной армией. Сотрудничество с ними стало насущным, злободневным вопросом, решение которого не терпело дальнейшего отлагательства. Дивизия Цао Гоаня, можно сказать, явилась первой частью, с которой мы провели совместную операцию в дивизионном масштабе после нашего выступления в район гор Пэкту.

Партизанскую борьбу в Южной Маньчжурии, как и в Восточной и Северной, можно сказать, начали и возглавляли корейские коммунисты, революционеры. Корейцы составляли большинство в национальной структуре 1-й, 2-й и 3-й дивизий 1-го корпуса Объединенной антияпонской армии, действовавших в Южной Маньчжурии. За исключением Ян Цзинюя, Вэй Чжэнминя, Цао Гоаня и других, подавляющее большинство военных и политических кадров тоже составляли корейцы.

В своем докладе на собрании, состоявшемся в Гирине в декабре 1945 года, Чжоу Баочжун отметил: корейскими товарищами и революционными массами Кореи в 1932 году был создан мощный Восточноманьчжурский партизанский отряд, а в 1933 году – Паньшиский, Чжухэский, Мишаньский, Танюаньский партизанские отряды, которые позже выросли в корпуса Объединенной антияпонской армии; в 5-м корпусе также было немало лучших корейских товарищей; в этой армии среди военных и политических кадров различных ступеней, начиная от командиров корпусов и начальников их политотделов и кончая комвзвода и политруками, также было немало корейских товарищей. Упомянутый здесь Паньшиский партизанский отряд – это был как раз тот Южноманьчжурский партизанский отряд, который был головным подразделением 1-го корпуса Объединенной антияпонской армии.

Как говорит само общедоступное название Паньшиского партизанского отряда, колыбелью партизанской борьбы в Южной Маньчжурии явился район Паньши.

Говорят, что в первом Паньшиском уездном комитете партии состояло около сорока коммунистов, и все они тоже были корейцами. Там Ли Хон Гван организовал первый вооруженный отряд в составе около десяти корейцев, ставший основой Южноманьчжурского партизанского отряда. И первые тридцать с лишним бойцов этого отряда тоже были корейцами. Руководители организаций на Паньшиской партизанской опорной базе – Антияпонского общества, Общества женщин, Детского авангарда и Крестьянского комитета – тоже были в большинстве своем корейцами. В организации и развитии партизанского движения в Южной Маньчжурии корейцы играли роль авангарда, ядра, опоры.

И в дивизии Цао Гоаня было много корейцев. Больше половины комсостава, включая Сон Му Сона и Пак Сун Ира, и множество бойцов составляли корейцы. Это облегчало нам проведение совместных операций, организацию общей борьбы.

Корейские коммунисты в Южной Маньчжурии, имея непосредственные связи с нами, но порой действуя по собственному разумению и решению, наносили чувствительный военно-политический урон японским захватчикам. Иногда они переправлялись через реку Амнок и совершали налеты на пограничные пункты на противоположном берегу.

В первой половине 30-х годов мы часто выступали из Восточной Маньчжурии на территорию Кореи. Так за один месяц – январь 1935 года небольшие отряды Народно-революционной армии нападали на уезд Онсон четыре раза. Когда они, вступив в уезд Онсон, завязали бои с войсками и полицией противника возле села Намсан, поселков Вольпха, Сэсон и Мисан, сеульские газеты шумели: партизанская армия предприняла крупный рейд в Онсон, Хуньюн и другие районы провинции Северный Хамген.

В мае 1935 года один из отрядов КНРА провел массово-политическую работу в поселке Нонса волости Самчжан уезда Мусан, а потом под Дамалугоу уезда Аньту завязал перестрелку с преследовавшими японскими полицейскими и нанес по противнику ощутимый урон.

Учащались от года к году рейды партизанских отрядов в Корею. Ли Хон Гван утолял тоску по Родине сражениями на том берегу реки Амнок. Однажды он перешел через реку со своим отрядом и напал на Тонхынчжин уезда Хучхан. Ночью 15 февраля 1935 года возглавляемые им три небольших отряда 1-й дивизии 1-го корпуса с двумя ручными пулеметами окружили Тонхынчжин и штурмовали полицейское отделение, контору кредитной кооперации и другие учреждения, приведя противника в растерянность и панику.

Враги, перепуганные непрерывными выступлениями Народно-революционной армии на территории Кореи, вопили, что это небывалое в истории пограничной охраны событие.

Своим штурмом Тонхынчжина южноманьчжурские отряды ярко продемонстрировали умение совершать ратные подвиги в стране и за ее пределами. А почему же у них случилась такая неудача, какую пережил комдив Цао Гоань? Глядя на осунувшееся лицо Цао Гоаня, я почему-то ощущал в себе какую-то непонятную обиду.

– На днях я пришел к выводу: только совместные действия с соседними отрядами – единственный выход для нас. Только так мы сможем выжить. Но этот урок извлечен слишком поздно. Раскаиваюсь, что до сих пор, честное слово, пренебрегал связями с командующим Кимом, – глубоко вздохнул Цао и потер лицо ладонями, горюя.

– Товарищ комдив Цао, пожалуйста, хорошенько отдохните у нас несколько дней, восстановите здоровье и энергию. Недаром говорят в народе: даже если небо обвалится, выход всегда можно найти.

Человек же не застрахован от ошибок, поскольку он не бог. Не надо бояться временных неудач.

Я рассказывал комдиву эпизоды, имевшие место в дни первого похода в Северную Маньчжурию. О том, какие суровые испытания выпали на нашу долю на плоскогорье Лоцзыгоу, где отряд оказался на грани полной гибели, окруженный врагами, оставшийся без провианта в горах, в лютый мороз. О том, как противник преследовал нас по пятам в глубоких снегах и как меня свалила с ног сильная простуда, как мы опять попали в безвыходное положение и как спасли нас добрые люди.

Из-за большого количества неожиданных гостей у нас возникла проблема места для их ночлега. Я приказал командирам уступить гостям все бревенчатые домики, которыми пользовались наши бойцы, а для себя разбить палатки, развести костры. Получив мой приказ, наши бойцы тут же освободили срубы, разбили палатки и развели костры так быстро и искусно, что гости восхищались их мастерством.

Среди наших бойцов было много мастеров разводить костер. Они придумали оригинальный метод разводить костер из крупных плах и распространили его по всему отряду. Этот метод был очень прост и в то же время необычен. Резали бревна на плахи одинаковой длины и складывали их пирамидой – снизу пять-шесть плах, затем четыре-пять, дальше три-четыре, а на самом верху, где было две-три плахи, укладывали сучья и хворост – и поджигали. При таком способе костер держался очень долго, хорошо горело даже сырое дерево, как сухое, не сыпались искры, огонь был жарким.

Вначале товарищи из 2-й дивизии сомневались в этом методе, качали головой – мол, бревна не будут гореть. Но когда вскоре груда бревен, сложенная пирамидой, жарко запылала, они только восклицали удивленно: «Ах! Ах!»

Цао Гоань, как и его подчиненные, не мог скрыть восхищения.

– На сей раз я встретился в Маньцзяне с Вэй Чжэнминем. Знаете, что он сказал мне? – многозначительно улыбнулся он, не отводя глаз от костра.

– А что?

– Сказал он: будешь в отряде командующего Кима – первым делом научись, как разводить костер. Мастерство зажечь огонь – просто волшебное.

Цао Гоань говорил, что в нашей части на него совершенно необычайное впечатление произвели костры и срубы. Он без утайки признался, что в нашем тайном лагере впервые понял: будут костер и сруб – и вполне продержится отряд даже в глубоких горах и других безлюдных местах.

На следующий день я приказал нескольким плотникам, умеющим мастерски соорудить топорами срубы, и бойцам 4-й роты 7-го полка построить в тот же день новую казарму специально для товарищей из 2-й дивизии, чтобы гости не испытывали неудобств в нашем тайном лагере. Умелые строители нашей части за день воздвигли великолепный большой бревенчатый дом. Бойцы 2-й дивизии с азартом помогали им в работе.

Узнав, что подобные тайные казармы построены повсюду в тайге гор Пэкту, Цао Гоань опять не мог скрыть зависти. Он сказал: «До сих пор мы полагали, что в такой безлюдной зоне, как горы Пэкту, не может базироваться отряд. Ночевали только в населенных пунктах. Почти не было случая, чтобы наш отряд находился в горах, да еще создав там тайный лагерь. Так в прошлый раз, когда мы были в Цзянбэе, расквартировались по домам местных жителей».

Когда товарищи из Южной Маньчжурии получили «свой дом» в нашем тайном лагере, я приказал Ким Чжу Хену, ответственному за интендантскую службу, и Ким Хэ Сану снабдить их в достатке провиантом и кухонной утварью, отдать им несколько десятков комплектов обмундирования с хозяйственного склада нашей части. Не хватало одежды на несколько человек, и распределение формы прошло не так уж удовлетворительно. Но на следующий день и остальные получили новую одежду: швейное подразделение во главе с Пак Су Хван по-ударному сшило ее, работая всю ночь напролет. Гости сняли с себя летнее тряпье и бросили его в костер. Конечно, нельзя сказать, что нами проявлена о гостях какая-то особая забота. Но можем утверждать, что мы смогли соблюсти нормы приличия, как положено хозяину.

Для товарищей из 2-й дивизии мы организовали мытье и парикмахерские услуги. В то время в тайном лагере Медвежьего ущелья был установлен крупный котел – «ванна». Его захватили бойцы О Чжун Хыба после налета на Хэншаньские лесоразработки. В котле-гиганте раньше варили корма для волов, и он пригодился очень кстати. Когда гости появились начищенными, мы выдали

каждому из них комплект туалетных принадлежностей и по нескольку пачек табака.

Цао Гоань пришел к нам в командование и выразил искреннюю благодарность от имени своей дивизии.

– Мы пришли в ваш отряд, командующий Ким, с пустыми руками. И всем от начала до конца мы обязаны вам. За это позвольте извиниться. Просто не знаю, как отблагодарить за это, – говорил он.

Выслушав собеседника, я говорил:

– Мы друг с другом соседи. Боремся за одну и ту же цель и у нас общие идеалы. Тут не нужен чрезмерный обмен любезностями. Ведь если мы придем погостить к вам, комдив Цао, вы так же, я уверен, позаботитесь о нас. Не так ли? Не думайте, что вы беспокоите нас. Не чувствуйте себя как бы в чужом отряде. Вы можете считать, что навестили дом родственника. Коль хотите все же отблагодарить, прошу вас рассказать обо всем интересном, о вашем жизненном опыте, пока будете у нас в тайном лагере.

– Я человек, как говорится, родом «со школьной скамьи». Какой мой этакий большой опыт жизни заинтересовал вас? Если есть у меня какой-нибудь капитал, чем-то отличный от других, то это, я бы сказал, багаж знаний, что почерпнул в Шаньдунской военно-политической академии. Готов рассказывать обо всем, если это для вас будет полезно, – сказал Цао Гоань.

Позже он не раз выступал перед нашими командирами с лекциями о боевой тактике регулярных войск. Лекции были очень содержательными. Они стали для нас немалым подспорьем для того, чтобы более глубоко понимать военную тактику регулярных войск, применяемую противником, и совершенствовать нашу партизанскую тактику против нее.

В ответ на это мы рассказали командирам части Цао Гоаня – ротным и политрукам и выше – о нашем опыте партизанской войны. Наш рассказ, обогащенный эпизодами из практического живого опыта боевых действий, вызвал большой интерес у гостей из Южной Маньчжурии.

Я советовал товарищам из 2-й дивизии обратить особое внимание на идею «поддерживать армию и любить народ».«Народ есть наша сила, наш ум и наша жизнь. Вот что надо крепко запомнить. Следует верить народу, учиться у него, опираться на народ, приводить его в движение – в таком духе и воевать. Чтобы получить поддержку народа, нужно пользоваться его любовью.

А чтобы снискать любовь народа, надо прежде всего любить его. Бывает, только одну ночь ночуешь в каком-то краю, потом покидаешь его. Но и в этом случае нельзя причинять жителям лишние хлопоты. Иначе народ может начать относиться к таким людям с неприязнью. Если трогать народное добро и наносить ущерб, то это повлечет за собой весьма губительные последствия. Любите народ, как своих родных. Народ со своей стороны будет уважать таких людей, и такая армия, несомненно, станет всепобеждающей».

В тайном лагере Медвежьего ущелья товарищи из Южной Маньчжурии жили вместе с нами. За это время они не раз знакомились и с распорядком дня в нашей части – собраниями, боевой и политической подготовкой. Отзывы были весьма добрые. Они, восхищенные, в один голос говорили: «Слыхали – вас называют «студенческим отрядом». Да, это совершенно верно».

Цао Гоань искренне признался:

– До сих пор мы привыкли, как говорится, плавать по районам Цзяннаня и Цзянбэя, словно ряска по воде. И не додумались устроить тайный лагерь, чтобы, опираясь на него, наладить свою жизнь собственными силами. Не подумали и о том, чтобы создать сеть подпольных организаций в районе партизанских действий с его центром – тайным лагерем, расширять и развивать свою борьбу при помощи опорной базы, которую составляют тайные лагери и сеть подпольных организаций.

Однажды вечером мы с ним гуляли в лесу, посмотрев, как бойцы нашего отряда развлекаются, отдыхают. Цао Гоань мне сказал:

– В вашей части, командующий Ким, царит дух настоящей армии. Теперь я понял, в чем секрет непрерывных побед вашей части.

Соратники из Южной Маньчжурии старались активно изучать жизнь нашей части. Они изменили и распорядок дня по нашему образцу, вели боевую и политическую подготовку тоже по нашему примеру. Во время пребывания в нашем тайном лагере они пополнили вооруженные силы, укрепили воинскую дисциплину и обновили тем самым свой облик. Я предложил:

– Видимо, настала пора провести крупную битву во взаимодействии обеих частей. Давайте объединим силы и разобьем слева и справа противника, который ведет бешеную крупную зимнюю карательную операцию. Надежны и массовые

устои в Таоцюаньли и других местах на рубеже уездов Чанбай и Линьцзян. Можно положиться и на активную помощь и поддержку созданных нами подпольных революционных организаций, чтобы быстро пополнять ряды отряда за счет лучшей молодежи. Если обе наши части плечом к плечу развернут непрерывные бои на истощение с левой и правой сторон, то, думаю, сможем добиться больших боевых успехов.

Цао Гоань охотно согласился с моим мнением. Мы договорились вести в случае надобности операции совместно.

Боевые друзья из 2-й дивизии покидали наш тайный лагерь с большим сожалением. Командиры и бойцы нашей части тоже расставались с ними с повлажневшими глазами.

Перед разлукой Цао Гоань попросил меня:

– Командующий Ким, не можете ли вы выделить мне ординарца из числа ваших бойцов?

Снова я оказался точно в таком же положении, в какое попал, когда побывал в Северной Маньчжурии. В то время Чжоу Баочжун тоже попросил меня выделить ему корейских командиров и бойцов. По его просьбе были направлены в североманьчжурский отряд из восточноманьчжурского многие корейские командиры и бойцы, в том числе Пак Рак Гвон, Чон Чхан Чхор, Ан Чжон Сук, Пак Киль Сон и другие.

– Благодарю вас, командир дивизии Цао, за доверие к нашим товарищам. Может быть, у вас есть какие-нибудь особые связи с корейцами? – спросил я.

– Нет особых связей, – ответил он. – Но я начал очаровываться корейскими товарищами после знакомства с Ли Хон Гваном и Ли Дон Гваном. Наверное, люди Цзяньдао не знают, как мы восхищались, когда Ли Хон Гван расправился с Шао Бэньляном.

Шао Бэньлян был офицером высокого ранга марионеточной армии Маньчжоу-Го и отличился жестокостью. Подобно Ли До Сону в Аньту и вожаку Вану в Фусуне, он без разбору убивал, грабил местных жителей в районе уезда Люхэ.

Именно его войска разгромил Ли Хон Гван в районе Саньюаньпу, Гушаньцзы и Ляншуйхэцзы уезда Люхэ.

После этого он, проявив смелость и необычайную находчивость, выручил Ян Цзинюя, когда командование 1-го корпуса попало в окружение крупных сил противника под Ляншуйхэцзы. С тех пор Ян Цзинюй и другие командиры 1-го корпуса глубоко любили Ли

Хон Гвана как благодетеля, спасшего им жизнь, как символ мужества.

Цао Гоань говорил, что трудно выразить словами, как печалились комкор Ян Цзинюй, все другие командиры и бойцы 1-го корпуса, когда погиб Ли Хон Гван.

Я решил удовлетворить его просьбу.

– Есть у меня пулеметчик, которого я очень полюбил еще в бытность мою в Ванцине. Не знаю, понравится он вам или нет. Его зовут Кан Чжын Рён... Он комвзвода и пулеметчик, настоящий богатырь.

Оказалось, Кан Чжын Рён уже знаком с комдивом Цао и Сон Му Соном, заворгом 2-й дивизии. И мы согласились перевести его во 2-ю дивизию.

Узнав о принятом решении, Кан Чжын Рён настойчиво упрашивал оставить его у меня. Позднее говорили, что он, став подчиненным Цао Юаня, хорошо проявил себя как командир охранного взвода пулеметчиков при командовании 2-й дивизии.

Позже часть Цао Гоаня развернула усиленную военно-политическую деятельность на рубеже уездов Чанбай и Линьцзян. Покинув наш тайный лагерь, он направился прямо в Таоцюаньли. Находясь там около недели, он пополнил свои ряды и искал при помощи подпольной организации подходящее место для тайного лагеря. К тому времени я послал Ким Чжэ Су письменное распоряжение: оказывать им действенную помощь по линии низовых организаций ЛВР. В Таоцюаньли и многих других селах Сяганцюя были созданы такие организации, они активно помогали революционной армии. В частности, 2-й дивизии они оказывали большую, искреннюю помощь.

При их поддержке южноманьчжурский отряд успешно вел бой с Цзинъаньской армией, хлынувшей в ущелье за Таоцюаньли.

Однажды, в середине ноября 1936 года, штаб отряда получил от местных жителей донесение о действиях противника и решил напасть на него ночью из засады. До наступления темноты бойцы устроили засаду на околице Таоцюаньли, на месте с фортом, немногим более чем в десяти метрах от крайнего дома населенного пункта.

В село ворвался крупный отряд противника. Вражеские солдаты выгоняли сельчан из домов и, угрожая оружием, спрашивали: «Скажи, куда ушли партизаны?» Крестьяне единодушно отвечали:

«Не знаю». Им было, конечно, ясно, что партизаны засели под самым носом противника. Это были поистине благородные люди. Если бы кто-либо, оплошав, выдал врагу истину, тогда все село не миновало бы жестокой кары. Но сельчане, рискуя жизнью, не выдали партизан.

В тот день самоотверженная поддержка народа позволила бойцам 2-й дивизии добиться больших успехов в бою из засады. На следующий день они получили донесение от местных жителей, что противник повезет более чем на двадцати грузовиках трупы своих солдат, погибших во вчерашнем бою. Бойцы обрушили на автоколонну массированный огонь, приведя противника в трепет.

Цао Гоань, пополнив свои ряды и совершив крупные ратные подвиги в Таоцюаньли, прислал мне письмо. «Уже начал давать большую отдачу мой визит в Хэйсяцзыгоуский (Медвежье ущелье) тайный лагерь. Я, Цао Гоань, не могу забыть о вашей заботе, командующий Ким. И впредь буду посылать вам только приятные новости», – примерно так говорилось в письме.

Однако, к несчастью, ему не удалось осуществить свою мечту. 2-я дивизия двигалась в направлении Линьцзяна и внезапно столкнулась с противником возле лесоразработок в Цидаогоу уезда Чанбай. В бою комдив Цао был тяжело ранен. Командование частью принял на себя временно Сон Му Сон, а комдива Цао вместе с охранным взводом оставили в безопасном месте для лечения. Однако какой-то изменник донес врагам о его местопребывании. Место, где находился Цао Гоань, враги окружили со всех сторон. Они пытались взять его живым. Охранный отряд вел решительный бой, чтобы спасти комдива, но отчаянные усилия охранников были напрасны. Цао Гоань погиб, получив множество огнестрельных ран.

Когда мне сообщили о гибели Цао Гоаня, я вспомнил его слова: «Командующий Ким! Когда начнется решительная операция по освобождению Кореи, позовите меня. Обязательно приду к вам со своей частью!» Так сказал он мне перед нашим расставанием.

Но Цао Гоань не смог выполнить своего обещания. Он ушел из жизни, так и не увидев освобожденной Кореи и не дождавшись дня освобождения Китая, своей любимой отчизны. Я очень сожалел об этом.

В начале 1937 года в наш тайный лагерь прибыл начальник интендантского отдела 2-й дивизии Пак Сун Ир с письмом о гибели

комдива Цао. Сон Му Сон писал не только о горечи от утраты комдива, он откровенно высказал свои душевные переживания, глубокую озабоченность тем, что просто не знает, как ему впредь командовать частью. Он просил меня дать ему совет о направлениях дальнейших действий.

Глубоко сочувствуя товарищам, горюющим о потере командира, я написал, на мой взгляд, довольно пространный ответ. В нем я особо подчеркнул необходимость преодолеть критическую ситуацию более тесной сплоченностью и объединением усилий бойцов, в полной мере выявлять коллективный ум в управлении частью. Я советовал Сон Му Сону создать тайный лагерь в горной местности Лиминшуя, куда нелегко будет подобраться врагам по глубокому снегу, и сделать главный упор на идейно-политическую и боевую подготовку новобранцев. Я сообщил ему о своем намерении посетить его часть после новогоднего праздника по лунному календарю.

Мне следовало бы, как принято у людей, посетить их и выразить соболезнование. Это был мой моральный долг, моя обязанность как соратника покойного, с которым я имел исключительно близкие отношения при его жизни. Для них, лишившихся своего комдива, наш визит сам по себе мог бы стать утешением, вдохновить их.

После боя на горе Хунтоушань я и отправился к ним, как обещал. По пути дал бой в Таоцюаньли и заночевал в поселке Сымынькайтин. Оттуда я направил разведгруппы в верховье реки Лиминшуй и в сторону Бадаогоу.

Друзья из 2-й дивизии узнали через связного о том, что мы находимся в поселке Сымынькайтин, и тут же ночью, не ужиная, прибежали к нам. Далеко за полночь доложили мне об их прибытии. Я вызвал к себе Ким Чжу Хена, распорядился приготовить суп с клецками для гостей и, взяв с собой ординарца, вышел им навстречу.

Я приветствовал их еще издали. Командиры подбежали и, тесно окружив, обнимали меня. Лица у них так замерзли, что когда они обнимали меня, мне казалось, будто моей щеки касается лед.

Сон Му Сон, исполнявший обязанности комдива, не выпускал мои руки из своих, пока мы не добрались до места ночлега.

– Спасибо вам, товарищ командующий! Вы наш благодетель – даете нам вдохновляющую силу, когда наша часть переживает суровые испытания.

– Я не достоин такой похвалы, товарищ заворг. Видимо, я слишком опоздал.

В тот день, как и прежде, он выразил мне чувство исключительной близости. Раз уж я считал Цао Гоаня земляком, то и Сон Му Сон тоже относился ко мне как к земляку.

Раньше Сон участвовал в молодежном движении в селе Улихэцзы, на окраине Гирина, а затем – в антияпонской вооруженной борьбе.

Когда Ли Дон Гван руководил здесь молодежным движением, Сон Му Сон и другие юноши и девушки Улихэцзы организовали под его руководством Общество молодежи «Хексин» («Новаторство»), чтобы объединить вокруг него молодых людей. В то время в уезде Юнцзи действовали и такие молодежные организации, как Общество молодежи «Синхын» («Новорастущее») и Общество молодежи «Чончжин» («Вперед»). Сон Му Сон был членом оргбюро Общества молодежи «Хексин». Весной 1928 года оно было преобразовано Ли Дон Гваном в Антиимпериалистический союз молодежи, а потом и в комсомол.

Когда мы развернули борьбу против прокладки железной дороги Гирин – Хвэрен и борьбу за бойкот японских товаров, молодежная организация Улихэцзы устроила демонстрацию в знак солидарности.

Период, когда Ли Дон Гван руководил молодежным движением в районе Улихэцзы, совпадает со временем, когда мы руководили движением учащейся молодежи в Гирине.

При каждом воспоминании о своих гиринских днях Сон Му Сон осуждал акции некоторых руководителей группировки Чоньибу. Я с упреком сказал ему, что забрасывать грязью предшественников, не жалевших сил в движении за независимость страны, – это неприлично. А он, наоборот, раскрасневшись, возражал: не противоречат приличию даже более грубые выражения в их адрес. Я спросил, по какому поводу у него такое недоброе представление о руководителях Чоньибу. В ответ он рассказал о гиринском муниципальном совещании, которое созвала группировка Чоньибу в самом начале 1928 года.

По-видимому, и Сон Му Сон участвовал в этом совещании в качестве представителя Улихэцзы. В нем приняли участие также представители Шуанхэчжэня, Цзяндуна и Синьаньтуня. Обсуждался вопрос о сборе обязательных пожертвований. Ко И Хо

произнес чрезмерно резкую речь от имени группировки Чоньибу. Он угрожающим тоном сказал, что жители контролируемого ею района не вносят добровольно упомянутый фонд и потому надо взимать его с помощью армии. По поводу этой речи завязались словесные перепалки между организаторами совещания и его участниками. Сон Му Сон тоже выступал против первого в качестве представителя Улихэцзы. Этого ему не простили. После совещания террористы, подосланные Ко И Хо, избили его до потери сознания.

Сон Му Сон хорошо знал и о терроре, устроенном группировкой Кунминбу в Ванцинмыне. Я разговаривал с ним также об О Дон Чжине, Хен Мук Гване и Ко Вон Аме. Наш разговор касался самых мелочей жизни, если они связаны с Гирином. Чего только мне не рассказывали о жизни в Гирине, когда мы были вместе с ним в тайном лагере Медвежьего ущелья!

Однако здесь, в избе поселка Сымынькайтин, и я, и Сон Му Сон не вспоминали гиринский период. Мы только чтили память комдива Цао Гоаня и говорили о судьбе дивизии без него, о ее перспективе.

Мы угощали товарищей из 2-й дивизии супом с клецками. Один из командиров, китаец, слывший обжорой, уничтожил три миски супа с клецками. Он сказал, что только сегодня у него настоящий новогодний праздник и что они пропустили обед из-за того, что подверглись преследованию противника после налета на лесоразработки в Гаолибуцзы.

На рассвете командиры нашей части и 2-й дивизии провели совещание, обсуждая предстоящую совместную операцию – атаку на Лиминшуй.

Многолетний боевой опыт подсказал мне, что около полудня того дня враги налетят на нас. Чтобы привлечь к себе их внимание, мы нарочно оставили много своих следов в направлении Лиминшуя. По нашему предположению, враги, идущие со стороны Эрдаоцзяна, непременно окажутся в ущелье за Лиминшуем. И противник, передвигающийся со стороны Бадаогоу, тоже хлынул бы туда, ибо товарищи из 2-й дивизии после налета на лесоразработки в Гаолибуцзы вступили с ним во встречный бой, а затем отошли в ущелье за Лиминшуем.

Самым подходящим пунктом для засады, где можно разгромить врагов, надвигающихся с обеих сторон, было место около слияния

реки Лиминшуй с горным ручьем из долины Бэйшуйгу. Вступая в ущелье за Лиминшуем, мы уже отметили этот пункт.

Я сообщил участникам оперативного совещания о возможном плане действий противника в тот день и подчеркнул необходимость вести бой из засады для уничтожения вражеского полчища путем взаимодействия обеих частей.

Я говорил, что исход боя из засады во многом зависит от скрытности, и подчеркивал, что надо до рассвета позавтракать, чтобы добраться до места засады затемно, что после занятия своих позиций бойцам всех подразделений ни в коем случае нельзя дымить, разговаривать, кашлять, уходить с позиций, стрелять без приказа. Досконально объяснил также содержание и метод устной агитации в отношении врагов, вопрос об обращении с пленными.

Потом были определены боевые задания для каждого из подразделений. По разведданным, заметного изменения обстановки у неприятеля не было. По моему предложению обе части, уже готовые к выступлению, собрались в одном месте и провели траурный митинг, посвященный памяти комдива Цао. На нем выступили я и Сон Му Сон.

Река Лиминшуй берет свой исток с водораздела горной цепи Сыдэнфан в уезде Чанбай, течет на запад и впадает в реку Бадаогоухэ. Сымынькайтин находится в верховье реки Лиминшуй. Пройдешь вниз по течению реки примерно шесть километров – увидишь поселок из пятнадцати-шестнадцати дворов, где проживают корейцы, которые занимаются подсечным земледелием. Это и есть село Лиминшуй.

Пока еще не забрезжил рассвет, отряды заняли позиции в месте засады и отрыли окопы. Крутые склоны гор вокруг были покрыты глубоким снегом, а река Лиминшуй скована льдом.

Стоял крепкий мороз – холода, казалось, пронизывали насквозь. Но боевой дух бойцов был очень высок. Товарищи из Южной Маньчжурии, слыхавшие, что бой под нашим командованием всегда увенчивается победой, были твердо уверены в большом успехе предстоящей битвы уже тогда, когда был отдан приказ о выступлении.

Я разместил главные силы по гребню горы вблизи от места слияния ручья с рекой. Там лежали недавно освоенные поля, оставшиеся раньше залежными. Оттуда было удобно стрелять вниз, на дно ущелья. Мой командный пункт находился в центре высоты.

Впереди укрылись в засаде наш 7-й полк и комендантская рота, слева – 8-й полк, справа – бойцы 2-й дивизии. На небольшой сопке напротив ущелья устроил засаду штурмовой отряд из 60 –70 смельчаков. На противоположной стороне упомянутых двух гор стояла высокая и крутая гора, покрытая густыми лесами, так что туда враги не смогли бы откатиться после нашего удара. Напротив места, где мы укрылись в засаде, лежала поляна шириной метров в сто, подходящая для полного разгрома противника сосредоточенным огнем.

Чтобы наблюдать и сдерживать врагов, подступающих со сторон Эрдаоцзяна и Бадаогоу, были посланы в двух направлениях заградительные группы – в составе отделения каждая. На горе за нашим командным пунктом был размещен пост для принятия сигналов флажкового семафора от заградительных групп. Бойцы окопались, ждали появления неприятеля. Миновало уже обеденное время, но враги не показывались.

– Может быть, враги не появятся? – спросил шепотом Пэк Хак Рим, которому ожидание уже досаждало. От сильного холода у него зуб на зуб не попадал.

– Не торопись уж слишком. Они непременно появятся, – ответил я. Собственно, и я дрожал от холода всем телом, стуча зубами.

Лежа на снегу, бойцы грызли замерзшие кукурузные хлебцы. Пэк Хак Рим достал из своего вещмешка замерзший кукурузный хлебец и дал его мне. Эта скудная еда заменила мне обед. Был такой сильный мороз, что чуть коснется рука металла – сразу же прилипает.

Минул уже второй час дня, но противник так и не появился. Не так уж легко лежать на снегу не час, не два, а целые восемь-девять часов в февральский трескучий мороз.

Но для победы было нужно терпеть и выносить любые, даже еще большие, чем эта, трудности. Если здесь враги получат сокрушительный удар, то они долго не осмелятся нападать на нас.

Вечером, к часам пяти, от заградительной группы, размещенной на юго-восточной высоте в направлении Бадаогоу, поступил сигнал о появлении противника. Я наблюдал в бинокль: впереди идет дозор во главе с офицером марионеточной армии Маньчжоу-Го, за ним медленно следует основной отряд под командованием японского инструктора.

Я направил ординарца во все подразделения с заданием еще раз

передать мой приказ: пропустить головную разведгруппу, не открывать огонь без моей команды, пока хвост основного отряда противника не втянется в район нашей засады.

С появлением врагов вдруг ухудшилась погода. Небо заволокли черные тучи. Не будь снега, вся суровая земля утонула бы в вечерней мгле. Северный ледяной ветер хлестал нас. Метель не давала врагам даже открыть глаза.

Едва основной отряд противника оказался в районе нашей засады, как я дал сигнальный выстрел из пистолета. Открыли шквальный огонь 400 с лишним винтовок и несколько пулеметов. Тут же я приказал Хан Ик Су подать трубой сигнал атаки. Враги оказались в положении мыши, попавшей в чан.

Велик был боевой успех: убито или ранено более 100 человек, две роты сдались в плен, захвачено три ручных пулемета, 150 с лишним винтовок и много патронов, унесли ноги только шедшие впереди дозорные.

Когда мы били противника, шедшего со стороны Бадаогоу, враги, двигавшиеся со стороны Эрдаоцзяна, испугались громкой перестрелки, раздающейся в ущелье, и остановились у подошвы горы, где укрылась наша заградительная группа. Бойцы группы обрушили сосредоточенный огонь на противника, который топтался на месте, не решаясь двигаться дальше. Враги поспешно дали тягу, оставив трупы своих солдат и раненых.

Я приказал перевезти раненых вражеских солдат в Сымынькайтин и лечить в крестьянских домах, кормить и вернуть их домой вместе с уцелевшими пленниками. Кажется, именно в это время стал известен эпизод с пленником – солдатом марионеточной армии Маньчжоу-Го. Он говорил, что, мол, достоин быть «заслуженным сторонником» партизанской армии, поскольку шесть раз был взят в плен и предоставил ей шесть винтовок.

В результате боя под Лиминшуем противник, действовавший в направлении Бадаогоу, лишился главных сил в «крупной зимней карательной операции». Упал боевой дух врагов, хвастливо заявлявших прежде о полном уничтожении партизан, потерпела полный крах их «крупная зимняя карательная операция». Победой в бою под Лиминшуем мы положили ей конец. В таком смысле этот бой особо вспоминается.

Товарищи из 2-й дивизии полностью восстановили боевой дух. Деля с ними хлеб и кров, я давал им советы о дальнейшей

деятельности дивизии, обсуждал с ними также меры обеспечения безопасности их действий с помощью организаций ЛВР в районах Таоцюаньли и Тяньшаншуя.

По нашему совету они создали тайный лагерь в глубоком ущелье за Таоцюаньли и до наступления теплой поры спокойно проводили время, занимаясь политической и боевой подготовкой. Говорят, в то время подпольная организация в Таоцюаньли предоставила им в помощь большое количество бязи, лаптей, больших ватных носков и других материалов.

Я снова встретился с товарищами из Южной Маньчжурии в середине мая, когда уже появилась молодая трава, на одной сопке недалеко от села Лиминшуй, чуть западнее. Товарищи из 2-й дивизии, которые спокойно проводили дни в тайном' лагере, выглядели здоровыми.

Впрочем, корейские товарищи, состоявшие в этой части, поставили меня в затруднительное положение. Они очень не хотели расставаться со мной. Пришли ко мне и упрашивали: «Мы хотим быть в вашей части. Прошу удовлетворить нашу просьбу». У меня даже охрип голос, пока я уговаривал их передумать. «Мы воюем, – говорил я им, – сформировав объединенную армию с китайскими товарищами. При этом мы учли, что это благоприятнее для получения более активной поддержки и помощи китайского народа, чем при создании боевых отрядов из одних корейцев. Ваша часть принадлежит к 1-му корпусу, но корейцы составляют более половины ее личного состава, так что вы можете считать себя отрядом КНРА особого назначения. А если вы все хотите перейти к нам, то кто же будет бороться с врагами, нападающими со всех четырех сторон? Противника в направлении Южной Маньчжурии пусть бьют бойцы 1-го корпуса, в том числе и вы, а неприятеля в Восточной Маньчжурии – бойцы 4-й дивизии, врагов в Северной Маньчжурии – североманьчжурские товарищи. Только тогда мы и сможем успешно сражаться с противником в районе гор Пэкту. Если вы не будете сковывать врагов повсеместно, то они нападут на нашу главную часть со всех сторон, словно осиные рои. Вот почему мы направили выпестованные с большим трудом лучшие военные и политические кадры в разные части – и в североманьчжурские, и в южноманьчжурские. А вы, товарищи, все хотите оставаться только у нас, и это меня затрудняет. Ведь и мы, и вы покинули родителей, жен и детей, чтобы вернуть себе потерянную Родину.

Давайте будем пересиливать личные чувства ради победы в великой антияпонской войне. Когда вернем себе отнятую страну, соберемся все и будем жить вместе, вспоминая это время, как сказку».

В самом деле я оказывал помощь южноманьчжурским товарищам, направляя им своих людей каждый раз, когда они просили. Таких случаев было много.

Посланные нами в Южную Маньчжурию товарищи были все до единого славными бойцами, настоящими мужчинами. И Ли Дон Гван, и Ли Мин Хван, если судить по их биографии, явились избранными в Восточной Маньчжурии и посланными в Южную. В марте 1937 года Цао Яфань, занявший ответственный пост комдива после Цао Юаня, очень настойчиво упрашивал меня, и пришлось послать ему даже ординарца Ким Тхэк Мана.

Сон Ён Хо, служивший начальником общего отдела 1-го корпуса, был нашим товарищем. Еще в годы ученичества в Гиринском педучилище он действовал как член организованного нами Общества корейских учащихся в Гирине. У него была особая склонность к музыке и спорту. Был красавцем со стройным телосложением, привлекал внимание гиринских девушек. В педучилище его знали как мастера прыжков в высоту и скрипа. Позже Сон Ён Хо, занимавшийся комсомольской работой, был арестован полицией и томился в Синичжуской тюрьме. После освобождения из тюрьмы он прилагал усилия к воспитанию крестьян в революционном духе, находясь в Улихэцзы уезда Юнцзи, а в следующем году пошел в уезд Паньши Южной Маньчжурии, где работал главным редактором газеты «Фаньжи циннянь жибао» («Антияпонская молодежная газета») – органа уездного комитета партии. С зимы 1937 года он работал начальником общего отдела в штабе 1-го корпуса. Я вновь виделся с ним зимой 1938 года в Наньпайцзы. Тогда Сон Ён Хо очень обрадовался и выразил желание быть вместе с нами. Спустя месяца три я получил скорбное сообщение о том, что он погиб смертью храбрых в бою близ Фуэрхэ.

Мы обращали постоянное внимание на южноманьчжурские партизанские отряды, особенно – на 2-ю дивизию 1-го корпуса, действовавшую на нашем фланге. Ее командиры и бойцы пришли к нам и делили с нами радость тогда, когда состоялось совместное торжественное заседание армии и народа в честь победы в бою в

Почхонбо (4 июня 1937 г. – ред.). Бой на горе Цзяньсаньфэн (30 июня 1937 г. – ред.) был проведен совместно силами нашей главной части и 4-й дивизии, а также 2-й дивизии 1-го корпуса.

2-я дивизия 1-го корпуса и наша часть несколько лет успешно взаимодействовали в юго-западном районе гор Пэкту. Во вражеских, полицейских документах и на страницах газет, относящихся ко второй половине 30-х годов, иногда фигурировало мое имя наряду с именем Цао Юаня. Это, можно сказать, отражает живую историю взаимодействия революционеров двух стран – Кореи и Китая, которые плечом к плечу шли тернистым путем общей борьбы, осуществляли совместные операции.

Поныне живы в моей памяти образы боевых друзей из 2-й дивизии 1-го корпуса, когда я вспоминаю прошедший период крутого подъема нашей революционной борьбы. Цао Гоань, Сон Му Сон, Пак Сун Ир... При одном упоминании их имен у меня к горлу подступает горячий комок. Перед моими глазами всплывают их незабываемые лица. Они словно смотрят на меня сквозь завесу снежных вьюг.

5. Ежемесячник «Самиль вольган»

Люди, кто бы они ни были, будь то на Востоке или на Западе, признавали и признают силу печати, оказывающей значительное влияние на человеческую жизнь. Иные даже утверждают, что весь мир, за исключением нескольких нецивилизованных наций, находился в прошлом под властью нескольких книг. История уже достаточно убедительно доказала, какую большую роль играет печать в преобразовании и развитии общества. Считаю, если человек приводит мир в действие, то, без преувеличения можно сказать, одним из факторов, приводящих самого человека в действие, является печать, создаваемая честными интеллигентами, отстаивающими справедливость и правду, зачинателями времени.

По нашему мнению, печать – это воспитатель, пропагандист и организатор масс.

Революционная печать, можно сказать, – это лучшее средство, связывающее едиными узами вождя, партию и массы.

Издавая газету «Искра», В. И. Ленин предпослал ее первому номеру эпиграф – «Из искры возгорится пламя». Эти золотые слова стали широко известны всему миру. Искра, о которой говорится в этом эпиграфе, впоследствии возгорелась октябрьским пламенем, которое распространилось на всю Россию.

Могу сказать, что в самом деле на меня печать оказывала большое воздействие, вела и меня по пути революции. Среди крылатых выражений мира есть такое изречение: «Мечом не возьмешь, а кистью достанешь». Издавая «Сэнар»[11], «Большевик»[12] и «Ноньу»[13], мы познали на практике подлинную ценность печати и возлагали на нее не меньшую надежду, чем на оружие, на меч.

Печать – один из мощных видов оружия в революционной борьбе. Дальность действия этого оружия неограниченна.

Когда мы, находясь в горах Пэкту, призывали на страницах ежемесячника «Самиль вольган», газеты «Согван» («Заря») и других изданий не забывать о Родине, не забывать о соотечественниках на Родине, наш голос доходил до всех партизан и населения Южной и Северной Маньчжурии. Видимо, нет на свете более мощных средств пропаганды и агитации, чем печать.

Она массированно и в сжатые сроки пропагандирует единые идеи и боевые лозунги среди миллионов людей, сплачивает и закаляет их в организационном и идеологическом отношении.

В годы антияпонской вооруженной борьбы наши люди в обычных разговорах называли устную пропаганду «устной пушкой», пропаганду посредством художественной самодеятельности – «барабанной», пропаганду на страницах печати – «кистевой» или «письменной».

Устная пропаганда и пропаганда с помощью художественной самодеятельности отличаются относительно быстрым воздействием на людей, высокой агитационностью, а пропаганда на страницах печати – продолжительностью во времени и возможностью неограниченного распространения в пространстве, что является ценным ее достоинством.

Враги жестко контролировали средства массовой информации, безжалостно подавляли огнем, мечом и дубинкой любое слово и действие, которые считали вредными для сохранения их государственного строя. Мы вынуждены были свою организационно-пропагандистскую деятельность по обеспечению единого руководства революционными организациями вести втайне, нелегальным путем. Такие обстоятельства заставляли нас искать наиболее подходящие средства пропаганды и агитации в партизанской войне, уделять должное внимание «стрельбе» из «кистевой пушки», что и считали наилучшим средством. Вот почему мы, создав в горах Пэкту тайный лагерь, построили там типографию и основали ежемесячник «Самиль вольган» – печатный орган Лиги возрождения Родины.

Когда мы создавали в Дунгане ЛВР, зашла речь и об основании ее печатного органа. Надо было свести различные слои населения под одну крышу, называемую единым антияпонским национальным фронтом, чтобы великая война против японского империализма переросла во всенародную. Для этого нужно было как следует пустить в ход «устную» и «барабанную пушку», но особенно важно было, чтобы заявила о себе и «кистевая пушка».

Наша политическая деятельность по созданию единого национального фронта носила в первой половине 30-х годов сугубо региональный характер. Она ограничивалась главным образом Маньчжурией и северными районами Кореи и почти не выходила за их пределы. Однако Лига возрождения Родины наметила расширять

круг своей деятельности. Она решила водрузить знамя единого антияпонского национального фронта во всех уголках Кореи, а также во Внутреннем Китае, в Японии, СССР, США, во всех районах за рубежом, где только проживали наши соотечественники.

В этих же целях мы все чаще посылали подпольщиков в различные районы. Однако, к сожалению, их количество было невелико. В Северной Маньчжурии осталось немало товарищей из военных и политических работников, за плечами которых имелся большой опыт руководства движением за создание единого фронта в Восточной Маньчжурии, начиная с первых дней партизанской борьбы. Ощущалась острая нехватка кадров.

Важнейшим средством компенсации этого недостатка было основание печати. Я был уверен в том, что если будут основаны хорошие органы печати, любимые массами, и они будут распространяться по различным районам, то каждый экземпляр журнала или газеты сможет заменить одного подпольщика.

Однако по ряду неизбежных причин своевременно основать органы печати мы не смогли. В то время бои следовали один за другим. Мы часто перемещались из одной местности в другую, находились в постоянном окружении врагов. Приходилось проделывать в день десятки или сотни *ли* с грузами на спинах. Враги не давали нам возможности выпускать печатные издания.

Лишь тогда, когда был создан тайный лагерь в горах Пэкту и в нем была оборудована типография, мы смогли основать «Самиль вольган» – орган ЛВР. Это был массовый политико-теоретический журнал, основная задача которого состояла в том, чтобы способствовать осуществлению идеалов ЛВР – добиться независимости страны путем всеобщей мобилизации двадцатимиллионного корейского народа.

Мы ломали голову над названием журнала, чтобы оно наиболее соответствовало назначению ЛВР. Наконец, выбрали составное название – «Самиль вольган». Первая часть его, «Самиль», напоминала об антияпонском народном восстании 1 марта. Это восстание было проявлением крупномасштабного движения корейского народа за независимость страны, в ходе которого общенациональные силы оказывали сопротивление японским империалистам-агрессорам. Поэтому в названии «Самиль вольган» была отражена воля нации. В нем выражалась наша стратегическая цель – придерживаться самостоятельной линии корейской

революции; базируясь на горы Пэкту, распространить вооруженную борьбу на всю территорию Кореи. Название также отражало и такую идею – подготовить всенародную войну сопротивления путем мобилизации сил всей нации.

«Самиль вольган» хотя и издавался как орган ЛВР, фактически выполнял и назначение органа Парткома КНРА, будучи одновременно массовым политическим журналом для всей страны, для всей нации. Поэтому он должен был стать общенациональным журналом, который бы читали и любили не только бойцы КНРА и коммунисты-революционеры, но и представители национальной буржуазии, духовенство и даже солдаты Армии независимости.

Мы избрали редколлегию «Самиль вольган» в основном из членов секретариата, а главным редактором его назначили Ли Дон Бэка, который в свое время занимался журналистикой.

Редколлегия во главе с Ли Дон Бэком активно подготовила выпуск первого номера журнала. Шло много разговоров о том, какие направления будут в журнале, как лучше поставить издательское дело. Чтобы найти наилучшую форму редактирования, усердно изучали выходящие в стране печатные издания.

В то время по стране гуляли вихри полного или временного закрытия журналов и газет. Все хоть сколько-нибудь патриотически настроенные журналы безусловно подверглись репрессиям – были закрыты. Собственно, выходило всего несколько журналов, которые можно было бы редколлегии использовать в качестве справочного пособия.

Однако, изучая издаваемые в стране журналы как справки, члены редколлегии «Самиль вольган» не принимали их за образец, не подражали им. От начала до конца они относились ко всему творчески, с новой точки зрения.

Мы решили, что «Самиль вольган» будет массовым политико-теоретическим журналом, пронизанным идеями патриотизма и великой национальной консолидации. Наметили, что в каждом его номере будут передовица, комментарий и полосы под постоянными рубриками: «Новости движения нашей нации за возрождение Родины», «Новые успехи антияпонского национального революционного фронта в различных районах», «Вопросы – ответы», «Коротко о Родине», «Коротко о мире», «Литературно-художественная рубрика».

Готовить материалы должны были в основном «корреспон-

денты» части КНРА, к которой принадлежал секретариат. В то же время намечалось собирать их также в частях КНРА, действовавших в различных районах, а также в организациях ЛВР. Для этого развернули сеть собственных корреспондентов журнала «Самиль вольган» в важнейших пунктах Восточной, Южной и Северной Маньчжурии, поощряли широкие массы читателей, чтобы сами они писали и посылали в журнал свои материалы.

Каким путем надо превратить его выпуск в дело самих читателей? Какие меры следует принять, чтобы различные слои читателей регулярно представляли журналу материалы? Каким образом добиться, чтобы читатели своими советами помогали обогащению содержания журнала и непрерывному улучшению формы редактирования? Об этом шли серьезные разговоры, все ломали голову над этим. Ли Дон Бэк придумал так называемые правила о посылке материалов в журнал. Я прочитал их. Они были очень интересны. По прочтении их даже неумело пишущий человек мог бы охотно взяться за перо и написать что-нибудь без сучка, без задоринки.

Начинались эти правила просьбой: «Собираем вескую аргументацию и стройные теории от всех патриотов, приветствуем присылку подобных материалов в журнал». А за просьбой следовали конкретные рекомендации и пояснения: об объеме статей в зависимости от их содержания, о способах их присылки, об условиях вознаграждения активных авторов.

Мы направляли эти правила в низы, используя сеть своих организаций. В первом номере журнала ознакомили читателей с этими правилами под заголовком «Приветствуем присылку статей!»

Спустя немного времени после распространения этих правил со всех концов поступило много рукописей. Перед моими глазами до сих пор живо встает образ «старика с трубкой», который, получая эти рукописи, не находил себе места от радости. И я тоже с большим удовлетворением читал почти все поступавшие материалы.

Поздравительное письмо прислал начальник штаба Армии независимости, возглавляемой Рян Сэ Боном. В письме выражались их сердечные чувства, они от души поздравляли нас с созданием Лиги возрождения Родины.

Весьма впечатляющей была и рукопись, рассказывающая о

встрече между Ли Дон Гваном, действовавшим в качестве представителя ЛВР в Южной Маньчжурии, и представителем корейских эмигрантов неким Паком, проживавшим в Шанхае. Стало известно, что представитель эмигрантов в Шанхае много лет участвовал в движении за независимость Кореи в Пекине, Тяньцзине и других местах Китая. Получив весть о создании ЛВР, он приехал в Южную Маньчжурию и предложил развернуть единый фронт с его осью – Лигой возрождения Родины в Корее и за ее пределами. Это дало нам благоприятный шанс разветвить сеть организаций ЛВР в обширных районах Внутреннего Китая. Получив эту рукопись, мы немедленно направили к Ли Дон Гвану способного политработника.

Таким образом, при подготовке к выпуску журнала редакция выполняла и роль пункта связи, непосредственно содействующего расширению и укреплению сети организаций ЛВР.

Трогательным было письмо, которое прислал один из окружных комитетов ЛВР, где решили подарить Народно-революционной армии знамя в знак ее поддержки. «... Велико сочувствие патриотически настроенных наших соотечественников. Они вытрясли из своих тощих карманов по одной, по две *чоны* или по одной *воне.* И всего было собрано 8 *вон* 71 *чона.* Хотелось купить для вас материалы на военные нужды, но денег слишком мало, поэтому согласно предложению нашему и всех патриотически настроенных соотечественников было решено изготовить приветственное знамя...»

Мы предложили поместить все письма, написанные кровью сердца, на страницах первого номера журнала.

Готовясь к его выпуску, мы больше всего беспокоились о материалах. Но рукописей поступило, сверх всяких ожиданий, много. «Старик с трубкой» был на седьмом небе. Однажды он появился в ставке командования с расплывшимся в улыбке лицом и неожиданно протянул мне более десяти листов белой бумаги.

– Других рукописей у нас достаточно. Теперь необходимо самое главное – передовица, посвященная выпуску первого номера, и комментарий. Тогда можно начать техническое редактирование. Но эти статьи во что бы то ни стало должен написать товарищ Председатель ЛВР. Так вот, возьмите бумагу.

– А что же вы, главный редактор, будете делать? Не могу отбивать у вас хлеб, занимать ваше место. Ведь наш дорогой

главный редактор, известный литератор, жив и здоров? Так не годится. Передовицу по случаю выхода первого номера написать обязан главный редактор.

Я, конечно, был и занят. Но главное было в том, что эту передовицу, посвященную выпуску первого номера, хотел поручить честному литератору, прошедшему огонь и воду: пусть он выразит в ней накопившиеся в его душе горе и обиды, вызванные гибелью Родины, с таившимися в нем огненными словами полным голосом обратится к нашей двадцатимиллионной нации. Так было ему поручено написать обращение к читателям.

Зато я обещал написать статью «Воспоминание о Первомартовском движении». Но дел у меня было край непочатый, и написать ее своевременно я не смог. Как только выкраивалась свободная минута, я брался за нее. Но, как на зло, что-нибудь да случалось: то доложат, что пойман шпик; то сообщат, что карательный отряд противника движется в направлении нашего тайного лагеря, – и приходилось идти на поле боя.

Как я тогда тосковал по Ким Хеку и Чвэ Иль Чхону! Закадычные друзья в Калуне и Уцзяцзы – главный редактор «Большевика» Ким Хек и главный редактор «Ноньу» Чвэ Иль Чхон – были талантливыми литераторами, двумя крупными авторитетами.

Если публикации поэта Ким Хека были широкоохватными и взволнованными, как полноводная, выходящая из берегов великая река, то сочинения Чвэ Иль Чхона отличались национальным колоритом, интеллектуальностью, остротой анализа. Порой Ким Хек помещал на страницах «Большевика» революционные песни, сам сочиняя стихи и музыку. Из его произведений, появившихся на страницах «Большевика», до сих пор живы в моей памяти песни «Проклятие капиталистическому обществу!» и «Нет фракциям!»

В песне «Проклятие капиталистическому обществу!» с ненавистью, гневом посылаются проклятия капиталистическому обществу, резко критикуются эксплуататоры, а песня «Нет фракциям!» – сатирическая, в ней полностью обнажается подлинное лицо фракционеров-низкопоклонников, которые, используя печать, вырезанную из картошки, пытались создать партию, рассчитывая на чужую поддержку.

Будь среди нас Ким Хек или Чвэ Иль Чхон, они приняли бы на себя немало забот, свалившихся на «старика с трубкой».

Воспоминание о Первомартовском движении, учредительные

документы ЛВР, как и либретто «Моря крови», «Судьбы охранника», приходилось писать урывками между непрекращающимися жаркими боями с врагами.

При подготовке к изданию первого номера журнала самой трудной проблемой оставалось до конца приобретение печатной техники и необходимых полиграфических материалов. Тогда у нас был единственный старый мимеограф. Нехватка ощущалась во всем: и в чернилах для мимеографа, и в роликах, и в восковках, и в бумагах. Работники типографии сами доставали все, чего не хватало. Когда кончались чернила, делали колпак из жести, сжигали под нем кору березы, собирали с внутренней поверхности колпака прилипшую к нему сажу, а затем смешивали ее с маслом и добавляли смесь в чернила заводского производства. Когда приходил в негодность ролик, изготавливали новый из сваренной смеси животного клея и сосновой смолы, вливая смесь в форму. А когда становилось непригодным к употреблению перо, делали новое из большой иглы.

Кропотливый труд по выпуску «Самиль вольган» достоин стать образцом опоры на собственные силы, самоотверженной борьбы с трудностями.

Наконец-то этот труд принес замечательный плод. 1 декабря 1936 года вышел в свет первый номер «Самиль вольган».

В тот день «старик с трубкой» пришел ко мне с первым готовым экземпляром первого номера журнала и сказал:

– Если я могу сказать, что сделал что-то достойное в своей безвозвратно потраченной жизни, то это выпуск первого номера этого журнала. Дорогой Полководец! Как вы ни заняты, прошу послушать первый крик новорожденного «Самиль вольган».

Он с волнением прочитал первый абзац: «Наша Корея оккупирована разбойниками – японскими самураями. Двадцать три миллиона наших соотечественников-белоодежников лишены Родины, превращены в рабов японских империалистов. Наша жизнь и наши человеческие права хуже, чем у животных».

Выход в свет первого номера «Самиль вольган» получил широкий отклик в среде воинов и народа.

Из местных организаций ЛВР поступали поздравительные письма по случаю выпуска «Самиль вольган» с просьбами прислать больше экземпляров журнала. Находились и люди, которые от имени своей организации уже заказывали следующий номер.

Когда мы, составив список печатной техники и материалов, необходимых для выпуска «Самиль вольган», ломали голову над решением этой проблемы, Пак Дар достал два новых мимеографа высокого качества с помощью одного человека, обучающегося в Японии. Мимеографы прибыли на станцию Танчхон. Их засунули в картофельные мешки – каждый по отдельности, привезли на повозке в Капсан. За всем следило неусыпно зоркое око полиции, поэтому пришлось целый день укрываться в лесу. Лишь глубокой ночью их привезли в село Опхун, где был печатный отдел Союза национального освобождения Кореи (СНОК).

Вообще Пак Дар хотел было оба эти мимеографа отправить в наш тайный лагерь. Но я велел послать к нам только один, а другой оставить в Капсане для выпуска органа СНОК. Союз выпускал свой орган под названием «Хвачжонмин» («Подсечный земледелец»).

Отлично работал мимеограф, присланный Пак Даром. Производительность стала в несколько раз больше, чем при работе на старом мимеографе. Следующий номер журнала отпечатывали в сотнях экземпляров.

Популярность журнала «Самиль вольган» превысила наши ожидания. Читатели с увлечением читали журнал. Думаю, это не только из-за свежести оформления и редактирования, но, главным образом, из-за того, что журнал был проникнут идеями создания единого национального фронта. Значит, журнал чутко и правдиво отражал задачи времени, стоявшие перед нацией. Перед лицом фашистского натиска японского милитаризма первейшей задачей корейских революционеров было тесно сплотить различные слои населения в единый антияпонский национальный фронт, создать базу для всенародного сопротивления.

С выходом в свет «Самиль вольган» энергичнее пошла работа по расширению и укреплению сети организаций ЛВР.

Резко расширялись не только ряды КНРА, но и ряды людей, поддерживающих и сочувствующих нам. Какой огромной силой обладали всего один-два выстрела из «кистевой пушки»! Диву давались даже сами ее хозяева.

Однажды на встрече с Квон Ен Беком Пак Ин Чжин рассказывал, что за короткие сроки почти все служители религиозной секты чхондогё Ренбука (район севернее перевала Мачхон – ред.) были охвачены сетью организаций ЛВР, и в этом великую роль сыграл «Самиль вольган».

Нет слов, что самые большие заслуги при издании «Самиль вольган» принадлежали Ли Дон Бэку, и его следует назвать в первую голову. Он немало хлопотал при создании ЛВР, но те его хлопоты не сравнить с огромным трудом, приложенным для выпуска первого и последующих номеров «Самиль вольган». Последние годы его жизни были целиком посвящены изданию журнала.

За 80 лет своей жизни я не видал и не слыхал о таком человеке, который так дорожил бы бумагой, как «старик с трубкой». Он берег даже обрывок бумажки величиной с листок дерева, очень эффективно использовал его, когда было необходимо, писал на нем буквы мелко-мелко. Заметив человека, скручивающего папиросу из белой бумажки, на которой можно писать, он резко критиковал его: мол, не умеешь беречь бумагу. Сам же всегда курил трубку. Может, потому он и прибегал к трубке, чтобы беречь бумагу?

Что бы ни побудило его курить именно трубку, но факт, что она помогла Ли Дон Бэку сэкономить довольно много бумаги. Не будь ее, этой трубки, он израсходовал бы за свою жизнь тысячи листов бумаги.

Он вел дневник – записи делал каждый день. Он решил написать историю нашей антияпонской революционной борьбы после того, как Родина станет свободной, и кропотливо собирал все материалы, которые мог достать, аккуратно хранил их в вещмешке. Однако Ли Дон Бэк, главный редактор «Самиль вольган», погиб в тайном лагере Янмудинцзы во время неожиданного налета вражеского карательного отряда. Враги убили «старика с трубкой» вместе с людьми старого возраста, со слабым здоровьем, которые не успели укрыться. А сам тайный лагерь был ими сожжен. Многочисленные документы, фотографии, дневники, которые так берег и любовно хранил «старик с трубкой», сгорели, без следа исчезли вместе с ним самим. В пепел были превращены те исторические ценности, которые он считал самым дорогим подарком, предназначенным им независимой Родине. При мысли об этом и ныне я не в силах сдержать гнев и возмущение. Если бы остались хотя бы его дневники, хранившиеся среди больших узлов, то как радовались бы сегодня наши подрастающие поколения!

Впоследствии я побывал в тайном лагере Янмудинцзы, нашел на месте сгоревшего шалаша его останки и лично захоронил их. Но не удалось найти его трубку, которую он так любил курить при жизни.

Все сгорело, превратилось в пепел. Хоть шаром покати – ничего из вещей не осталось, что могло бы служить его наследием в этом мире. Но осталось одно – остались в сердцах ветеранов антияпонской революционной борьбы неизгладимые воспоминания о выдающемся старом интеллигенте-революционере, их не сожжешь никаким огнем.

Впрочем, когда несколько лет тому назад был найден Пэктусанский тайный лагерь, там обнаружились лозунги, написанные его рукой на ободранных стволах деревьев. Мне казалось, будто вижу живого главного редактора «Самиль вольган». Я подолгу останавливался, не двигаясь с места, перед деревьями с его надписями.

Среди всех интеллигентов, с которыми мне довелось встречаться в годы антияпонской революционной борьбы, Ли Дон Бэк был одним из самых честных, последовательно революционных и эрудированных.

Прогрессивные представители интеллигенции, проживавшие в различных странах в различные времена, играли немалую роль в социальной революции и преобразовании общества.

И в нашей стране после истории нового времени велика роль интеллигенции в развитии революционного движения. Несмотря на те или иные свои ограниченности, она различными путями и методами самоотверженно служила делу национально-освободительного и коммунистического движения.

К числу таких людей относился и Ли Дон Бэк. Он был представителем революционной интеллигенции, пришедшим к нам в ряды антияпонской вооруженной борьбы, пройдя самый обыкновенный и самый привычный путь, который проходили интеллигенты нашей страны в 20-е годы.

Ли Дон Бэк был человек, превратившийся из нерешительного, колеблющегося интеллигента в самого активного, настоящего революционера-интеллигента, служившего делу вооруженного сопротивления.

Вторым после Ли Дон Бэка литератором среди работников печати для внутреннего пользования в пэктусанский период был Ким Ен Гук. Он разворачивал свою деятельность в системе Красного крестьянского союза внутри страны и вступил в наш отряд с помощью Пак Дара и Ли Чжэ Суна.

Он был не такого рода человек, которого как воина можно было

бы поставить в ряды «отличников». Но в писательском деле он был талантом, не знавшим равного себе. Посмотрев оттиски текста, написанного специально пером на вощенной бумаге, все ахнули, дивясь его почерку: ну, словно напечатано типографским способом! За один вечер он исписал более десяти листов кальки, и почерк всюду был такой ровный и одинаковый, что его постоянно хвалил «старик с трубкой».

Если что-то можно сказать о его недостатках, так это его излишнее своеволие и чрезмерная рассеянность. У него была, как говорится, куриная память. Однажды был такой случай. На месте привала он оставил ружье и, лишь прошагав почти восемь километров, вспомнил: «Вот беда! Оставил ружье!» И побрел обратно туда за ружьем, за что подвергся резкой критике и взысканию.

– Ружье – это все равно что твоя жизнь. Значит, ты бросаешь где попало даже свою жизнь. Как ты с такой рассеянной головой пишешь? – спросил я после того, как с него было снято взыскание.

Тогда Ким Ен Гук, почесав в затылке, не без иронии ответил:

– Почти все видные писатели страдали амнезией.

Громко расхохотались и я, и «старик с трубкой».

Страстный литератор, он, едва улучив хоть немного времени, писал стихи и рассказы. На страницах газеты «Согван», которую мы издавали в качестве внутреннего органа в 1937 году, было помещено несколько его произведений. До сих пор, хотя и смутно, вспоминаются помещенные на страницах первого номера «Согван» слова песни, состоящей из четырех-пяти куплетов, – там была такая фраза: «Муж чужой пошел в революционную армию, а мой – в отряд самообороны». Публикуя текст песни, Ким Ен Гук дал комментарий: пойте эту песню на музыку «Ариран». Во втором, третьем и четвертом номерах «Согван» был опубликован его рассказ. Он был главным редактором этой газеты.

Осенью 1938 года этот талантливый молодой литератор вместе с Ким Чжу Хеном собирал мед для людей со слабым здоровьем и раненых, но попал под прицельный огонь вражеского карательного отряда и, как ни жаль, рано ушел от нас.

На страницах политического еженедельника «Согван» было помещено много материалов по политической и боевой подготовке. В этой же газете была опубликована и написанная мной статья «Задачи корейских коммунистов».

Среди журналистского актива «Согван» выделялся также Рим Чхун Чху. Помогая Ким Ен Гуку, он энергично участвовал в редактировании и издании «Согван».

«Чонсори» («Звон колокола») – так называлась внутренняя еженедельная газета, которую издавали в тайном лагере Матангоу, где были организованы военно-политические занятия. В ней помещались в основном материалы воспитательного характера и те, которые могли бы оказать помощь в политической и боевой подготовке.

Роль главного редактора «Чонсори» взял на себя Чвэ Ген Хва. Он не имел высшего образования, но трудную работу по изданию газеты вел умело. Секрет, считаю, состоял в том, что в обычное время он усердно занимался самообразованием и овладел всесторонними знаниями. Чвэ Ген Хва, когда жил на родине, прошел программу вуза по самоучителю.

Его хоть целый день слушай – не надоест. Даже скучный общедоступный рассказ, который люди читают с неохотой, прочитанный им, выглядел лучшим шедевром. Умение рассказывать было самой заметной его способностью, большим достоинством. Поэтому мы часто поручали ему выступать с агитационными речами. Слушая его речь, население ахало, целиком захваченное ею.

На родине у себя Чвэ Ген Хва активно участвовал в молодежно-ученическом движении. Спасаясь от вражеской слежки, эмигрировал в Чанбай. В Чанбае он с головой ушел в работу по просвещению масс – был учителем частной школы *содан*. Надо ли говорить, что он сразу вступил в организацию ЛВР. Наладив связь с подпольной линией Квон Ен Бека, стал ответственным за оргвопросы партячейки в Шицидаогоу, подпольщиком в направлении Сончжина (г. Кимчак). Однако случайная оплошность лишила его возможности продолжать подпольную деятельность, и он вступил в партизанский отряд.

С его приходом партизанки начали шушукаться, что к ним пришел красавец. Но мое внимание привлекала не столько его наружность, а сколько его талант и личные качества. Чвэ Ген Хва был редким талантом: отлично владел пером, был прирожденным художником. Большинство иллюстраций к «Чонсори» рисовал он собственноручно. На политзанятиях он выступал в качестве лектора, а на полях сражений всегда первым шел в атаку. И в бою в

Цзинаньтуне в начале 1938 года он добровольно вошел в штурмовую группу, открыв отряду путь к наступлению. Он был смертельно ранен и погиб,

Велика была скорбь от утраты такого замечательного соратника, как Чвэ Ген Хва. Когда он погиб, я всю ночь напролет писал некролог со слезами на глазах. Несмотря на то, что стоял сильный мороз, мы торжественно провели траурную церемонию.

Еженедельная газета «Чхолъхер» («Железо и кровь») – внутренний печатный орган Антияпонского союза молодежи. Она издавалась в форме «молнии» в канун перехода на обходную операцию крупными силами, которая была в конце 1939 года. Это было время, когда от нас ушли такие талантливые литераторы, как Ли Дон Бэк, Ким Ен Гук и Чвэ Ген Хва. Приходилось поручать работу по редактированию и изданию газеты новичкам.

Мы доверили это дело Кан Ви Рёну, который совмещал работу в партячейке командования и союзе молодежи. При этом мы рассчитывали: пусть он научится газетному делу, выполняя порученные задания. Сперва он, махая обеими руками, умолял: «Ради бога, прошу поручить другому. Такое дело мне не по плечу». Но мы настаивали на своем. Только тогда он поневоле согласился принять поручение. С помощью товарищей он, наконец, начал выпускать газету «очень даже ничего».

И «Чхольхер», как и «Самиль вольган» и «Согван», уделяла главное внимание публикации положительных материалов. Образцом могут служить опубликованные в первом номере «Чхольхер» заметка о Ли Ыль Соре и рассказ об одном новобранце – о том, как он, вооруженный лишь копьем, отнял у противника пулемет нового, чешского образца.

В дни окончания военно-политических занятий в тайном лагере Байшитан мы ввели новый порядок: вручалась почетная красная лента юношам и девушкам, совершившим ратные подвиги в боях, чтобы возбудить в них мужество и боевой дух. Бойцы, получившие такую ленту, должны были носить ее поверх военной формы в праздники или в знаменательные дни, которым придавали особое значение в частях.

В специальном номере «Чхольхер», изданном по случаю подведения итогов военно-политических занятий, были помещены заметки об итогах, а также сообщение о введении нового порядка награждения, что привлекло внимание и интерес читателей.

Таким образом, наша революционная печать стала не только замечательным пропагандистом, воспитателем масс читателей, но и вдохновителем героических свершений, активным помощником в борьбе, близким спутником жизни.

Важнейшая характерная черта «Самиль вольган» и других наших печатных изданий периода антияпонской революционной борьбы заключается в том, что они были написаны, редактировались и издавались не по воле узкого круга – нескольких из ряда вон выходящих лиц, а при активном участии широких масс читателей.

И при выпуске печати, как и во всех других делах, мы считали своим железным принципом то, что необходима мобилизация масс и опора на них.

Расскажу о случае, который, думаю, произошел в дни, когда наш отряд останавливался в Наньпайцзы.

Однажды я, прохаживаясь в тайном лагере, заметил партизанку, которая в одиночестве сидела в лесу и что-то усердно писала в тетради. Она так была увлечена, что не заметила присутствия другого человека, и писала, смачивая грифель карандаша кончиком языка. Она с головой ушла в свое сочинение: под ее карандашом появлялись одна за другой буквы, как с трудом падающие по очереди с крыши капли. На мой вопрос, что она пишет, ответила, что это прокламация, которую нужно распространить среди сельчан.

Я прочитал прокламацию и диву дался: для человека, даже не закончившего начальную школу, сочинение оказалось довольно живым, отточенным. Текст под заголовком «Обращение к корейской молодежи в Маньчжурии» был, что называется, засеян зерном, тон был убедителен. Сделав некоторую правку, мы поместили его в ежемесячнике «Самиль вольган». Публикация очень взволновала читателей.

Таким образом, даже простые партизанки-поварихи, не получившие как следует и начального образования, становились авторами статей наших газеты и журнала. В трудных условиях, когда мы не могли пользоваться никакой посторонней помощью, только активное участие и поддержка масс давали нам возможность выпускать такие печатные издания, как «Самиль вольган», «Согван», «Чонсори», «Чхольхер», заложить крепкие корни революционных традиций нашей печати.

Сегодня у нас в стране введен порядок награждения работников средств массовой информации за их особые заслуги высшей премией – премией «Самиль вольган». Будь жив Ли Дон Бэк, он наверняка был бы первым удостоен премии «Самиль вольган».

Мне хотелось бы просить наших работников средств массовой информации не забывать представителей первого поколения революционных работников печати, которые ушли от нас, не получив никаких наград.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Расширение подпольного фронта

Непреклонный борец Пак Дар …225

Партийный комитет действия в Корее …256

Бои у подножия гор Пэкту …281

Точжон Пак Ин Чжин …304

О национальной религии чхондогё …329

Нельзя жить в отрыве от народа …355

Справка о благонадежности …376

Декабрь 1936 – март 1937

1. Непреклонный борец Пак Дар

Пак Дар никогда не носил военную форму, никогда не воевал вместе со мной в одной части. Всего лишь пару раз встречался я с ним в районе гор Пэкту. Он приходил к нам неоднократно, но из-за моего отсутствия раза два свидание с ним не состоялось.

За одну или две встречи заглянуть в душу совершенно незнакомого человека и узнать его, как свои пять пальцев, – дело не простое. Но, как гласит пословица: «За одну ночь построят Великую стену», – одной нашей первой встречи было достаточно, чтобы наладилось глубокое взаимопонимание между мной и Пак Даром.

И Пак Дар, как и Ли Чжэ Сун, был человек чистой души, не подвластный случайным поветриям. Он не принадлежал ни к каким фракциям, не щеголял своей доктриной, не напускал на себя важность, не был борцом-стилягой, таким, как Ким Чхан и Ан Гван Чхон, с которыми приходилось не раз встречаться в гиринский период.

Его отличало крестьянское простодушие, характерное для человека из глубинки, и при этом говорил он и держался совершенно свободно. Он обладал и богатыми знаниями. С первой встречи нетрудно было догадаться, что это мужчина толковый. Он самостоятельно, по-своему критиковал прошлое движение, развертывавшееся в различных формах, и выражал беспокойство о судьбах нашей нации. Оказывается, он побывал и в Хыннаме, и в Танчхоне, и в Цзяньдао – искал руководителя, который мог бы преодолеть устаревшие методы движения.

Пак Дар с нетерпением ожидал появления руководителя, который повел бы его за собой, а мы в свою очередь всячески искали в стране подготовленных революционеров.

Важнейшей стратегической задачей, выдвинутой нами для проведения в жизнь самостоятельной линии корейской революции, было создание, с одной стороны, надежного очага, секретного опорного пункта в стране, откуда можно было бы возглавлять всю вооруженную и политическую борьбу, а с другой – подготовка

мощных политических и военных сил с целью ускорить рождение всенародного сопротивления, направленного на возрождение страны собственными силами.

Подготовка мощных политических сил в стране требовала расширить сеть организаций ЛВР, тесно сплотить широкие слои патриотически настроенных масс под знаменем единого анти-японского национального фронта, одновременно создать в стране надежную сеть партийных организаций и подготовить актив работников, способный привести к великому подъему анти-японскую революционную борьбу, прежде всего вооруженную борьбу. В самом деле это, можно сказать, было ключевым, главным звеном: от него зависела судьба всей политической и военной деятельности, которую мы решили развернуть, опираясь на горы Пэкту.

Борьбу за расширение и развитие революционного движения в стране мы начинали не с нуля. В стране имелась определенная организационная основа, на которую мы могли опираться в дальнейшем развитии революции. Были также подготовленные политические силы, прошедшие испытание японской саблей и дубинкой. Профсоюзы, крестьянские союзы и другие массовые организации различных слоев населения росли повсеместно в стране, как грибы после дождя; проверенные борцы вдохновляли эти организации на борьбу против японского империализма; народ из повторявшихся неудач и сложных перипетий выходил закаленным, проверенным и непреклонным; горький, полный кровавых слез урок борьбы преподавался людям всякий раз, когда они испытывали на себе поражения и урон... Все это было надежным капиталом, позволяющим нам развивать вширь и вглубь революционное движение в стране на основе новой стратегии и тактики.

С уважением относясь к достижениям и опыту революционного движения в стране и основываясь на них, приводить в порядок существующее движение и развивать его соответственно велению нового времени – таковы были выбранная нами позиция, курс по отношению к революционному движению в стране.

С конца 20-х годов – начала 30-х годов лучших подпольщиков, выпестованных в ССИ и Корейской революционной армии, мы посылали в северные пограничные районы и вглубь территории Кореи, чтобы проводить в первую очередь определенную подготовку к закладке военно-политической основы.

Для того, чтобы поднять революционное движение внутри страны на более высокую ступень развития, необходимо было активное военно-политическое наступление в пределы Кореи Народно-революционной армии – главной руководящей силы национально-освободительной борьбы и коммунистического движения в Корее, нужна была энергичная поддержка, помощь движению в стране.

В самом деле революционное движение в стране, терпевшее раз за разом неудачи и поражения, требовало нового руководства и новой линии. Верхушка движения находилась в состоянии смуты вследствие фракционной грызни, однако в его низах передовые люди и население были готовы, следуя новой линии и новому руководству, подняться на решительную схватку. Активные борцы за восстановление партии, ушедшие в подполье или сидевшие в тюрьме, вновь и вновь вглядывались в свое прошлое – в кончавшиеся неудачами действия, и ломали головы над тем, как выбраться из тупика. Все это требовало от нас своевременно принять практические меры, соответствующие сложившимся обстоятельствам. Из этих мер самым актуальным было достижение единства антияпонской вооруженной борьбы и революционного движения в стране. Иначе говоря, это означало осуществление нашего руководства революционным движением в стране. Для достижения этой цели прежде всего нужно было отыскать таких стойких революционеров в стране, как Ли Чжэ Сун, быстро расширить совместными с ними усилиями сеть организаций ЛВР, поднять всю нацию на священную войну против японского империализма.

Таким подходящим деятелем был Пак Дар.

Его рекомендовал нам Ли Чжэ Сун.

– Пак Дар, – говорил он мне, – настоящий мужчина. Ради того, что считает правым, сам готов идти в огонь и в воду. А как он разбирается в теории! Однажды приходил танчхонец с прической, похожей на львиную гриву. Он хвастался, что, мол, является идеологом. Пак Дар вступил с ним в спор по какому-то вопросу и уложил его на лопатки. Чтобы наладить работу в провинциях Северный и Южный Хамген, надо встретиться с Пак Даром.

Как радовался я в душе, услышав это! Но окончательно поверить его словам было трудно, не встретившись с Пак Даром. Ведь нам

уже не раз приходилось испытывать глубокое разочарование, знакомясь с так называемыми важными персонами, судя по громким слухам о них.

Немало «крупных» деятелей из числа тех, с которыми мне доводилось встречаться в прошлом, независимо от их доктрины, не имели своеобразных, самостоятельных толковых взглядов. Не новы были их мышление и практика.

Что касается Пак Дара, то он не слыл крупной величиной, подобно таким, как Ан Чхан Хо, Ким Чва Чжин, Ли Чхон Чхон, О Дон Чжин, Сон Чжон До, Сим Рён Чжун, Хен Мук Гван, Хен Ха Чжук, Ко Вон Ам, Ким Чхан, Ан Гван Чхон, Син Иль Ён, Со Чжун Сок, с которыми мне приходилось общаться в гиринские годы. За Пак Даром следили разве что местные полицейские или тайные сыщики по политическим делам.

Однако этот человек, похожий на простодушного деревенского дровосека, в конце концов вырос в крупную личность, оставил большой отпечаток в истории нашей революции, стал мне закадычным другом и товарищем, который до сих пор живет в моей памяти. По словам Ли Чжэ Суна, его настоящее имя – Пак Мун Сан. Он был крепким, как пакдар (береза) и соседи звали его «пакдаром». Прозвище это впоследствии и стало именем.

Родился он в волости Токсан уезда Кильчжу провинции Северный Хамген. Его отец, говорят, ведал сардинопереработывающей фабрикой в Менчхоне, поэтому положение семьи, очевидно, не было таким уж бедственным. Однако образование он получил только начальное. В 11 лет он женился, в 16 лет поступил на фабрику, которой управлял отец, и работал бухгалтером, жил на жалованье. Видимо, его отец хотел из своего сына с молоду сделать самостоятельного человека, строящего жизнь собственными руками.

Ранний брак смущал Пак Дара, и он стеснялся говорить своим товарищам, что уже женат. Бывало, когда он приходил домой пообедать, можно было увидеть такое: если жена была одна дома, он не мог и слова вымолвить, что пришел поесть, а только ходил взад и вперед по комнате,

Его отец по натуре был человек широкой души, добрый, сердечный, но падкий на вино и женщин, имел наложницу. Родная мать Пак Дара, видимо, была отвергнута, и сын глубоко сочувствовал ей.

– Я больше всего, – говорил однажды мне Пак Дар, – ненавижу тех, кто имеет наложницу. Я видел, как мать моя, бедная, всю жизнь страдала от того, что мой отец завел наложницу, и на собственной жизни остро испытал низменность этого наложничества.

После освобождения страны мы упразднили систему наложничества. Пак Дар всем сердцем приветствовал этот закон.

Несчастная доля, на которую была обречена его мать системой наложничества, всю жизнь причиняла ему муки и страдания. Мать его жила в одиночестве, не зная тепла любви мужа. Урок ее жизни был поучителен, и Пак Дар, дав зарок не предаваться пьянству и разврату, всю жизнь окружал неизменной любовью свою жену, которая была на пять лет старше его. Особенно он презирал скряг, ненавидел всех их без исключения, независимо от должностей, профессий и пола. «Как увижу скупого, на целый день теряю даже аппетит», – говорил Пак Дар в 1957 году, когда я встретился с ним в Чуыре. Тогда его здоровье до того улучшилось, что мы могли вести с ним даже такие житейские беседы. Эти его слова давали мне понять, что самым отвратительным в жизни он считает индивидуализм и эгоизм.

Сам Пак Дар был человек весьма благодетельный. Если выразиться проще, он был слишком щедр в благодеяниях. Каждый раз, когда наступал сезон уборки картофеля, он приглашал к себе домой прохожих: «Картошка в этом году такая сладкая, как мед; кто хочет попробовать, приходите к нам». Так он, разжигая их аппетит, потихоньку притягивал их к себе. А тем, кто не сажал картошку, Пак Дар велел приносить картофельную лепешку.

Если бы человек с такой доброй душой, как Пак Дар, был богач, думаю, он сделался бы известным благотворителем. Пак Дар не имел денег, но если видел, что сосед испытывает нужду, он первым шел на помощь, ничего не жалея.

Пак Дар получил начальное образование, но самоучкой постиг и традиционные науки, и курс лекций средней школы. Чтобы представить, каким прилежным книголюбом он был, достаточно привести лишь один пример: будучи инвалидом, он в Содэмунской тюрьме прочел и усвоил весь «Тоньибогам»[14].

При обыске дома Пак Дара по «Хесанскому делу»[15] полицейские ахнули, обнаружив груды социалистических книг: «Программа ЛВР из 10 пунктов», «Учредительная декларация ЛВР», «Общий смысл

социализма», «Теория социальной эволюции», «Основные знания по колониальному вопросу», «Женское движение неимущего класса», «Декларация о борьбе против безработицы». «Словарь социализма», «Речь Ван Мина на VII Конгрессе Коминтерна», «К 15-летию со дня основания КПК», «Тезисы по корейскому вопросу», «Основные знания членов партии» и так далее. В доме хоть шаром покати, – ни единой крупинки, а книг у него ой-ой-ой сколько было!

При первой встрече со мной Пак Дар заявил, что он малограмотный и плохо осведомленный, и просил считать его безграмотным, учить его от «а» до «я». Но это было проявлением его скромности. На самом же деле он глубоко разбирался в марксистской революционной теории в целом. Но он не хвастался своими знаниями, не собирался перещеголять в этом других. Тем более, что он не лелеял мечту взять в руки «рычаги власти». Это был простой и скромный человек, которому были чужды алчность к вещам и властолюбие. Именно таков, считаю, наиболее верный его облик как настоящего человека, настоящего патриота, настоящего революционера.

Пак Дар всегда ставил себя в позицию ученика и ждал появления такого человека, который повел бы его по верному пути. Создав Капсанский комитет действия, он ограничил сферу влияния своей организации лишь местной округой, называемой «Капсаном». Ясно подчеркивал и ее временный характер вывеской «комитет действия». Вообще предполагалось подчинить этот комитет Коммунистической партии Кореи, когда она будет создана, и тогда заменить название организации другим, более целесообразным. Создавая Капсанский комитет действия, Пак Дар ставил перед собой задачу – создав сперва своими силами организацию, развернуть движение хотя бы в местных масштабах, пока не удастся найти такого руководителя, который возглавил бы борьбу против японского империализма.

Путь создания Пак Даром этого комитета был негладок. В то время некоторые участники социального движения в районе Капсана, страшась репрессий войск и полиции, стояли на позициях капитулянтства, оправдываясь отсутствием центрального органа партии. Они утверждали:

– Не следует поддерживать стихийную антиимпериалистическую борьбу в уезде Капсан, подливать масла в ее огонь. Надо

ждать до тех пор, пока не будет организована Компартия Кореи, пока она не выдвинет новую линию и не возглавит, руководствуясь ею, движение в районе Капсана. Это и есть верность марксизму-ленинизму, уважение принципов централизма.

Пак Дар критиковал такие взгляды, считая их бегством от революции. «Нам надо сделать стихийное движение в уезде Капсан организованным, – заявил он, – стараться развивать его во всекорейском масштабе – только так! И когда будет создана Компартия, центру партии будет легче возглавлять движение в нашем районе».

Таким образом, Капсанский комитет действия был рожден в водовороте непримиримой борьбы с теми, кто требовал сидеть и ждать наступления благоприятного времени, стремился спасти собственную шкуру, укрывшись в чужом районе от полицейской слежки.

Чтобы уберечь комитет от вероятных вражеских репрессий, Пак Дар дал подведомственным комитету организациям различные названия, а именно: общество Чоньухвэ, общество Чончжинхвэ, Антияпонское общество и тому подобное. В целях просвещения масс он без колебания использовал такие «желтые» организации, как общество Чинхынхвэ (Общество возрождения деревни) и отряд самообороны. Под их вывесками проводились сборы учащихся вечерних школ, спортивные игры, утренние сборы. Ничего не подозревая, полицейские были довольны, – мол, теперь и капсанские деревенские жители, видать, становятся верноподданными японского микадо.

Каждый раз, когда собирались – раз в месяц – руководители низовых организаций комитета, Пак Дар организовывал соревнование по футболу. Пока при стечении народа проводилось соревнование, сам он за кулисами втихомолку вел собрание, давал задания, словом, делал все, что мог. И поминки, и церемонии бракосочетания, и торжества по случаю дня рождения, в том числе 60-летний юбилей, – все использовалось как прикрытие нелегальных сборов членов и руководителей организаций. Использование легальных возможностей было благоприятно для маскировки организаций, позволяло им деятельно заниматься своим делом.

Чтобы максимально использовать такие возможности легальной работы, члены комитета весьма искусно маневрировали, имея связь

с японской полицией и ее прислужниками. По распоряжению комитета большинство членов организаций вступали в «желтые» организации и низшие административные органы японских империалистов и проявляли себя как «активисты».

Это были весьма смелые и новаторские методы по сравнению с методами таких организаций, как общество Синганхвэ[16], Всеобщая федерация рабочих, Союз молодежи, Красный профсоюз, Красный крестьянский союз, которые, проявляя открытую враждебность к японской армии, полиции и их прислужникам, шли на безоговорочное противоборство.

Тактика такой маскировки, когда мягкого с виду поведения придерживались люди, душа которых – кремень, примененная Пак Даром первым из борцов, действовавших в стране, давала большой эффект.

В полицейских учреждениях, в отрядах самообороны, в ведомствах, Обществе возрождения деревни, пожарных командах, в ассоциациях по шефству над школами и лесной охране и других организациях они под вывесками сельских, поселковых и других старост делали вид, что послушно состоят у японцев на побегушках. Это было неплохо и для духовного разоружения врага, и для распознавания вражеского стана изнутри во всех подробностях, и для дезорганизации примкнувших к врагу сил и завоевания их на нашу сторону, и для обеспечения спокойствия населения.

Пак Дар был крупный революционер. Он, руководя Капсанским комитетом действия, одновременно заведовал политическим отделом и конфликтным отделом этого комитета. А вместе с тем без стеснения занимал важные посты и в официальных организациях, контролируемых врагом. Он открыто занял места: заместителя председателя Общества возрождения деревни 1-го участка села Синхын волости Почхон, старосты общества по шефству над школой «Ильсин» 1-го участка, заместителя начальника отряда самообороны, состоял в пожарной команде села Тэосичхон волости Унхын.

Из первой группы арестованных и брошенных в тюрьму по «Хесанскому делу» 63 человека были членами отряда самообороны. Один этот факт лучше всяких слов говорит о том, как они умело использовали продажные органы и организации японских империалистов. У 63 человек были все и всяческие должности:

заведующий общим отделом общества Чинхынхвэ, староста пяти дворов отряда самообороны, член совета ассоциации по лесной охране, инструктор участка по руководству земледелием в горной местности, главный представитель по измерению подсеки, слушатель курсов для актива молодежи, член учебной комиссии частной школы, член совета двухлетней школы и тому подобное.

Искусно сочетая вышеуказанные легальные и нелегальные методы, Капсанский комитет действия развертывал активную борьбу под лозунгами, соответствующими особенностям сельских районов: снизить арендную плату, разрешать крестьянам свободную подсечку леса, выступать против трудовой повинности, против ростовщичества, против навязывания крестьянам льноводства и выращивания пшеницы и тому подобное.

На первый взгляд эти лозунги создают впечатление, будто все сводилось лишь к одной стороне – экономической борьбе. Но это не так. Были и лозунги такого острого политического характера, как выступления против навязывания крестьянам льноводства и выращивания пшеницы. Так, крестьяне района Капсана выступали против навязывания им льноводства потому, что эта культура являлась сырьем для производства военной продукции. Они сеяли семена льна, сварив их в котле на пару, или сеяли редко, чтобы они буйно вымахнули свои ветви и не давали урожая. Так они отвечали на меры по навязыванию крестьянам льноводства.

Судя только по рассказам Ли Чжэ Суна, что там ни говори, Пак Дар и был таким человеком, с которым нам следовало как можно скорее связаться.

Обсудив меры для встречи с Пак Даром, мы назначили Ли Чжэ Суна руководителем по делам связи с организациями внутри страны. Он немедленно выполнил задание: через связного мне было передано сообщение Ли Чжэ Суна о том, что Пак Дар просит послать непосредственно к нему представителя КНРА. Он душой и телом приветствовал встречу с нами, но неизвестно почему он не приходил к нам прямо в тайный лагерь.

Один этот факт убедил меня в том, что он весьма предусмотрительный революционер. Осторожность Пак Дара, не позволяющего себе действовать экспромтом, и его предусмотрительность умножили наше доверие и любопытство к нему.

Нам нужен был не легкомысленный идеолог, который мгновенно закипает, как котел, и тут же остывает или который держит нос по

ветру, а предусмотрительный, серьезный и сообразительный революционер.

По просьбе Пак Дара мы направили в район Капсана Квон Ен Бека, имевшего за плечами богатый опыт партийной работы. Через него я передал Пак Дару письмо:

Товарищам патриотам на земле Кореи,
любящим свою Родину и борющимся против
японского империализма

Товарищи, все, кто борется со злейшим врагом – японским империализмом на территории нашей страны!

Во имя возрождения Родины мы с оружием в руках сражаемся с войсками и полицейскими силами Японии и Маньчжоу-Го на маньчжурских просторах.

Мы от всего сердца желаем объединить свои силы, идя рука об руку с вами, чтобы вместе развернуть борьбу против японского империализма, за возрождение Родины.

Я отправляю к вам нашего представителя и прошу откровенно обменяться с ним мнениями при вашей встрече.

С приветом.

Ким Ир Сен

Квон Ен Бека сопровождал в Капсан Ли Чжэ Сун. Помнится, они встретились с Пак Даром в декабре 1936 года. Пак Дар впервые от Квон Ен Бека узнал, что создана Лига возрождения Родины. Квон Ен Бек поведал ему и о главных фактах деятельности, которую развертывала Корейская Народно-революционная армия.

Появление Квон Ен Бека, по-видимому, стало сенсационным событием для Пак Дара, горячо желавшего держать связь с нами. Вернувшись, Квон Ен Бек говорил нам, что Пак Дар обычно не выдает своего настроения. Ему даже дали прозвище – «бык-молчун». Но тут, получив письмо от меня, он так обрадовался, что на его ресницах повисли слезинки.

– Он пожелал немедленно встретиться с вами, дорогой Полководец. Если вы не против, он, мол, придет к вам в любое время.

От этих слов и меня обуревало горячее желание повидаться с ним.

Я решил встретить Пак Дара в нашем тайном лагере и дал Квон Ен Беку распоряжение принять необходимые меры для обеспечения этого свидания.

А Пак Дар в свою очередь готовился к приезду к нам. Эта подготовка состояла главным образом в том, чтобы благополучно переправиться через реку Амнок. К тому времени положение было весьма суровое, и незаконная переправа через реку была почти невозможной. Он всесторонне обдумал и решил пойти к полицаю по фамилии Ким в полицейский участок в Большой луже, подведомственный Хесанской полиции.

– Эй, Ким, здравствуйте! Не слыхали ли вы весть из Чанбая?

Войдя в полицейский участок, Пак Дар стал шуметь, как будто стряслась какая-то большая беда. Не только Ким, но и другие полицейские смотрели на него, вылупив глаза:

– Какая новость?

– В Чанбае, говорят, рыщет много «бандитов», и люди собираются в другие края, а с продовольствием они расстаются как попало – продают за бесценок. Надо сходить за соевыми бобами, их примерно две повозки нужно, чтобы потом сбыть их за деньги. Если и вам нужны дешевые бобы, прошу дать мне разрешение на переправу через реку.

Полицейские развесили уши, наперебой просили купить и для них бобы для соевого соуса, а о разрешении на переправу, мол, беспокоиться нечего. Пак Дар не ожидал, что ему так запросто выдадут документ. Таким образом он благополучно переправился через реку Амнок и добрался до дома Ли Чжэ Суна.

Когда Ли Чжэ Сун вместе с Пак Даром пришел в ставку командования, уже забрезжил рассвет.

Как нам и говорил Ли Чжэ Сун, у Пак Дара были широченные плечи и несоразмерно маленькое лицо, что создавало впечатление какого-то нарушения гармонии в его фигуре. Подумалось, что прав Ли Чжэ Сун: в его внешнем виде трудно найти черты удачливого искателя приключений – он похож всего-навсего на деревенского дровосека. Только острый взгляд глаз, смотревших на меня, казался необычным.

– Очень мне хотелось повидать вас.

Таковы были первые слова его привета. Произнесены они были просто, без прикрас, но в них чувствовалась искренность.

От его немногословного, хотя и неласкового, привета почему-то у меня екнуло сердце.

По словам Пак Дара, он мечтал встретиться с нами еще с того времени, когда понюхал тюрьмы в Кильчжу. Чтобы скрыться от вражеской слежки и попутно расширить сеть организаций, он перебрался в Кильчжу. Работал там на стройке бумажной фабрики, был схвачен полицией и отвезен в камеру предварительного заключения. Однажды Пак Дар нашел в куче негодных бумаг обрывок газеты со статьей о том, что наш отряд продвинулся в район Чанбая и громит врагов. С тех пор он постоянно жил мыслями о нас. Выйдя из заключения, Пак Дар возвратился в Капсан и тут же, переодевшись в бродячего торговца, прочесал почти все селения на берегу реки Амнок, чтобы найти нити, ведущие к нам.

– Честно говоря, какое большое счастье сегодня повидать вас, дорогой Полководец!

Обрадованный, Пак Дар снова схватил меня за руку и сильно потряс ее.

– Поймите, и у меня такие же чувства, какие и у вас, товарищ Пак Дар. Вы первый представитель из страны, пришедший к нам после продвижения КНРА в горы Пэкту.

– Какой из меня представитель? Капсанский деревенский житель... Поедешь в такие города, как Кильчжу, Сончжин и Хамхын, – так там на таких, как я, и глазом не ведут люди, называющие себя сторонниками какого-то движения.

Казалось, он старался представить себя «капсанским деревенским жителем». Однако в его манере говорить и держаться я, наоборот, почувствовал характер гиганта.

– Ведь недаром говорят: большие люди бывают не только в крупных городах. Через Ли Чжэ Суна знаю, какую большую патриотическую деятельность развернул за это время Капсанский комитет действия в борьбе против японского империализма. Нас сильно вдохновляет то, что в стране есть люди, дух которых жив.

Я предложил ему кипятку, чтобы он согрелся, но Пак Дар лишь пригубил его, собравшись доложить о положении в стране. Действительно, это был поразительный мужчина, полный страсти и огня.

Обстоятельная беседа с Пак Даром началась на следующее утро. Мы с ним поделились мнениями по широкому кругу вопросов.

Наш разговор начался с сообщения Пак Дара о положении в то время в стране и о состоянии движения в районе Капсана.

Основное содержание его рассказа было примерно таково. Страна, можно сказать, вступила в период упадка. И движение за восстановление партии, казалось, захлебнулось. Пошли на убыль и дела крестьянского союза. А сторонники движения, страшась репрессий, жили затворниками, перебегая из одной горы в другую. Есть ли у них сила, чтобы снова подняться на ноги? Нет. Если даже и встанут снова во весь рост, набравшись смелости, то у них нет, к сожалению, четкой политической линии. А ведь нельзя же вести борьбу вслепую! Они с головой ушли только в одно – сохранить собственную шкуру. Находились, конечно, люди, которые, не теряя присутствия духа, продолжали борьбу, но они по-прежнему не могли расстаться со своей фракционной психологией. Не только не переставали существовать такие фракции, как шанхайская, российская, были и фракции Хамнам и Хамбук, даже внутри одной фракции Хамнам появились фракции Хамхын, Хонвон, Танчхон. Они грызлись между собой, растрачивали свою энергию в жарких, но пустых словопрениях, вводя массы в заблуждение.

– Самый больной вопрос в революционном движении в стране, – говорил Пак Дар, – это отсутствие правильного руководства. Не выработана такая линия, которая могла бы убедить весь народ, отсутствует такая личность, которая разработала бы такую линию. Вот почему, когда вспыхнуло крестьянское восстание в Танчхоне, послали представителя в Коминтерн за советом и руководством. Но, говорят, и от этого не было ожидаемой пользы. На кого, спрашивается, мы должны опираться?

Если сжато изложить слова Пак Дара, то суть их состояла в том, что самый наболевший в то время вопрос в революционном движении в стране, решение которого не терпело отлагательства, – это вопрос о линии, вопрос о руководстве.

Другой из важнейших вопросов, затронутых нами в беседе, касался миссии и характера КНРА.

Заранее прося извинение за свой несколько самонадеянный вопрос, Пак Дар обратился ко мне. Выражение его лица стало очень серьезным.

– Ныне среди революционеров в Корее в ходу слухи: Полководец Ким Ир Сен хотя и кореец, но делает китайскую революцию, а его часть, хотя и состоит из корейцев, зачислена в

состав Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Как это понять? Я хотел бы услышать об этом непосредственно от вас.

Как говорил Ли Чжэ Сун, натура у Пак Дара была действительно открытой. Чтобы убедить Пак Дара, мне приходилось давать ему сравнительно пространные объяснения.

– Информированные круги называют возглавляемую мной часть 6-й дивизией 2-го корпуса Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Поэтому у революционеров, действующих в Корее, такой вопрос возникает естественно. Но если кто-то считает возглавляемую мной часть в полной мере «китайскими войсками», то это совершенно неправильно, не соответствует фактам. Как говорит само название, Объединенная Северо-Восточная антияпонская армия означает объединение всех антияпонских партизанских отрядов, действующих на Северо-Востоке Китая. В их состав вошли китайские партизанские отряды Компартии, китайские антияпонские отряды Армии спасения отечества и корейские антияпонские партизанские отряды, возглавляемые корейскими коммунистами. Это своего рода международное объединение войск, сформированное с целью ведения согласованных боевых операций в войне сопротивления против японского империализма. Общий враг – Япония, общая цель – освобождение своей Родины, общая арена борьбы – Северо-Восток Китая. На протяжении исторического периода сложились чувства дружбы и общность положения народов двух стран – Кореи и Китая. Все это привело вооруженные отряды коммунистов и патриотов Кореи и Китая к такому военному объединению. Система объединенной армии – это во всяком случае продукт добровольности, поэтому Объединенные антияпонские войска основаны на уважении суверенитета и самостоятельности национальных армий. Что касается нашей КНРА, то она под вывеской Объединенных войск действует и в помощь китайской революции. В то же время, имея полный облик национальной армии, считающей своей основной миссией освобождение Родины, развертывает самостоятельную деятельность, уделяя главное внимание корейской революции. О том, что наша армия – это национальная армия Кореи, ведущая с первых дней своего создания борьбу за освобождение своей Родины и за свободу своей нации, знают все наши соотечественники, проживающие в Маньчжурии. В тех краях, где живет много китайцев, мы называем себя

Объединенной антияпонской армией, а в краях, где живет много корейцев, – Корейской Народно-революционной армией.

Было время, когда иные, ссылаясь на принцип «одна страна, одна партия», придирались к нам за то, что корейцы стоят за корейскую революцию, пытались даже посягнуть на самостоятельность и суверенные права нашей национальной армии и попрать их. Впоследствии Коминтерн заявил, что борьба корейцев за корейскую революцию не противоречит принципу представительства одной партии от одной страны, и дал нам совет отделиться от Объединенных антияпонских войск и действовать самостоятельно. Но мы решили все оставить по-прежнему. Если мы отделимся от них, то это может привести к ослаблению поддержки со стороны китайского народа и создать неудобства для нашей деятельности. Разделить объединенные войска на национальные не желали и китайцы. С законной гордостью можем сказать, что сохраняемая ныне нами система объединенной армии, будучи продуктом кровных уз дружбы между соратниками Кореи и Китая в борьбе против общего врага, является образцом международных антиимпериалистических совместных действий. До тех пор, пока наше право на самостоятельность не подвергнется посягательству и пока китайцы не будут против, мы готовы и впредь сохранять эту систему. Мы хотим, если это возможно, сформировать объединенные антияпонские войска и с монгольской национальной армией, и с Советской Армией.

Выслушав мои объяснения, Пак Дар просиял. Его светлой улыбкой словно озарилась вся комната.

– Вот оно как! Зря мы падали духом. Если партизаны Полководца Кима – составная часть китайской армии, зачем же нам надеяться на них? Но теперь чувствую прилив новых сил.

– Если так, то и я рад. Кстати говоря, на КНРА можно надеяться. Японская армия хотя и могучая, но она отнюдь не является непобедимой. Мы хотим, опираясь на горы Пэкту, перенести арену войны за возрождение Родины в пределы Кореи. Освобождение Родины – дело времени. Мы накапливаем свои силы, чтобы добиться возрождения Родины своими собственными силами. Запомните: в составе этих сил есть и Капсанский комитет действия, возглавляемый вами, товарищ Пак Дар.

Следующей важной темой нашей беседы с Пак Даром был вопрос о нашей политике единого фронта и о Лиге возрождения Родины.

Пак Дар целиком и полностью поддерживал необходимость единого антияпонского национального фронта, все меры, направленные на его расширение, и генеральное направление Программы ЛВР из 10 пунктов. Он называл ЛВР крупномасштабной организацией, коренным образом отличающейся по высоте ее цели, универсальности и широте охвата сил от таких национальных организаций, бывшего детища левого и правого сотрудничества, как былые общество Синганхвэ и общество Кынухвэ.

Однако это не означало, что Пак Дар одобрял все наши меры и установки без исключения. Он придерживался иного, чем мы, мнения о названии ЛВР и по отдельным пунктам ее Программы.

– Мы, коммунисты, – говорил Пак Дар, – хотя и боремся за национальное освобождение, но наша конечная цель во всяком случае – построение коммунистического общества. Я твердо уверен в этом. Но когда посмотришь название ЛВР и ее Программу из 10 пунктов, то невольно возникает мысль: не отодвигают ли они далеко на задний план такое требование коммунистической программы и не отступают ли до рубежа национализма. Так сказать, не отказались ли от программы-максимум, выдвигая только программу-минимум?..

Казалось, Пак Дар опасался, как бы мы не подверглись критике за то, что, отказавшись якобы от конечной цели движения, перешли на какие-то оппортунистические позиции, взяли в движении компромиссный, реформистский курс, не ведя активных форм борьбы. И он тоже, видно, не освободился от догматического образа мышления, которого придерживался вначале «старик с трубкой».

И я ему говорил: «Революцию нельзя совершить силами одних нескольких коммунистов. Только всеобщая мобилизация широких слоев населения сделает нашу революцию победоносной. Как и вы знаете, под колониальным господством японского империализма в тиски гнета зажаты не только рабочие, крестьяне и коммунисты, но и вся нация. В этих условиях надо сплотить все силы, заинтересованные в независимости Кореи, в единый антияпонский национальный фронт. Хотя у вас другое мнение по поводу названия ЛВР, но это самое подходящее название, под которым можно сплачивать самые разные слои населения. Иные думают, что при

подборе названия организации обязательно следует сочетать с ним слово «революционный» или «красный». Но это не более чем отражение одной из сторон левого уклона. Мы включили слово «Родина» в название общенациональной организации единого фронта, чтобы ясно показать, что она не ограничивается какими-то одними классами или прослойками, что она и есть организация, защищающая интересы всей нации».

По словам Пак Дара, он часто встречается с людьми из районов Сончжина, Хаксона, Кильчжу, Танчхона, Пукчхона, обменивается с ними опытом. Они, кажется, ведут подпольную деятельность глупо и грубо. Возьмем, к примеру, Сончжин. Там в день весеннего праздника *тано* члены крестьянского союза идут на место национальной борьбы *сирым,* садятся в круг. Их головы повязаны, как всем заметно, красными платками. Так они обозначают свое отличие от неорганизованных масс. А если их сторона проигрывает в поединке по национальной борьбе *сирым,* то они всячески пытаются подавить противную сторону массовостью: один за другим выходят на состязание все новые борцы, независимо от того, будет победа или поражение. В случае, когда терпят поражение, они нарочно поднимают шум и спор на месте состязания, чтобы показать силу Красного крестьянского союза. Полицейские в штатском, сидящие на месте жюри, пользуются этим и вносят в черный список активистов крестьянского союза, чтобы потом арестовать их и обнаружить подпольные организации.

В то время в отдельных районах допускали ошибку левого уклона и в отношениях с обществом Хянгё. Это насыщенная феодальным духом организация местной знати. Она справляла поминки в день памяти Конфуция, основоположника конфуцианства. В этой организации назначали людей на почетные должности «чаньи» и «кёгам». При обмене приветами они соблюдали приличия: величали друг друга «господином чаньи», «господином кёгам». Нет сомнения в том, что это похвала и распространение феодальной конфуцианской морали и не следует широко поощрять ее. Но ведь нельзя же откровенно выступать против этой организации или, тем более, заявлять, что в одно прекрасное утро разгонят ее.

Однако некоторые молодые люди, отравленные угаром «левизны», совершали безумные поступки. Под предлогом борьбы против феодализма они спалили или разорвали дедовскую

выходную шляпу, за что навлекли на себя позор: старики били их курительными трубками. А потом разразился скандал. Старики шумели: «Коммунистические молодчики, мол, – это негодяи, не считаются с «тремя отношениями и пятью этическими нормами» и со старшими».

В этой мутной воде ловили рыбу лишь японские империалисты. Они велели и уездному начальнику участвовать в поминках, организуемых обществом Хянгё в день памяти Конфуция. Это они делали для того, чтобы показать: вот коммунисты против стариков, а японская управа – за них. Так же хитро использовали враги и местную организацию Хянгё против коммунистических сил.

– Еще раз повторяю, дело не в громозвучном названии со словами «красный» или «революционный». От этого не выиграет дело организации, и сама собой не обеспечивается ее революционность. Организации ЛВР могут быть созданы под различными названиями в соответствии с обстановкой в данной местности и степенью сознательности масс. Так, например, с учетом реальных условий рабочим следует создавать профсоюз, крестьянам – крестьянский союз, а молодежи – Антиимпериалистический союз молодежи или комсомол. Насколько нам известно, во многих районах в стране действует «желтая» организация – так называемое общество Чинхынхвэ, в котором состоит немало людей. Чтобы завоевать широкие слои населения, нужно проникнуть и в такие организации. А проникнув и повысив революционное сознание состоящих в них людей, думаю, можно постепенно изменить и характер этой организации в духе Учредительной декларации ЛВР. Главное не во внешней форме, а в содержании. Если дело пойдет на пользу нашей революции, не следует упираться в названия организаций, какими бы они ни были.

Выслушав меня, Пак Дар стал раскаиваться.

– Да, ваши слова вразумили меня. Действительно, проблема, кажется, в способах нашего движения.

Через Пак Дара я смог обнаружить пробелы и ограниченности мышления у борцов, действующих внутри страны. Самая большая ошибка в их мышлении и практике, если сказать коротко, заключалась в догматическом понимании коммунистического и националистического движений. Причем, последнее они отвергали, чуждались его. Подобные левацкие перегибы допускали все коммунисты-стиляги и начетнические приверженцы марксизма,

которые усваивали марксизм-ленинизм, «не переваривая» его, а лишь занимаясь внедрением зазубренного.

Я еще раз подчеркнул, что для коммунистов Кореи нет более высокой цели, чем национальное освобождение, что в отрыве от нации не может быть коммунистического движения, да и не нужно оно никому.

– В понятие нации, о чем мы говорим, входят не только рабочие и крестьяне, но и все слои населения, которые любят страну, любят нацию, любят творческий труд, любят будущее освобожденной Родины. Вот что является критерием всеобщей мобилизации нации, критерием приема в члены ЛВР. Руководствуясь этим критерием, мы должны мобилизовать всех без исключения людей, готовых к борьбе за свободу и независимость Кореи. Судьбу Кореи сможет спасти от гибели только всеобщая мобилизация нации на основе идей самостоятельности и независимости: ее нужно и можно добиться собственными силами нации, а не при опоре на чужие плечи.

Пак Дар допускал немало догматических ошибок в своем мышлении и практике, но, смело признавшись в своем догматизме, он чистосердечно принял наши установки.

Я предложил Пак Дару перестроить Капсанский комитет действия в подведомственную ЛВР организацию, а присвоить ей название – Союз национального освобождения Кореи (СНОК). Пак Дар с удовольствием согласился.

Мы долго обсуждали задачи СНОК по расширению в стране сети организаций ЛВР и конкретные пути их выполнения. Мы беседовали, согреваясь у разведенного на дворе костра. За время пребывания Пак Дара в тайном лагере мы с ним обсудили широкий круг вопросов: о расширении сети партийных организаций в стране, об оказании помощи бойцам КНРА, о проникновении во вражеские органы управления, об обеспечении безопасности революционеров, действующих в стране, о методах дальнейшей связи и явочных пунктах, паролях, связных и другом, – и пришли к полному взаимопониманию и единству мнений по всем обсуждавшимся проблемам.

Во время общения с Пак Даром его откровенность, простота и серьезность подхода к революции произвели на меня самое глубокое впечатление. Он принадлежал к таким людям, которые прямо говорят «да», если что-то понравилось, а если не

понравилось – «нет». Иные хотя и «против» в душе, но обычно вслух говорят «за»; то, что считают несправедливым, хвалят, оглядываясь на других и идя в ногу со временем.

Нам нужно много таких людей, которые способны прямо, в глаза, говорить правду, если даже это омрачит настроение собеседника, называть черное – черным, а белое – белым. Но, к сожалению, бывает и иначе. Находятся и люди, которые, улавливая настроение начальства, выдают белое за черное, а черное – за белое, а говорят – в зависимости от обстоятельств – и так и сяк, втираясь таким образом в доверие руководства. Это – не верный соратник, а лицемер. На языке у лицемера нет правды.

А вот Пак Дар откровенно говорил, когда что-то ему было не по душе. Собственно говоря, я целиком пленился таким его качеством. Привлекательное, думаю, рождается отнюдь не из сложности характера человека, не из ослепительной красоты, фразерства и напыщенности. Ядро человеческой обаятельности – простота, естественность, скромность и прямота характера.

Первый председатель Госплана КНДР Чон Чжун Тхэк был интеллигентом, родом из мелких собственников, кадровым работником, подвергавшимся долгие годы политическим преследованиям со стороны фракционеров. Мне он всегда говорил правду. Проводя в жизнь экономическую политику, он считал возможным только то, что возможно, а невозможное никогда не называл возможным. Если у него было опасение, что я буду иметь неправильное представление о производственных показателях на основе извращенного доклада, он приходил ко мне в рабочий кабинет, обязательно докладывал мне о действительном положении дел, если даже для этого ему приходилось ждать меня по четыре-пять часов. Благодаря его помощи я постоянно мог иметь правильное представление о положении дел в народном хозяйстве страны в целом, что давало возможность правильно руководить экономикой.

В старину, говорят, людей выдвигали, во-первых, по знатности рода, во-вторых, по бравой и красивой фигуре и физиономии, в-третьих, по умению говорить вежливо. Из-за этого любому простолюдину, невысокому ростом, не обладающему деликатными манерами и умением говорить, трудно было получить чин, даже лучше других сдав экзамены на государственную должность, какими способностями он ни обладал бы.

Мой дед по матери учил: «Людей надо подбирать не по родовитости и имуществу, не по внешности и манере говорить, а по их способностям и подготовленности».

Во время встречи с Пак Даром мне почему-то вспомнились эти слова деда по матери. Внешне Пак Дар выглядел простодушным, но душа его была кремень. Он был человек честный и откровенный, скромный, чуждый напыщенности и прикрашенности. Если говорить словами, которые в ходу у людей нашего времени, он был действительно человек, живущий в сердцах людей.

– Пусть меня разорвут на десять, на сто частей, но поверьте мне, я готов до конца делить судьбу с вами, дорогой Полководец, и бороться за возрождение Родины. Можете не беспокоиться о Партийном комитете действия в Корее и о Союзе национального освобождения Кореи.

С этими словами Пак Дар простился со мной. Надо ли говорить, что он, как и обещал, купил в селе Ли Чжэ Суна повозку бобов маньчжурского сорта для приготовления соевого соуса и, вернувшись, роздал их полицейским.

В январе 1937 года руководящий актив Капсанского комитета действия под председательством Пак Дара созвал совещание по вопросу о перестройке Капсанского комитета действия в Союз национального освобождения Кореи. На этом совещании Программа ЛВР из 10 пунктов была принята в качестве Программы СНОК. Попутно были обсуждены и меры по проведению в жизнь линии на создание единого антияпонского национального фронта.

Был также серьезно рассмотрен ряд текущих практических вопросов: о распространении сети организаций района Капсана на всю провинцию, а затем на всю страну; о строгом предостережении от появления любых проявлений фракционности в организации Союза; о соблюдении строгой секретности; о воспитании членов Союза; о выпуске печатного органа Союза и другом.

Реорганизация Капсанского комитета действия в Союз национального освобождения Кореи явилась новым историческим событием, имевшим исключительное значение в истории движения ЛВР: СНОК служил своего рода отправной базой для расширения сети организаций ЛВР в глубине территории Кореи.

С перестройкой ККД в СНОК произошли перемены в мышлении и подходе к работе у коммунистов района Капсана. Они помещали

в органе СНОК «Хвачжонмин» статьи, посвященные нашей линии, и распространяли его в подведомственных ему организациях. В районах провинций Южный и Северный Хамген, прежде всего в Капсане, наша линия и политические установки быстро доходили до людей, быстро создавались одна за другой низовые организации ЛВР. И невиданно мощным пламенем разгоралась борьба против японского империализма.

В мае 1937 года я снова повидался с Пак Даром. В связи с продвижением отряда Чвэ Хена в направлении Мусана исключительно суровое положение создалось в районе Капсана. В пограничных районах опять были расставлены кордоны так часто и жестко, что даже мышь не смогла бы проскользнуть сквозь них.

Но Пак Дар и на этот раз, ловко обведя вокруг пальца полицейских, легально покинул свое село и пришел к нам.

Мы долго вели беседу с ним о положении в стране и о ходе работы.

Все мы с большим удовлетворением слушали доклад Пак Дара о ходе движения в стране. Сеть организаций ЛВР расширялась быстро благодаря неутомимым усилиям передовых борцов СНОК. Выйдя уже далеко за пределы района Капсана и других районов нынешней провинции Рянган, она широко разветвлялась и по восточному побережью страны, в таких главных районах, как Сончжин, Кильчжу, Танчхон, Хонвон. И методы борьбы становились более проверенными жизнью.

Мы показали Пак Дару два ручных пулемета, отнятых у врага в боях. До сих пор перед моими глазами стоит его образ: как он тогда радовался, поглаживая эти пулеметы!

В ходе встреч с товарищами, действовавшими в стране, я ощущал один их недостаток: они все еще мыслили узко, не выходя в своем движении за собственные внутренние рамки, у них не хватало способности рассматривать дело шире и глубже, соотнося его с международным масштабом. Поэтому мне приходилось уделять им немало времени, пытаясь расширить их кругозор, научить их рассматривать проблемы корейской революции в свете международной обстановки, в которой она находилась, то есть во взаимосвязи с событиями, разыгрывающимися на международной арене, начиная с отношений с Коминтерном, компартиями Китая и Японии, другими организациями. Это было обязательное, необходимое дело и для того, чтобы они активнее вели свою деятельность внутри ртраны.

Международное положение в то время было весьма переменчивым.

В Европе была в разгаре испанская гражданская война, Африка бурлила вследствие оккупации Эфиопии Италией. В некотором смысле оккупация Эфиопии Италией, можно сказать, была более крупной проблемой, чем гражданская война в Испании. Гражданская война в Испании, несомненно, носила международный характер, но все-таки она оставалась событием в масштабе гражданской войны. А вот итальянская оккупация Эфиопии была агрессией большой державы против малой, слабой страны. И дело было в том, что такие державы, как Англия, Франция, поощряли это вооруженное нападение. В частности. Лига Наций не приняла никаких эффективных мер, беспрепятственно оставила Эфиопию в жертву агрессору.

Агрессия Японии в Маньчжурии и установление нацистской власти в Германии служили своего рода факторами той международной обстановки, которая давала Италии возможность совершить разбойническую и наглую агрессию. Гитлер, взяв власть в руки, принялся за строительство великой Германской империи. США, Англия, Франция и другие капиталистические державы хотя и выражали беспокойство по поводу утверждения гитлеровского режима, но в душе сочувствовали его антикоммунистической политике, снисходительно уступали ему во всем, надеясь использовать германский вермахт как защитную стену от коммунистических сил. Воодушевленная этим, фашистская Германия в январе 1935 года аннексировала Саар, а в марте того же года решила аннулировать военные статьи Версальского мирного договора. По Версальскому договору Германия обязывалась возместить союзникам огромные убытки от войны, ее вооруженные силы должны были быть сведены к 100-тысячной сухопутной армии. Германия лишалась права иметь на вооружении не только танки и самолеты, но и корабли водоизмещением свыше 1000 тонн. Односторонне аннулируя такие пункты договора, гитлеровская Германия объявила «Закон о формировании вермахта» – о введении всеобщей воинской обязанности и формировании 550-тысячной регулярной армии из 36 дивизий. Геринг официально объявил о создании ВВС Германии. Все эти акции германских нацистов послужили важным фактором, подстрекавшим и вдохновлявшим

Италию на открытое вооруженное вторжение.

Чтобы создать предлог для нападения, Италия провоцировала различные вооруженные столкновения против Эфиопии.

Крупное военное нападение Италии было, как говорится, на носу. В такой критической обстановке, будучи членом Лиги Наций, Эфиопия обратилась с жалобой в эту организацию. Но Лига Наций не обратила на это серьезного внимания. Англия и Франция, занимавшие ведущие места в Лиге Наций, не собирались мешать Италии приобретать колонии, лишь бы не затрагивались их собственные интересы. Эфиопия не раз требовала третейского разбирательства. Говорят, император Эфиопии на сессии Лиги Наций в Женеве со слезами на глазах обращался к ее участникам с просьбой помочь Эфиопии. Эфиопия направила послание и в США, не являвшиеся членом Лиги Наций, с просьбой использовать свое влияние. Однако и США, проводившие политику на основе «изоляционизма», введя «Закон о нейтралитете», оставались глухи и немы.

В октябре 1935 года Италия вторглась в Эфиопию без объявления войны.

Несмотря на ожесточенное сопротивление армии и народа, Эфиопия потерпела поражение.

Лига Наций не приняла никаких эффективных санкций в отношении Италии. Зная, что за кулисами формально объявленных экономических санкций Англия и Франция снабжали Италию оружием, Лига Наций закрывала глаза и на это. Все они были одного поля ягода.

Авторитет Лиги Наций резко упал.

Разумеется, нет ничего удивительного в том, что Лига Наций, неизменно служившая агрессивным орудием в руках империалистических держав, прислуживалась только сильным. С самого начала Лига Наций открыто выступала за передел колоний в форме «распределения мандатной территории», проводила открытую антисоветскую политику. Честные люди мира до сих пор живо помнят, с какой наглостью покровительствовала Лига Наций агрессии японского империализма в Маньчжурии. Ей не удавалось пресечь ни оккупацию Саара фашистской Германией, ни вооруженную интервенцию Германии и Италии в Испании. Она не осмеливалась даже выступить с заявлением протеста против агрессии в этих странах. Лига Наций, рожденная как

международная организация по сохранению мира во всем мире, попустительствовала и агрессивным действиям Германии против Австрии и Чехословакии, таким образом на деле помогала и вдохновляла Германию.

Резкий поворот в развитии международного положения, когда все более ужесточался натиск фашистских и милитаристских сил, и бессильное существование Лиги Наций давали коммунистам ясно понять, что борьбу за национальное освобождение во что бы то ни стало следует разворачивать самостоятельно, на основе своих собственных сил.

Когда мы снова встретились с Пак Даром, осуществление агрессии японских империалистов против Внутреннего Китая оставалось вопросом времени.

«События в Хуабэе» на деле превратили Хуабэй в мир японского империализма.

После «событий в Хуабэе» японские империалисты ускорили наращивание вооружений и военные приготовления. В августе 1936 года Кабинет Хирота утвердил основы государственной политики: Япония должна занять господствующее положение в Восточной Азии, расширив его до островов в экваториальной зоне Тихого океана. Это было одной из мер Японии по увеличению своей боевой мощи с тем, чтобы совершить тотальную агрессию против Китая, подготовиться к броску на север – против СССР и затем, улучив момент, продвинуться на юг.

Пак Дар и другие коммунисты из страны с большим вниманием относились к нашему анализу международного положения.

Предполагая, что японские империалисты скоро развяжут китайско-японскую войну, я поставил перед революционерами страны задачу – в соответствии с этим как следует сплотить силы и, искусно пользуясь создавшимся положением, развернуть еще более активную борьбу против японского империализма.

– Симптомы действий Японии, – говорил я Пак Дару, – необычные. Рано или поздно Япония развяжет более крупную войну в Китае. Это создаст благоприятную обстановку для нашей борьбы. Разумеется, Япония для ведения войны ужесточит и грабительство, выжимая соки из народа. Но в ее тылу возникнет много пустот. Чем шире развернется фронт Японии, тем больше будет у нас шансов для свободной, беспрепятственной деятельности в широком масштабе. Вот почему, товарищ Пак, вы

должны как следует подумать все, чтобы инициативно противостоять врагу в связи с новой обстановкой. Надо в полной мере привести в действие Союз национального освобождения Кореи, чтобы объединить вокруг него как можно больше антияпонски настроенных сил, тщательно подготовиться и к выступлениям, носящим повстанческий характер.

Перед возвращением Пак Дара из тайного лагеря я дал ему особое задание – составить карту-схему городка Почхонбо и послать ее к нам, разузнать состояние японской пограничной охраны и доложить во всех подробностях. Это задание Пак Дар выполнил со всей ответственностью. Составленная им карта-схема и сведения об охране явились значительным вкладом в обеспечение успеха рейда на Почхонбо.

На шестой день после боя в Почхонбо мы послали связного за Пак Даром. Но встретиться с ним не удалось: во главе части я поспешно отправился в сторону горы Цзяньсаньфэн. Получив сильный удар в Почхонбо, генерал-губернаторство в Корее созвало экстренное совещание, на котором было решено провести крупные карательные операции против нас объединенными силами Хамхынского 74-го полка и дислоцирующихся в уезде Чанбай частей японской армии и японской полиции в Корее.

В июле того же года я снова вызвал к себе Пак Дара. Но и на этот раз свидание с ним не состоялось: он был схвачен врагом. Ко мне пришел только Ли Бен Сон с вестью об аресте Пак Дара, он и доложил мне о состоянии революционного движения в стране.

Я обратился к Ли Бен Сону с просьбой установить связь между нами и коммунистами, действующими в районах Менчхона и Сончжина, попутно дал ему задание организовать производственный партизанский отряд в стране.

Задание, данное через Ли Бен Сона, дошло до Пак Дара после того, как он вышел из камеры предварительного заключения.

В июне 1938 года Пак Дар, говорят, более одного месяца находился в лесу Чанбая: бродил в поисках нашего отряда, чтобы получить от нас совет о том, как работать в трудных условиях, когда ужесточались репрессии над организациями в стране.

Я тогда действовал в направлении Линьцзяна и Мэнцзяна, поэтому весть об этом получил позже, когда прошло уже немало времени.

Японская полиция из кожи лезла вон, чтобы арестовать Пак Дара

и других представителей актива СНОК. Инспектор-кореец из Хесанской полиции Чвэ Рен, подняв на ноги всех полицейских в штатской одежде, отряд самообороны и пожарную команду, пустился в погоню за Пак Даром.

Пак Дар и Ким Чхоль Ок были арестованы соответственно в сентябре и октябре 1938 года по доносу Ким Чхан Ена, двоюродного брата Ким Чхоль Ока. После был схвачен и Ли Рён Сур (Ли Ген Бон).

Палачи подвергли Пак Дара не поддающимся человеческому воображению пыткам. Они хотели узнать наше местонахождение и список членов СНОК. Но никакие жестокие пытки не смогли сломить железную волю Пак Дара. Вначале враги приговорили его к смертной казни, но затем за недостаточностью улик заменили ее пожизненным заключением.

Тюремный застенок убийц безжалостно подорвал здоровье Пак Дара. У него был сломан позвоночник, раздроблены кости ног, но дух оставался неизменно непоколебимым. Будучи инвалидом, он переносил все и всякие мучения, какие наше подрастающее поколение не может даже представить. Он просидел в таком состоянии за решеткой семь-восемь лет, чудом оставшись в живых.

Однажды после освобождения страны мне доложили, что Пак Дар остался в живых, вышел из Содэмунской тюрьмы. Не вышел – его вынесли из тюремных ворот на носилках. Некоторое время он пробыл в Сеуле, за ним ухаживала его жена. Врачи поставили диагноз: миелит. Позднее доктор медицинских наук Чвэ Ын Сок осмотрел его и внес поправку: Пак Дар болел туберкулезом спинного мозга. Лежал он в палате клиники при Сеульском университете.

Я послал управляющего делами Временного народного комитета Северной Кореи в Сеул за Пак Даром, чтобы привезти его в Пхеньян. В былые дни Пак Дар был полон жизни и энергии. За одну ночь он был готов преодолеть сотни *ли,* был крепок и тверд, как береза. Но тот Пак Дар, что явился передо мной, принесенный на спине другого человека, был полным инвалидом и производил трагическое впечатление: парализована в результате пыток нижняя часть тела, сам – кожа да кости, ничего от прежнего облика. Его легкое тело, на котором кожа прилипла к костям, казалось совсем маленьким, чуть ли не величиной с кулак.

Несмотря на это, Пак Дар обнял меня обеими руками. Из его

глаз ручьями потекли слезы. Он говорил, что счастлив снова повидать меня, и теперь он может умереть спокойно. Врачи, осмотревшие Пак Дара, поставили диагноз, как смертный приговор. Ни один из врачей не взял на себя смелость сказать, что есть возможность спасти его. С самого выхода из тюрьмы за ним следовала тень смерти.

Я выбрал ему квартиру возле моей, принял тщательные меры, чтобы поднять его на ноги. Каких только прославленных целебных средств не применяли! Каких только знаменитых врачей не приглашали, чтобы лечить его! Каждый раз утром и вечером, выходя в рабочий кабинет и уходя из него, я осведомлялся о его здоровье. В каком-то году, точно не помню, говорили мне, что в Усанчжане города Нампхо есть молочная корова, и я велел принести ее, чтобы доили и снабжали Пак Дара молоком. После большой трехлетней войны в Чуыльском доме отдыха специально выделили ему «Угол Пак Дара» и лечили его. Каждый раз, когда проводилось санаторно-курортное лечение Пак Дара в Чуыре, мы выделяли самолет и доставляли ему из Пхеньяна любимые им овощи.

«Скорее бы вылечился и помог бы ему, дорогому Полководцу...» Мысль об этом постоянно беспокоила прикованного к постели Пак Дара. Он изо всех сил старался подняться, отряхнув от своих ног прах болезни. Но, несмотря на искренние усилия медработников, болезнь с каждым днем все осложнялась.

Не удивительно ли, что Пак Дар, несмотря на тяжелое состояние парализованного тела, постоянно думал о том, как внести свой вклад в дело партии и революции.

Думаю, это случилось в 1949 году. Тогда он лечился в Усанчжанском доме отдыха. Однажды он узнал, что насекомые-вредители и болезни наносят ущерб фруктовым садам близлежащего села из-за того, что на яблоки не надели конверты. Вместе с находившимися тогда в доме отдыха депутатами ВНС – уроженцами Южной Кореи и работниками дома отдыха он организовал изготовление конвертов для яблок. Сам Пак Дар, прикованный к постели, положив на грудь доску, тоже готовил конверты.

После войны, когда он лечился в Чуыре, был такой случай.

Однажды Пак Дар выехал на трехколесной коляске, присланной нами, в окрестное село. Там он узнал, что в колосьях много зерен

не налилось из-за того, что сеяли не те семена риса, которые были рекомендованы партией. Он послал к нам в конверте колос с неналитыми зернами и доложил, что аграрная политика партии претворяется в жизнь не так, как положено.

Получив его доклад, мы на одном из собраний раскритиковали местных работников. «Такой инвалид, как Пак Дар, прикованный к постели, – говорили мы им, – заметил, что политика партии не проводится как следует, и это сильно обеспокоило его. Об этом он доложил ЦК партии. А что же вы, местные работники, делаете? Вы даже не в курсе таких явлений!»

После этого председатель Северохамгенского провинциального комитета партии, говорят, посетил Пак Дара и просил прощения за свою оплошность.

Пак Дар понял, что он никогда не сможет подняться на ноги и ему осталось жить считанные дни. С тех пор он, прикованный к постели, начал писать произведения, посвященные воспитанию детей и молодежи.

Узнав об этом, я тут же посетил Пак Дара и уговаривал его, чтобы он не занимался таким непосильным трудом.

Тогда Пак Дар, твердо взяв меня за руки, сказал:

– До сих пор я не умер. Этим целиком обязан вам, дорогой Полководец. Хотя бы доля моего труда, пусть незначительная, пошла бы на пользу революции. Тогда, мне кажется, я проживу долго со спокойной душой. Я был захвачен японской полицией, не успев выполнить задание члена Партийного комитета действия в Корее и руководителя Союза национального освобождения Кореи. Теперь я стал калекой, дармоедом. Вот я и решил посвятить чему-то свои силы, хотя и небольшие. Хочу работать с тем же чувством, с каким я выполнял бы то незавершенное революционное задание, которое я получил в тот день. Очень прошу, чтобы вы не возражали. Островский был слеп,– продолжал Пак Дар, – и то он написал роман в пользу революции. А у меня-то все-таки остались глаза. Почему же мне нельзя писать? Писать-то могу. Не могу, конечно, создать шедевр: у меня нет писательского таланта.

Пользуясь помощью своей верной жены Хен Гым Сон, на всю оставшуюся жизнь сделавшейся его руками и ногами и медсестрой, и помощью медработников, он начал писать записки «Родина дороже жизни» и автобиографический роман «Заря», посвященный борьбе коммунистов района Капсана в годы антияпонской

революционной борьбы. Каждая фраза, написанная кровью его сердца, была преисполнена беззаветной верности делу революции, трогала заветные струны человеческой души.

Многочисленные читатели присылали в его адрес письма, в которых высказали свои впечатления от прочитанных книг, выражали благодарность. Пак Дар находил источник вдохновения в письмах читателей о том, что его книги стали дорогими спутницами их жизни, и писал рассказы один за другим.

Однажды он, измеряя койку линейкой, осматривал ее, а затем показал своей жене бумажку с написанными на ней цифрами.

– Смастерили бы мне стол по этим размерам, поставили бы его поперек койки, чтобы я мог писать, – сказал он жене.

Прошло несколько дней. По его просьбе столяр со всей тщательностью смастерил стол и прислал ему.

Поглаживая ножки стола, Пак Дар обратился к жене:

– Отлично сделано. Бережно храни его, женка. Немного передохну, а потом поставлю стол и начну писать.

Но Пак Дару ни разу не удалось писать за этим столом. Перестало биться его сердце, которое было преисполнено горячим чувством верности делу партии и революции, Родины и народа. Узнав о его кончине, вся страна была в глубокой скорби.

Мы созвали заседание Президиума ЦК партии в квартире Пак Дара (такого прецедента не было в нашей истории) и приняли решение организовать его похороны в государственном порядке.

Когда из помещения вынесли гроб с прахом покойника, я вышел вместе с ним. В минуты вечного прощания с ним мне хотелось проводить его в последний путь. Постоянно щемило душу сожаление о том, что при расставании с Пак Даром на горе Пэкту я не мог в ту пору проводить его далеко.

Сколько слез пролил я! До нитки промок мой платок. Я потерял аппетит, как и при утрате Ким Чака[17]. Если бы хоть разок шагнул он своими ногами по земле освобожденной Родины, то не ударила бы в мое сердце такая острая боль.

Позднее мы восстановили в первоначальном виде дом Пак Дара в селе Унхын уезда Почхон, где жил он до освобождения страны, воздвигли во дворе дома его бюст. Это, думаю, был первый в нашей стране из памятников, установленных в память революционеров.

Пак Дар был непреклонный борец. Лишившись крыльев в

схватке с врагом, он до последней минуты своей жизни оставался верным делу революции.

Действительно, Пак Дар был полноправный представитель революционеров в стране, первым осуществивший единство антияпонской вооруженной борьбы и революционной борьбы в стране в период после продвижения КНРА в горы Пэкту. Он был нашим уполномоченным в стране. Он сделал для нас полезного больше, чем кто-либо другой, и перенес больше мучений. Благодаря таким борцам, как Пак Дар, после освобождения страны нам удалось в столь сложной обстановке в короткие сроки создать партию и построить богатое и могучее суверенное, независимое государство.

2. Партийный комитет действия в Корее

Иметь свою собственную самостоятельную Коммунистическую партию – такова была неизменная мечта корейских революционеров. Это вошло в число важнейших стратегических задач, выдвинутых молодыми коммунистами нового поколения с самого начала антияпонской революционной борьбы.

Весь период антияпонской вооруженной борьбы мы претворяли в жизнь самостоятельный курс на строительство партии, направленный на расширение и укрепление низовых партийных организаций за счет лучших передовых борцов, закаленных и воспитанных революционной практикой.

КНРА, выполнявшая роль главной силы антияпонской революции, таковой была и в партийном строительстве – она отвечала за организационную и идеологическую подготовку к созданию партии. С возрастанием руководящих функций и роли Партийного комитета КНРА активно велось партийное строительство. Оно стало могучей движущей силой: надежно поддерживало вооруженную борьбу в политическом отношении, усиливало партийное руководство этой борьбой, укрепляло ее опору в массах и вело к великому подъему корейской революции в целом, прежде всего вооруженной борьбы.

Организационно-партийное строительство велось коммунистическим авангардом борцов – непосредственными участниками антияпонской вооруженной борьбы. Во второй половине 30-х годов оно как самое сильное, главное течение в коммунистическом движении в нашей стране носило явно ортодоксальный характер.

Наше партийное строительство с самого начала шло отнюдь не гладко, со сложными зигзагами. Это было связано со спецификой нашей революции, с трудностями, которые выявлялись в ходе ее осуществления.

В борьбе за создание своей партии корейским коммунистам приходилось испытывать мучительно тяжелые родовые муки. Им пришлось расплачиваться за это слишком дорого, идти в обход окольными путями, тогда как другие шли прямо. Мы должны были преодолевать не только те трудности, с которыми, как правило, сталкиваются все борцы сопротивления в колониальных странах

при попытках создать свои партии, но и иные испытания, страдания, которые не выпадают на долю коммунистов других стран. Это объяснялось нашими специфическими условиями, когда мы проживали в чужой стране, по чужим углам.

Как было уже упомянуто выше, в 1928 году Коминтерн, отменив признание Коммунистической партии Кореи, издал директиву – создать ее заново. Он потребовал от проживавших в Маньчжурии и Японии корейских коммунистов вступить в партии этих стран по принципу «одна страна, одна партия».

Одни приняли это указание как неизбежное веление судьбы, которое обязательно следует воспринять корейским коммунистам. Покорно повинуясь сложившейся ситуации, они выбрали пассивный путь – вступали в партию другой страны и ждали благоприятного времени, как у моря погоды. А другие, не скрывая недовольство субъективным решением Коминтерна, шли вопреки ему: не вставали на учет в партии другой страны и некоторое время по-прежнему продолжали свое движение. Однако все эти люди, действовавшие разрозненно, в силу инерции привычек, не могли долго так продержаться и в конце концов отказывались от избранного пути.

У коммунистов не исключается необходимость становиться временно членами партии другой страны. Коммунистическое движение – и национальное, и в то же время международное, оно предполагает классовую солидарность. Поэтому, с какой стороны ни суди, нет ничего странного в таких случаях, когда борцы, участники этого движения, каким бы ни было их гражданство, принадлежат к партийной организации другой страны.

Когда штаб-квартира Коминтерна была в Москве, находившиеся там многие руководители компартий и политические эмигранты разных стран, все без исключения, стояли на учете в своей партии и вместе с тем временно зарегистрировались в организациях Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и в ее рядах участвовали в партийной жизни.

Дело в том, что Коминтерн, лишив корейских коммунистов головной организации, поставил их в оскорбительное положение – униженно проживать по чужим углам. Вот почему с самого начала мы не считали решение Коминтерна справедливым. Но мы не перечили ему, не нервничали слишком, не впадали в отчаяние, отказываясь от самого движения. Считая меры Коминтерна

временными, мы сами неутомимо вели борьбу за создание партии нового типа своими собственными усилиями.

В рамках принципов Коминтерна мы постоянно изыскивали прежде всего пути, отвечающие конкретным условиям нашей революции, и готовились к созданию своей самостоятельной партии. Отправным пунктом в этой работе, можно сказать, явилась организация союза товарищей Консор, членами которого были передовые борцы Союза свержения империализма.

В первой половине 30-х годов, когда главные силы КНРА сражались в Восточной и Северной Маньчжурии, наши усилия, направленные на партийное строительство, далеко не всегда достигали глубинных территорий Кореи.

Правда, в то время нами уже были созданы несколько низовых партийных организаций в ряде мест страны – в Онсоне, Чонсоне и других районах бассейна реки Туман. Но основной ареной усилий коммунистов нового поколения по созданию партийных организаций оставалась Восточная Маньчжурия. Уделяя главное внимание укреплению Партийного комитета КНРА, мы поддерживали тесные связи с партийными организациями уездов Цзяньдао с тем, чтобы увеличить сеть наших парторганизаций, обучали и воспитывали активистов, которые были необходимы для создания в стране многочисленных партийных организаций.

В мае 1936 года состоялось Дунганское совещание. На нем был глубоко рассмотрен курс на партийное строительство согласно духу Наньхутоуского совещания. Тогда же были обсуждены соответствующие меры по проведению в жизнь этого курса. Речь шла о том, чтобы активно закладывать организационные и идеологические основы для создания партии в Корее. Были обсуждены также меры для выполнения поставленной задачи – организация Партийного комитета действия в Корее, расширение авангардной парторганизации за счет актива – участников революционной борьбы. Тогда же, на совещании, было подчеркнуто, главным образом, то, что организационно-партийное строительство не следует ограничивать рамками одних только партизанских отрядов; не следует считать его ареной только районы Северо-Востока Китая; надо закладывать организационную и идеологическую основу для создания партии и в глубине территории Кореи; до того времени низовые партийные организации были созданы лишь в отдельных районах на берегу

реки Туман вдоль пограничной линии, а отныне их надо создавать в обширных районах внутри Кореи; для осуществления единого руководства работой по подготовке к созданию партии в стране следует организовать Партийный комитет действия в Корее.

Необходимость этого комитета была очевидна и в плане усиления партийного руководства движением за создание единого антияпонского национального фронта, которое будет принимать все более широкий размах по всей стране.

Такова была его важная миссия. Для того, чтобы создать комитет в соответствии с реальными условиями, надо было честно, искренне обменяться мнениями с работающими в стране коммунистами, знающими, как свои пять пальцев, положение в Корее.

Приход Пак Дара в наш тайный лагерь давал нам хороший шанс для такого обмена мнениями. Организационно-партийное строительство – вот что было одной из важнейших тем нашей беседы с Пак Даром.

После обсуждения вопроса о Лиге возрождения Родины мы с Пак Даром всерьез обсудили все то, что касалось создания партийных организаций в Корее. Беседа наша продолжалась полдня.

Когда я затронул вопрос о создании в Корее не только организаций ЛВР, но и организаций Коммунистической партии, Пак Дар искренне удивился: «Какая же организация Коммунистической партии имеется в виду?»

Я счел его вопрос естественным. Казалось бы, он не верил своим ушам с явным сомнением: «Вы, значит, решили создать организацию Коммунистической партии в такой стране, где не существует Компартия. В такой стране, где все попытки восстановить партию лопнули, как мыльный пузырь, и где полные слез старания и страсть борцов, посвятивших все свои силы этому делу, оказались горькими воспоминаниями за решеткой. В такой стране, где давно запрещена свобода союзов и организаций. В чем ваша концепция?»

Я ответил, что решил создать организацию нашей Компартии, компартии Кореи. Он повторно спросил:

– Что думает Коминтерн насчет создания организации Компартии в Корее? Кстати сказать, позволил ли это Коминтерн?

– Это дело наше. К чему тут позволение Коминтерна? Думаю, не обязательно нам знать мнение Коминтерна о возможностях создания в стране нашей партийной организации.

Пак Дар с недоверием покачивал головой:

– Все коммунистические партии разных стран, – говорил он, – секции Коминтерна, они должны находиться под его руководством и контролем. Как же нам можно без разрешения Коминтерна, по своему усмотрению создать свою партийную организацию? Допустит ли Коминтерн такое самоуправство?

Пак Дар, по всей вероятности, все еще находился в плену догматического образа мышления.

– Революцию вообще делают по своему собственному желанию, а не по чьему-либо указанию, не с чьего-либо согласия. Скажите, пожалуйста, товарищ Пак Дар, вы делаете революцию с чьего-либо согласия? Вы создали Капсанский комитет действия с чьего-то разрешения?

– Нет.

– К вам еще один вопрос. Когда К. Маркс создавал Союз коммунистов, получил ли он чье-то разрешение? А когда В. И. Ленин создавал партию большевиков?..

Пак Дар лишился дара речи. Он не мог дать никакого ответа.

– Маркс и Ленин создали партии без чьего-либо разрешения. А почему нам нельзя так поступать? Еще в своих Декабрьских тезисах 1928 года Коминтерн выдвинул перед корейскими коммунистами задачу по реконструкции партии. И решили мы создать в стране нашу партийную организацию именно так, как указано в тезисах. Кто смеет критиковать нас за это? Коминтерн? Нет, он не вправе критиковать. Вообще в этом деле и говорить нечего о каком-то признании или утверждении. Это от начала до конца вопрос о суверенных правах корейских коммунистов. Свое семейное дело мы должны решить сами. Надо ли спрашивать посторонних, как поступать в своей семье? Хозяевами корейской революции во всяком случае являемся мы сами!

Лишь тогда Пак Дар, признавая свою близорукость, стал ахтивно одобрять нашу позицию, наше предложение.

– Каким глупым я был! Я никогда не думал, что мы сами являемся хозяевами корейской революции, а думал, что по директивам Коминтерна должны вестись революции во всех странах. Позволительно ли спросить. Полководец, если будут созданы партийные организации в Корее, то к какой вышестоящей организации они будут принадлежать? Кто будет руководить ими?

– Партийные организации внутри страны будут принадлежать к Партийному комитету КНРА, действовать под его руководством. В нынешних специфических условиях, когда нет Коммунистической партии в Корее, Партийный комитет КНРА играет роль штаба, который выполняет руководящие функции в отношении корейской революции в целом. Его работа ведется под надежной вооруженной охраной. Варварский жандармско-полицейский режим японского империализма полностью лишил возможности возродить партию в Корее. Большинство борцов, которые хлопотали о возрождении партии, ныне сидят за решеткой. Только Партийный комитет КНРА не попал в лапы противника: его надежно охраняют вооруженные силы. Вот почему он выполняет функции руководства корейской революцией в целом. На него возложена роль штаба корейской революции. Это закономерный результат развития коммунистического движения в нашей стране. История велит нам выполнять такую миссию. Партийный комитет действия в Корее, который мы создадим в дальнейшем, будет также под военным покровительством КНРА.

– Теперь у меня вопросов нет, – улыбнулся Пак Дар. Мы тут же перешли к обсуждению практической стороны дела, связанного с организацией Партийного комитета действия в Корее. И началось оно с вопросов Пак Дара. Казалось, он всегда сперва спрашивает, а затем вмешивается в спор.

– Ныне внутри страны разгорелась полемика: что следует создать в первую очередь: партию или массовые организации? Хамхынцы заявляют: поставить во главу угла партийное строительство; а танчхонцы и хонвонцы против. Они стоят на своем: в первую очередь создать массовые организации, проводить практическую борьбу, только тогда можно создать партию.

– Товарищ Пак Дар, каково ваше мнение?

– У меня нет никакого своего мнения. Если следовать общепринятым суждениям, кажется, надо создать в первую очередь партию, но... и в этом у меня нет полной уверенности.

Исток вышеупомянутой полемики Пак Дар видел в Декабрьских тезисах Коминтерна. Точное их название – «Тезисы по задачам корейских крестьян и рабочих». В них Коминтерн требовал от корейских коммунистов развернуть активную деятельность среди рабочих и крестьянских организаций, приложить усилия для

завоевания борцов в новых и старых формированиях национального освобождения, в том числе в обществе Синганхвэ, сосредоточить все внимание на приоритете идейной сплоченности партии, пустить в ход все средства, чтобы как можно скорее реорганизовать Компартию Кореи и способствовать ее укреплению и развитию. Однако некоторые коммунисты понимали эти тезисы по-другому – они считали, что будто в них одновременно выдвигается партийное строительство и задача по созданию массовых организаций. Потому и возникали недоразумения в толковании этого документа.

– На мой взгляд, это не может служить предметом обсуждения. Очередность-то зависит от конкретных условий и обстоятельств. При чем тут Декабрьские тезисы? В зависимости от обстоятельств: где можно создавать в первую очередь партийную организацию, там и надо создавать ее первым делом, а где целесообразнее создать в первую очередь массовые организации, там следует так и сделать. Не так ли? Будь хотя бы три человека, достойных стать членами партии, уже можно создать группу коммунистов. Но если не найдется ни одного человека, достойного стать коммунистом, можно сперва создать массовые организации и подготовить в них коммунистов, а затем создать из них партийную организацию. Разумеется, эти два понятия – партия и массовая организация – взаимно связаны. Не следует рассматривать их, искусственно отделяя друг от друга. Но какой бы ни была очередность, коммунистам не следует забывать, что надо прилагать все усилия к воспитанию резерва партии среди масс. Если есть передовые борцы, достойные стать членами партии, в любое время можно создавать партийную организацию.

Пак Дар спрашивал, какую функцию обязан выполнять в будущем Партийный комитет действия в Корее, который я намерен создать. Я объяснил ему во всех подробностях:

– Партийный комитет действия в Корее – это региональный руководящий орган. Он призван руководить в едином порядке революционной борьбой в стране, отвечать за создание там партийных организаций. Внутри страны нет такого штаба, который выполнял бы единую руководящую функцию. Из-за этого ныне движение в Корее страдает двумя гибельными недостатками: раздробленностью и стихийностью. Чтобы объединить разрозненно действующих в Корее патриотов и коммунистов, установить между

ними прямые связи, необходимо иметь способный к этому делу руководящий орган. Таковым и станет Партийный комитет действия в Корее. Если создастся этот комитет, то мы хотим включить в него вас, товарищ Пак Дар. Вы будете выполнять роль уполномоченного в Корее, посланного этим комитетом. Неплохо было бы нам непосредственно встречаться со всеми борцами, порознь действующими в различных районах страны. Но пока у нас нет для этого времени. По моему мнению, вам следовало бы, вернувшись, встречаться с участниками движения, в первую очередь, в провинциях Северный и Южный Хамген и других районах страны и вести подготовку к объединению этих товарищей в партийную организацию внутри страны...

Лицо моего собеседника сделалось серьезным.

– Это уж слишком большое доверие. Не знаю, достоин ли я его. У меня ведь немало недочетов.

Откровенная исповедь Пак Дара еще более укрепила мое доверие к нему.

В то время мы созвали заседание Партийного комитета КНРА, на котором и был образован Партийный комитет действия в Корее. Его руководителем избрали меня, а членами – Ким Пхена и Пак Дара. Являясь посланцем этого комитета на месте, Пак Дар был обязан ведать организационно-партийным строительством в Капсане и в ряде других районов страны.

Пак Дар поддержал нашу методологию, суть которой – прежде всего создать в Корее низовые партийные организации и на этой основе организовать в дальнейшем центральный орган и провозгласить о рождении партии.

После заседания Пак Дар обратился с просьбой рассказать все, если у нас замечания в методах работы участников движения в стране, поведать обо всем, что может оказаться поучительным для них.

Я высказал ему свое мнение: прежде всего, на мой взгляд, следовало бы изжить «эмигрантский» метод работы.

– Что касается деятельности товарищей в стране, то можно увидеть, что работают они по-эмигрантски. Это не пойдет на пользу, принесет только вред. Днем они укрываются в лесу, а ночью выходят из него втихомолку и встречаются с людьми украдкой. Члены организации избегают встреч – боятся вражеской слежки. Таким «эмигрантским» методом нельзя расширять

организацию. Те, кто действует в подполье в тылу врага, должны участвовать в производстве, иметь максимальную возможность для легальной деятельности. Надо немедленно бросить «эмигрантский» метод работы.

От моих слов на лице у Пак Дара стала пробиваться краска.

– Собственно говоря, я тоже работал по-эмигрантски. Мы думали только об одном – как пойти на прямые столкновения, но не додумались, что надо уметь ходить и в обход.

Официальный разговор между нами перешел на житейские тропки.

Я спросил его:

– Не скажете ли мне, почему вы, товарищ Пак Дар, не любя старых обычаев, тем не менее ходите с наголо остриженной головой, как монах, когда все любят щеголять в модных нарядах, в кожаной обуви, с тростью и стригутся подпольку?

Вот что Пак Дар рассказал о своей приверженности к стрижке наголо. Когда он развертывал профсоюзное движение, его схватили полицейские и приволокли в участок. Там, схватив за волосы, били его головой об стену. Когда ему удалось освободиться, он решил, вспоминая о том избиении, совсем «скосить» волосы. Этот его «сенокос» показался мне весьма находчивым поступком. Пак Дар сказал, что если я велю, то он готов отрастить волосы или постричься коротко.

– Не надо. Это вы делали по необходимости, нет надобности теперь восстанавливать прежнее.

– Если вы, Полководец, не против, то оставлю голову мою остриженной. Кто знает, не попаду ли я еще в полицейские лапы.

И на самом деле после этого Пак Дар не раз подвергался пыткам в полицейских участках, в тюрьме.

Я спросил, нет ли у него желания сдать экзамен на полицейского, если это будет полезным делу революции. Его глаза полезли на лоб. Растерянный, он посмотрел на меня:

– Значит, хотите из меня сделать полицейского? Так понять?

– Если революция велит, надо уметь перевоплотиться и в полицейского. Но я не думаю преображать вас в полицейского. Ходить или не ходить в полицейской фуражке – ваша воля. Достаточно будет, если сумеете войти в доверие в полицейском участке.

Пак Дар удовлетворенно улыбнулся:

– Вообще-то я имею близкую связь с полицейскими, но не додумался до сдачи экзамена на полицейского. Возвратившись, попробую сделать его.

Весной следующего года Пак Дар действительно сдал экзамен на полицейского. Перед этим Пак Дар, встретившись с начальником полицейского участка, льстиво обратился к нему:

– Господин начальник! Я тоже хочу стать полицейским. Как вы думаете? Достоин ли я стать полицейским?

Не на шутку обрадованный такими словами, начальник участка вскочил с места:

– Это ты правду говоришь?

– А как же! Не поверите ли? Ой, как хочется стать полицейским! Потому и обратился к вам, господин начальник участка.

– Ты вполне достоин, даже, как говорится, с лихвой. Если тебе повезет, сможешь стать и начальником этого участка.

– Что вы? Мне занять ваше место? Такого неприличного быть не может!

– Нет. Пусть меня освободят от этой должности, но ничего страшного. Если такой, как ты, Пак Дар, переродившись, желает стать верноподданным Японской империи, то я с удовольствием оставлю свою должность во имя великой Японской империи. Желание твое благородное! Скорее сдавай экзамен на полицейского.

Широко распространяя слухи о том, что он хочет стать полицейским, Пак Дар, не стесняясь, сдал положенный экзамен. Ответы на вопросы он писал не всегда верно, так что сдавал экзамен, но не выдержал. Пак Дар искусно играл свою роль по нашему сценарию. И японцы вписали в секретный документ о его биографии одну строку: «В марте 12-го года Сёва (1937 г.) он вызвался стать полицейским в провинции Южный Хамген, сдал экзамен в Капсанском отделении, но провалился».

В связи со сдачей экзамена на полицейского Пак Дар снискал себе большое доверие у японцев. Полицейский по фамилии Ким из тамошнего участка не раз ручался за его характеристику, приняв его за «хорошего человека», сдавшего даже экзамен на полицейского. Так Пак Дар, стоя за спиной полицейских и проявляя показную лояльность, делал все, что хотел.

Создание Партийного комитета действия в Корее имело

поистине историческое значение: появилась возможность слеовать выдвинутому нами самостоятельному курсу на создание партии и энергично развивать организационно-партийное строительство внутри страны.

Это было не простое продолжение или повторение движения за восстановление партии, которое развертывалось в разных направлениях после роспуска Коммунистической партии Кореи. Организационно-партийное строительство в стране, проводившееся под руководством Партийного комитета действия в Корее, было от начала до конца самостоятельным движением за возрождение партии, борьбой за строительство партийных организаций. Оно существенным образом отличалось от мероприятий по восстановлению партии, непосредственно организованных Коминтерном, или от того процесса восстановления партии, которого хотел добиться Профинтерн в ходе движения красных профсоюзов.

Начиная с 30-х годов, Коминтерн стал уделять определенное внимание национально-освободительной борьбе в Корее, в частности, движению за восстановление партии. Это было связано с тем, что на Дальнем Востоке японский милитаризм с каждым днем все укреплялся и становился не менее опасным, чем фашизм в Европе.

В Коминтерне О. В. Куусинен и другие лица высказывали свои мнения о путях восстановления Компартии в Корее. Типичным из них было предложение организовать Национально-революционную партию Кореи (НРПК). Об этом речь шла после VII конгресса Коминтерна. Более подробное освещение мнения Коминтерна об организации НРПК, призванной развернуть борьбу против японского империализма в Корее, считаю, было дано в статье Ян Суна о едином антиимпериалистическом фронте в Маньчжурии, опубликованной на страницах журнала «Коммунистический Интернационал».

Нынешние обстоятельства в Цзяньдао, говорилось в статье, требуют принять в партию как можно больше представителей революционно настроенных рабочих и крестьян Китая и Кореи для пополнения и расширения организаций Компартии Китая и вместе с тем создать НРПК, важнейшей задачей которой должна быть борьба против японского империализма, за национальную независимость Кореи. Основать эту новую партию должны коммунисты. Эта партия по своему характеру должна стать партией единого антияпонского фронта.

Такие утверждения, можно сказать, представляли мнение Коминтерна и китайских партийных работников, находившихся в то время в Коминтерне.

Однако мы проблемы организационно-партийного строительства и создания единого фронта в Корее разрешили по своему разумению в соответствии со своими убеждениями.

Эти два вопроса решались одновременно. Однако мы не ставили их на одну доску: партия отнюдь не представляет единый фронт, а организация единого фронта не может быть партией.

В то время некоторые участники движения за независимость стремились создать политическую организацию, подобную Гоминьдану в Китае, охватывающую все – и левые, и правые – политические силы под вывеской единой национальной партии.

Создав Партийный комитет действия в Корее, мы продвигали вперед дело организационно-партийного строительства. Вместе с тем мы добились великой консолидации всей нации путем создания Лиги возрождения Родины как организации единого антияпонского национального фронта.

Разумеется, Коминтерн до этого времени предпринимал разнообразные попытки восстановить партию в Корее.

Так, бюро Профинтерна, находившегося под руководством Коминтерна, в сентябре 1930 года опубликовало «Тезисы по задачам революционного профсоюзного движения в Корее» («Сентябрьские тезисы»). В них в качестве необходимого условия для восстановления Компартии выдвигался вопрос об организации революционного профсоюза. Корейские коммунисты, руковод-ствуясь именно этими тезисами, многое делали для создания революционного профсоюза (Красный профсоюз) и, считая его массовой опорой, проводили работу по восстановлению Компартии.

В октябре следующего года Секретариат Пантихоокеанских профсоюзов в Шанхае, подведомственных Профинтерну, опубликовал «Экстренное воззвание к корейским сторонникам Секретариата Пантихоокеанских профсоюзов», известное как «Октябрьское послание Пантихоокеанских профсоюзов». В нем содержался призыв организовать революционный профсоюз и, сделав его массовой опорой, восстановить Компартию.

Такие документы организаций Профинтерна вместе с «Ре-

комендацией по коммунистическому движению в Корее», известной как «Рекомендацией О. В. Куусинена из Исполкома Коминтерна от мая 1931 года», своим содержанием непосредственно связаны с проблемами восстановления Компартии в Корее.

В июне 1934 года в Москве от имени группы инициаторов Компартии Кореи была обнародована «Программа действия Коммунистической партии Кореи». И это тоже следует рассматривать как часть усилий, направленных на восстановление Компартии в Корее.

И в условиях, когда продолжалось жестокое колониальное господство японского империализма над корейским народом и когда все более ужесточались репрессии против революционного движения, коммунисты в стране упорно разворачивали в той или иной форме движение за восстановление партии. Некоторыми примерами такого движения, разгоравшегося в те годы в разных районах страны, служат случаи с Компартией в провинциях Северный и Южный Хамген, с организацией Союза коммунистов Кореи, с совещанием по информированию Коминтерна Кореей о восстановлении Компартии Кореи, с подготовительным комитетом по восстановлению Компартии Кореи и тому подобное.

Движение за восстановление партии развертывалось, базируясь и на Китай.

Фракции Эмэльпха и Сосанпха развертывали движение за восстановление партии, главным образом, в районе Гирина в Китае. Для этого были созданы Подготовительный комитет по восстановлению партии, Центральный совет кадров по реорганизации партии, Союз восстановления партии, Комитет по восстановлению и упорядочению партии.

И в Японии имело место подобное движение, опорным пунктом которого был Токио.

Составной частью движения за восстановление партии можно считать и движение за создание красных профсоюзов, красных крестьянских союзов, набиравшее силу по всей стране с конца 20-х до середины 30-х годов. Основной целью деятельности красных профсоюзов и красных крестьянских союзов, переходивших от первоначальной легальной формы работы к нелегальной, подпольной, было восстановление Компартии.

Однако надо сказать о том, что движение за восстановление партии в стране и за ее рубежом ограничивалось лишь усилиями

верхушки. В большинстве своем оно не выходило далеко за пределы устаревшей готовой формы движения, низкопоклоннических тенденций и фракционных концепций. Несмотря на эту ограниченность, мы, основываясь на ранее достигнутых успехах движения за восстановление партии, старались создать в стране партийные организации нового типа. Иначе говоря, большие усилия были направлены на поиски нитей красных профсоюзов и крестьянских союзов прошлых дней и на формирование в них наших партийных ячеек.

В последней декаде мая 1937 года мы созвали на Пэктусанской опорной базе второе заседание Партийного комитета действия в Корее. На нем были приняты меры, способствующие дальнейшей активизации его функций, роли и руководства организационно-партийным строительством и революционным движением в Корее. На заседании были подведены итоги организационно-партийного строительства после создания этого комитета, основательно рассмотрены задачи и пути будущей деятельности в этой области.

Тогда я особо подчеркивал необходимость борьбы против низкопоклонства и догматизма в ходе организационно-партийного строительства и в партийной жизни, выдвинул ряд мер для вовлечения разобщенно действующих внутри страны коммунистов в партийные и другие революционные организации, для установления стройной организационно-инструкторской системы партии, соответствующей требованиям реальных условий, когда растут партийные организации.

Меры, обсужденные и принятые на этом заседании, служили своего рода направляющими вехами на пути активного продвижения КНРА в пределы Кореи, ускорения организационно-партийного строительства и развития революционной борьбы в стране.

После этого мы посылали в пределы страны группы политработников с тем, чтобы они помогали на местах партийной работе. Так, летом и осенью 1937 года в разные районы северной части Кореи были направлены группы политработников. В их составе были член Партийного комитета действия в Корее Ким Пхен, а также Квон Ен Бек, Чон Иль Гвон, Ким Чжу Хен, Ма Дон Хи, Ким Чен Сук, Пэк Ен Чхор, Ли Дон Хак, Чвэ Ген Хва, Ким Ун Син, Ли Чхан Сон, Ли Ген Ун, Ли Бен Сон и другие. Они занимались там организационно-партийным строительством и проводили работу с

массами. Их называли северокорейской политгруппой. Превращая северные районы Кореи в революционные, она непосредственно содействовала ходу организационно-партийного строительства в стране.

Мы распределили между членами группы участки политической работы. Тогда их называли и политучастками. Их определяли по номерам: №1, №2, №3, №4, №5. Масштабы участков прикидывал главным образом Ким Пхен после обсуждения с нами. Они начинались с побережья Восточного моря и кончались побережьем Западного. Соответствующей была и нумерация.

Члены северокорейской политгруппы могли вести организационно-политическую работу непосредственно сами на порученных им участках или косвенно – направляя туда подготовленных ими лучших подпольщиков.

Одно из звеньев группы во главе с Ли Дон Хаком в начале 1937 года, пользуясь помощью Ли Чжэ Суна, работало в селах волости Унхын уезда Капсан. Это было необходимо для создания благоприятных условий закладки фундамента партийного строительства в стране. Там были распространены сотни листов декретов, прокламаций, проникнутых антияпонскими патриотическими идеями, идеями борьбы за независимость Кореи. Члены звена проводили массовую пропагандистскую работу, а затем молниеносно возвращались в свою группу.

Звенья Ма Дон Хи и Чи Тхэ Хвана, которые отвечали за район уезда Самсу, проникали одно за другим в пределы Кореи, оперативно и умело развертывали политическую работу, что способствовало пробуждению населения района Ренбук.

Мы послали к Пак Дару юного связного, чтобы облегчить его работу. Это был Сон Чжан Бок.

Я говорил ему: «Проберешься внутрь страны, зарегистрируйся в подворных списках японской управы и действуй как уроженец Кореи».

Пак Дар вместе с Сон Чжан Боком пошел в полицейский участок и, встретившись с начальником, лукаво обратился к нему:

– Господин начальник, благословите меня!

Ошеломленный от неожиданности, он смотрел попеременно – то на Пак Дара, то на Сон Чжан Бока. После сдачи Пак Даром экзамена на полицейского начальник с необычной добротой относился к нему.

– Видать, тебе судьба улыбнулась?

– Еще бы! Видали, с неба свалился братишка мой.

Стоявший за спиной Пак Дара Сон Чжан Бок, смущаясь, не решался выйти. А Пак Дар, выставив его напоказ, стал шуметь на весь участок:

– Я всегда жаловался на судьбу, что у меня нет братишки. Вот отец мой помог, и сбылась моя мечта.

– Тогда, значит, этот парень названый братишка? Видать, его привел отец?

– Какой названый братишка! Он же единокровный! Когда отец был в Кильчжу, завел роман с одной женщиной, и родился мальчик. После смерти матери мальчик остался круглым сиротой, колесил по стране. Услышал, что живет в Капсане его единокровный старший брат, и пришел ко мне. Я решил оставить его на своем попечении.

– Ничего себе твой отец, жить умеет, коль он сработал такого сына!

От этих слов начальника полицейские так громко расхохотались, что чуть не растрясли весь участок. Настроение у начальника было веселое, и он без придирок оформил парня в подворных списках.

Пак Дар зарегистрировал Сон Чжан Бока под именем Пак Ен Док. С тех пор Сон Чжан Бок начал подпольную деятельность.

Однако спустя несколько дней произошла нелепая неожиданность, причинившая капсанской подпольной организации неприятности.

На один из крестьянских дворов села Тэчжун волости Унхын уезда Капсан напал разбойник и похитил 20 *вон*. Чтобы скрыть свой преступный след, бандит выдал себя за «горца». В то время партизана называли «горцем», а партизана-подпольщика – «человеком с гор».

В это самое время Пак Дар находился в селе Тэчжун, чтобы руководить работой низовой организации ЛВР. И случилось так, что его пребывание совпало по времени с нападением разбойника. Из-за этой случайности Пак Дар был задержан полицией по подозрению в том, что он «человек с гор». Полицейские знали, что Пак Дара навещает Ли Бен Сон из Кильчжу, и хотели арестовать и его, но того не было, и их попытки были тщетны.

Ли Бен Сон, замешанный в дело с Красным крестьянским союзом в Кильчжу, в предыдущем году вместе с Ким Ен Гуком переселился в Капсан. Ким Ен Гук вступил в партизанский отряд.

После этого Ли Бен Сон, приписанный к одной из лесоразработок волости Почхон, руководил там организациями Союза национального освобождения Кореи. В тот день японская полиция, приняв Сон Чжан Бока в доме Пак Дара за Ли Бен Сона, налетела и на него, но, узнав, что по возрасту он не походит на Ли Бен Сона, возвратилась ни с чем.

В то время мы посылали многочисленных подпольщиков в Чанбай и в Корею. Но, увы, одних бойцов КНРА было явно недостаточно. Чтобы удовлетворить потребность в подпольщиках, надо было иметь, по меньшей мере, целый полк политработников! Но партизаны не могли заниматься одними лишь политическими делами, отложив в сторону боевые действия. Поэтому мы отбирали и посылали внутрь страны членов подпольных организаций района Чанбая, имевших богатый опыт политической работы, а также других подготовленных товарищей, которые в прошлые годы много лет работали с массами, будучи членами революционных организаций, в районах Восточной Маньчжурии. Одновременно с этим много подпольщиков, пользуясь связями Ли Чжэ Суна, было послано внутрь страны организацией ЛВР уезда Чанбай.

Об отправке подпольщиков заботился в основном Ким Пхен, член Партийного комитета действия в Корее. Он в то время был в должности комиссара 7-го полка. Способный военно-политический работник, он в командовании КНРА был ответственным за деятельность в тылу врага, за его плечами имелся богатый опыт подпольной работы. Он оказывал мне в работе большую помощь не только в первой половине, но и во второй половине 30-х годов. Ким Пхен был один из тех военных и политических работников, кого я больше всего ценил и кому больше всего доверял в годы антияпонской революции.

К сожалению, впоследствии он по доносу изменника был арестован и замучен врагами. Более того, было брошено бесчестное пятно и на его политическое лицо. Но он неизменно оставался верным нам. Ким Пхен занимался многими делами в командовании и Партийном комитете КНРА, непосредственно организовывал работу, когда мы, укрепляя связь с революционерами в стране, переносили арену вооруженной борьбы на территорию Кореи и активно вели подготовку к всенародному сопротивлению. Поэтому он знал больше, чем кто-либо другой, о событиях тех дней. Только

ему одному были известны многие факты, связанные с военными проблемами и, в частности, с политической деятельностью, которая протекала секретно.

Все подробности, события, даты, которые он вспомнил, были в основном точными. Думаю, его записи внесли большой вклад в освещение революционной истории нашей партии. Конечно, лучше, если бы он оставался до конца в партизанском отряде и встретил день освобождения Родины. И поныне я не могу забыть Ким Пхена, который в пэктусанские годы верой и правдой помогал мне в работе.

Подпольщики, посланные внутрь страны, проникнув в структуры профсоюзов, крестьянских союзов и других прежних организаций и отдельных групп коммунистов, отдавали весь пыл своих сердец организационно-партийному строительству, расширению сети организаций ЛВР.

Благодаря их кипучей деятельности «пэктусанский ветер» с неодолимой силой проникал в гущу народных масс Кореи. Под влиянием подпольщиков наши соотечественники в стране имели правильное представление о КНРА. Многие приходили в горы Пэкту, чтобы вступить в Народно-революционную армию.

В качестве одной из мер организационно-партийного строительства в Корее мы также создали партийную группу в стране из лучших товарищей, прошедших закалку в организациях Союза национального освобождения Кореи. Историки называют группу, возглавляемую Пак Даром, «тройкой». «Тройка» была призвана выполнять одновременно не только роль низовой партийной организации, но и роль головной организации в партийном строительстве в стране.

Характерной чертой метода работы Пак Дара по расширению сети партийных организаций, рядов партии, считаю его умение создавать безымянные партийные организации. Под безымянной подразумевалась организация без официального названия, члены которой, партийцы, развертывали фактически свою деятельность втайне. Такие организации были и внутри ЛВР.

Создание безымянных подпольных революционных организаций было одним из своеобразных методов деятельности в условиях, когда репрессии врага достигли апогея.

Члены такой организации, не имеющей своего официального названия, не проводили собраний, зато индивидуально встречались,

воспитывались, учились методам борьбы, получали поручения. Когда один из них оказывался арестованным, другие оставались в безопасности.

Расставшись с нами, Пак Дар вернулся в Капсан, отдавал всего себя, все силы делу организационно-партийного строительства в стране. Руководствуясь полученными от нас наставлениями, он превратил районы Капсана и Самсу в «рассадники» организа-ционно-партийного строительства в стране и, базируясь на них, постепенно протягивал связующие нити к другим уездам и провинциям.

Мы выбрали эти районы в качестве места, наиболее подходящего для такого «рассадника», потому что учитывали их специфическое социально-экономическое положение.

Самсу и Капсан, что ни говори, известны в народе как ссыльные края. Не зря ведь существует корейская пословица: «Пусть меня сошлют в Самсу, Капсан». При династии Ли многие дворяне были согнаны в эти края феодальным режимом и жили тут в ссылке. Почти все потомки разорившихся дворян становились крестьянами, занимающимися подсечным земледелием, или горняками, которые опускались на дно человеческой жизни. И скитальцы, нахлынувшие на плато Кэма в поисках средств к существованию после «аннексии Кореи Японией», все без исключения, занимались в этих краях убийственно тяжелым подсечным земледелием, выкорчевывая пни тяпками и сжигая их. Если рассматривать с классовой точки зрения состав населения этих районов, то, можно сказать, он для нашего дела был неплох.

Почти нетронутая, девственная природа плато, благоприятная для партизанской деятельности, с 10-х годов 20-го столетия становилась полем боя. Здесь то появлялись, то исчезали бойцы Армии справедливости и Армии независимости, которые с фитильными ружьями в руках сражались под лозунгом: «Бороться не на жизнь, а на смерть в защиту Родины». Природа плато служила самым подходящим в Корее убежищем, где скрывались участники социального движения. Почти со всех концов северной части Кореи они собирались в эти края в поисках укрытия, не имея возможностей для легальной деятельности. Приходили сюда люди с волею к борьбе за независимость не только из Северного и Западного Цзяньдао, но и из Сибири, не говоря уже о пределах Кореи.

По словам Пак Дара, в середине 20-х годов четверо участников антияпонского движения – организаторов ученической забастовки в Сунсильской средней школе Пхеньяна пришли в районы Самсу, Капсана и из крестьян-подсечников создали кружок по изучению социализма, что положило начало социалистическому движению в этих краях. Впоследствии вместе с ними создавали союз молодежи, крестьянский союз, союз авангарда те, кто встал на путь эмиграции, будучи ранее причастными к движению профсоюзов и крестьянских союзов в районах побережья Восточного моря.

По всем этим причинам районы Самсу, Капсана были подходящими для того, чтобы превратить их в «рассадники» в деле организационно-партийного строительства в стране.

Капсанский комитет действия вначале был создан как организация, не имеющая определенного названия. Начиная с мая 1934 года, он стал привлекать к себе людей: сперва это был Ли Ген Бон, вслед за ним в комитет пришел Ким Чхоль Ок, а затем Сим Чхан Сик и еще ряд других. Они вели борьбу против принудительных посевов льна, против суеверий, выступали и против раннего бракосочетания. Спустя года два все члены этой безымянной организации узнали друг друга. Тогда-то и появилось ее название – «Капсанский комитет действия».

На основе вот такого опыта организационно-партийного строительства в стране мы сформулировали эти методы в написанной нами впоследствии статье о работе партийной ячейки. В первой половине 40-х годов мы наказывали товарищам, которые уходили внутрь Кореи в составе небольших групп, применять именно эти методы.

Один из членов организации после освобождения страны вспоминал: «Вступил я в какую-то организацию. Ее название и дело были неизвестны: все было засекречено».

Один из революционеров, уроженец Капсана, читал запрещенную книгу, которую дал ему тайком прочесть Пак Дар. Иногда он выполнял мелкие поручения. Только и всего. Но японский юридический орган определил ему тяжкую меру наказания. Он просидел в тюрьме вплоть до освобождения страны. Именно такие люди, видимо, и были членами безымянных организаций, не имевших определенного названия.

Превратив районы Самсу и Капсана в «рассадники» в деле организационно-партийного строительства в стране, Пак Дар начал

отбирать и посылать в соседние уезды и провинции лучших организаторов, выпестованных в этих районах. Он давал им задание – заложить в местах назначения основу для создания партийных организаций.

Пак Дар организовал работу так, как было указано в нашей инструкции: организаторы, посылаемые на места, обязательно должны иметь подходящие профессии. Это давало им возможность легализовать в обществе свое положение и успешно выполнять возложенное на них задание. Отказавшись от «эмигрантского» метода работы, они могли бы твердо обосноваться в гуще масс.

Только в уезд Мусан было послано Пак Даром пять-шесть подпольщиков.

Именно в то время был направлен в уезд Мусан и Чхэ Ын Хо, руководитель Антияпонского общества села Сондок волости Почхон, подведомственного Союзу национального освобождения Кореи. Имея связь с подпольщиками, он наладил сбор средств для обеспечения партизанских отрядов интендантскими материалами и вовлекал массы в организацию. Вместе с тем активно готовился к созданию производственного партизанского отряда.

И после «Хесанского дела» он, находясь в эмиграции в Яньцзи и Хэлуне, бывал в районе Мусана, терпеливо сплачивал лесорубов в революционную организацию.

Пак Дар послал Ли Рён Сура, руководителя отдела молодежи Союза национального освобождения Кореи, и Ли Бен Сона в уезды южной части провинции Северный Хамген. Они передали Хо Сон Чжину, одному из руководителей Красного крестьянского союза Сончжина, нашу установку на революционное движение и организационно-партийное строительство внутри страны. Хо Сон Чжин клялся до конца поддерживать нашу линию. Он добрался до Капсана, чтобы встретиться с нами, но возвратился, ничего не добившись. Тогда мы были в районах Линьцзяна, Мэньцзяна, чтобы ликвидировать последствия «Жэхэйского похода». Пак Дар, занимаясь организационно-партийным строительством и расширением сети организаций ЛВР, уделял большое внимание укреплению военной мощи нашей революции.

Когда Ли Бен Сон пришел в тайный лагерь, мы через него передали Пак Дару задание создать производственный партизанский отряд из членов партийных организаций страны, а также из юношей и девушек – активных членов ЛВР.

В качестве первого шага для подготовки к созданию производственного партизанского отряда Пак Дар использовал отряды самообороны. Японские империалисты резко увеличили их число, объясняя это благовидной вывеской «обороны родного края». Японцы снабжали такие отряды оружием, обучали их состав военному делу. «Если все члены производственного партизанского отряда пойдут в такую организацию, они научатся владеть оружием, приобретут доверие врага. А в случае чего все они смогут одновременно восстать и повернуть винтовки на противника», – так рассуждал Пак Дар. Воспользовавшись своей должностью заместителя начальника отряда самообороны села Кольчхиги, он вовлек в него многих из них, соответствующих призывному возрасту, определенному врагом для вступления в этот отряд, добивался, чтобы «свои люди» заняли там руководящие места.

Прилагал Пак Дар также большие усилия для осуществления нашего курса на создание Северокорейского антияпонского партизанского отряда.

Исходя из необходимости быстрого расширения и развития вооруженной борьбы в северной части Кореи, мы предлагали создать этот отряд, главным образом, из членов партийных организаций внутри страны. Обширное пространство Ренбука, охватывающее районы от Мусана и Капсана до перевала Пучжон, было идеально благоприятной местностью для развертывания партизанских действий.

Тогда я дал товарищам, действовавшим внутри страны, распоряжения: «Организовать Северокорейский антияпонский партизанский отряд. Мы направим к вам специально подобранных лучших партизан, способных стать руководящим ядром отряда. Тогда на основе этого костяка расширять отряд и проводить военное обучение».

Командиром отряда был назначен Чвэ Иль Хен из 7-го полка, а комиссаром – Пак Дар,

Если бы не произошел несчастный случай с арестом и заключением в тюрьму большинства руководящих кадров Союза национального освобождения Кореи во главе с Пак Даром, то формирование этого отряда завершилось бы точно по плану.

Члены партийной организации в стране оказывали активную помощь отряду особого назначения Ким Чжу Хена, когда он был послан внутрь Кореи.

Пак Дар не прекращал борьбу и в суровых условиях, когда японские палачи подряд хватали членов партийных организаций в стране и членов СНОК. Он всячески стремился сохранить в секрете, в подполье созданные им низовые партийные организации и сеть организаций ЛВР.

Во всех подробностях сообщил мне Ким Пхен о тех испытаниях, которые пришлось вынести членам партийных организаций в стране и СНОК в связи с «Хесанским делом».

Получив сообщение об этом, я тут же направил Ма Дон Хи и Чан Чжын Рера внутрь Кореи. Но эти спасательные меры не принесли положительного результата. Колесившие по стране в поисках Пак Дара, они были арестованы врагом.

Следующей мерой, предпринятой нами, стало направление в Тэчжинпхен Ким Чен Сук, имевшей богатый опыт подпольной работы внутри страны. В это время Пак Дар хлопотал о расширении организаций в Танчхоне, Пукчхоне, Хонвоне, Синпхо и других районах восточного побережья страны. Он, возвратившись в Тэчжинпхен, привел в порядок организацию, находившуюся в тяжелом положении. Преодолев неисчислимые трудности, Ким Чен Сук встретилась с Пак Даром и доложила нам о результатах той встречи.

Получив ее доклад, мы направили в район Капсана связную группу во главе с Пэк Ен Чхором. Он воевал в партизанском отряде, в то же время немало занимался подпольной работой внутри страны. Раньше он, построив тайный лагерь в Оуледуне, приобретал продовольствие в разных местах. А после ареста Ма Дон Хи и Чан Чжын Рера он был отозван в отряд.

С первого дня после того, как Пэк Ен Чхор вступил в пределы Кореи, его начала преследовать полиция. После неимоверных мытарств ему, однако, удалось встретиться с Пак Даром, Ким Чхоль Оком, Ли Рён Суром. Вместе с связной группой Пак Дар и другие пришли в горы Пэкту. Мы направили их снова в район Капсана с заданием восстановить и упорядочить разрушенные революционные организации, добиться нового подъема революции в Корее.

Пэк Ен Чхор, оказавшийся снова внутри страны вместе с группой Пак Дара, действовал в районе Соксина. Однажды он неожиданно столкнулся с японскими полицейскими. Те открыли стрельбу, пуля угодила в живот Пэк Ен Чхору. Прижав кое-как

выпадающие внутренности, он продолжал сражаться с врагом. Враги схватили Пэк Ен Чхора. Японские полицейские заставили арестованного сесть на колени в яму и, называя его «коммунистическим бандитом», заставили прохожих забрасывать его камнями, пока не захоронили его заживо.

Борьба за спасение Пак Дара и партийных организаций в стране была сопряжена с поистине огромными усилиями и жертвами.

Враги подняли шумиху. Чтобы арестовать Пак Дара, они повсеместно расставляли сыщиков и изменников, прочесывали горы.

Пак Дар как член Партийного комитета действия в Корее оказывал нам помощь. Ему принадлежит большая заслуга в организационно-партийном строительстве и расширении движения за создание единого антияпонского национального фронта в стране. Он был действительно главным лицом партийной организации в стране.

В деле ускорения процесса организационно-партийного строительства в стране важную роль сыграли также Ким Пхен, Квон Ен Бек, Ким Чен Сук и другие подпольщики. Они, преодолевая все и всякие трудности и испытания в Синпха, Пхунсане, Ранриме, Пучжоне, Хыннаме, Синхыне, Ривоне, Танчхоне, Хочхоне и других районах северной части Кореи и в районах Чанбая, создавали во многих местах партийные организации, тесно сплачивали в них коммунистов.

В результате активной деятельности передовых борцов нашей партии сеть партийных организаций в обширных районах страны быстро разветвлялась. Одна за другой создавались революционные организации в Капсане, Синпха, Пхунсане и других районах провинций Северный и Южный Хамген, в районе Яндока, а также на рудниках, шахтах, на заводах и фабриках, в селах, рыбацких поселках и городах западной части Кореи, прежде всего в Пхеньяне и Пексоне. В тех районах, где одно время бурлило, а потом пошло на убыль движение Красных профсоюзов и Красных крестьянских союзов, снова начало оживляться движение революционных профсоюзов и крестьянских союзов. Реорганизация и переформирование вчерашних профсоюзов и крестьянских союзов совпали с процессом зарождения партийных организаций. Сеть партийных организаций и сеть организаций ЛВР выходила далеко за пределы северной части Кореи и доставала до Сеула, до других районов центральной

части Кореи, тянулась и в пределы провинций Кенсан и Чолла, и на остров Чэчжу, и на территорию Японии через море Генкай-Нада.

Организационно-партийное строительство в Корее проходило в тесной связи с таким же процессом, протекавшим в районах Чанбая и Линьцзяна. Пустили свои корни партийные организации в корейских населенных пунктах районов Чанбая, Фусуна и Линьцзяна. Расширялась сеть партийных организаций и в районах Восточной и Южной Маньчжурии. Энергичное развертывание организационно-партийного строительства в масштабе всей страны, в общенациональном масштабе способствовало организационному сплочению ранее разобщенно действовавших коммунистов, дальнейшему усилению партийного руководства корейской революцией в целом.

В результате утвердилась надежная организационная система партии, охватывающая всю страну, – все партийные организации стали действовать под единым руководством Партийного комитета КНРА. Благодаря установлению стройной системы организационно-партийного руководства всеми подразделениями, начиная от Партийного комитета КНРА – высшего руководящего органа и кончая ячейками – низовыми партийными организациями, произошел резкий перелом в деле закладки организационной и идеологической основы создания партии.

Это было еще одно из наших крупных завоеваний в антияпонской революционной борьбе. Значение этой политической победы было не меньшим, чем победы в наших военных операциях в районах бассейна рек Амнок и Туман после перебазирования в горы Пэкту. Наша кровопролитная борьба, усилия в организационно-партийном строительстве послужили не только мощной движущей силой, ускорившей освобождение Родины, но и стали могучей основой блестящего завершения создания самостоятельной партии.

Коммунистическое движение в Корее, с которым не считались и которым многие пренебрегали из-за фракционности, теоретической нищеты и недостаточности практических способностей, стало уверенно прокладывать себе новый путь в пламени антияпонской вооруженной борьбы.

3. Бои у подножия гор Пэкту

И вот мы вышли в горы Пэкту. Округ Дунбяньдао с охватом чанбайской земли, в частности, его северная часть, стал «неблагонадежной для безопасности зоной» – самой мучительной головоломкой для Квантунской армии и ведомства безопасности Маньчжоу-Го.

Все внимание японо-маньчжоугоской армии и полиции сосредоточилось на Дунбяньдао. На страницах газет что ни день появлялись публикации о шумных событиях на чанбайской земле. Что касается подножия гор Пэкту, считавшегося недавно совершенно безопасной зоной, то теперь там все стояло вверх дном – не разберешься, что творится.

С первых дней оккупации Маньчжурии японские агрессоры уделяли пристальное внимание обеспечению безопасности в Дунбяньдао. Их цель состояла в том, чтобы превратить Маньчжурию, вместе с Кореей, в стратегическую базу для установления своего господства над всей Азией.

Дунбяньдао было одной из зон административного деления, учрежденной при размежевании Северо-Востока Китая его Бэйянским правительством на три провинции – Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян – и на десять округов. Эта обширная территория занимала часть нынешних провинций Гирин и Ляонин. Имевшая границу с Кореей по реке Амнок, она располагала несметными подземными и лесными ресурсами. И, естественно, эта важная зона как в свете концепции «превращения Кореи и Маньчжурии в единое целое», так и с точки зрения экономической выгоды вызвала особые интересы не только политических, деловых, но и военных кругов Японии и Маньчжоу-Го.

Возникла ситуация, когда мы полностью держали северную часть этой зоны под своим контролем и, продвигаясь вдоль реки Амнок, непрерывно вели боевую и политическую деятельность. Это не могло не ошеломить наших врагов.

Встревоженные этим верхи Квантунской армии, стремясь обеспечить себе постоянную безопасность в Маньчжурии, и прежде

всего в Дунбяньдао, разработали так называемую «Общую программу обеспечения безопасности и спокойствия Маньчжоу-Го». А правительство Маньчжоу-Го, в свою очередь, на базе этой программы составило «Основные положения трехлетнего плана по обеспечению безопасности и спокойствия». Согласно этим документам, в качестве самой главной зоны особых операций была выбрана северная часть Дунбяньдао – уезды Чанбай, Линьцзян, Фусун, Дунган, Хуенань, Цзиньчуань, Люхэ, Тунхуа, Цзиань. Маньчжоу-Го создало в центре «Комитет по возрождению Дунбяньдао», в Тунхуа – «Канцелярию по возрождению Дунбяньдао» и «Специальный совет по обеспечению безопасности Дунбяньдао». Вместе с тем было создано «Тунхуаское карательное командование» во главе с Сасаки – верховным советником военных кругов Маньчжоу-Го. С этого и началась «крупная зимняя карательная экспедиция» якобы для «обеспечения безопасности» в северной части Дунбяньдао.

Больше всего действовал на нервы японским военным кругам грохот наших выстрелов: что ни день отряды Народно-революционной армии в Западном Цзяньдао вели боевые действия, страшно беспокоила врага опорная революционная база новой формы с ее ядром – широкой сетью тайных лагерей, строящихся в горах Пэкту, и подпольным фронтом возрождения.

Генерал армии Минами стал генерал-губернатором колониальной Кореи, ее верховным правителем, а командующий Квантунской армией генерал Уэда – фактическим верховным правителем Маньчжурии. Токио уже дало им распоряжение принять экстренные меры для полного уничтожения антияпонских вооруженных отрядов и обеспечения безопасности. Об этом и велись пресловутые «Тумыньские переговоры» в секретной камере филиала японского консульства в небольшом таможенном городе Тумыне, расположенном на корейско-маньчжурской границе. Это наглядно свидетельствует о том, насколько плотно занимался подготовкой карательной операции против корейских партизан вместе с Уэда именно Минами – сразу же после своего назначения на пост генерал-губернатора Кореи. До этого он был командующим Квантунской армией и чрезвычайным полномочным послом в Маньчжоу-Го.

Вслед за тайными переговорами Минами и Уэда проводились переговоры и между их подручными – командующим

жандармерией Квантунской армии Тодзио и начальником полицейского департамента корейского генерал-губернаторства Мицубаси. На них были выработаны так называемые «три политические установки», направленные на разгром антияпонских вооруженных отрядов, главное содержание которых составляли усиление пограничной охраны, совместная крупномасштабная карательная операция и создание коллективных поселений в районе Западного Цзяньдао.

Тодзио и Мицубаси обсуждали и конкретные меры по улучшению взаимодействия обеих сторон.

Ядром «трех политических установок» была определена «крупная зимняя карательная операция» на 1936 год, а ее основным объектом – горы Пэкту, место расположения нашего командования. Эта операция отличалась от прежних взаимодействием японских вооруженных сил, передислоцированных из Кореи в Маньчжурию, и частей Квантунской армии Маньчжурии. Они применяли тактику окружения крупными силами в сочетании с новым методом – методом «прочесывания» горных ущелий и склонов, словно частым гребнем. Все было рассчитано на полное уничтожение антияпонских вооруженных отрядов до конца зимы того года.

Преследующее такую гнусную цель корейское генерал-губернаторство, считая «обеспечение безопасности и усиление пограничной охраны» своей первой задачей, увеличило силы пограничной охраны, укрепило оборонительные сооружения, добилось больших дополнительных ассигнований из государственного бюджета Японской империи. Японским войскам в Корее, пограничным охранным войскам особого назначения и полицейским отрядам пограничных зон был отдан приказ выступить крупными силами.

Квантунская армия, в свою очередь, также готовилась к карательным операциям, обращая наибольшее внимание на Дунбяньдао.

В пограничные районы бассейнов рек Амнок и Туман вокруг гор Пэкту в крупных масштабах перебрасывались самые разношерстные карательные отряды. Полицейские отряды, расквартированные в южной части Кореи, тоже передвинулись в горные районы севера. Части Квантунской армии, находившиеся в Цицикаре, начали перемещение на юг, в сторону гор Пэкту. Части 19-й дивизии японской армии, дислоцировавшиеся в Корее, перешли реку Амнок. На нас надвигались японская и

маньчжоугоская полиция и карательные экспедиции марионеточной армии Маньчжоу-Го. В бассейне реки Амнок резко увеличилось число полицейских участков. Повсеместно появились контрольные посты, через реку были протянуты телефонные провода. С этого времени враги начали обучать стрельбе даже жен полицейских. По глухим лесным тропинкам в районе гор Пэкту, где еле-еле проходили телеги, сани и розвальни, застучали колеса орудий и обозных повозок, повсюду в тайге там и сям беспорядочно отпечатывались копыта строевых коней.

С ранней зимы того года тайга вокруг гор Пэкту наполнилась карательными отрядами. Враги тщательно прочесывали все ее уголки. Они заявили: «Нынешняя карательная операция станет заключительной, безопасность будет обеспечена самым решительным образом». Грозно надвигалась готовая разразиться новая битва у подошвы гор Пэкту – битва между Корейской Народно-революционной армией и войсками японских агрессоров.

Обстановка для нас складывалась весьма неблагоприятно. Прежде всего враги располагали громадным численным превосходством. К тому же их основные силы составляли отборные войска, поддерживаемые авиацией. Враги подняли на ноги администрацию и полицию, использовали экономику и все другие возможности, а у нас не было ничего, что можно было бы дополнительно мобилизовать. Зато за нами была тайная поддержка народа.

С точки зрения обычной военной теории и опыта возможность атаки с нашей стороны в такой ситуации была вообще немыслима. Но мы, не замыкаясь в рамки привычных образцов и обоснованных теорией правил, применяли новую тактику нашего образца, ориентируясь главным образом на нападение, что ставило противника в пассивное положение. В ноябре 1936 года в тайном лагере Медвежьего ущелья мы созвали совещание военных и политических кадров КНРА. На нем была подытожена военно-политическая деятельность частей КНРА после Наньхутоуского совещания и обсуждены меры по срыву «крупной зимней карательной операции» противника, упрочению и развитию Пэктусанской опорной базы.

Наша основная стратегия состояла в том, чтобы свести на нет превосходство неприятеля в численности и технике, противопоставив этому идейное и тактическое превосходство.

Мы добились максимально высокого уровня идейной подготовки бойцов. Опираясь на это, мы свободно варьировали активную тактику операций: заманивание, засаду, внезапные налеты, решительные оборонительные бои, преграждение путей отхода врагов, уничтожение их, предварительно разрозненных, по частям при искусном сочетании действий больших и малых отрядов. И таким образом одерживали победу в каждом бою.

«Крупная зимняя карательная операция» противника с самого начала потерпела крах, натолкнувшись на гибкую тактику наших боевых операций. Вначале, когда части КНРА вышли в бассейн реки Амнок, враги полагали, что мы не сможем там зазимовать, как не удалось это другим вооруженным отрядам, борющимся против Маньчжоу-Го. Однако они просчитались. Чем яростнее пытались развивать враги свою карательную операцию, тем глубже мы скрывались в тайге, не собираясь отходить, и более активно вели военно-политическую деятельность в районе вокруг гор Пэкту и пограничном районе бассейна реки Амнок, применяя тактику неуловимых. Мы тем самым загоняли противника в пассивное положение и упрочивали вновь созданную Пэктусанскую опорную базу.

Среди многих боев, проведенных нами зимой того года, в которых врагу был нанесен сокрушительный удар, следует особо отметить бои на подступах к Медвежьему ущелью и на горе Хунтоушань, бои в Таоцюаньли и Лиминшуе.

Бой под Медвежьим ущельем был оборонительным, в нем нашим упреждающим наступлением была сорвана вражеская операция по налету на наш тайный лагерь с целью его уничтожения.

Потерпев жестокое поражение с самого начала «крупной зимней карательной операции», противник, с одной стороны, усиливал военные действия, а с другой – засылал многочисленных тайных агентов с целью разведать местонахождение нашего командования.

Когда началась упомянутая вражеская операция, я находился в большинстве случаев в зоне тайного лагеря Медвежьего ущелья вместе с главными силами части.

Однажды О Чжун Хыб вместе с несколькими бойцами выполнял службу охранения в передовом пункте. Он вернулся в тайный лагерь с задержанными подозрительными людьми в крестьянской одежде. Оказалось, это были лазутчики противника. Они скрытно

пробирались к тайному лагерю сквозь леса и были арестованы нашими бойцами, следившими за их действиями. Коварные шпионы лгали, что они не могли терпеть гнета японских империалистов, решили примкнуть к революционной армии, и просили дать увидеться со мной. При обыске этих весьма подозрительных «добровольцев» у одного из них был обнаружен спрятанный внутри брюк маленький топор с острым лезвием. Это холодное оружие было изготовлено спецслужбой противника для убийства людей. Допрос показал, что один из них является профессиональным тайным агентом, который уже несколько лет занимался шпионажем в личине бродячего торговца, а другой – простым крестьянином, по принуждению сопровождавшим его в качестве проводника. Они получили задание разведать точное наше местонахождение и дать сигнал карательному отряду, идущему вслед за ними и прочесывающему тайгу сплошняком. По показаниям агента, враги сформировали объединенную японо-маньчжоугоскую карательную экспедицию, причем один ее отряд направляется из Эрдаоцзяна прямо в Медвежье ущелье, а другой приближается к партизанскому тайному лагерю через северо-западный участок Мацзяцзы, что в Шилюдаогоу. Атаку они будут предпринимать одновременно, получив от лазутчиков условный звуковой сигнал. Тайный агент сообщил, что эта карательная операция проводится при поддержке авиации, базирующейся в Хвэрене. Его показания совпадали с разведданными, собранными нашими разведывательными группами. Но враги пока не успели сформировать кольцо окружения.

Пронюхав с помощью шпиона о местонахождении нашего командования, враги намеревались внезапно атаковать наши главные силы и командование силами переброшенных в Медвежье ущелье карательных отрядов японской Ранамской 19-й дивизии и марионеточной армии Маньчжоу-Го из Эрдаоцзяна, чтобы тем самым искоренить «очаг беспокойства».

Сложилась весьма неблагоприятная, даже опасная ситуация. В обстановке, когда враги шаг за шагом подступают к тайному лагерю, развертывая поиск, мы решили бить их в подходящем месте около тайного лагеря и тут же незаметно ускользнуть, а потом нанести им, возвращающимся обратно, новый удар под покровом ночной тьмы под Саньпудуном.

На южном участке Медвежьего ущелья находилась теснина,

через которую ожидалось вторжение главных сил противника, имелось место оригинальной формы, напоминающее горлышко бутылки. Обе стороны ущелья представляли собой крутой обрыв, по которому не могли бы вскарабкаться даже вездесущие дикие звери. Это была настоящая ловушка с узким проходом, где можно наголову разбить врагов.

2-й и 4-й ротам я велел укрыться в засаде на северо-западной и северо-восточной высотах, а в глубине ущелья оборудовать ложную позицию. Там были размещены несколько бойцов с заданием развести костер и производить шум, создавая впечатление, будто там находятся главные силы. Затем выделил отвлекающую группу, – она получила задание проникнуть к расположению врага, устраивать там всю ночь шумиху, а с рассветом отойти, оставив побольше следов, будто действовала крупная часть. С наступлением темноты отвлекающая группа проникла на вражеские позиции.

В ту ночь стоял трескучий мороз. Но я запрещал разводить костер, чтобы не раскрывать место засады.

Отвлекающая группа с целью заманить противника в место, где размещены наши главные силы, поднималась к ложной позиции, оставляя за собой на дне ущелья беспорядочные следы, которые могли бы принадлежать крупной части. Вскоре на том склоне горы во многих местах клубами поднимался дым от костров, доносилась песня. Все эти обманные действия были предусмотрены составленным нами сценарием действий по заманиванию врага.

Внимание противника, вторгшегося в ущелье вслед за нашей отвлекающей группой, было приковано к ложной позиции, где было шумно и горели костры. Вражеский дозор был на конях. Дозорные остановились на одном месте и о чем-то разговаривали между собой, глядя в сторону ложной позиции в глубине ущелья. Среди них один кавалерист на коне черной масти поскакал вниз по ущелью, и еще два кавалериста последовали за ним.

Спустя минут 30 в ущелье снова появился конный дозор, вслед за ним длинными колоннами шла пехота. Во главе каждой колонны ехали верхом офицеры с блестящими длинными саблями. Это были подразделения Ранамской 19-й дивизии. Офицерам Цзинъаньской армии не приходилось ездить на конях, и они шли пешком вместе с солдатами. За подразделениями следовали лошади, навьюченные минометами в разобранном виде. Враги вторглись и по другому

ущелью. Было очевидно, что они намереваются нас окружать. Это был внушительный карательный отряд, превосходящий наших около 100 человек примерно в пять раз.

Один из секретов победы в этом бою состоял в выигрыше времени. Нужно было нанести противнику первый сокрушительный удар раньше, чем он успеет замкнуть кольцо окружения. Потом следовало ускользнуть и передвигаться на следующий пункт. Мы решили нанести врагам упреждающий удар. Сигналом послужил выстрел, покончивший с тайным агентом. И тут же на противника обрушился шквальный огонь. Большинство вражеских солдат, ожидавших сигнала к началу атаки, отдали концы на месте. На поле брани остались заряженные пушки без прислуги. Вход в Медвежье ущелье стал могилой для многих врагов.

Осмотрев поле боя, мы под покровом тьмы незаметно ускользнули.

Наши предположения подтвердились: разведчики прислали в командование донесение, что вражеское подкрепление, преследовавшее нашу часть в сопровождении солдат разбитого войска, с заходом солнца готовится расположиться на бивак на одном месте. Я дал О Чжун Хыбу задание совершить ночной налет на расположение противника. Тут же была организована штурмовая группа в составе одного взвода: для ночного налета не нужно было много бойцов.

О Чжун Хыб, ведя за собой штурмовую группу, незаметно подошел к месту, где противник расположился на отдых. Он захватил часового, дремавшего под деревом, и произвел короткий допрос. Нельзя нападать, не узнав точного расположения врагов, стоящих на биваке, иначе могут пострадать жители, мобилизованные в качестве носильщиков. Пленный часовой оказался словоохотливым. Он сообщил, что японские солдаты занимают центр в месте ночлега, вокруг них расположились солдаты марионеточной армии Маньчжоу-Го, жителей же, мобилизованных в качестве носильщиков, разместили по внешнему кругу, как пушечное мясо. По его словам, на посту стоят только маньчжоугоские солдаты, а японские солдаты, прибывшие из Кореи, спят мертвым сном, положив у костра на просушку промокшую обувь.

О Чжун Хыб разделил атакующих на группы по три человека, которые под видом патрульных, назвав пароль, благополучно миновали линию постов. Тройки проникли глубоко во вражеский стан и внезапно обрушили огонь на палатки японских солдат.

От неожиданной стрельбы враги в палатках спросонок метались, не успев даже обуться. Они стреляли наугад, не разбирая своих и чужих, и множество неприятельских солдат и офицеров падали с воплями от шальных пуль. На месте ночлега, напоминающем растревоженный улей, воцарился настоящий хаос. Штурмовая же группа, пользуясь суматохой во вражеском стане, незаметно ускользнула с поля боя. В ту ночь враги продолжали перестрелку между собой до самого рассвета, сея всюду смерть. Солдаты же, уцелевшие от верной гибели и обратившиеся в бегство, почти все замерзли в тайге. Без обуви и шуб они не смогли вынести лютый мороз в горах Пэкту.

Разбитые солдаты противника не успели унести несколько сотен трупов убитых, валявшихся на месте ночлега. Они отрезали от трупов только головы, сложили в мешки, погрузили на повозки и удрали стремглав.

И после боя под Медвежьим ущельем мы вели победоносные бои во многих местах на правом берегу реки Амнок. 20 ноября мы совершили налет на городок Шисыдаогоу уезда Чанбай – один из опорных пунктов карательного отряда неприятеля, а через несколько дней внезапно атаковали и уничтожили противника, находившегося в Шанцуне села Таоцюаньли, что в Шисаньдаогоу. Иные небольшие отряды развернули военно-политическую деятельность в районах Шивудаогоу и Шицзюдаогоу.

В бою под Медвежьим ущельем и в других, последовавших за ним боях враги получили такой жестокий удар, что в течение двух-трех месяцев не смели даже показаться в окрестностях гор Пэкту, где мы находились. Однако это не означало, что они отказались навсегда от карательной операции. Они намеревались выиграть время и предпринять новую карательную операцию. Мы повысили бдительность. Вся часть была настороже, чтобы предотвратить проникновение тайных агентов. Вместе с тем были проведены новые тактические мероприятия по подавлению противника в военном отношении. На некоторое время у подножия гор Пэкту водворилось затишье.

Именно тогда я вызвал в тайный лагерь Ли Хуна, поселкового старосту из Шицзюдаогоу уезда Чанбай, и объяснил ему направление и метод подпольной деятельности, имел беседы с жителями Шицидаогоу, прибывшими в тайный лагерь с мате-

риалами помощи. Встреча с Пак Даром и Пак Ин Чжином, объявление Временного устава КНРА, быстрое расширение сети организаций ЛВР – из-за всех этих событий зима с конца 1936 по начало 1937 года в районе гор Пэкту оставила в нашей памяти неизгладимое впечатление. Запечатлелся в моей памяти и образ Ан Док Хуна, хлебороба из Шицзюдаогоу уезда Чанбай. К тому времени, когда я встретился с Ан Док Хуном, в уезде Чанбай и в его окрестностях широко распространялись легенды о нас, похожие на миф. Например, люди думали, что когда Ким Ир Сен касается рукой сосновых шишек, они превращаются в пули.

Ан Док Хун испытывал особое любопытство к подобным мифическим рассказам и засыпал нас трудными вопросами, едва мы переступили порог его дома. К счастью, я мог избежать ответов на вопросы хозяина, так как он считал начальником Ким Пхена, остановившегося в нижней комнате, и разговаривал только с ним. Их диалог был весьма юмористическим. Говорят, что Полководец ясно предвидит не только события на три дня вперед, а и далекое будущее. Это правда? – задал Ан Док Хун первый вопрос Ким Пхену.

– Конечно, правда, – спокойно ответил Ким Пхен, считая вопрос вполне естественным.

Хозяин удовлетворенно кивал головой и задал новый вопрос:

– По словам стариков верхнего села, Полководец открывает глаза, когда у него есть дело, и закрывает глаза, когда у него нет дела. Можно ли верить и этому?

– Да, можете верить, это правда. Полководец закрывает глаза, когда у него нет дела, а когда он открывает глаза, непременно произойдет большое событие.

– Правда ли, что Полководец обладает искусством сокращать расстояния?

– Правда. Полководец умеет сокращать расстояния горных хребтов, свободно летает в небе, появляясь то на востоке, то на западе.

– По слухам, Полководец Ким является богатырем, применяющим тактику неуловимых, перед которым бледнел бы даже легендарный герой Хон Гиль Дон[18]. Оказывается, это действительно так.

Все вопросы были абсурдными, да и ответы были таковы.

Но хозяин спрашивал со всей серьезностью, а гость отвечал

столь же серьезным тоном, так что я не смел остановить их разговор и только слушал. Только сильно удивился тому, что Ким Пхен, обычно такой откровенный и прямой, давал без запинки столь абсурдные ответы, не чувствуя никакой неловкости и неестественности в беседе.

Ан Док Хун спросил Ким Пхена, сколько раз ему приходилось встречаться с Полководцем Кимом и находится ли он сейчас в селе. Ким Пхен ответил без колебания, что часто видится с Полководцем и что он находится сейчас в селе.

Когда хозяин на минуту вышел из дома, я с упреком сказал Ким Пхену, что незачем болтать такой вздор.

Ким Пхен, улыбаясь, ответил, что когда народ верит в легенду, следует подтвердить ее на сто процентов. Народ говорит, продолжал он, что в нашей Корее существует рожденный небом мифический богатырь. Значит, он мечтает о том, чтобы появился такой богатырь и вернул ему потерянную Родину. Если народ поверит, что действительно существует рожденный небом богатырь, он с уверенностью в достижении независимости страны смело встанет на священную антияпонскую войну, следуя за нами. Он добавил:

– Теперь наши соотечественники начали думать: «Пусть японцы неистовствуют, но у нашей нации есть Полководец, обладающий божественным искусством. Поэтому нечего бояться самураев. Будем бороться под руководством Полководца Кима – вполне сможем добиться независимости Кореи». Это не поклонение только одному вам, товарищ командующий, это абсолютное доверие и надежда на нашу КНРА. Поскольку народ хочет верить в это, то не стоит отрицать и разочаровывать его.

Слушая Ким Пхена, я думал, что впредь нужно еще смелее и искуснее разворачивать военные операции, чтобы оправдать ожидания и доверие народа.

Как он говорил, народ черпал большую силу в легендарных рассказах о нас. В Народно-революционную армию вступали наперебой многочисленные страстные юноши и девушки, вдохновленные рассказом о том, что в Корее существует Полководец, заставляющий япошек трепетать от страха. Откровенно говоря, эти народные легенды принесли нам большую пользу.

Впоследствии Ан Док Хун тоже вступил в Народно-рево-

люционную армию. Он воевал мужественно, не уступая другим бойцам, и погиб в одном из боев в Мэнцзяне. Ли Чхи Хо не раз вспоминал с болью в сердце, как ему пришлось тогда хоронить Ан Док Хуна – под опавшими листьями и снегом.

Вступая в новый, 1937 год, враги вновь начали вторгаться в зону, где находились наши тайные лагеря.

Когда сорвались попытки врага уничтожить одним ударом антияпонские вооруженные силы, действующие в Маньчжурии и в северном пограничном районе Кореи, японский император Сёва по предложению военных кругов направил на места своего советника по военным делам Сидэи в качестве спецпосланника. Он должен был инспектировать в течение месяца пограничный район бассейна реки Амнок, где не могло быть и речи об «обеспечении безопасности» из-за активной партизанской деятельности революционной армии. Ему предстояло также обсудить вместе с генерал-губернатором Кореи Минами, командующим Квантунской армией Уэда и командующим японскими войсками в Корее меры для усиления карательных операций против Народно-революционной армии. Выполняя приказ императора, Сидэи прилетел из Токио в назначенное место за рекой Амнок. С его приездом противник еще яростнее стал вести карательные операции.

Налет противника на Хунтоушаньский тайный лагерь был совершен в то время, когда Сидэи усердно занимался инспектированием пограничного района. Тогда интенданты революционной армии были озабочены подготовкой к новогоднему празднику по лунному календарю.

Наши основные боевые части находились в тайных лагерях Диянси и Медвежьего ущелья, служивших передовой отправной базой. Я с охраной находился в Хунтоушаньском тайном лагере. За два дня до новогоднего праздника по лунному календарю я покинул тайный лагерь в связи с неотложными делами. Первым делом я зашел в Догулинский тайный лагерь, расположенный в одном ущелье между горами Хунтоушань и Хэншань, и навестил Ким Чжон Бу, потом направился в Пэктусанский глубочайший тыловой тайный лагерь. Местом моей встречи с Ким Чжон Бу, о которой была помещена заметка на страницах журнала «Самчхолли», явился именно тот тайный лагерь.

В Хэншаньском тайном лагере, который называли также

Пэктусанским глубочайшим тыловым тайным лагерем, находились бревенчатый дом, где лечились и отдыхали больные члены Детского отряда, и лазарет, где лечили Ли Ге Сун, Пак Сун Ира и других больных и раненых, а также оружейная мастерская Пак Ен Суна и швейное подразделение Пак Су Хван. Там лечился и Вэй Чжэнминь, страдавший сердечной болезнью. В то время работали в этой «первой деревне под небом» и работники секретариата, в том числе «старик с трубкой».

Познакомившись с работой и жизнью людей этого тайного лагеря, я отдал необходимые распоряжения, затем вместе с Ким Пхеном, Квон Ен Беком и некоторыми другими военными и политическими работниками созвал заседание Партийного комитета КНРА.

На заседании мы подытожили военно-политическую деятельность главной части КНРА после совещания военных и политических кадров в Медвежьем ущелье, потом обсуждали текущие боевые задачи по окончательному срыву «крупной зимней карательной операции» противника. В частности, было намечено тактико-стратегическое передвижение боевых отрядов на рубеж Таоцюаньли, Лиминшуя и в район Фусуна, рассмотрен вопрос о выборе срока выступления в пределы Кореи и другие. Позже эти проблемы были обсуждены более конкретно на Сиганском совещании.

На заседании обсуждали также вопрос об установлении партийно-организационной системы Партийного комитета КНРА. Был организован Чанбайский уездный комитет партии, председателем которого избрали Квон Ен Бека, а его заместителем – Ли Чжэ Суна, сформирован Чанбайский уездный комитет ЛВР во главе с Ли Чжэ Суном.

То заседание Партийного комитета КНРА имело весьма важное значение для разгрома «крупной зимней карательной операции» противника и защиты Пэктусанской опорной базы. Оно стало заметной вехой и в истории организационно-партийного строительства в нашей стране. В этом заседании участвовал и Вэй Чжэнминь.

Оставило глубокое впечатление празднование Нового года по лунному календарю в Хэншане. Именно тогда Пак Ен Сун смастерил из пустой банки станок для приготовления *куксу* и сделал *куксу* из картофельного крахмала на праздничный стол. В

швейном подразделении приготовили пельмени, а в лазарете – лапшу. Жители Хэншаня подготовили разнообразные изысканные блюда и угощали нас обильно. Позже Вэй Чжэнминь не раз вспоминал, как мы с ним отметили в Хэншаньском тайном лагере новый, 1937 год по лунному календарю, лакомясь вкусным *куксу* из картофельного крахмала, и часто хвалил мастерство Пак Ен Суна.

Когда вспоминаю о праздновании нового, 1937 года по лунному календарю, перед моими глазами встает образ китайца Цяо Бансиня, бойца комендантского подразделения. Тогда Цяо Бансинь уничтожил целых пятнадцать пельменей и еще две миски *куксу*. Он и его четверо братьев одновременно вступили в армию в Диянси. Он был самым младшим из них, мы звали его «Сяовуцзы» (пятый) вместо имени. Однажды этот «Сяовуцзы» был ранен в руку. Я сделал ему операцию бритвой. Наверное, ему было очень больно, ибо операция проходила без всяких анестезирующих средств, но он стойко терпел боль. Рана долго не заживала, и Цяо Бансинь не мог застегивать пояс своими руками, когда ходил в уборную. И мне приходилось помогать ему каждый раз. Когда у него намокла обувь, я снимал ее и сушил у огня.

Однажды я вместе с бойцами комендантского подразделения направился в Вудаоянча уезда Аньту для участия в собрании и по доносу изменника попал во вражеское окружение. Тогда смело вступил в бой Цяо Бансинь. К сожалению, в том бою погиб один из его братьев.

Мы весело отметили в Хэншане новогодний праздник по лунному календарю и на следующий день вернулись в Хунтоушаньский тайный лагерь. Спустя некоторое время вдруг раздался выстрел со стороны наблюдательного поста. Возникла напряженная, очень неблагоприятная для нас ситуация. У нас было только несколько бойцов роты Ли Ду Су и группа пулеметчиков, получившая задание охранять меня. А у противника – 500 с лишним штыков. Вдобавок наш наблюдательный пост обнаружил врагов, когда они уже почти достигли высоты у нашего поста, откуда можно было подавить нас.

Тут же я приказал бойцам немедленно занять южный гребень горы, а командиру роты Ли Ду Су – вывести бойцов с наблюдательного поста и открыть противнику путь. Я велел бойцам спускаться с наблюдательного поста по крутому гребню на глазах противника. По этому гребню была проложена единственная

тропинка. Оступишься хоть на один шаг – неизбежно скатишься вниз в глубокое ущелье, в заснеженную пропасть. Если заманить врагов на эту единственную тропинку, вполне можно будет и одному уничтожить их сотню, хоть тысячу. Южный гребень горы Хунтоушань представлял собой тактический опорный пункт, откуда можно было наблюдать как на ладони врагов, набегающих по крутому гребню, и затем нанести им сокрушительный удар. А когда они отступят, то можно разбить их наголову, загнав в теснину под гребнем.

Получив мой приказ, бойцы наблюдательного поста заманили противника на крутой гребень.

Ущелье между южным гребнем горы и крутым гребнем превратилось в полном смысле слова в «ловушку» для противника. Нашей победе способствовало и то, что Ли Ду Су по нашему приказу сделал склон южного гребня сплошь обледеневшим. В результате ни один вражеский солдат не смог вскарабкаться на занятый нами гребень.

Бой на горе Хунтоушань никак нельзя было вести на основе обычных военных знаний. Мы почти полностью разгромили неприятеля, несмотря на слишком большую разницу в силах. У нас только один комроты Ли Ду Су был ранен пулей и отправлен в тыловой госпиталь.

После боя я направил ночную штурмовую группу в место, где противник стоял биваком, и одновременно принял меры для того, чтобы ускользнуть в сторону Фусуна. Ибо отступившие враги рано или поздно вновь вернутся с подкреплением. Продолжать здесь бой было опасно. Слишком мало было у нас бойцов, и лучше всего было бы незаметно ускользнуть.

Когда мы обсуждали меры по отходу, снизу из ущелья донесся звук трубы – сигнал об атаке наших партизан и раздались громкие звуки выстрелов. Это бил противника отряд под командованием О Чжун Хыба. Узнав от местных жителей, что вражеские каратели наступают в направлении Хунтоушаня, О Чжун Хыб примчался тотчас же, беспокоясь о безопасности командования. Его отряд совместно с посланной нами ночной штурмовой группой обрушивал шквальный огонь прямо на вражеский стан на бивуаке и разгромил недобитого противника, разыскивая его солдат до последнего.

Разбив неприятеля, О Чжун Хыб прислал ко мне Хан Ик Су с вопросом, должен ли он прийти в Хунтоушань со своим отрядом. Я приказал ему действовать по первоначальному плану, поскольку

вражеская атака на Хунтоушаньский тайный лагерь была полностью пресечена. Получив наш приказ, О Чжун Хыб вернулся к себе в Медвежье ущелье, только предварительно уточнив, что командование в безопасности. Он был беззаветно преданным нам человеком.

Один крестьянин из Эрдаоцзяна, который во время боя на горе Хунтоушань был вынужден перевозить груз японских войск и даже трупы их солдат, впоследствии рассказывал членам экскурсионной группы по местам боевой славы:

– Тогда японские войска насильственно мобилизовали по одному носильщику от каждого двора. У нас, угнанных ими, обычно обмораживались ноги, и нередко бывало, что отваливались все десять пальцев на ногах. Когда нас пригнали впервые, мы боялись и даже обливались потом, лежа на поле боя. Но всегда сражение кончилось победой партизан, мы очень обрадовались втайне, забыв даже переутомление. А враги, убегая, заставили нас таскать грязные трупы их солдат, что мучило нас больше всего. Во время боя на горе Хунтоушань было так много трупов вражеских солдат, что не хватало носилок, и мы таскали их по земле, перевязав шеи гетрами, снятыми с трупов.

Как-то я встретился с делегацией японских публицистов, посетивших нашу страну. Среди них оказался один газетчик очень высокого роста, что называется, с коломенскую версту. На приеме он все записывал молча, лишь во время обеда открыл рот и выложил свою душу. «Я думал, – сказал он, – что Вы, Президент Ким, грозный человек, поскольку слышал, что Вас называют «тигром горы Пэкту», но сегодня на этой встрече я вижу, что Вы очень любезны». Он признался, что служил младшим лейтенантом в том японском войске, которое было разбито во время боя на горе Хунтоушань. В ту ночь, когда был партизанский налет, он остался в живых благодаря тому, что вышел на проверку постов. Жандармерия подвергла его жестокому избиению в наказание за то, что остался живым. Он возмутился и ушел со службы в армии. Впоследствии стал журналистом.

В бою на горе Хунтоушань участвовал объединенный карательный отряд, состоявший из солдат японских войск и марионеточной армии Маньчжоу-Го. Однако в этом бою погибли одни лишь японские солдаты и почти не было жертв среди маньчжоугоских солдат.

Японские офицеры подвергали офицеров марионеточной армии Маньчжоу-Го жестоким избиениям, говоря: «Почему же погибли в бою только солдаты нашей императорской армии, а вы остались в живых? Разве у партизанских пуль глаза, видящие солдат императорской армии? Этого быть не может. То, что вы вернулись живыми, явно свидетельствует о том, что у вас есть тайные связи с партизанами».

В чем главный фактор нашей победы, которую мы одержали на горе Хунтоушань в бою с противником, значительно превосходящим нас в численности? Можно сказать, он в твердой духовной силе наших людей.

Уверенность в окончательной победе, несгибаемая воля к борьбе, революционный дух опоры на собственные силы и упорной борьбы с трудностями, преданность и самоотверженность – такой дух сегодня обобщенно называют у нас в стране «революционным духом Пэкту».

Никогда и нигде, в бою с любым противником мы не знали поражений потому, что воевали с твердой уверенностью в победе, непреклонным боевым настроением и самоотверженностью, не теряясь и не падая духом перед врагами, превосходящими нас в несколько и даже в несколько десятков раз.

Можно привести сколько угодно примеров, свидетельствующих о том, какой несокрушимой верой в победу и несгибаемым боевым духом владели наши антияпонские партизаны.

Ли Ду Су вместе с тремя-четырьмя другими ранеными, в том числе с Ли Ге Сун и Пак Сун Иром, лечились с помощью врача Сона в лазарете, расположенном в пещере. Условия были очень тяжелыми. Одно название – лазарет. А на самом деле ни нужных медикаментов, ни шприца, не было даже скальпеля. Но и в таком незавидном лазарете был жив революционный дух Пэкту.

Тяжелобольной Пак Сун Ир, начальник интендантского отдела 2-й дивизии, не смог получить лечение вовремя, и у него началось загноение ноги.

Сразу же после боя в Почхонбо я направил товарищам в госпиталь продовольствие и захваченные в бою медикаменты, консервы, летнее обмундирование, обувь и другие разнообразные материалы. Я послал больным также письмо, в котором выразил надежду, что они непременно пересилят болезнь и после выздоровления встретятся с нами на поле боя.

Прочитав это письмо, Пак Сун Ир тут же показал своим товарищам пилу, которую он изготовил из консервной банки, и сказал, что сам отрежет себе гниющую ногу.

Врач Сон и все другие товарищи уговаривали его передумать, советуя найти какой-нибудь иной метод.

Однако Пак Сун Ир не изменил своего решения и, упрекая сочувствующих ему коллег за пассивность, сказал им: «Я уже решил отрезать себе ногу своими руками. Для этого мне нужна лишь незначительная ваша помощь. Прошу только держать мою ногу. Я обязан скорее выздороветь и вернуться на революционный пост».

При помощи гибкой жестяной пилы он отрезал себе гниющую ногу в течение целых шести дней, напевая революционную песню, и потерял сознание, лишь когда кончилась операция. К счастью, рана зарубцевалась как следует.

Ранней зимой того года товарищи, находившиеся в лазарете, переместились глубже в лес и продолжали лечиться в построенном там шалаше. Но шалаш-лазарет, к несчастью, попался на глаза вражеским карателям.

Первым обнаружил врагов Пак Сун Ир. С целью спасти товарищей он обхватил вражеского солдата, который бросился на него, чтобы взять в плен, и вместе с ним покатился с кручи с криком «Каратели!»

Жили и сражались в горах Пэкту именно такие люди, как Пак Сун Ир, который берег свою жизнь во имя революции, даже сам себе отрезал ногу, но ради спасения товарищей пожертвовал собственной жизнью без малейшего колебания.

Благодаря сигналу Пак Сун Ира избежал опасности Ли Ду Су, который вышел из шалаша-лазарета, чтобы рубить дерево. Ли Ге Сун и еще несколько человек были схвачены врагом, а все остальные погибли.

Ли Ду Су остался в лесу один – без товарищей, шалаша, продовольствия, испытывал неимоверные страдания. Целых шесть дней он голодал, не имея ни крупинки зерна. Наконец, он обнаружил около двух мисок соевых бобов, которые сэкономила Ли Ге Сун – по нескольку крупинок каждый раз, когда готовила пищу. Когда кончились эти соевые бобы, он утолял голод хвощом – кормом кабанов. Трудно передать словами мытарства и лишения, которые он испытывал, превозмогая лютый мороз в горах Пэкту, в изодранной одежде, еле прикрывавшей тело холщовым тряпьем, и

живя под открытым небом, как первобытный человек. Каждый день прилетали вороны и жадно каркали на дереве, под которым он лежал. Иногда они по очереди спускались и даже слегка касались крыльями его лица.

Сам Ли Ду Су полагал, что лучше всего умереть. Погасли и головешки, тлевшие в груде пепла. Но в тот момент, когда он решил покончить с собой, Ли Ду Су вспомнил наши задушевные слова о том, что будем снова встречаться на поле боя после выздоровления, вспомнил гибель Пак Суп Ира, который бросился под кручу, чтобы обеспечить безопасность боевых друзей.

«Я не вправе умереть. Совершить самоубийство – значит изменить товарищам, спасшим меня собственной жизнью. Выжить и вновь стать на поле боя – это приказ, который отдал мне товарищ командующий. Я не имею права нарушить этот приказ».

Ли Ду Су прилагал отчаянные усилия, чтобы выжить. В глубоких горах, напоминающих необитаемый остров на далеком море, он существовал один без пищи и одежды три месяца и двадцать дней и чудом остался в живых.

Не только Ли Ду Су, а Пак Сун Ир, Ли Ге Сун и все другие погибшие соратники тоже были жар-птицами. Их жизнь погасла, как потухшая искорка, но они хранили до конца гордый дух, достойный великих пиков гор Пэкту.

... Вслед за боем на горе Хунтоушань мы вели бои в Таоцюаньли и Лиминшуе.

После боя на горе Хунтоушань я без промедления направился в сторону Сяганцюя уезда Чанбай, ведя за собой главные силы части. Противник снова сосредоточил большой контингент вооруженных сил в районе гор Пэкту и развернул поиск в крупном масштабе. В этих условиях необходимо было отвлечь их внимание в другую сторону, чтобы провести новую боевую операцию. Наша главная часть передвинулась в направлении Сяганцюя с намерением расчленить силы карателей, ввести их в заблуждение, а затем окончательно сорвать вражескую зимнюю карательную операцию. Это было наше тактическое передвижение. До этого мы договорились с товарищами из Южной Маньчжурии встретиться после новогоднего праздника по лунному календарю.

Когда часть добралась до села близ Яофанцзы, я отдал приказ стать биваком и послал в Таоцюаньли разведгруппу. По пути в село разведчики встретили кстати члена подпольной организации Таоцюаньли,

который шел в наш малый отряд с информацией о положении противника. По его сообщению, войска Цзинъаньской армии, которые попались на нашу тактику умелого взаимодействия больших и малых отрядов и метались всю зиму туда-сюда впустую, рыщут в поисках нашего командования, заявляя, что рассчитаются с нами.

Чтобы попасть из Яофанцзы в Таоцюаньли или в Чвэренгамгор, нужно было долго идти по тропинке через леса, где буйно росли береза, колючие кустарники, высокие камыши и осока. Однажды мы шли по этой тропинке в Шанцунь села Таоцюаньли. У ординарца Чвэ Гым Сана, зашедшего в заросли колючего кустарника, глаз был уколот занозой: поднялась шумиха.

Если заманить врагов на эту тропинку, протянувшуюся на 12 километров, они будут вынуждены двигаться в цепочку по одному, и наш главный отряд, устроив засаду в каждом пункте, где лежит бурелом, мог бы без труда разбить их, рассекая на части.

Мы решили сначала изрядно измотать врагов отвлекающим боем малого отряда, а потом уничтожить полностью боем из засады силами большого отряда.

Я вызвал О Чжун Хыба в командование и дал ему задание заманить врагов на ту тропинку на плато и разбить, рассекая их на части. Когда появилась походная колонна противника, наша отвлекающая группа обрушила на ее голову внезапный сосредоточенный огонь, затем быстро ускользнула и передвинулась на плато с зарослями колючего кустарника, где укрылись засадные группы. Не знающий об этом противник, ни в чем не сомневаясь, преследовал нашу отвлекающую группу, которая вступила на тропинку, пролегающую через плато, где переплетались колючие кустарники. Для врагов, не привыкших к действиям в горах, заросли колючего кустарника были все равно что проволочные заграждения. Из-за этих препятствий их ряды распадались на части без наших усилий. Бойцы засадных групп обрушивали на эти группы шквальный огонь. Враги метались взад и вперед по долине и падали на снег, обагряя его кровью. Погибло несколько сотен вражеских солдат, нарвавшись на нашу тактику рассечения. Когда спустились сумерки, неприятель дал тягу в сторону села Таоцюаньли, оставив на поле боя множество трупов своих солдат, бросив и раненых.

Подпольная организация Таоцюаньли сообщила нам, что, видимо, враги в ту же ночь вернутся в свое логово и очень

торопятся, боясь нашего ночного налета.

Требовалось более двух часов, чтобы от места сбора нашего отряда выйти на дорогу перед Таоцюаньли. Чтобы выиграть время, необходимое для этого, нужно было каким-нибудь способом задержать отправление противника. Поэтому я дал подпольной организации Таоцюаньли указание затягивать, насколько возможно, приготовление ужина для врагов.

Подпольная организация Таоцюаньли умышленно мешкала, готовя ужин для противника, чтобы наш отряд успел спуститься с горы и занять место в засаде. Враги тревожились, требовали готовить ужин скорее, но поселковый староста Чон Дон Чхор, член подпольной организации, тянул волынку, делая вид, будто он проявляет глубокую заботу о питании. Он говорил, что неприлично оказать холодный прием Цзинъаньской армии, посетившей село спустя долгое время, и велел сельчанам резать кур и молоть рис. Таким образом, противнику пришлось выйти из села почти за полночь. К этому времени мы уже завершили подготовку засады на обочине большака перед Таоцюаньли и ждали врагов во всеоружии около получаса.

В этом бою из засады мы полностью разгромили отряды Цзинъаньской армии. На плато, покрытом прошлогодними травянистыми зарослями, лежало множество трупов вражеских солдат. Партизаны собрали валявшиеся рядом с трупами винтовки и свободно удалились. Позже рассказывали, что на перевозку только одних трупов были мобилизованы двадцать четыре вола. На одни большие сани, запряженные волом, грузили по девять трупов и везли до Шисаньдаогоу. С того дня местные жители, иронизируя над поражением врагов, говорили: «Если нагрузить на одни сани по девять штук, то всего сколько штук на двадцати четырех санях?».

После боя в Таоцюаньли наш отряд переместился в ущелье за Фухоушуем. Здесь мы встретились с товарищами из Южной Маньчжурии и во взаимодействии с ними провели еще один победоносный бой. Это была последняя битва, окончательно сорвавшая «крупную зимнюю карательную операцию» противника.

В результате провала этой операции, которую враги так тщательно разрабатывали и для проведения которой они приложили столь огромные усилия, и вследствие непрерывных побед КНРА земля Чанбая полностью превратилась в наш мир. Японские империалисты отчаянно старались подавить КНРА вооруженной

мощью, чтобы предотвратить ее вступление в пределы Кореи, однако терпели жестокое поражение в каждом бою. С целью разложить нас политически и похоронить морально враги прибегали ко всякой демагогии, обзывая меня «атаманом разбойников», «главарем коммунистических бандитов», но и здесь им ничего не удалось добиться. Они трепетали от страха, вопили, что партизаны применяют «тактику неуловимых», «поднимаются в небо и проваливаются в землю».

Наша непревзойденная тактика полностью сковала японскую и маньчжоугоскую армию и полицию. Враги боялись больше всего «тактики сетей». В своей печати и внутренних наставлениях они постоянно подчеркивали, что нельзя попадаться в горах на «тактику сетей». Словно эпидемия, среди них широко распространялся страх от того, что никто не успеет унести ног, если столкнется с этой тактикой.

«Тактикой сетей» японские и маньчжоугоские солдаты и полицейские называли засаду – один из типичных партизанских приемов ведения боя КНРА. Это означает кольцо окружения, или ловушку, откуда нет выхода.

Враги, потерпевшие фиаско в «крупной зимней карательной операции», продолжавшейся с конца 1936 по начало 1937 года, шумели об «опыте» этой операции и много говорили о том, как, нарвавшись на «тактику сетей», потерпели поражение.

В майском номере журнала маньчжурской полиции «Тесинь» за 1937 год были помещены статьи «О внезапном налете партизан Ким Ир Сена» и «Размышления о нынешней карательной операции», написанные военным инструктором смешанной бригады Исидзава, а также последующая заметка в форме беседы «Об опыте карательной операции». В них откровенно признается тактическое совершенство «тактики сетей». «Анализ опыта в период нынешней карательной операции дает основание утверждать, – говорится в журнале, – что партизаны применяют главным образом «тактику сетей». Они применяют эту тактику не только в случаях, когда у них меньше вооруженных сил, чем у нас, но и тогда, когда они превосходят по численности. Она у них излюбленный способ. Например, в столкновении с партизанами Ким Ир Сена, происшедшем в феврале сего года под Дацзяпигоу на юго-западе от уездного центра Фусун, все наши бойцы сражались мужественно, но не смогли победить и погибли смертью храбрых.

Это объясняется прежде всего тем, что они попались на «тактику сетей» партизан. Аналогичных примеров можно приводить сколько угодно». Здесь журнал вновь бил тревогу: остерегитесь «тактики сетей».

Видимо, на нашу партизанскую тактику обратили внимание и в школе Коминтерна. Ветеран антияпонской революции Пак Гван Сон каждый раз, когда был удобный случай, вспоминая о прошлом, говорил, что работники школы Коминтерна часто выделяли партизанскую тактику КНРА.

В СССР имелись школы, которые содержал Коминтерн. В те времена коммунисты, находившиеся в Маньчжурии, называли эти учебные заведения школой Коминтерна или коминтерновским университетом. Школа Коминтерна имела своей целью дать военно-политическое образование участникам коммунистического движения и слушателям, присланным из различных стран мира по рекомендации революционных организаций. Одно время Пак Гван Сон тоже учился в этой школе.

Оружейные залпы КНРА на чанбайской земле привели в тревогу и трепет верхушку генерал-губернаторства Кореи, японскую армию и полицию в Корее, политические круги, военщину и капиталистов в самой Японии. Захватчики и реакция были испуганы этими залпами, тогда как народ радовался, заслышав их. Смелые и дерзновенные военные операции, победоносно проведенные нами в Чанбае, проложили путь КНРА к вступлению на Родину. Благодаря этим операциям стала прочной позиция нашей революционной армии как действительно ведущей силы корейской революции.

Я не думаю, что бои, которые мы вели в Чанбае, были крупными сражениями, сотрясавшими весь мир. В мировой истории войн много громких кампаний и ожесточенных битв, в которых убиты и ранены тысячи, десятки и даже сотни тысяч человек. В одном проведенном нами бою участвовали всего несколько сотен человек, в нем были убиты и ранены сотни, самое большее, тысячи вражеских солдат. Однако мы вспоминаем о наших боях с высокой гордостью. Мы считаем важным дух революционной армии, проявленный ею в тяжелых боях. Народно-революционная армия одолевала врагов силой воли. Духовное превосходство над противником, как правило, всегда приносит победу.

Вот почему мы дорожим историей кровопролитной войны, которую вели на чанбайской земле.

4. Точжон Пак Ин Чжин

В первом номере ежемесячника «Самиль вольган» – органа ЛВР была помещена заметка под заголовком: «Старший лидер секты чхондогё господин Н! Встреча с представителем нашей Лиги возрождения Родины». В заметке шла речь о том, что некий представитель секты чхондогё, имеющий широкое влияние среди соотечественников внутри и вне страны, посетил меня как представителя ЛВР. Он выразил пламенные патриотические чувства, поддержал Программу ЛВР и все наши планы, проявил готовность мобилизовать на борьбу за независимость Кореи один миллион членов партии Чхондогё-чхоннендан (религиозная партия молодежи Небесного пути – ред.). Он твердо обещал и в дальнейшем укреплять связи с ЛВР.

Героем этой заметки, обозначенной как Н, был точжон Пак Ин Чжин (Точжон – должность в духовенстве чхондогё, лидер религиозного округа секты. – ред.), имя которого пришлось скрыть по соображениям секретности. И вообще за несколькими строками информации таилась наполненная глубоким смыслом история, подробности которой могли бы «с лихвой» занять целую книгу. Нить к пониманию этой истории, связанной с посещением точжоном Пак Ин Чжином Пэктусанского тайного лагеря для встречи с нами, дает другая заметка, помещенная в том же номере журнала. В ней сообщалось: в наш отряд вступают все новые и новые молодые бойцы, сердца которых горят чувством патриотизма. Вот что там говорилось:

«Из разных уголков северо-западной части Родины что ни день молодые смельчаки, горящие чувством патриотизма, переправляются через реки Амнок и Туман группами в семь-восемь человек... и вступают в отряд комдива Кима... Хорошо зная рельеф местности, дороги и обстановку в различных районах внутри Кореи, они вызываются идти впереди как авангард вооруженного отряда при продвижении внутрь страны».

Этот случай произошел во время второго или третьего посещения села Синьчандун после нашего вступления в погра-

ничную полосу. Несколько юношей этого села пришли к нам – попросились в армию. Я распорядился принять их всех, если они физически здоровы. Ведь это люди пограничного района. Однако Ли Дон Хак покачал головой. «Можно, наверное, принять всех юношей, – говорил он. – Но придется подумать только об одном – о парне из Пхунсана, которого прозывают «уверовавшим в чхондо». Единому фронту есть свой предел. Как же так легкомысленно зачислять в революционную армию этого чхондогёсца?»

Я попросил Ли Дон Хака привести в ставку командования того юношу, которого сельчане прозывают «уверовавшим в чхондо». Вскоре вслед за ним нестесненной походкой подошел ко мне тот самый молодой человек. Был он в поношенной одежде, но довольно опрятен, неотесанной деревенщиной не выглядел. Примечательными были двойное веко и золотой зуб, который блестел, когда парень улыбался.

Звали юношу Ли Чхан Сон. Жил он в селе Сыль волости Чхоннам уезда Пхунсан, где работал Пак Ин Чжин лидером религиозного округа секты чхондогё в районе Ренбук. У него он получил воспитание и под его влиянием стал членом партии Чхондогё-чхоннендан. Он считался лучшим учеником Пак Ин Чжина, пользовался его особой любовью. По этой же причине он оказался под постоянным надзором полиции, подвергался беспрестанной слежке. Его наставник, точжон Пак, несколько лет просидел в тюрьмах как зачинщик Первомартовского движения в Пхунсане. Теперь тоже находился под надзором. Японские полицейские, повесив патрульный ящик под стрехой дома Пак Ин Чжина, под предлогом патрулирования села регулярно, раз в неделю, приходили к нему – следили за его поведением. А раз в месяц обязательно появлялся начальник полицейского участка. Эти неприятное регулярное патрулирование и неотступный надзор касались и Ли Чхан Сона. Обходившие дом точжона полицейские ни разу не миновали и его дома. Поэтому Ли Чхан Сон с разрешения своего наставника переселился на чанбайскую землю, где надзор и притеснения японской полиции могли быть слабее.

Когда я безусловно утвердил прием Ли Чхан Сона в армию, Ли Дон Хак, надув щеки, словно от несправедливого судебного разбирательства, сказал:

– Товарищ командующий, вряд ли получится из этакого верующего настоящий партизан? У нас нет недостатка в трудовой

молодежи. Зачем же принимать в отряд этого верующего, который может только запятнать состав наших рядов?

Я упрекнул Ли Дон Хака – полушутя, полусерьезно:

– Что за странный у вас взгляд! Вы же сразу разглядели в Ли Чжэ Суне талант, а в этом парне не видите, что он клад для нас. Вы же не косой, а порой вдруг смотрите странно.

– Ведь и Маркс сказал: религия есть опиум. Каким же кладом быть такому уверовавшему в чхондо? Самое большее, чего можно ожидать от него, – это чтобы он не стал нам помехой,

Поистине его предубежденность к верующим была чрезмерной. Мне пришлось терпеливо разъяснять ему.

– Нельзя крайне поверхностно, односторонне рассматривать положение Маркса, который говорил о религии как об опиуме. Это положение не означает, что надо просто отвергать верующих вообще, – оно значит, что надо остерегаться от порабощения религиозным фанатизмом. Нам следует привлечь на свою сторону всех верующих, если они настроены патриотически, и идти с ними рука об руку, кем бы они ни были. Надо знать, что наша партизанская армия – это патриотические вооруженные силы. Ее первейшая миссия – борьба против японского империализма, за спасение Родины. Это армия народа, которая борется за интересы рабочих и крестьян, всей корейской нации. Правда, роль ядра в этой армии играем мы, коммунисты. Однако вооруженные силы, в которых коммунисты играют роль ядра, отнюдь не отстраняют от себя другие слои, другие силы. Пусть тот или иной человек – верующий, но его следует без колебаний принять в наш вооруженный отряд, если он хочет. Вы пока еще не знаете, какой клад попал к нам в руки. Будем иметь связь с этим юношей – сможем сеять семена ЛВР среди последователей чхондогё районов Капсана, Пхунсана, Самсу, а дальше появится возможность превратить обширный район Ренбук в наш мир. Время покажет ценность этого юноши. Надо относиться к нему как следует, дорожить им, беречь его – вот в чем ваше дело.

Не знаю, с каким чувством он воспринимал мои слова.

Прозвище «уверовавший в чхондо», данное Ли Чхан Сону жителями Синьчандуна, следовало за ним и после того, как он вступил в армию. От этого прозвища веяло не товарищеской любовью, а недружелюбной насмешкой и презрением. Каждый раз, когда Ли Чхан Сон слышал это прозвище, искажалось его лицо, на

нем выражалась явная обида.

Однажды в тайном лагере состоялся вечер развлечений в честь новобранцев. Очень интересным был вечер, на котором выступали по очереди старые партизаны и новобранцы. В этот день старые партизаны вытряхивали ради новобранцев весь запас своего дарования. И новобранцы выступали с увлечением один за другим. Между тем из-за оговорки ведущего специально устроенный вечер пошел насмарку. Когда настала очередь Ли Чхан Сона, ведущий допустил серьезную ошибку, объявив: «Теперь послушаем песню нового нашего друга из Синьчандуна, этого «уверовавшего в чхондо». Ли Чхан Сон, обиженный публичным оглашением неприятной клички, тут же ушел, отказавшись петь песню.

По этому поводу шло много разговоров в отряде. Острие осуждения направлено было на организатора вечера. Как же назвать его так оскорбительно – «уверовавшим в чхондо»? Ведь он не старый боец, а совсем новенький! Ведь, мол, презрительная насмешка была чрезмерной.

А иные бранили Ли Чхан Сона: «Видишь, человек он мелкий. Пусть его и обозвали, но все равно должен был бы петь песню, раз его очередь. А он отказался петь и ушел. Что стало с вечером? Ведь он смог покинуть свою семью – решил быть революционным бойцом. Какой же это мужчина, если не превозмог такую малую обиду. Ему не быть бойцом. Человек узкий».

Противоположные мнения насчет организатора вечера и Ли Чхан Сона в конце концов перешли в спор: как относиться к верующим вообще и последователям чхондогё в частности. Мне пришлось четко разъяснить всем командирам и бойцам отряда наши позиции и взгляды на чхондогё.

Чхондогё – это исконно национальная религия, присущая нашей стране.

Судя по тому, что Чвэ Чжэ У назвал чхондогё тонхаком (Восточное учение), четко отличая эту религию от Западного учения (католицизм), легко представить ее национальный характер.

По своим основным идеям и идеалам чхондогё является религией патриотического, прогрессивного направления. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на лозунги чхондогё: «Служение Отечеству и успокоение народа» и «Спасение широких слоев простолюдинов».

Последователи чхондогё, подняв эти лозунги, боролись десятки лет за независимость страны, за строительство идеального общества, где весь народ мог бы жить счастливой жизнью. Разве можно с маху отвергать такую национальную религию, ссылаясь только на то, что она – религия, и обижать ее последователей прозвищем «уверовавший в чхондо»?

Я разъяснил идеалы чхондогё, полные чувства любви к стране и народу, рассказал о патриотической борьбе ее последователей и еще раз осветил принципиальную позицию, которой следует обязательно придерживаться в подходе к ним, а также нашу политику по вопросам единого фронта. После этого у Ли Чхан Сона пропала оскорбительная кличка «уверовавший в чхондо», но зато возникло новое название «Кимпай». Оно означает человека с золотым зубом. Это прозвище распространилось в партизанском отряде как настоящее имя, и он сам заменил свою фамилию на «Ким», взял имя – Кап Пу и стал звать себя Ким Кап Пу. Под этим псевдонимом он и действовал, когда ходил по различным местам, занимаясь подпольной работой.

Ли Чхан Сон был очень грамотен, умен, обладал сравнительно высоким культурным уровнем, хотя родился и вырос в деревне. Особые способности проявлял в пении, пляске и в умении рассказывать юмористические случаи. Он всегда играл «первую скрипку» на вечерах развлечений, обладал общительным характером и легко сходился с незнакомыми людьми. Он был, я бы сказал, чрезмерно откровенный, но страдал «ячеством».

Однажды, спустя всего месяц-другой после его вступления в армию, зашел ко мне Ким Пхен, начальник оргсектора политотдела отряда. Он сказал, что «Кимпай» ему заявил: «Не пора ли продвигать меня по служебной лестнице выше политрука роты?» В то время не столь уж высок был политико-теоретический и деловой уровень политрука роты, в которой служил «Кимпай». Раньше грамотный «Кимпай» уже имел опыт руководящей работы в партии Чхондогё-чхоннендан, и ему, вероятно, было не по душе руководство вышестоящего, чей уровень казался ниже, чем у него самого.

Я вызвал Ли Чхан Сона и дал ему надлежащие советы, объясняя положительные стороны и заслуги политрука роты, о чем он еще не знал.

– В дальнейшем, – говорю я, – ты сможешь работать не только политруком роты, но и в более важной должности. Однако и

далекий путь начинается с первого шага, и студент начинает учебу со скамьи начальной школы. Даже самый способный военно-политический работник и тот должен пройти фундаментальную практику, все стадии подготовки. До сегодняшнего дня ты прошел практику рядового Корейской Народно-революционной армии. Теперь следует пройти этап, необходимый для того, чтобы стать способным подпольщиком. Еще в то время, когда тебя приняли в армию, я думал поручить тебе в будущем политическую работу с последователями чхондогё. Ты должен быть подпольщиком, призванным вовлекать в ряды ЛВР и направлять чхондогёсцев не в размере одной роты, а сотен, тысяч, даже десятков тысяч человек, потом быть еще более крупным политическим работником. Я хочу закрепить за тобой товарища Ким Пхена – начальника оргсектора и товарища Квон Ен Бека – начальника сектора пропаганды командования в качестве отдельных лекторов. Можешь у них учиться и политической теории, и методам работы с массами, и подпольному опыту. Важнее всего овладеть народным стилем работы. Надо крепко запомнить, что скромность является самым прекрасным моральным качеством. Научись считать своими учителями не только революционеров-предшественников, но и всех своих сверстников и младших и всю жизнь стоять на позиции ученика. Тогда все люди будут уважать и любить тебя.

Через некоторое время мы переместили его из состава боевой роты в политотдел командования. С тех пор «Кимпай» был пропагандистом 7-го полка, когда находился в отряде. А когда уходил из отряда, работал подпольщиком по работе с последователями чхондогё. Позже он, передав другому обязанности пропагандиста, стал специально заниматься подпольной деятельностью.

Ли Чхан Сону принадлежали большие заслуги в вовлечении в сеть организаций ЛВР Пак Ин Чжина и многих других чхондогёсцев северного района Кореи.

От него мы получили заранее сведения о Пак Ин Чжине и внутреннем положении в кругах чхондогё, через него смогли установить контакты с последователями этой религии.

Пак Ин Чжин был довольно влиятельной фигурой среди чхондогёского духовенства.

Он имел религиозный псевдоним Мунам. Став священнослужителем в 1909 году, занимал религиозные должности разных ступеней и в 1932 году был уже точжоном Чивонского пхо (Пхо –

определенный сектой чхондогё приход. – ред.).

К тому времени секта чхондогё имела 29 пхо в масштабе всей страны. Говорят, что Чивонское пхо, охватывавшее в основном районы Пхунсана, Самсу, Капсана и Чанбая, было одним из самых обширных в стране пхо секты чхондогё. Пак Ин Чжин именовался также точжоном района Ренбук.

Отец Пак Ин Чжина состоял в Тонхактане[19], активно боролся за победу крестьянской войны года Кабо в рядах ополченческого войска Юга под водительством Чон Бон Чжуна[20]. Крестьянская война кончилась поражением, и началась массовая расправа с сотнями тысяч причастных к этой войне. И ему пришлось покинуть родной край и, скрываясь от преследований, переселиться из провинции Чолла в далекую местность – в Ренбук.

Сопротивленческая жизнь отца и предшественников – глав секты чхондогё, о которой тот часто рассказывал сыну вместо сказок, определила жизненный путь Пак Ин Чжина.

Первомартовское народное восстание явилось крупнейшим испытанием, проверившим его волю и убеждения. В Пхунсане он организовал массовую демонстрацию и, ведя за собой тысячу с лишним манифестантов, ворвался в местную управу и был тяжело ранен вражеской пулей.

Три года Пак Ин Чжин просидел в Хамхынской и Содэмунской тюрьмах, подвергаясь неимоверным мучениям. Но даже жестокие страдания в застенках не смогли сломить религиозную веру и волю к сопротивлению, укоренившиеся в его сердце. После выхода из тюрьмы Пак Ин Чжин имел связи с Армией независимости и в различных районах три-четыре года увлекался оказанием помощи этой армии. Однако Армия независимости не смогла активно действовать и была вынуждена уйти на чужую землю. Он проводил ее с вздохом и слезами и начал искать место, где мог бы жить, меньше видя проклятых япошек. Наконец, он переселился с семьей в горную глушь волости Чхоннам уезда Пхунсан, где устроил помещения для проповедования религии и вечерней школы. Он разъяснял Ли Чхан Сону и другим жителям села вероучение чхондогё, вселял в них дух патриотизма. Однако и эта горная глушь не стала надежным убежищем. В конце каждой недели, каждого месяца незваные гости непременно навещали его дом. Ему пришлось покинуть и землю Пхунсана. Он переселился в новый городок уезда Чанбай.

Ли Чхан Сон рассказал мне интересный эпизод, который позволяет лучше понять Пак Ин Чжина как человека.

Это случилось, когда Пак Ин Чжин, будучи двадцатидевятилетним холостяком, пошел в соседнее село на смотрины. После того как обе стороны познакомились друг с другом, старуха-сваха спросила у парня, какое у него мнение. Пак Ин Чжин ответил, что не против. А отец девушки только курил трубку, ничего не говоря.

Через некоторое время старик грубым, словно вызывающим тоном спросил:

– Правда, что тебе двадцать четыре года?

Честный парень Пак Ин Чжин, отроду не лгавший ни разу, ответил, что ему двадцать девять лет. Старуха-сваха завопила. Он-то не знал, что она уже сообщила, что ему двадцать четыре года, уменьшив его возраст на добрых пять лет.

В те времена рано женились, и холостого парня, которому уже минуло двадцать лет, подозревали, что он или урод, или болван. Не мудрено, что старик, будущий тесть, нахмурил лицо, услышав, что ему уже двадцать девять. Семья Пак Ин Чжина была так бедна, что он не мог вовремя жениться и остался холостяком.

Отец девушки грозным голосом заявил, что он не может свою дочь выдать замуж за старого холостяка под тридцать лет.

У Пак Ин Чжина потемнело в глазах, но он собрался с духом и зло спросил: «Нет, что ли, у меня носа или глаза? Хочу знать, почему же вы, хозяин, против меня?»

Старик, приведенный в растерянность и замешательство, ответил: «Особой причины нет. Все хорошо, но беда, что тебе слишком много лет – старше моей дочери на одиннадцать лет. Если, невзирая на это, разрешу бракосочетание, то могут пойти дурные слухи, будто я свою дорогую дочь выдал замуж за старого вдовца».

Пак Ин Чжин не отступил и после такого ответа. Он говорил: «Раз нет другой причины, я все равно женюсь на вашей дочери во что бы то ни стало. Хотя я старый холостяк, но целомудренный и ни разу не взял руку девушки. Не могу терпеть, чтобы относились ко мне как к вдовцу. Не уйду, пока не получу согласия на бракосочетание. Если окончательно откажете, то заберу вашу дочь, даже положив ее в мешок. Так что лучше дайте скорее удовлетворительный ответ».

Тогда старший брат девушки с улыбкой подсказал: «Если ты так

хочешь жениться на моей сестре, то заплати тысячу *вон».* Это была большая сумма, равная стоимости более двадцати волов. Такую колоссальную сумму Пак Ин Чжин, у которого не было и одного теленка, не мог себе и представить. Однако он, прикидываясь хладнокровным, заявил, что готов заплатить деньги, когда выдадут дочку.

Старик, как физиономист, внимательно вгляделся ему в лицо и, наконец, разрешил бракосочетание.

Итак, Пак Ин Чжин избавился от положения старого холостяка и стал зятем старика. Тысяча *вон,* конечно, не стала проблемой. Напоминание о деньгах явилось всего лишь попыткой узнать волю жениха. Пак Ин Чжин, очевидно, был человеком, решительным, прямым, самоуверенным, с сильной волей. Из беседы с «Кимпаем» мы поняли, что характер Пак Ин Чжина чем-то привлекает людей.

Когда была закончена подготовка Ли Чхан Сона к подпольной работе с последователями чхондогё, я послал его к Пак Ин Чжину. Перед его уходом я особо подчеркнул: все мы вместе с чхондогёсцами – корейцы, любящие Родину и нацию, друзья бедных и униженных народных масс, которые борются, считая своей первейшей целью «отпор агрессии Японии» и «служение Отечеству и успокоение народа»; так что нам следует объединяться, идти рука об руку, сплоченными силами бороться против японского империализма; надеюсь, что в недалеком будущем представители обеих сторон соберутся в одном месте, чтобы вести искренние переговоры.

Через три дня «Кимпай» вернулся в тайный лагерь.

Пак Ин Чжин согласился с нашим предложением развернуть сплоченными силами антияпонскую борьбу и попросил направить к нему нашего представителя на переговоры.

Я собирался сам пойти на переговоры с точжоном Паком. Но некоторые неизбежные обстоятельства не позволили мне покинуть тайный лагерь. Время было такое, что совсем недавно кончились «Тумыньские переговоры» между Минами и Уэда. С началом «крупной зимней карательной операции» противника сложилась тяжелая ситуация для Народно-революционной армии. Наряду с наступлением карателей одолевали бесчисленные тайные агенты врага. Они рыскали вокруг, чтобы покуситься на нашу жизнь.

Соратники категорически протестовали против моего отъезда. Они заявляли: как по соображениям сохранности нового тайного

лагеря, так и для обеспечения личной безопасности командующий не должен идти на переговоры. Все они проявляли настороженность, так как недавно произошел случай, когда тайный агент пробрался почти до нашего командования.

В конце концов на переговоры с Пак Ин Чжином мне пришлось направить Ким Пхена и Ли Чхан Сона.

Что касается Ким Пхена, то он занимался любыми делами с малолетства. Дельный работник, мастер на все руки, он был сведущ и в иероглифическом письме. Это, по-видимому, результат того, что в детстве он обучался лет пять-шесть иероглифической письменности в частной школе *содан*. Потом он получил образование в стационарной школе. После вступления в Народно-революционную армию прошел военно-политическое обучение во внутрипартизанском передвижном училище, которое готовило партизанских командиров. Ким Пхен одно время был преподавателем. Можно сказать, что Ким Пхен был выдвинут вместе с Ли Чхан Соном представителем на переговоры с последователями чхондоге потому, что были учтены его знания о чхондогё и опыт политической работы.

Переговоры между Пак Ин Чжином и нашими представителями состоялись в комнате, примыкающей к кухне, дома Ли Чжон Хва, главы Чанбайского чонривона (Чонривон – определенная сектой чхондогё форма прихода. – ред.), который находился в Вангэдуне, что в Шицидаогоу уезда Чанбай.

Ким Пхен сначала предъявил им мандат представителя с моей подписью и печатью, передал Пак Ин Чжину «Программу ЛВР из 10 пунктов» и «Учредительную декларацию ЛВР». Потом началось серьезное обсуждение вопроса о сотрудничестве с силами чхондогё.

Пак Ин Чжин проявил большой интерес к тому, какую власть намерены мы установить после изгнания японских империалистов. Он был против реставрации королевской власти времен Старой Кореи, против власти советского образца, установленной в России, против создания власти путем узаконения «временного правительства Корейской Республики», которое называлось «эмигрантским правительством».

Согласно первому пункту Программы ЛВР из 10 пунктов Ким Пхен подробно объяснил, что мы намерены установить народную власть на основе системы парламента, образуемого из

представителей народа, избранных на демократических началах по общему волеизъявлению всего корейского народа. Пак Ин Чжин сказал, что он может абсолютно одобрить народную власть, которая будет установлена согласно этой Программе. Вместе с тем он откровенно выражал опасение и сомнение, что когда страна будет возрождена и нужно будет установить, какова будет власть на самом деле, не нарушим ли мы обещание, создав коммунистическую власть советского образца.

В то время в Советском Союзе шла ликвидация антипартийных и враждебных элементов, что отрицательно влияло на настроения народов соседних стран.

Ким Пхен настойчиво разъяснял, что и в случае, когда после возрождения страны возьмут в свои руки власть коммунисты, развернувшие антияпонскую вооруженную борьбу, они не установят коммунистическую власть советского образца. Как указано в Программе ЛВР из 10 пунктов, продолжал он, власть, которая будет установлена нами на земле независимой Родины, станет такой, в которой будет максимально воплощена демократия, такой, при которой сами народные массы станут хозяевами политики, такой народной властью, которая будет защищать и выражать интересы не только рабочих и крестьян, но и патриотических сил различных слоев населения. Чтобы подтвердить правдивость своих слов, Ким Пхен рассказал и о том, что в партизанских районах Цзяньдао мы перестроили совет в народно-революционное правительство.

Пак Ин Чжин сказал: «Нет другого мнения насчет Программы ЛВР из 10 пунктов и ее Учредительной декларации. Если эта Программа и Декларация не пропаганда, а ваше искреннее убеждение и незыблемая воля в практических делах, то и мы, последователи чхондогё, готовы включиться в единый антияпонский национальный фронт. Но принять об этом решение – дело нелегкое, которое я один свершить не могу. Дам ответ после обсуждения с коллегами по духовенству и кёреном ЦП чхондогё Чвэ Рином» (Кёрен – верховный настоятель секты чхондогё. – ред.).

В то же время Пак Ин Чжин выразил пожелание лично посетить тайный лагерь и повидаться со мной еще до встречи с Чвэ Рином и попросил помочь ему в этом. Ким Пхен обещал сделать все возможное, чтобы удовлетворить его просьбу.

Пак Ин Чжин не спешил сказать о том, даст он нам руку или нет.

Только ограничился не вполне определенным ответом, с оговорками. Было ясно, что он собирался принять окончательное решение только после встречи со мной. И все-таки переговоры были довольно конструктивными.

На следующий день Пак Ин Чжин вызвал к себе более пятидесяти верующих – мужчин и женщин, принадлежащих к Чанбайскому чонривону, и устроил большой банкет в честь представителей КНРА. Зарезали свинью и приготовили паровые хлебцы, чтобы оказать нашим представителям теплое гостеприимство.

Выставили на пост молодежь из партии Чхондогё-чхоннендан и устроили даже вечер развлечений. Их песни и танцы все были проникнуты чувством патриотизма и боевым пафосом. Ким Пхен был тронут до глубины души патриотическим духом последователей чхондогё. Хозяин дома Ли Чжон Хва спел песню, которая начиналась словами: «Встретились мы наконец, встретились с врагами...» Говорят, эту песню пел У Док Сун тогда, когда сопровождал Ан Чжун Гына[21], направляющегося в Харбин, чтобы застрелить Ито Хиробуми. Он пел так грустно, что все проливали слезы от печали и обиды.

Пак Ин Чжин посетил наш тайный лагерь в начале зимы 1936 года. Из сопровождавших его лиц помнится мне по сей день Ли Чжон Хва.

Все они были в длинных халатах *турумаги* темного цвета. У всех к воротнику халата была пришита не тесемка, а петлица для двух пуговиц, вместо одной. Последователи чхондогё одевались в такой халат с оригинальной петлей, тем самым отличаясь от других людей.

Как только Пак Ин Чжин встретился со мной, он выразил сердечную признательность за приглашение в тайный лагерь.

– Я и не думал, что так легко осуществится моя мечта о встрече с вами, Полководец. Нам очень стыдно за то, что мы не успели пожертвовать ни одной винтовки, ни одной *чоны* для антияпонской войны за независимость, – проговорил он.

Из этих слов я понял, что Пак Ин Чжин – человек очень скромный, вежливый и честный. Я высказал ему наши сокровенные мысли:

– Мы дорожим душой больше, чем деньгами или вещью. Мы ценим любовь к Родине выше, чем пожертвование нескольких винтовок или некоторой суммы денег. Я слышал, что вы,

уважаемый точжон, по сей день неизменно сохраняете в себе чувство любви к Родине. Это благородное чувство вдохновляет нас стократ. В столь суровую годину мы видим таких людей, как вы, которые сохраняют верность патриотизму, и это дает нам поистине большое воодушевление и радость.

– Это чрезмерная похвала. Я-то не заслужил ее, – ответил Пак Ин Чжин.

Он искренне извинился за то, что он, обманутый демагогией японцев, хоть и одно время, считал Народно-революционную армию, борющуюся за священное дело возрождения Родины, «шайкой бандитов».

И я объяснял: «В такой обстановке, когда не понимают друг друга, могут возникнуть и недоразумение, и вражда. Мы не придираемся к этому. Главное – дело будущего. Не будем ворошить прошлое. Соединим наши помыслы и подумаем лучше вместе о будущем. Вы, наверное, слышали от наших представителей, что минувшей весной мы создали ЛВР с целью развернуть общенациональную антияпонскую войну путем сплочения всех слоев соотечественников, которые любят Родину, любят нацию и ненавидят японских захватчиков. Если вы не против ее Программы, то надеюсь, что и патриотическая часть последователей чхондогё присоединится к антияпонской войне. Победа будет за нами, если будем бороться сплоченными силами. Нельзя добиться возрождения Родины, нельзя избежать поражения, если не сплачивать силы, а рассыпаться на части. Это горький урок, который преподает нам история. Если в самый разгар крестьянской войны года Кабо Чвэ Си Хен, командующий ополченческого войска Севера в районе Хосо (провинции Северный и Южный Чхунчхон – ред.), принял бы своевременно предложение о соединении, выдвинутое Чон Бон Чжуном, командующим ополченческого войска Юга в районе Хонам (провинции Северный и Южный Чолла – ред.) и не помешал бы наступлению на Сеул, то история, вероятно, в некоторой степени была бы иной. Одна из главных причин неудачи тонхактанского восстания заключалась в том, что все патриотические силы различных слоев и районов сражались не сплоченно, а разрозненно, своевольно. Поэтому вся нация должна объединиться воедино и бороться сплоченными силами. Лишь это увенчает победой священную антияпонскую войну и приведет к возрождению Родины. Сплочение нации – это самая мудрая мера

для мобилизации всех сил нации на антияпонскую борьбу, это путь к великой победе нации. Силами одних только последователей чхондогё невозможно дать «отпор агрессии Японии», обеспечить «служение Отечеству и успокоение народа». И наша Корейская Народно-революционная армия не добьется независимости Кореи одними лишь своими силами. Можно надеяться на победу, только сплачивая все другие антияпонские патриотические силы. Так что мы предлагаем сплотиться вокруг ЛВР, чтобы все мы с вами способствовали великой консолидации нации.

Пак Ин Чжин говорил: «Весьма замечательны Учредительная декларация и Программа ЛВР, совершенно правильны и ваши мнения, Полководец. И вот я намерен обязательно убедить Чвэ Рина ЦП чхондогё в том, чтобы добиться одновременного вступления в Лигу возрождения Родины всех трех миллионов последователей чхондогё в стране».

Видимо, в чхондогёском духовенстве строго соблюдался принцип демократического централизма: центр имел абсолютное право на решение. Однако на самом деле было маловероятным решить вопрос таким образом. Потому что верхушка ЦП чхондогё подвергалась гниению, разложению и перерождению.

Я откровенно высказал Пак Ин Чжину свое мнение: «Будет очень хорошо, если так получится. Но не следует возлагать чрезмерно большую надежду на Чвэ Рина. Судя по его последним действиям и написанным им статьям, он, кажется, идет совсем по иному пути, чем путь сменявших друг друга всех глав секты чхондогё. Он превращается в слугу власти противника, изменив и тонхакским идеалам, и нации».

Тогда Пак Ин Чжин спросил, откуда я так хорошо знаю даже о Чвэ Рине. Он признался, что и среди последователей чхондогё немало людей с неодобрением относится к тому, что поведение Чвэ Рина становится странным, да и сам он подозревает его.

Чвэ Рин был причастен к составлению Первомартовской декларации о независимости. Он внес немаловажный вклад в начало Первомартовского движения. За это пришлось ему посидеть и в тюрьме. Но в его жизни наблюдались признаки «изменения направленности» после того, как он вышел из тюрьмы и вступил в должность кёрена секты чхондогё по рекомендации Сон Бен Хи, главы третьего поколения.

Чвэ Рин утверждал: «Чтобы осуществить высшую программу

чхондогё о построении «царства небесного на земле» путем «сотворения мира на нашей земле», надо исколесить все уголки земного шара для знакомства с положением на Востоке и Западе, а потом придумать реальный и рациональный вариант реформ». Целый год он совершал кругосветное путешествие. А возвратившись из поездки, стал проповедовать: «В нынешней ситуации Корея, вероятно, не может избавиться от колониальной зависимости от Японии и стать независимой. Силы Японии растут день ото дня в мировом масштабе, так что последователям чхондогё не следует входить в бесполезные столкновения с Японией, лучше было бы вести только «движение за самоуправление».

Прозвучали из уст Чвэ Рина и такие слова, что надо принять участие в политике, имея в виду защиту чхондогё от репрессий японского империализма.

– Так Чвэ Рин услуживает генерал-губернатору, – продолжал свой рассказ Пак Ин Чжин. – При этом он утверждал, что все это в интересах чхондогё, ради его последователей. Так что абсолютное большинство верующих еще не раскусили лицемерность его слов. Я тоже поверил Чвэ Рину, по-прежнему видел в нем кумира. А летом прошлого года глава чонривона секты Ли Чжон Хва побывал в Сеуле и встретился с Чвэ Рином. Вернувшись, он сказал нам, что тот значительно изменился, судя по убранству его дома, по речам и поступкам. Однако пока еще не хотелось бы клеймить его позором как предателя, поскольку я не видел этих фактов своими глазами. Я решил поговорить с ним наедине, когда буду в Сеуле. Скоро в Сеуле состоится центральный съезд последователей чхондогё. Тогда и я буду там. Если верно, что он прогнил, то нам придется бросить его. Мы будем стоять на своем.

Высказал свою позицию Пак Ин Чжин резко, будто ножом разрезал редьку.

В ходе беседы мы обменялись мнениями и по ряду других вопросов: о внутренней и внешней обстановке, о реальном положении националистического движения, о ходе развития антияпонской вооруженной борьбы, о строительстве Родины после ее возрождения и так далее.

Беседовали мы и днем, и ночью. Во время отдыха показывали гостям, как живет наш отряд.

Пак Ин Чжин выражал уважение и восхищение. Он говорил, что

вооружение нашей Народно-революционной армии более современное, чем можно было предположить, бойцы выглядят бодрыми и жизнерадостными; казармы оборудованы аккуратно, и все вокруг чисто; распорядок дня четок, все бойцы дисциплинированны, подтянуты и совсем похожи на воинов регулярной армии. Он не уставал восхищаться также причудливым рельефом гор у нашего тайного лагеря. По его словам, когда он смотрит на пейзаж в окрестностях партизанского тайного лагеря, то ему кажется, что он очутился в ущелье горы Чхонсон в Рянсане провинции Кенсан, где основоположник чхондогё Чвэ Чжэ У дважды побывал, изучая религиозные догмы. На горе Чхонсон находится храм Нэвон. С ним связано предание о том, что достопочтенный монах Вонхё-тэса, отец Соль Чхона – знаменитого автора книги «Хваванге», обучал тысячу с лишним монахов из Танской империи буддийским канонам «Хваомген», восхваляющим десять тысяч добрых деяний Будды, благодаря чему все они стали святыми. В этой исторической местности Чвэ Чжэ У, родоначальник тонхак, изучил вероучение и основал учение тонхак.

Пак Ин Чжин говорил, что он чувствует новый прилив энергии при виде того, как мы в дремучей зеленой тайге гор Пэкту во имя освобождения Родины совершенствуем свои силы, как мы куем из бесчисленных юношей воинов, имея даже Программу ЛВР из 10 пунктов – великую хартию возрождения нации, более важную, чем «Хваомген» или «Тонген тэчжон» («Свод священных писаний об учении тонхак»).

Когда Пак Ин Чжин был у нас в тайном лагере, его больше всего тронуло то, что я предоставил ему возможность помолиться в знак почитания чистой воды.

В чхондогё имеется ритуал «Огван» (пять условий), который должны обязательно блюсти его приверженцы, а именно: «чумун» (монотонное воспевание священной формулы чхондогё – ред.), «чхонсу» (почитание чистой воды), «сииль» (день отдыха), «сонми» (искренний рис), «кидо» (молитва). Они почитают чистую воду в латунной посуде. Это называется «молитвой в знак почитания чистой воды», что является законной нормой в мире чхондогё, которую нельзя нарушать ни в один день. Для последователей чхондогё чистая вода есть символ первооснов Неба и Земли, в ней воплощена их клятва не забывать милостей Неба и Земли. Когда Чвэ Чжэ У изучал вероучение, он три раза в день

почитал чистую воду в латунной посуде, погрузившись в глубокое раздумье. Чистую воду почитал он и в последнюю минуту своей жизни, когда его казнили. Вот почему чхондогёсцы стали почитать чистую воду в латунной посуде как символ духа своего родоначальника, что вошло в традицию как законная норма и обычай. Когда мы занимались в училище «Хвасоньисук», не раз видели, как Чвэ Дон О, Кан Чжэ Ха и другие чхондогёсцы почитали чистую воду всей семьей каждый день в девять часов вечера.

Вечером, беседуя с Пак Ин Чжином, я заметил, что время подходит к девяти и ему пора почитать чистую воду, и велел ординарцу принести миску с чистой водой. Я вежливо поставил ее на середину грубоотесанного стола из плах и сказал собеседнику, что ему пора почитать чистую воду.

– Вот вода из священной местности. Жаль, что она не в латунной, а в эмалированной посуде. Извините за то, что нет латунной посуды, и, пожалуйста, приступайте к обряду – почитать чистую воду, – предложил я.

Пак Ин Чжин глядел на меня удивленными глазами:

– Как же мне почитать чистую воду, находясь в вашем, Полководец, военном лагере, где бойцы не привержены чхондогё?

– Говорят, что в дни тонхактанского волнения тонхакисты даже на поле боя ежедневно молились, почитая чистую воду. Ведь вы как точжон секты соблюдали десятилетиями эту законную норму. Как же вам нарушать ее в нашем тайном лагере? Молитесь, пожалуйста, без стеснения.

Пак Ин Чжин как гость отказывался, соблюдая нормы приличия. Но я снова предлагал ему почитать чистую воду, говоря: «И в Программе ЛВР из 10 пунктов указано о человеческом равенстве и обеспечении свободы вероисповедания. Нам неловко, если вы, уважаемый точжон, отличающийся сильной верой, хоть раз пренебрежете обычной для вас законной нормой из-за того, что мы атеисты».

В конце концов Пак Ин Чжину пришлось сидеть перед миской с чистой водой и произносить текст заклинания из двадцати одной буквы. Он подряд три раза произнес его, проглотил глоток воды и возбужденно проговорил:

– Особый вкус чистой воды из ущелья горы Пэкту. Мне довелось почитать чистую воду, которую выпивал родоначальник нашей страны, и мне не забыть всю жизнь того, что случилось сегодня вечером. И во сне я не думал, что вы, военный человек, так

уважаете нормы вероучения нашей секты. Просто не могу найти слов, чтобы выразить свои глубокие чувства.

Оказалось, Пак Ин Чжин, как и другие служители культа, зараженные антикоммунизмом, очевидно, думал, что коммунисты либо игнорируют, либо отвергают, либо ненавидят религию и все религиозные каноны...

В каком-то году пастор Ким Сон Рак, проживавший в США, прибыл с визитом на Родину. Тогда я на обеде предложил ему помолиться перед едой. Он очень удивился моему предложению. Он, вероятно, думал: как же это Президент коммунистического государства обращает внимание даже на молитву служителя культа перед обедом?! Это загадочное дело!

В тот день я предложил пастору Ким Сон Раку молиться перед обедом не для того, чтобы заслужить какую-то благодарность или пропагандировать то, что мы не относимся негативно к религии и служителям культа. Я так предложил, исходя из чувства приличия хозяина, желающего обращаться с гостем как следует, из чистого чувства гуманизма, стремления дать возможность ему, живущему всю жизнь как искренний последователь христианства, соблюдать религиозные правила без стеснений и на Родине.

Статья Конституции КНДР, в которой сказано о свободе вероисповедания, – это не пустые слова или обещание вроде мыльного пузыря. Как в прошлом, так и ныне мы не попираем свободу вероисповедания, не подвергаем верующих репрессиям. Если в КНДР, в условиях народной власти, каким-либо верующим пришлось подвергнуться санкциям или переживать политические испытания, то это лишь в связи с их преступлениями, с предательством национальных интересов, интересов Родины и народа.

После освобождения страны в некоторых районах были случаи, когда фракционеры подвергали верующих дискриминации и враждебно относились к самой религии, что вызвало общественные пересуды. Но это не было общим явлением, которое наблюдалось бы везде, и тем более не было уклоном, возникшим по организационной воле или по распоряжению центра.

Еще в канун Отечественной освободительной войны[22] против империалистов США у нас в стране было множество христианских церквей и буддийских храмов. После освобождения страны я был в Чхильгоре. Там по-прежнему сохранилась христианская церковь, которую я видел в годы учебы в Чхандокской школе. На

Намсанской возвышенности в Пхеньяне, где ныне расположен Народный дворец учебы, стояли две крупные церкви. А американцы, выдающие себя чуть ли не за «посланцев бога», прилетели на самолетах и разрушили их бомбами до основания. Крупные и малые буддийские храмы, в которых были статуи Будды, тоже подвергались бомбежкам. Кресты, иконы и библии сгорели, превратились в пепел, были погребены в руинах. И сами верующие отправились на тот свет.

Как видно, американцы рушили и церкви, умерщвляли и верующих. «Бог» не смог предотвратить такие злодеяния. По этой причине в годы войны среди нашего народа уменьшилось число посетителей церкви. Наши верующие больше не нуждались в молитве перед «богом», просясь в «рай». Верующие познали, что религия не играет никакой роли в решении судьбы человека, и сами отказались от верования. Они стали приверженцами идей чучхе, основанных на принципе, что человек – хозяин всего и решает все, человек – создатель и властелин мира. После войны они не торопились с пожертвованиями денег на восстановление церкви. Зато они первым делом построили жилые дома, заводы и учебные заведения.

Среди нашего подрастающего поколения нет таких молодых людей и детей, которые думают, что вера в Христа, вера в «ханульним», вера в Будду принесут им счастье и помогут попасть в «рай». Вот почему они не хотят быть верующими, вступать в религиозные организации.

И в настоящее время мы по-прежнему не относимся к религии негативно и не угнетаем верующих. Наоборот, государство за свой счет строит для них церкви и обеспечивает жизненные условия. Несколько лет назад учреждено отделение религии на историческом факультете Университета (Университет имени Ким Ир Сена – ред.). Это отделение готовит специалистов по религии. У нас, как и в зарубежных странах, деятельность всех религиозных организаций и верующих последовательно охраняется законом.

Говорят, что в Южной Корее очень много верующих, среди них немало патриотов и борцов, которые активно действуют на трех фронтах: демократии, объединения и мира.

В настоящее время среди верующих Южной Кореи и заграницы все более растет число патриотических деятелей, выступающих за

коалицию с коммунистами. Это не оттого, что они привержены «Манифесту Коммунистической партии». Их связывают с нами иные узы – идеи и чувство любви к Родине и нации.

Такие узы существовали и в 30-е годы. С любыми слоями населения, которые проникнуты чувством любви к Родине и нации, можно идти рука об руку – таков был принцип единого фронта, освещенный в Программе ЛВР из 10 пунктов. Согласно этому же принципу мы стали идти рука об руку и с точжоном Пак Ин Чжином.

Иные люди пропагандируют в искаженном виде наши идеи о свободе вероисповедания: эти идеи, мол, своего рода временный соблазн для завлечения верующих в сети единого фронта. Такая демагогия, какой бы громогласной она ни была, ни в коем случае не может никого обмануть. Дружба, соединяющая меня с О Дон Чжином, Сон Чжон До, Чвэ Дон О, Кан Чжэ Ха и другими служителями культа, была основана на чистом чувстве любви к Родине и нации, а не исходила из каких-нибудь умыслов. Я не пытался сделать из них сторонников Маркса, не думал выставить их в качестве спутников коммунистической партии. Я только с искренностью уважал их веру, их личность и человеческие права...

Не случайны были и откровенные признания Пак Ин Чжина о том, что он по-настоящему познал нас после того, как почитал чистую воду в нашем лагере. В тот день точжон Пак, после обряда почитания чистой воды, вдруг спросил меня:

– Я очень хочу узнать у вас об одном. А вы, Полководец, поклоняетесь ли кому-либо, как мы поклоняемся «ханульним»? Если есть такой предмет, то что это?

Я принял этот вопрос за выражение его доверия к нам и дал искренний ответ: «... И у меня, конечно, есть предмет, которому поклоняюсь, как богу. Это – народ. Я считаю народ небом, служу ему, как богу. Моим богом является не кто иной, как народ. Народные массы всемогущи, и на свете нет более могучего существа, чем они. Поэтому девизом своей жизни я считаю «поклоняться народу, как небу...»

Пак Ин Чжин был очень доволен. «Я пришел в горы Пэкту недаром, – говорил он многозначительно. – Пусть немножко поздновато, но теперь я понял, что такое настоящий «ханульним» и где он. Идея Чвэ Чжэ У, родоначальника чхондогё: «человек есть бог», имеет общность с вашей идеей».

Точжон Пак Ин Чжин и его спутники пробыли у нас три дня. Они посмотрели типографию и швейную мастерскую, боевую стрельбу и художественную самодеятельность партизан. Покидая тайный лагерь, Пак Ин Чжин говорил:

– Здесь мне довелось впервые увидеть и узнать то, чего я не видел и не знал, прожив пятьдесят лет. Поистине чудесное дело. Признаюсь, я весь очарован жизнью в этом тайном лагере. Теперь я толком знаю, что мне надо делать, и принял решение. Теперь я готов навестить Чвэ Рина и начать большое дело – вовлечь всех последователей чхондогё в Лигу возрождения Родины. Если не добьюсь этого, то буду вовлекать в нее хотя бы всех тех, кто принадлежит к подчиненным мне восьми чонривонам в районе Ренбук. Вместе с тем буду делать все, чтобы и миллион молодых, полных кипучей энергии, людей из партии Чхондогё-чхоннендан страны с оружием в руках вступили в армию, ведомую вами, Полководец. Верьте моим словам.

Вернувшись из тайного лагеря, Пак Ин Чжин энергично занялся вовлечением последователей чхондогё в организацию ЛВР. Он присоединил их в Чанбае к фронту возрождения Родины. В августе 1937 года он лично направился в Самсуский чонривон и, посоветовавшись с его главой Чо Ван Хебом, главой Чанбайского чонривона Ли Чжон Хва и другими людьми, активно продвигал дело единого фронта с нами. Активную помощь оказывал ему «Кимпай». Раньше Пак Ин Чжин послал к нам семь-восемь юношей с просьбой воспитать их такими, как Ли Чхан Сон, чтобы в дальнейшем они могли помогать ему в работе. К тому времени представитель уезда Пхунсан из партии Чхондогё-чхоннендан Ли Ген Ун и другие вступили в главную часть Корейской Народно-революционной армии.

В декабре того же года Пак Ин Чжин, как он нам и говорил, отправился в Сеул для участия в центральном съезде последователей чхондогё.

Могло бы неладное случиться с Пак Ин Чжином, если бы Чвэ Рин донес на него или организовал террор. Нужно было помочь ему на переговорах, запланированных им, и обеспечить его личную безопасность. И я велел Ли Чхан Сону вместе с моим ординарцем Ким Бон Соком надежно охранять Пак Ин Чжина, сопровождая его до Сеула.

По прибытии в Сеул Пак Ин Чжин узнал совсем неприятные

новости. Чвэ Рин еще роскошнее благоустроил свой дом европейского типа на улице Менрюн, передал большие суммы денег из фонда чхондогё в сейф генерал-губернаторства как «пожертвование на оборону». При этом он разглагольствовал, что для реализации «самоуправления ради независимости» надо мириться с Японией. Пак Ин Чжин, с трудом сдерживая гнев, терпеливо уговаривал его отказаться от этих мер. Однако Чвэ Рин уже давно привык смотреть на всех свысока.

Пак Ин Чжин, возмущенный, осуждал: «Устраиваемая сейчас вами игра с пожертвованием денег является продажным, предательским актом, идущим наперекор священному делу независимости. Она приведет только к значительному укреплению государственной мощи Японии и дальнейшему продлению зависимости Кореи». Пак Ин Чжин, размахивая текстом «Программы ЛВР из 10 пунктов» перед глазами Чвэ Рина, настойчиво разъяснял: «Настоящий путь к независимости Кореи не в пожертвовании денег, а именно в этой Программе. Это один-единственный путь, по которому мы должны идти. Мы, верующие, обязаны вступить в ЛВР, организованную Полководцем Ким Ир Сеном, присоединиться к КНРА и вести антияпонскую войну».

Чвэ Рин долго разглядывал Программу ЛВР из 10 пунктов и стал убеждать Пак Ин Чжина: «Не надо торопиться. Цель, к которой идет Ким Ир Сен, – море, и цель, к которой иду я, – тоже море. К морю можно идти разными путями. Есть и большак, и тропа. Сейчас не время выходить на большак, поднимать шумиху. Как говорится, всякому делу свой срок. Сейчас следует только чистить посуду. А налить в нее воды можно в любое время». Разгневанный Пак Ин Чжин резко спорил с Чвэ Рином, пока не вышел из его дома.

Точжон Пак, порвав с Чвэ Рином, вскоре создал Пхунсанский филиал ЛВР, охватывающий последователей чхондогё уезда Пхунсан, потом организовал такие филиалы в районах Капсана, Самсу, Хесана, Чанбая из актива чхондогёсцев. Эти филиалы сплотили вокруг себя многочисленных последователей чхондогё и крестьян. Организации ЛВР, находившиеся под влиянием Пак Ин Чжина, присылали в наш тайный лагерь большое количество материалов в помощь. И сам Пак Ин Чжин часто ходил в Хесан и Пхунсан, чтобы доставать для нас материалы. Однажды Пак Ин Чжин прислал нам приобретенные лично им более десятка звериных шкур, чтобы партизаны пользовались ими на биваках. Тогда все мои соратники, глядя на

шкуры, не скупились на похвалы в адрес Пак Ин Чжина.

Среди учеников Пак Ин Чжина в Диянси были и те, которые взяли у Ким Чжон Бу тысячи *пхен* земли в аренду и, проливая пот незаметно для других, трудились, чтобы вырастить и собрать зерно для Народно-революционной армии. Никто, кроме Пак Ин Чжина, не знал, что урожай с этой земли шел в наш тайный лагерь.

Его жена и дочери тоже принимали активное участие в работе по доставке материалов в помощь Корейской Народно-революционной армии.

Пак Ин Чжин денно и нощно трудился во имя освобождения нашего народа, ради его свободы. В октябре 1937 года он, к несчастью, был арестован японской полицией в связи с «Хесанским делом».

Враги разнюхали участие Пак Ин Чжина в борьбе и его связи с нами и яростно принуждали его признаться. «Мы хорошо знаем, – говорили они, – что ты уже давно держишь тайую связь с партизанами Ким Ир Сена. Знаем все, что ты из неблагонадежных элементов на обоих берегах пограничной зоны создал тайные организации и пытался изменить государственный режим. Говори без утайки, какие распоряжения ты получил от Ким Ир Сена, где расположены твои организации?» Но Пак Ин Чжин упорно молчал.

Враги поняли, что нельзя сломить его волю, его убеждения, и стали подбираться через придирки к чхондогё: «Говорят, твое чхондогё проповедует, что нет человека над человеком, нет человека под человеком, что человек есть «ханульним». Тогда как же тебе и твоим коллегам безрассудно гнать человека, которому вы поклоняетесь, как небу, на поле боя и заставлять его напрасно проливать кровь под предлогом борьбы против Японии, за достижение независимости? Скажи: разве это не ересь, не надругательство над моралью?»

Пак Ин Чжин дал решительный отпор их глупостям:

– Надругательство над моралью совершаете вы, а не мы. Именно вы зачинщики попрания канонов нашего чхондогё. Ведь вы что ни день угоняете на бойню тысячи, десятки тысяч корейских «ханульним», как волов и свиней. Вы же знаете, что всюду, где только сверкают штыки и сабли вашей армии и полиции, ручьями и реками льется кровь нашей белоодежной нации и сердце живого человека разрывается от обиды. Ну ответьте на мой вопрос: кто

виноват и кто должен подвергаться суду? Мы не можем простить разбойников, которые попрали святое вероучение чхондогё Корейского государства и умертвили много и много простых людей. Не можем признать государственный режим, состряпанный разбойниками в незаконном порядке. Так что мы, три миллиона чондогёсцев, вместе с двадцатью миллионами соотечественников смело поднимаемся на кровопролитное сопротивление. Пусть я умру и стану горстью праха, но буду тому рад, если кровь, что кипит во мне, превратится в искру, сжигающую вашу империю!

Враги трепетали от его гневных слов. Разъяренные палачи подвергли старого точжона чудовищным пыткам – и сделали его калекой, который даже не мог двигаться. Вдобавок он тяжело заболел и оказался на грани смерти. Враги поняли, что жизнь Пак Ин Чжина на волоске, и выпустили его на волю под залог, по болезни.

Пак Ин Чжин встретил весну 1939 года, лежа в постели. На смертном одре он, собравшись с духом, говорил своей жене, которая всю жизнь верно помогала ему: «В эту минуту перед смертью я испытываю счастье. Потому что я достойно прожил остаток своей жизни, как подобает потомкам Великого Глубокопочтенного Сууна. Я, Пак Ин Чжин, родился как мужчина Кореи и ухожу как мужчина Кореи. Когда Родина будет освобождена, вы с детьми последуйте за Полководцем Ким Ир Сеном».

Один из учеников Пак Ин Чжина, пользовавшийся его особой любовью, прибежал к изголовью больного, узнав, что он находится на грани смерти. Увидя своего ученика, Пак Ин Чжин попросил его спеть песню «Тондоллари», которую он любил петь в будни. Говорят, название песни «Тондоллари» произошло от слов «Тонтхыллари орира» (Наступит день, когда придет рассвет). В песне воплощена уверенность, что наступит день, когда народ выдворит японских империалистов-агрессоров и снова заживет мирной жизнью.

С начала 30-х годов песня и танец под названием «Тондоллари» широко распространились среди жителей Пхунсана, который примыкает к Пукчхону через перевал Хучхи. С тех пор как низовые организации ЛВР под руководством Пак Ин Чжина оживленно вели работу по оказанию помощи партизанам, подпольные организации района Пхунсана во избежание вражеских глаз часто затевали игры с песней и танцами «Тондоллари» при организации общего труда для упомянутой выше помощи.

Верный ученик запел «Тондоллари» по просьбе своего наставника, но спазмы сжали ему горло, и он не смог допеть до конца. Ученик все всхлипывал со словом «Учитель!», «Учитель!» Пак Ин Чжин взял его руку и тихим голосом проговорил:

– Поскольку здравствует Полководец Ким, здравствует революционная армия в горах Пэкту, наши соотечественники, люди белоодежной нации, непременно будут встречать этот «тонтхыллар» (день рассвета). Вы будете жить в стране «ханульним», где разные цветы расцветут во всей красе. Ясно вижу перед собой этот день. Да, я уже вижу этот день!

Точжон Пак Ин Чжин совершил большие подвиги на пути оздания коалиции с коммунистами во имя спасения Отечества. Он был одним из патриотов, рожденных антияпонской революцией.

После освобождения страны я не раз навещал вдову Пак Ин Чжина и его потомков, когда мне он вспоминался. И летом 1992 года, во время встречи с семьями павших антияпонских борцов-революционеров, я, узнав, что жива вдова, которой за девяносто лет, велел принести ее хоть на спине, если ей трудно ходить. Вдова Пак Ин Чжина, женщина преклонного возраста, вышла из машины и подошла ко мне самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Она звала меня «ханульним» в отличие от других, которые звали меня «Полководцем» или «вождем».

Я говорил ей, что не надо так звать, но она не слушалась: «И во сне я видела «ханульним».

Так могла звать меня только жена Пак Ин Чжина. От этого обращения и откровенного признания старухи воскресла в моей памяти давняя история встречи с Пак Ин Чжином, и у меня повлажнели глаза.

Ли Чхан Сон, член партии Чхондогё-чхоннендан, подпольщик КНРА, который активно помогал Пак Ин Чжину во многих отношениях, обморозился в суровой тайге гор Пэкту н умер скоропостижно. Это случилось, кажется, зимой 1936 года. В последнее время работники соответствующего ведомства нашли в семейном альбоме двоюродного брата жены «Кимпая» весьма удивительный фотоснимок. Ли Чхан Сон сфотографировался со своими побратимами в те годы, когда он действовал как член партии Чхондогё-чхоннендан. Одним из этих побратимов оказался Ли Ин Мо, являющийся олицетворением убеждений и воли. Он, вероятно, был одним из многочисленных учеников точжона Пака. Значит, Пак Ин Чжин был также и учителем, воспитывавшим на редкость прославленных патриотов.

5. О национальной религии чхондогё

В том, что такой известный религиозный деятель, как Пак Ин Чжин, стал попутчиком революции, очень большую роль сыграли наше понимание и подход к религии чхондогё. Если бы мы были невежественными людьми, не имеющими никакого понятия о религии чхондогё, или принадлежали к числу тех, кто к ней относился предвзято и враждебно, то мы вообще не попытались бы начать переговоры с Пак Ин Чжином и не смогли бы предпринять крупномасштабных мер для сплочения миллионов последователей чхондогё по всей стране под знаменем Лиги возрождения Родины.

Раз зашла речь о чхондогё, мне хочется подробнее остановиться на наших взглядах, наших позициях относительно этой религии. Об идеалах учения тонхак и истории его развития и у меня есть многое что рассказать.

Я думаю, что человек постигает какие-либо учения или догматы через разные моменты своего жизненного пути, разными методами.

Если доступ к марксизму-ленинизму мне открыла книга, то с христианством меня познакомила церковь. Как я уже упоминал, в детстве вместе с матерью я часто бывал в церкви. Там впервые увидел религиозные обряды и слушал священника, проповедующего христианское вероучение. Мой отец, учившийся в Сунсильской средней школе, и дедушка по материнской линии, бывший пресвитером Чхильгорской церкви и педагогом, хорошо знали учение о Христе. Когда я учился в Чхандокской школе, среди жителей Чхильгора было много приверженцев христианства. Кан Рян Ук[23] тоже был христианином.

Многие близкие друзья моего отца – Сон Чжон До, О Дон Чжин, Чан Чхоль Хо, Ким Са Хон, Ким Си У и другие – были последователями христианства. Можно сказать, что в детстве я находился в окружении верующих, почитавших Иисуса. Таких было много и среди моих товарищей по начальной школе. В то время в народе распространялось много литературы, проповедующей христианство. Среда, в которой я рос, создала условия для понимания христианства.

С исламом (мусульманством) я познакомился в несколько иной обстановке. Это связано с интересной историей, упоминание о которой не может не вызвать смех. С нормами поведения мусульман меня познакомил впервые мой друг по Юйвэньской средней школе в Гирине Ма Цзиньдоу, который был мусульманином. Он, человек с большим аппетитом, в нарушение религиозной заповеди часто посещал столовую и заказывал водку и закуски из свинины. Обычно он усаживался за незаметный дальний стол и поглощал заказанное, то и дело беспокойно оглядываясь вокруг. Ведь если заметят, что он употребляет водку и свинину, то это опорочит его репутацию как мусульманина и станет предметом строгого осуждения правоверных.

Побывав несколько раз в столовой вместе с Ма Цзиньдоу, я впервые узнал, что мусульманам запрещено употребление водки и свинины. Мои знания об исламе, приобретенные в годы ученичества в средней школе, состояли лишь из того, что я увидел и услышал, общаясь с Ма Цзиньдоу.

Я начал интересоваться религией чхондогё с тех пор, как услышал о предводителе Нокту, Чон Бон Чжуне, прославившемся во время крестьянской войны года Кабо. Каждый раз, когда мой отец перечислял имена знаменитых предшественников, имя предводителя Нокту ставилось рядом с Хон Ген Рэ[24], Ли Чжуном[25], Ан Чжун Гыном, Хон Бом До и другими. В то время мое представление о Чон Бон Чжуне ограничивалось тем, что он герой крестьянской войны года Кабо, мужественный и замечательный человек, сохранивший до последней минуты своей жизни верность собственным убеждениям. Я был слишком мал, чтобы отец дал мне о нем более глубокие сведения.

Подробности о жизни предводителя Нокту и всем ходе крестьянской войны года Кабо я впервые узнал от Кан Рян Ука. Он был истовым христианином и в то же время глубоко разбирался в религии чхондогё. После его доступных, убедительных лекций я стал рассматривать крестьянскую войну года Кабо в тесной увязке с религией чхондогё. Печальный исход восстания Тонхактана и трагический конец предводителя Нокту вызвали у меня бурное негодование низкопоклонством и бездарностью феодальной династии, ввергнувшей Корею в пучину бедствий. Возмущен я был гнусными притязаниями и вмешательством Японии и цинского Китая во внутренние дела Кореи. Я думал, что тонхактанское

восстание поистине явилось крупным событием, золотой страницей истории борьбы нашей страны против агрессии и феодализма в новое время. А смельчаки, рожденные этой войной, думал я, были настоящие соколы, оставившие глубокий след в политической и духовной жизни корейской нации в новое время. Образ Чон Бон Чжуна, популярного героя, рожденного бурей года Кабо, запечатлелся в моем сердце как вечно негасимый огонь.

Мои знания о религии чхондогё углубились в годы учебы в училище «Хвасоньисук». Там было много последователей чхондогё. О том, что начальник училища Чвэ Дон О был учеником главы третьего поколения служителей религиозной секты чхондогё Сон Бен Хи, вспоминал и его сын Чвэ Док Син[26]. Инспектор училища Кан Чжэ Ха и его сын Кан Бен Сон тоже были истовыми последователями чхондогё. Немало курсантов училища хвастались своими знаниями, выучивая наизусть такие каноны учения тонхак, как «Тонген тэчжон» и «Рёндам юса» («Слово о Драконовом озере»). Были и ревностные читатели ежемесячного журнала «Кэбек», издававшегося ЦП чхондогё. Они носили журнал с собой и с жаром спорили о корейской деревне с точки зрения учения тонхак, о литераторском стиле Ли Дон Хва и так далее.

Чвэ Дон О предостерегал курсантов от чтения «Манифеста Коммунистической партии», но поощрял их к усердному чтению «Тонген тэчжон» и журнала «Кэбек». Когда учитель истории порой отсутствовал, начальник училища проводил за него занятия в нашем классе. В таких случаях, как правило, урок истории превращался в урок истории учения тонхак. Начальник всегда анализировал и расценивал все значительные события и факты истории Кореи в новое время с точки зрения учения тонхак.

Исходя из догматов чхондогё, Чвэ Дон О часто говорил о трех основах: основе отечества, основе народа и основе человека. Эти принципы имели сходство с тремя народными принципами Сунь Ятсена.

В наставлениях Чвэ Дон О, связанных с религией чхондогё, самым примечательным был его рассказ об основоположнике этого вероучения и о главе первого поколения служителей секты чхондогё Сууне Чвэ Чжэ У (Суун – псевдоним. – ред.). Я и теперь хорошо помню, как Чвэ Дон О, ознакомив нас с биографией Чвэ Чжэ У и историей возникновения учения тонхак, особо подчеркнул: «Основоположника учения тонхак Чвэ Чжэ У мы с уважением

называем Тэсинса (Великий Глубокопочтенный) Сууном. Желательно, чтобы и вы, наши курсанты, называли его не именем «Чвэ Чжэ У», а титулом «Тэсинса Суун».

По словам Чвэ Дон О, знаменитый корейский ученый IX века Коун Чвэ Чхи Вон (Коун – псевдоним. – ред.) был одним из дальних предков Чвэ Чжэ У.

Чвэ Ок, отец Чвэ Чжэ У, отличался поэтическим даром. Его «Сборник произведений Кынама» (Кынам – псевдоним Чвэ Ока. – ред.) был известной книгой поэзии в те времена.

Чвэ Чжэ У лишился матери, когда ему было шесть лет, а отца не стало, когда ему исполнилось шестнадцать. Почти двадцать лет он странствовал по всей стране, терзаясь думами о путях спасения Отечества и народа от всяких политических и социальных зол. Наконец, после долгих поисков в апреле 1860 года он выдвинул основные положения религиозного вероучения чхондогё, оказавшие немалое влияние на развитие истории нашей страны в новое время, и стал основоположником учения тонхак.

Чвэ Чжэ У назвал чхондогё Восточным учением, чтобы противопоставить его католицизму, являющемуся Западным учением, и подчеркнуть, что оно является фидеизмом корейцев – народа Востока.

Чвэ Чжэ У жил и работал в такое время, когда власть могущественного министра, управляющего вместо короля, и групповая грызня за власть влекли за собой упадок, крайнее истощение мощи государства. Одно за другим вспыхивали крестьянские восстания против феодального деспотического режима. Всю страну охватили голод и наводнения. Это обостряло и без того серьезный социально-политический кризис буквально до предела. Сословное и классовое противоборство между дворянами и простолюдинами накалилось донельзя. Феодальные сословные институты, служившие столетиями социальной опорой королевской династии Ли, стали проклятыми оковами, препятствующими процветанию страны и развитию общества. Жестокость, гнет, алчность чиновничества ставили жизнь народа буквально на край пропасти. Народ был полностью бесправен.

Восточная страна Корея, придерживавшаяся сотни лет политики закрытых дверей, сделалась объектом алчных притязаний больших держав, обезумевших от неудержимой жажды обогащения и территориальных претензий. США и европейские державы,

использовавшие в качестве проводника своей политики католицизм, все чаще направляли щупальца на Корейский полуостров.

К тому времени, можно сказать, фактически готовилась прелюдия «всеобщего стенания в печальный день». Естественно, что в такое время передовые деятели эпохи, искренне озабоченные судьбой Отечества и нации, жаждали новых идей и идеалов. Именно тогда Чвэ Чжэ У, став в первую шеренгу этих впереди идущих, основал учение тонхак. Его основным идеалом являлись лозунги: «Человек есть бог» и «Служение Отечеству и успокоение народа». Чвэ Чжэ У развернул энергичную религиозную деятельность, распространяя это учение в широких массах.

– Ребята! Хотите узнать учение тонхак – посмотрите сначала на его лозунг: «Служение Отечеству и успокоение народа», – говорил, как бы провозглашая девиз, Чвэ Дон О каждый раз, когда он проповедовал учение чхондогё.

Как-то начальник училища неожиданно заговорил со мной:

– Охранять страну от иностранной агрессии, внутри – обеспечивать благополучие народа против деспотического режима – такова суть «служения Отечеству» и «успокоения народа». Какие это прекрасные каноны Небес! Как ты, Сон Чжу, думаешь, об этом лозунге?

– Хороший, думается, этот лозунг, – ответил я. – Если чхондогё ратует за «служение Отечеству и успокоение народа», то я буду поддерживать это учение.

Сказал я это искренне. Хотя в то время коммунистические идеалы уже стали главной идеологической опорой в нашей жизни, но я без колебания выразил свою поддержку учению тонхак. Ведь защищать Родину и добиться благополучия народа» – этого искренне желает любой человек, если он, конечно, сознательный гражданин.

На губах Чвэ Дон О заиграла улыбка, и он, довольный, смотрел на меня.

– Кто не одобряет лозунга «Служение Отечеству и успокоение народа», – сказал он, – тот не достоин называться корейцем. Хорош, конечно, призыв компартии к мировой революции, но самое актуальное для нашей страны, нашей пэдарской, корейской нации требование отражает лозунг «Служение Отечеству и успокоение народа»! Тэсинса Суун – действительно незаурядная личность!

Мои знания о религии чхопдогё в годы учебы в училище «Хвасоньисук» были отвлеченными от практики, узкими, не во всем понятными, пока они были заурядными и отрывочными.

Я начал серьезно изучать учение тонхак, связывая его с практикой, еще в Гирине. В ходе поисков нового пути корейской революции мы в общем-то отстранили от себя уже опровергнутые историей концепции, доктрины, толкования. В то же время отнюдь не нигилистически относились к самим идеалам и движениям прошлых времен. Возражая против слепого заимствования готовых теорий и чужого опыта, мы одновременно старательно усваивали все хорошее из них.

До и после Калуньского совещания в повестку дня нашей революционной практики был поставлен в качестве важной стратегической задачи вопрос о создании единого фронта. Какие силы привлечь на свою сторону, какие – отстранить, какие – изолировать, – все это давало о себе знать везде, постоянно вызывало сложные, трудные споры. Каждый раз при определении категорий людей, охватываемых единым фронтом, наряду с отношением к национальной буржуазии центральной темой обсуждения было отношение к религии, и его нельзя было игнорировать.

Чхондогё, как и христианство, явилось одним из тех религиозных учений, которым я уделял наибольшее внимание. Мы серьезно относились к чхондогё и проявляли интерес к деятельности его последователей. Это было обусловлено тем, что чхондогё как корейская национальная религия в своих идеалах и практической деятельности последовательно придерживалось принципа любви к Родине и народу и что оно было распространено в самых широких кругах населения и с необычно большой силой влияло на сознание людей.

Интересно осмыслить глубинную суть «Тонген тэчжона», подобно тому как мы осмысливали «Капитал». Но это были трудные материалы, которые нелегко проштудировать. Чвэ Чжэ У писал о явлениях природы и предметах света столь мистически и замысловато, что озадачил читателей смутным представлением: казалось, все понятно, и тут же выяснялось – непонятно! Казалось поначалу, что вроде все ясно, а на поверку выходило – неясно. И Ким Даль Хен, который после освобождения страны работал на

ответственном посту в ЦП чхондогё, признал, что статья Тэсинса Сууна является трудной. Ким Даль Хен сказал также, что если бы стиль его сочинения был доступным настолько, насколько доступно Воззвание Рю Рин Сока, то тонхак привлек бы к себе на сотни тысяч приверженцев больше.

Понимать религиозное учение чхондогё нам помогал журнал «Кэбек». Название журнала исходило из фразы «сотворение мира на нашей земле», являющейся одним из основных положений вероучения чхондогё. За весь период выпуска своих десятков номеров «Кэбек» сохранил облик журнала общей политической хроники и внес большой вклад в просвещение нации.

Его публикации были насыщены националистической тенденциозностью. Однако помещались и материалы, знакомившие читателей с идеалами социализма. В то время журнал был свежим и новаторским изданием, рассчитанным на широкие массы читателей, и пользовался большой популярностью.

В то время организации религиозной партии Чхондогё-чхоннендан имели свои филиалы не только в северных районах Кореи, но и дальше – в Восточной, Южной и Северной Маньчжурии, вплоть до Харбина. Поэтому у журнала «Кэбек» было много своих читателей и в Маньчжурии.

В журнале «Кэбек» я прочитал статью Син Иль Ёна, моего противника в теоретических диспутах. Я хорошо его знал еще с гиринского периода. Он с головой ушел в сельские проблемы середины 20-х годов. Его статья «Изучение сельского вопроса», опубликованная в журнале, отличалась теоретической глубиной.

В журнале «Кэбек» помещалось и много материалов о духовных и материальных ценностях разных стран мира. Из них самое большое впечатление произвели путевые заметки «Поездка по Южной Маньчжурии», которые мне довелось прочитать, – точно не помню, – в Гуюйшу или Уцзяцзы. Ли Дон Хва, автор этой публикации, подробно описывал природу Маньчжурии, житейские обычаи китайцев, плачевное положение шахтеров Фушуньских угольных копей, показывал деятельность участников движения за независимость нашей страны. Как писал автор путевых заметок, у жителей Южной Маньчжурии бытовали странные обычаи: гроб с телом покойника не закапывали в землю, а оставляли под открытым небом, а труп ребенка, не достигшего семи лет от роду, завернув в рогожку, пристраивали на ветвях деревьев.

Среди материалов разных жанров, помещенных в журнале «Кэбек», наибольший интерес представляли статьи, возбуждающие у читателей чувство патриотизма. В журнале часто появлялись материалы, например, под заголовками: «Исконное превосходство корейской нации», «Дух народа Когурё и его усилия», «Ландшафты Кореи наделены большими благами от природы». В них речь шла об истории, географии и природе Кореи, специфике провинций, местных продуктах и так далее. Одним из таких материалов была публикация «Восемь предметов гордости представителей восьми провинций». Под этим заголовком были помещены выступления представителей каждой из восьми провинций, гордящихся своим краем. В основу материала были положены характерные особенности темперамента жителей каждой провинции, определенные неким мыслителем школы «сирхак» («реальная наука»). Так, темперамент жителей провинции Пхеньан оказывался подобен «свирепому тигру, выходящему из леса». И представитель провинции Пхеньан, напоминающий темпераментом «выходящего из леса тигра», но по натуре добрый, не злопамятный человек, перечисляет то, чем гордится его провинция. Тут вмешивается «Чо Яльгэ» из провинции Хамген – упрямый, неотступный, как «собаки, дерущиеся в кровь в грязи». А он без сучка и задоринки начинает хвалиться своим краем, и прежде всего тем, что именно в провинции Хамген находится гора-родоначальник Пэкту, и так далее. Автору удалось описать характер жителей каждой провинции настолько живо и выпукло, что нельзя было читать без смеха. Вместе с тем интересное повествование о гордости восьми провинций от начала до конца было подано таким образом, что возбуждает чувство национального достоинства и гордости.

Через соответствующих работников я узнал, что статья «Восемь предметов гордости представителей восьми провинций» была помещена в июльском номере журнала за 1925 год. Недавно я достал этот номер и с интересом снова прочитал его. Как полвека назад, опять я нашел его очень интересным.

Среди популярных публикаций журнала «Кэбек» были и материалы, помещенные под рубрикой «Корея глазами иностранцев». Здесь рассказывалось кратко о впечатлениях от поездки по Корее людей из Германии, Франции, Китая, Японии, США, России, Великобритании и других стран. В этих заметках пестрели такие лаконичные фразы: «Самые высокие в мире талант и мастерство»,

«Три предмета восхищения», «По уровню нравственности первое место в мире», «Четыре красоты Кореи», «Семь убеждений насчет Кореи», «Красота природы, красота души», «Впечатление от корейцев» и тому подобное. Было приятно и весело корейцу переосмыслить с учетом взглядов иностранцев оценку своей родной страны.

О достоинствах Кореи с точки зрения самих корейцев журнал «Кэбек» писал: «Самый скромный и добрый в мире народ», «Превосходное здоровье», «Ни с чем не сравнимые высокие нормы этики и морали», «Пример для будущего человечества», «Корейцам чужды грубость и жестокость».

Статья «Тонхактан в Корее и Гоминьдан в Китае» тоже вызвала большой интерес читателей. Автор утверждал, что на Востоке только китайский Гоминьдан и корейский Тонхактан стойко борются за реализацию великого замысла о преобразовании общества, и с гордостью отмечал, что Чвэ Чжэ У основал учение тонхак на сорок с липшим лет раньше, чем Сунь Ятсен – свою доктрину.

Если вспоминать прошлое, то, кажется, больше всех в журнале «Кэбек» выступал Ли Дон Хва, редактор этого журнала и одновременно заведующий сектором публикации ЦП чхондогё. Его псевдоним был Ярве (ночная гроза). Талантливый теоретик, он играл ведущую роль в теоретическом формулировании и философском истолковании догматов учения тонхак. Написанные им книги «Главный смысл идеи: человек есть бог», «Философия нового человека», «Лекция о суунских приемах контроля собственной воли», «История основания чхондогё» и другие содействовали распространению учения тонхак. И я думаю, что его заслуги составляют достойную страницу в истории чхондогё.

Став читателем журнала «Кэбек», я, сам того и не замечая, начал проявлять интерес к Ли Дон Хва. Сравнительно подробно мне о нем рассказал Пак Ин Чжин. Он тоже относился к Ярве с особым расположением. Он даже советовал мне встретиться с Ли Дон Хва. Но сделать так не было никакой возможности: я сражался с японскими империалистами в горах, а он жил в Сеуле. После освобождения страны Ли Дон Хва жил в Яндоке, оставался причастным к чхондогё. Об этом я знал, но так и не смог выкроить время для встречи с ним. Лишь получал время от времени отрывочные вести о его работе от Ким Даль Хена, председателя

религиозной партии Чхондогё-чхоньудан (Партия молодых друзей Небесного пути). А вот о смерти Ли Дон Хва не знал и Ким Даль Хен. По информации, доставленной впоследствии работниками соответствующего органа, осенью 1950 года он эвакуировался в провинцию Чаган вместе с бойцами Народной Армии, отходившими на север. Здесь спустя некоторое время погиб под бомбежкой американской авиации.

Потеря такого талантливого человека, как Ли Дон Хва, стала горькой утратой для уважавших его читателей журнала «Кэбек» и последователей чхондогё, вызвала у них глубокую скорбь.

По политическим взглядам он, кажется, принадлежал не к молодым новаторским силам, а к группе умеренных консерваторов. Однако, судя по тому, что он писал статьи, убедительно призывавшие сохранять национальные традиции, отстаивать национальное достоинство и добиваться нравственного самосовершенствования, он был интеллигентом, служителем культа с чистой душой и совестью, страстно любящим Отечество и нацию.

Мы с Кан Бен Соном вместе читали журнал «Кэбек», часто обменивались мнениями о прочитанном и полемизировали о месте учения тонхак и его религиозных канонах. Среди членов Союза свержения империализма Кан Бен Сон был самым сведущим в чхондогё. Он был страстным приверженцем коммунизма и в то же время как бывший поклонник учения тонхак имел большую привязанность к нему и организации чхондогё. В Чхансоне, где родился Кан Бен Сов, а также в Ичжу, Пектоне, Сакчжу и их окрестностях было много чхондогёсцев. Кан Чжэ Ха, Чвэ Дон О и Кон Ен – все они были патриотическими деятелями, которые занимали видное место в общине чхондогё в упомянутых районах провинции Северный Пхеньан. Во второй половине 30-х годов по каналам чхондогё Кан Бен Сону удалось широко разветвлять здесь низовые организации ЛВР.

Вначале он, как многие из представителей молодых новаторских сил чхондогё, почти абсолютизировал роль этой религии в борьбе против агрессии и феодализма в нашей стране, начиная с вспышки тонхактанского восстания. Его мнение было таким: все большие и малые вопросы, возникающие при решении судьбы нации, могут быть разрешены только через чхондогё. Можно сказать, что это и было главным предметом в спорах, возникавших между нами в связи с положениями учения чхондогё.

Я, конечно, в достаточной мере ценил заслуги учения тонхак в борьбе против феодализма и агрессии, за цивилизацию и социальный прогресс страны. Признавал и национальный характер этого учения, проникнутого любовью к Отечеству и народу. Однако я не мог согласиться с таким подходом и взглядами, что все проблемы можно разрешить, только руководствуясь учением тонхак.

Сам Кан Бен Сон впоследствии, участвуя в практической борьбе, понял, что чхондогё не всемогуще. В первой половине 30-х годов он вместе с Чжан Вэйхуа отдавал всего себя подпольной деятельности в Фусуне, а во второй половине вел для нас подпольную работу в Северной Маньчжурии. Там он был арестован полицией. Его героическая жизнь оборвалась в тюрьме.

Идея «человек есть бог», которую исповедовали тонхакисты, можно сказать, была сравнительно прогрессивной в том смысле, что сравнила человека с небом, уважала его. Но она не могла выйти далеко за рамки религиозного воззрения, не могла избавиться от теоретической несостоятельности уподобления человека божеству.

Как основоположник учения тонхак Чвэ Чжэ У, так и его продолжатели – главы второго и третьего поколений верующих – утверждали, что чхондогё является сводом трех религий – конфуцианства, буддизма и сонгё, и что, иными словами, это окончательная истина, органически объединяющая разные верования, и этим резко отличается от католицизма – еретической религии.

Впоследствии теоретики чхондогё дальше развили простую концепцию предшественников о своде трех религий и гордились самобытностью, оригинальностью учения тонхак как национальной религии.

Один из теоретиков чхондогё новаторского толка, доказывая оригинальность религиозных догматов чхондогё, отрицал те или иные каноны всех существовавших конфессий, например, буддизма – о достижении нирваны, сонгё – о чудодейственной силе, христианства – о рае на том свете, конфуцианства – о велении Неба, отрицали разные другие суеверные и фетишизирующие откровения и непрестанно проповедовали идею: «бог и человек – одно целое» и «человек есть бог», означающую, что человек есть и Будда, и Небожитель, и Бог, и Небо, так что ничто не существует помимо человека.

«Бог и человек – одно целое», «человек есть бог», иными словами, человек и есть «ханульним» – такова основополагающая идея учения тонхак.

Чхондогё утверждает, что «хануль», то есть вся Вселенная создана из какого-то особого начала «чиги». А «чиги», мол, не является ни материей, ни сознанием, но в то же время является и материальным, и духовным, и все – и природа, и человек, и бог – сотворено из «чиги».

Учение тонхак о «чиги» заключается в том, что «чиги» является первоначалом мира и источником всего сущего. Его нужно было бы отнести к панпсихизму как одной из разновидностей анимизма, согласно которому всякая материя имеет душу.

На основе такой трактовки «чиги» чхондогё проповедует: человек как при жизни, так и после кончины имеет душу, как «хануль». Иными словами, среди всего сущего на свете человек является особым существом, имеющим самую высшую душу.

Признание анимизма подталкивает к выводу о том, что человек не руководствуется своим сознанием и волей, живет не самостоятельной и творческой жизнью, а существует лишь по велению души, следуя по фаталистически предопределенным орбитам жизни. Анимизм неизбежно приведет к фатализму. А фатализм не позволяет прийти к заключению о том, что человек – хозяин всего и решает все, не позволяет прийти истине, гласящей, что он сам хозяин своей судьбы и у него есть сила для решения своей судьбы.

Видение будущего общества, освещенное учением тонхак, также трудно считать научно обоснованной программой, отвечающей законам общественного развития. Приверженцы этого учения верили, что если ты ненасильственным путем постоянно стараешься достичь гуманного мира, тогда рано или поздно наступит время, когда все люди станут как бы небожителями и, наконец, создастся «царство небесное на земле». А превращение человека в небожителя, как считали они, достигается тогда, когда каждый человек повседневной молитвой, самокритичным обнажением своих ошибок и обновлением души очищает свою совесть.

Одним словом, идея «человек есть бог» была основана не на материализме, а на теизме.

По своей классовой ограниченности, теоретической и прак-

тической незрелости чхондогё не могло играть ведущую роль в антияпонской национально-освободительной борьбе. В этом и заключалась главная причина того, что мы не признавали универсальности учения тонхак.

Придерживаясь таких взглядов на чхондогё, мы в то же время весьма дорожили его положительными качествами, которые давали, по нашему мнению, возможность не только идеологически, но и практически сотрудничать с нами в великом деле создания единого фронта.

Высшим идеалом чхондогё является «царство небесное на земле». Существовавшие до него религии видели наш мир обреченным на страдания и считали невозможным спасти его от несчастья. А секта чхондогё считала, что можно построить «царство небесное» путем сотворения мира. Исходя из этого принципа, чхондогё считало одной из своих главных миссии «сотворение мира на нашей земле» и на практике развертывало движение за три возрождения: «духовное, национальное и социальное».

Теоретики учения тонхак утверждали, что чхондогё отличается не только от христианства и конфуцианства, но и от буддизма. Первое учение, исходя из чистой веры, проповедует о достижении блаженства на том свете, обещает рай после жизни. Второе, считая основой обращения на путь истины нравственное совершенствование и приобретение знаний, дорожит практической моралью сего мира и утверждает единство политики и религии. А третье, проповедуя возможность перевоплощения человека в Будду, главным своим принципом полагает избавление всего сущего от страданий.

Они говорили также, что если по сравнению со статичным буддизмом христианство является динамичным, то чхондогё еще более динамично, чем христианство; если буддизм отличается рационалистической тенденциозностью, а христианство – чувственностью, то чхондогё совмещает в себе и то и другое.

В своей доктрине секта чхондогё возражала против слепого культа бога и настаивала на том, что нужно верить самому человеку. В отличие от других религий она не убеждала людей в сверхъестественности Неба и сверхчеловечности бога, не утверждала, что феодальный строй и его сословные институты предопределены волею Неба. Все это мы считали положительными

качествами секты чхондогё, сделавшими ее передовой религией, настаивающей на уважении человека, на всеобщем равенстве.

Разрабатывая самостоятельную линию нашей революции, я, конечно, обращал внимание на те или иные готовые теории и движения и в определенной мере признавал место и роль чхондогё как национальной религии. Однако, неизменно исходя из анализа особенностей исторического развития нашей страны и условий, в которых проводилась наша революция, а также исходя из анализа истории предшествовавших движений и в полной мере учитывая национальные традиции и соотношение классовых сил, мы на научной основе создали учение чучхе, определили путь корейской революции и, руководствуясь им, разработали ее стратегию и тактику.

Коммунисты нового поколения никогда не думали осуществить революцию с помощью Неба или по его велению. Они вступили в борьбу, имея четкие теоретические принципы, убежденные в том, что надо верить в силу самого народа и действовать, опираясь на нее.

Как относиться к религии чхондогё – об этом больше всего было разговоров после создания ЛВР. В связи с тем, что наш тайный лагерь посетил точжон Пак Ин Чжин, среди командиров нашей части повысился интерес к учению тонхак. После визита Пак Ин Чжина мы стали еще более уверенно проводить курс на осуществление единого фронта с последователями чхондогё.

Если оглянуться назад, то чхондогё, исходя из своего религиозного идеала, практически вступило в борьбу за претворение в жизнь лозунга «Служение Отечеству и успокоение народа». Воплотить этот лозунг в практические дела значило дать отпор внешним силам, защитить независимость страны, установить власть народа и тем самым обеспечить его безопасность. В международном плане оно также вступило в борьбу за построение стабильного мира, «царства небесного на земле» путем «достижения гуманного мира» и «спасения широких слоев простолюдинов».

Учение тонхак пользовалось поддержкой широких масс низших сословий и разорившихся дворян благодаря тому, что его концепции проповедовали любовь к Отечеству и народу, были проникнуты высоким духом сопротивления.

Широкое распространение идеи тонхак о необходимости

ликвидации всяких сословных дискриминации постоянно ставило под угрозу доминирующее положение идеи феодализма-конфуцианства, абсолютизировавшей сословные различия. Это явилось серьезным вызовом и привилегированным феодальным кругам. По этой причине основатель учения тонхак и глава первого поколения служителей секты Чвэ Чжэ У был казнен в Тэгу в марте 1864 года. Его обвинили в «нарушении норм поведения и возбуждении хаоса в политике». Казнен был в Сеуле и глава второго поколения служителей секты Чвэ Си Хен. Несмотря на жестокие репрессии и преследования со стороны феодального правительства династии Ли, он весь отдавался распространению в нелегальных условиях учения тонхак и расширению сети его организаций. Он был одним из руководителей крестьянской войны года Кабо. И глава третьего поколения служителей секты Сон Бен Хи подвергся жестоким репрессиям и притеснению со стороны японских палачей. Он, следуя воле основателя учения тонхак. наименовал его чхондогё и выступал в роли одного из зачинщиков Первомартовского движения.

Судьбы всех глав секты убедительно показывают, что весь процесс развития чхондогё, не говоря уже о его возникновении, был проникнут духом любви к Отечеству и народу.

В кругах последователей чхондогё крестьянская война года Кабо называется первой тонхакской революцией. По своей масштабности и ожесточенности она явилась кульминацией борьбы нашего народа против агрессии и феодализма во второй половине XIX века. Она не планировалась, не началась по директиве верхушки секты чхондогё. От начала до конца она была восстанием крестьян, возмущенных произволом и хищническим ограблением привилегированных кругов прогнивших и бездарных феодалов. Она была антиправительственной крестьянской войной, велась под лозунгами: «Ликвидация деспотизма и спасение народа», «Отпор агрессии Запада и Японии» и «Служение Отечеству и успокоение народа». Война была начата под водительством Чон Бон Чжуна и других руководителей крестьянского восстания, независимо от высших кругов тонхакистов. Они, используя организации тонхакистов, в которых состояли, и поддерживая связи с пхо – местными организациями тонхакистов, расширили и развили восстание крестьян уезда Кобу (Кобуское народное волнение) в тотальную крестьянскую войну.

Крестьянская война года Кабо явилась крупным историческим событием. Она громогласно, подобно колоколу, оповестила о наступлении рассвета эры антиимпериалистической национально-освободительной борьбы XIX века в Азии. Эта война, а также тайпинская крестьянская война в Китае и сипайское восстание в Индии явились тремя крупнейшими очагами сопротивления в Азии, что достойно быть отражено в летописях крупными буквами.

После вмешательства войск Японии и цинского Китая война потерпела поражение. Но бойцы крестьянских войск, разошедшиеся по разным местам, позже составили главные силы антияпонского ополченческого движения и продолжали сопротивление, борьбу за спасение Отечества.

Крестьянская война года Кабо не только оставила глубокий след в истории нашей страны, но и оказала большое влияние на политическое положение на Востоке и во всем мире. Один из наших историков, проанализировавший значение тонхакской революции в мировом масштабе, отметил, что все события всемирно-исторического значения, ввергшие мир в омут лихолетий XX века, имели свое начало в тонхакской революции на корейской земле. Он построил такую вот цепочку. Если бы не было тонхактанской революции в Корее, то не возникла бы война между войсками цинского Китая и Японии; если бы в китайско-японской войне победил пинский Китай, то Россия не имела бы возможности вторгнуться в Маньчжурию; если бы не было вторжения России в Маньчжурию, то не вспыхнула бы русско-японская война; если бы не было поражения России в русско-японской войне, то Австро-Венгрия не смогла бы расширять свою экспансию на Балканском полуострове; если бы не было аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, то не возникла бы война между Австрией и Сербией; если бы не было австро-сербской войны, то не началась бы первая мировая война; если бы не было такого события, как мировая война, то невозможно было бы даже во сне представить крах династии Романовых и рождение красной России. О, ты, Тонхактан, косвенно служил запалом мировой войны и повивальной бабкой для рабоче-крестьянской России!

Таким образом, те, кто восхвалял идею тонхак, утверждали, что начало цивилизации Востока нужно рассматривать прежде всего с точки зрения учения тонхак.

И в Первомартовском движении силы религиозной секты

чхондогё сыграли большую роль. Главные силы Первомартовского народного восстания составляли, разумеется, широкие рабоче-крестьянские массы, учащаяся молодежь и круги интеллигентов. Однако в составе национальных представителей, начавших восстание, были и верующие в чхондогё, вместе с христианами и буддистами. Именно они, представители служителей секты чхондогё, с самого начала выступили инициаторами. На демонстрации вышло по всей стране более половины из трех миллионов последователей чхондогё. Эти факты ясно свидетельствуют о той роли, какую сыграло чхондогё в тех антияпонских выступлениях.

Стойкий дух сопротивления, которого придерживается секта чхондогё, служил одной из главных причин того, что мы придавали большое значение единому фронту с его последователями.

Чхондогё, будучи исконно корейской религией, с оригинальными идеалами и утверждениями, с высоким духом сопротивления, отличалось простотой религиозных обрядов, исключительной скромностью, доступностью для простых людей порядков в секте.

Ким Чжон Чжу, министр связи в первом составе Кабинета Министров КНДР, часто с похвалой отзывался об учении тонхак, говоря, что оно является очень простой национальной религией. К тому времени, когда мы организовали антияпонскую партизанскую армию, он стал последователем этой религии и позже был избран членом Исполкома ЦК партии Чхондогё-чхоннендан, глубоко разбирался в доктринах своей религии.

Верующий в чхондогё Ким Чжон Чжу был представительным мужчиной. При каждой встрече любил смешить меня юмористическими байками.

– Товарищ Председатель Кабинета Министров! Весь день вы работаете до боли в голове. Ну а теперь послушайте мои старые анекдоты и снимите усталость, – так начинал он обычно, входя в мой кабинет, какой-то очередной пространный рассказ о прошлом.

Однажды в праздник он пришел ко мне и начал с азартом хвалить религию чхондогё:

– Наша религия чхондогё приятно пахнет супом с соевой пастой.

На мой вопрос, что имеется в виду под «приятным запахом супа с соевой пастой», он привел в пример обряд «почитания чистой

воды». Он объяснял, что во время отправления этого обряда не регламентируется положение сиденья молящегося: можно сидеть, подогнув одну ногу под себя, а другую поставив на колено, или сидеть, поставив колени вертикально, или сидеть, положив сложенные голени на полу, – о такой вольности не может быть даже и речи в других религиях.

О религиях мне довелось много говорить и с Ким Даль Хеном. Он часто вспоминал пережитое им в дни работы в организации чхондогё при японцах. По мере учащения таких встреч мы становились все непринужденнее, человечнее, выходя за рамки деловых отношений между Председателем Кабинета Министров и лидером религиозной партии Чхондогё-чхоньудан. Он без утайки делился со мной и своими затруднениями в повседневной жизни.

Однажды за полночь он пришел в здание Временного народного комитета Северной Кореи (ВНКСК) и попросил встречи со мной. Это было в те времена, когда я работал Председателем ВНКСК, так что эпизод этот, вероятно, можно отнести к 1946 году.

Я очень удивился тому, что он появился передо мной в такое позднее время без предупреждения. Меня даже охватила тревожная мысль: не случилось ли какое-нибудь ЧП, о котором должен знать я.

И тут Ким Даль Хен просто ошеломил меня своей неожиданной просьбой, которая не имела ничего общего ни с каким официальным деловым вопросом.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – что я, старый, потерял меру. Знаю, что неприлично обращаться к вам по такому поводу. И все-таки обращусь. Не можете ли помочь мне достать тонизирующее средство, скажем, дикий женьшень или панты?

Войдя в кабинет, он высказал это с затруднением, не сразу, набрался смелости лишь после нескольких минут колебаний. А затем он, как человек, допустивший какую-то оплошность, не смел посмотреть мне в глаза, понурив голову. Недоумевая, что стряслось с этим старым председателем, я внимательно глядел на него, а он покраснел до корней ушей.

– Почему вдруг вам понадобились тонизирующие средства? Вы же здоровый человек, как в этом заверяли меня постоянно, – спросил я мягко, предложив ему сесть.

– Буду откровенен, не могу я справиться с женой. Недавно я вторично женился на молодой женщине. А она так придирчива ко мне... Дорогой Полководец, помогите мне, пожалуйста!

– Хорошо. Помогу, чтобы ваша супруга больше к вам не придиралась.

Получив мой ответ, Ким Даль Хен вышел из кабинета с довольной улыбкой.

Я достал для него дикий женьшень и панты.

Год спустя Ким Даль Хен опять навестил меня и сказал:

– Дорогой Полководец! Благодаря вашей помощи у меня, семидесятилетнего старика, родился сын. Знаете, жена моя от радости не в своем уме. Позвольте пригласить вас на стодневный юбилей моего сына.

– Какая это большая радость! Хорошее время, оно и принесло человеку счастье. С удовольствием принимаю ваше приглашение, и передайте вашей супруге мое поздравление срождением сына.

И на этот раз Ким Даль Хен вышел из моего кабинета, расплываясь в улыбке.

Я, как и обещал, побывал у Ким Даль Хена в день стодневного юбилея ребенка. Жена его привела меня к богато накрытому столу и поклонилась со словами: «Уважаемый Полководец! В нашей семье появился цветок, и этим мы обязаны вам». Весь вечер она обслуживала гостей с веселой улыбкой, оживленно.

Во время войны я встретился с Ким Даль Хеном в Пельо в провинции Чаган. Мы с ним вместе ели *куксу* и за столом разговаривали о религии чхондогё.

В тот день Ким Даль Хен сказал о «сонми» (При каждом приеме пищи член секты чхондогё должен откладывать по одной ложке риса и в конце месяца жертвовать сэкономленный таким образом рис на поддержку секты. Это приношение называется «сонми» – «искренним рисом». – ред.). По его словам, эта замечательная норма присуща лишь одному чхондогё и «искренний рис» является главным финансовым источником секты.

В самом деле, за исключением Чвэ Рина и нескольких других лиц, абсолютному большинству руководителей секты чхондогё совершенно чужды были корысть и честолюбие, они вели скромный образ жизни. Из-за истощения источников финансирования они испытывали постоянные затруднения. Управлять сектой без оплаты труда – легко только на словах. Согласно положению чхондогё, говорят, лицам, занимающим религиозные должности, не платили жалованья.

Насколько я слышал, в Южной Корее последователи чхондогё одно время устроили театр на месте типографии издательства «Кэбек» и за счет доходов от него покрывали расходы секты. Важным источником финансовых поступлений служили также два зала бракосочетания, устроенные в Центральной большой церкви. За пользование залами взималась почасовая плата. Это выглядело не вполне хорошо, но, говорят, другого выхода для решения финансового вопроса не было.

Более важная причина того, что мы придавали большое значение единому фронту с последователями чхондогё, заключалась в том, что абсолютное большинство верующих, несмотря на нерешительность и оппортунистическую ориентацию верхушки, было настроено в антияпонском и патриотическом духе. И еще: по классовому составу основную часть их составляла беднота – представители низших сословий, бедные крестьяне.

Вообще чхондогё возникло как крестьянское движение с главенствующей ролью крестьян. И его идеалы были тоже крестьянскими. В условиях того времени, когда сильно задерживалось капиталистическое развитие страны и пока совсем не выросли ряды современного рабочего класса, движение тонхакистов с основой в крестьянских массах было естественным, неизбежным. Однако это движение выражало интересы не только крестьян. Оно, будучи широким массовым движением, стало выразителем стремлений и интересов всех бедных, низших сословий, включая городскую бедноту и мелких торговцев. В то же время оно было общенациональным патриотическим движением против агрессии, выражало решительный протест против иностранных захватчиков и активно стремилось к цивилизации страны.

После поражения Первомартовского движения верхушка секты чхондогё лишилась боевого духа и ограничила свою деятельность пассивными мерами по распространению религиозных канонов и теоретической работой по отстаиванию национального характера секты. Часть ее высшего эшелона скатилась в болото измены. Чвэ Рин, например, после трехлетнего тюремного заключения превратился в прояпонски настроенного.

Вопреки предательству верхушки, рядовые верующие и в трудных условиях оккупации страны японскими империалистами прилагали все усилия к унаследованию патриотических традиций чхондогё.

Такое обстоятельство, – и это главное, – обязывало нас придавать большое значение созданию единого фронта с последователями чхондогё, верить в возможность его осуществления.

Руководители движения чхондогё новаторского толка всемерно стремились найти возможности соединить его с другими революционными силами страны и осуществить сотрудничество с мировой революцией. Так, они захотели поддерживать связи с Коминтерном, изображая чхондогё как «верного слугу бедного, униженного народа», как «компартию иного масштаба и однородного качества».

Подтверждает это, в частности, тот факт, что в конце октября 1925 года Ли Дон Хва от имени Совета Общества крестьян Кореи подал заявление о вступлении в Красный Интернационал крестьянских союзов.

Общество крестьян Кореи было создано в Сеуле в октябре 1925 года. Эта крестьянская организация была подведомственной религиозной партии Чхондогё-чхоннендан.

Откликаясь на окончание первой мировой войны, рождение рабоче-крестьянской власти в России, Первомартовское народное восстание и последующие за ними изменения международного и внутреннего положения, молодые чхондогёсцы Ли Дон Хва, Чон До Чжун, Пак Рэ Хын и другие, движимые стремлением содействовать изучению и распространению религиозного учения чхондогё, повышению и развитию новой корейской культуры, в сентябре 1919 года создали Чхондогёское молодежное бюро публичных лекций по распространению доктрин секты. Это бюро стало первой в нашей стране молодежной организацией в форме движения. Вскоре оно было переименовано в Чхондогёское общество молодежи. Общество имело свой орган печати – издательство «Кэбек», которое с 1920 года начало издавать журнал политической хроники «Кэбек». Организовав детский отдел, общество активно разворачивало работу, направленную на повышение эмоционального благородства корейских детей и улучшение их морально-этического и социального состояния в соответствии с идеей «человек есть бог».

В 1923 году это общество было преобразовано в партию Чхондогё-чхоннендан. Она стала авангардной организацией чхондогё, которая поставила перед собой цель – добиться «сотворения мира на нашей земле», построить «царство небесное на земле».

Эта партия имела стройную организационную структуру: штаб-квартиру в центре, местные отделения «чибанбу» в округах и уездах, низовые организации «чоб» в волостях и селах. Разработав трехлетний план по расширению своего влияния, партия развернула активную деятельность по распространению вероучения чхондогё и за короткий срок расширила свои ряды, приняв в них многочисленную молодежь из бедных, низших слоев. Партия Чхондогё-чхоннендан стала самой влиятельной силой секты особенно в районе севернее реки Ресон, не пострадавшем в ходе тонхактанского восстания.

В «Истории религиозной партии Чхондогё-чхоннендан», изданной в 1935 году, говорится: в то время в Корее и за ее пределами было в общей сложности более 100 местных отделений этой партии. Из них абсолютное большинство – 70 процентов – находилось в северных районах Кореи, причем в провинции Пхеньан имелось 40 – больше, чем в других провинциях. В самом деле в районе бывшей провинции Пхеньан, охватывавшей и нынешнюю провинцию Чаган и города Пхеньян и Нампхо, почти не было такого уезда, где бы не действовало местное отделение партии Чхондогё-чхоннендан.

Можно сказать, что обстановка того времени, когда абсолютное большинство последователей чхондогё находилось в северных районах Кореи, служила еще одним немаловажным фактором того, что мы придавали большое значение единому фронту с ними.

И новаторские силы чхондогё, идя в ногу с мировой тенденцией после Первомартовского движения, всячески старались расширить влияние своей секты, придать больший накал антияпонской патриотической борьбе.

В июле 1922 года, после смерти главы третьего поколения служителей секты чхондогё Сон Бен Хи, ее молодые новаторские силы организовали Революционный комитет Корё и прилагали свои усилия для приведения в порядок и переформирования рядов последователей чхондогё. Они стали более энергично работать в стране и за ее пределами, главным образом, в Приморье и Маньчжурии. Впоследствии Революционный комитет Корё был реорганизован в нелегальную подпольную революционную организацию – Верховный чрезвычайный революционный комитет чхондогё.

В деятельности этого комитета особенно примечательным было то, что он обратился к правительству Советской России и Коминтерну за политической и сравнительно крупной военной помощью для революционной деятельности чхондогё и развернул активную работу для достижения этой цели. Говорят, что Верховный чрезвычайный революционный комитет чхондогё планировал на трех золотых приисках вблизи Читы в Сибири под видом вербовки рабочих в течение двух лет подготовить войска численностью примерно в 1000 человек и в перспективе создать Национально-революционную армию Корё в составе 15 смешанных бригад.

Секретная организация чхондогё обратилась к рабоче-крестьянскому Советскому правительству с призывом оказать активную поддержку осуществлению этого плана.

Сейчас у нас хранятся архивные материалы, в которых отражена дипломатическая деятельность новаторских сил чхондогё, развернувшаяся в начале 1924 года на Дальнем Востоке, во Владивостоке, в контактах с представителями Советской России и Коминтерна.

Тогда Чвэ Дон Хи в письме к Сэн Катаяма спросил, как расценивает Коминтерн корейскую революцию и ход событий в Корее, и обратился к нему с просьбой поддерживать корейскую революцию активно, без предрассудков.

Как стало известно, силы чхондогё планировали в случае возникновения корейской революции поддерживать прочные, тесные связи с силами социальной революции Японии с востока, с севера – с Советской Россией и Коминтерном и таким образом осуществить тройственную взаимную деятельность Кореи, Японии и России.

Как сказано выше, новаторские силы чхондогё, несмотря на препятствия и ненависть со стороны группы консерваторов, всячески пытались развернуть вооруженное сопротивление при сотрудничестве с мировой революцией.

Новаторские силы чхондогё изо всех сил старались включиться в антияпонскую борьбу с горячим духом любви к Отечеству и народу, с зарядом возмущения, положившими начало движению тонхакистов, однако не сумели достичь заметных результатов. Тем более, что после поражения Первомартовского движения произошел серьезный конфликт, раскол среди радикальной и

умеренной групп секты чхондогё, а империалисты Японии стремились коварно использовать их. В таких условиях радикальная группа примирилась с умеренной под предлогом предотвращения раскола сил. Это, по-видимому, стало причиной выхолащивания новаторских сил, постепенного перерождения антияпонского движения, которое пошло по реформистскому руслу. Верхушка скатилась в стан национал-реформизма, а затем к явно прояпонской ориентации. И секта чхондогё постепенно теряла свою революционность и былое влияние.

Однако местные организации чхондогё, абсолютное большинство их членов и молодые члены партии создали легальные и нелегальные организации разных наименований и развернули по разным каналам борьбу против колониального господства японского империализма. К сожалению, у них не было верной боевой стратегии и не было руководящего ядра, которое привело бы их борьбу в единый порядок.

Именно в такое время мы вышли в район гор Пэкту и провозгласили «Программу Лиги возрождения Родины из 10 пунктов».

Миллионы последователей чхондогё горячо поддержали нашу Программу из 10 пунктов. С уверенностью, что долгожданный зов к наступлению рассвета нового дня звучит прежде всего в горах Пэкту, они крепко объединились под знаменем Лиги возрождения Родины. Так что можно резюмировать: то, что чхондогёсцы положительно отозвались на наш призыв объединиться в едином фронте и включились в широкую сеть низовых организаций ЛВР, является результатом наших инициативных и активных усилий, исходивших из беспристрастной оценки и широкого осмысления чхондогё. В то же время это было исторически неизбежным, закономерным развитием самой организации чхондогё, имеющей своим идеалом любовь к Отечеству и народу, борьбу против внешних сил.

Между нами, конечно, существовали определенные различия в идеалах, в основных принципах и убеждениях, были и различия в первоначале движения. Но мы крепко взяли за руки друг друга, исходя из истины большого смысла: мы – одна нация, в наших жилах течет кровь одних и тех же предков. В ту пору я всем сердцем почувствовал и умом осознал, что не может быть коммунистического движения, оторванного от нации, и что всегда надо уважать не только классовые, но и национальные интересы.

Именно такая общность дала нам возможность легко примириться и с Чвэ Док Сином, который в прошлом стоял на первой линии антикоммунистического фронта.

С Чвэ Док Сином мы встретились, когда обоим перевалило за семьдесят. Но мы совершенно забыли, что в прошлом были врагами, мысленно вернулись к тому времени, когда я учился у Чвэ Дон О и вынашивал патриотические задумки. Мы трогательно обменивались воспоминаниями и, поднявшись над различиями идеалов коммунизма и чхондогё, вели теплую дружескую беседу как сыновья одной нации и потомки одних предков.

Недавно я провозгласил «Программу по великой консолидации всей нации для объединения Родины из 10 пунктов», которую можно считать новым вариантом «Программы Лиги возрождения Родины из 10 пунктов». Если в 30-х годах, когда мы добились сотрудничества с Пак Ин Чжином в районе гор Пэкту, величайшей задачей нашей нации было достижение возрождения Родины, то сегодня, на исходе **XX** века, абсолютным, основополагающим принципом и идеалом является объединение расчлененной Родины. Совершенно естественно, что наша борьба, направленная на разгром внешних сил и восстановление суверенитета нации, встречает горячую поддержку приверженцев учения тонхак, последователей чхондогё, еще раньше поднявших лозунги «Служение Отечеству и успокоение народа» и «Отпор агрессии Запада и Японии».

Из-за раскола страны вот уже почти полвека наша нация терпит всякие бедствия. Эта трагедия возникла не вследствие внутренних факторов, не по вине самой нации, это несчастье навязано внешними силами, чужой волею. Именно поэтому мы не можем не выступать против внешних сил, за единство нации, за укрепление ее сил, за великую консолидацию нации.

Поэтому сейчас все патриотически настроенные приверженцы чхондогё, христианства и буддизма, проживающие на Севере и Юге Кореи и за ее пределами, как один, стараются скорее покончить с навязанной внешними силами трагедией раскола, приблизить новый день – день объединения Родины.

Раньше мы в течение двадцати с лишним лет вели антияпонскую вооруженную борьбу на безбрежных просторах Маньчжурии и в районах гор Пэкту. Эта борьба велась не для личного благополучия и корысти, не за интересы какого-либо определенного класса и

прослойки, а во имя освобождения всей нации от ига колониального господства японского империализма.

Не может быть бога, стоящего над нацией. Не могут быть дороже национальных интересов интересы какого-то определенного класса или партийной группировки. Во имя интересов нации можно преодолеть любые пропасти и барьеры. Таков сегодня общий принцип всех корейцев, проживающих на Севере и Юге страны и за ее пределами. Такова сегодня реальная действительность, которую мы с течением времени ощущаем с новой остротой.

Когда осуществятся те цели, те идеалы, за которые наши коммунисты всю жизнь боролись во имя интересов нации, когда семьдесят миллионов наших соотечественников будут жить счастливой жизнью из поколения в поколение на земле объединенной Родины, то это и будет, я полагаю, тот мир, то «царство небесное на земле», чего желали предшественники-последователи учения тонхак.

Идеал учения тонхак, идеал чхондогё овеян духом нации. Иметь такой идеал – гордость нации. Патриотический дух, чувство верности предшественников-последователей чхондогё, горевших любовью к Отечеству, нации и народу, будут навеки блистать в истории нации.

6. Нельзя жить в отрыве от народа

Армия, не пользующаяся поддержкой народа, ни в коем случае не сможет стать по-настоящему могучей и никогда не победит в войне. Истинность этого вывода мы проверили на себе ценой пота и крови на всем протяжении антияпонской революции. В дни антияпонской вооруженной борьбы мы постоянно говорили: « Как рыба не может жить без воды, так и партизанская армия не может существовать в отрыве от народа». Эта же истина обобщенно выражена в лозунге: «Защита войск, любовь к народу», что означает: народ поддерживает армию, а армия любит народ.

Я уже писал, какими активными, самоотверженными были поддержка и помощь со стороны народа, оказанные нам в годы сражений в горах Пакту.

Где же истоки самоотверженной поддержки населением армии и духа помощи ей, не имеющих прецедента в истории партизанских войн ни на Востоке, ни на Западе? Что побуждало наш народ добровольно и постоянно поддерживать Народно-революционную армию, бескорыстно помогать ей?

Секрет, думаю, нужно искать прежде всего в народном характере нашей армии. Естественно, что массы любят и помогают такой армии, которая создана из сыновей и дочерей народа, ведет борьбу за его свободу, за освобождение, охраняет его жизнь и имущество.

Однако народ не всегда может решительно поддерживать и активно помогать армии, даже состоящей из народа и предназначенной для его защиты. Пусть даже в названии армии имеется слово «народная», но если поступки ее бойцов не благородны, если моральная атмосфера воинской службы не порядочна – к такой армии народ относится с неприязнью. Лишь такая армия, которая поистине любит и уважает народ, беззаветно охраняет его интересы и самоотверженно защищает его жизнь и имущество, может пользоваться бескорыстной поддержкой и помощью со стороны народа.

Корейская Народно-революционная армия обладала всеми этими качествами.

Первоосновой моральной атмосферы воинской службы в ней являлся дух горячей любви к народу. Каждый командир, каждый боец Народно-революционной армии связывали свое предназначение с судьбой народа. Они считали, что могут жить и действовать, когда есть народ, могут быть счастливыми, когда счастлив народ. Именно поэтому они воспринимали радость и горе народа как свою радость и свое горе. Таким образом, само существование КНРА в отрыве от народа было бы бессмысленно, не имело бы значения. В отрыве от народа наша партизанская армия просто не могла бы поддерживать свое существование.

С первых же дней партизанской войны мы считали народ колыбелью нашей жизни, поддержку и помощь со стороны населения – источником нашей силы.

Вообще сама наша партизанская армия – детище народа. Наши родители были выходцами из простого народа, покровителем нашей революции был также народ. Поэтому единство армии и народа было для нас бесспорным, жизненно важным фактором.

Любовь армии к народу и его поддержка армии обусловливали не просто победу или поражение в боях. Скорее это было вопросом жизни или смерти, существования или распада. Если бы мы не обращали особого внимания на это, то стали бы ничтожным существом – «каплей в море», как охотно называли нас враги, были бы гонимыми из одного места в другое и, в конце концов, разгромленными.

В годы партизанской войны мы ощутили необходимость по-новому сформировать концепцию, на основе которой сложились бы нормы и правила действия революционной армии в отношениях между армией и народом, между командирами и бойцами, в повседневной жизни и службе отряда. С этой целью был разработан и опубликован Временный устав Корейской Народно-революционной армии.

Наша главная цель здесь – усилить народный характер нашей революционной армии, утвердить как закон дух любви к народу и последовательно претворять в жизнь эти требования.

Народно-революционная армия, конечно, не была регулярной, но она имела не уступающие ей вооруженные силы и стройную штатную структуру. Трудно было бы приводить в движение многочисленных бойцов одними только приказами, распоряжениями командиров или силой привычки.

К середине 30-х годов враги, прилагая гигантские усилия, наращивали темпы строительства в Западном Цзяньдао коллективных поселений, стремились реализовать свой план «отрыва населения от бандитов» с тем, чтобы предотвратить влияние Народно-революционной армии на массы. Японские империалисты не гнушались никакими средствами и приемами для того, чтобы вбить клин между партизанами и жителями и пресечь канал помощи партизанской армии – эту, что называется, жизненную артерию. Они прибегали к самым гнусным акциям, лишь бы очернить образ Народно-революционной армии, блокировать ее в военно-политическом и экономическом отношениях.

Сами они хорошо знали о том, что наша армия есть подлинно народная армия, в которой недопустимы любые бандитские действия, что она нравственно воспитана и не идет ни в какое сравнение с их войсками. Но они клеветали на нашу революционную армию, называя ее «бандитской». В этом состоял их коварный и гнусный замысел – подорвать морально-политический авторитет нашей армии.

Если мы считали единство армии и народа жизненно важным условием нашего существования, то враг настойчиво добивался «отрыва населения от бандитов».

Японские империалисты даже приписывали нам злодеяния банд конных грабителей, стремясь опорочить народный характер нашей Народно-революционной армии. Чтобы противодействовать вражеской демагогии, сохранить незапятнанным чистый образ революционной армии и поднять его на более высокий нравственный уровень, нужно было еще активнее проявлять свойственный нашей армии народный характер. А для этого необходимо было зафиксировать наши требования в письменной форме.

Раньше в районах Маньчжурии существовали разношерстные организации Армии независимости, которые действовали разрозненно. Разумеется, они производили в целом хорошее впечатление на население в отношениях между армией и народом, но оставили и немало неприятного. В памяти людей запечатлелись недобрые деяния некоторых бойцов и командиров Армии справедливости и Армии независимости. Главная причина состояла в том, что они не всегда соблюдали должным образом

морально-нравственные нормы поведения в отношениях между армией и народом и, кроме того, возлагали слишком тяжелое материальное бремя на население. Кое-кто из командиров Армии независимости, как, например, один из ротных фракции Чоньибу, под предлогом сбора средств на военные расходы, денежных пожертвований в помощь движению за независимость взимал с населения огромные суммы денег, драгоценности и без зазрения совести присваивал их для собственного благополучия.

И такие вот грязные поступки японские империалисты использовали для клеветы, для того, чтобы опорочить нашу Народно-революционную армию. Они клеветали: все, кто бродит со знаменем независимости, – свора разбойников, вохищающих и присваивающих себе имущество народа; Армия независимости и Народно-революционная армия – одного поля ягода. Для того, чтобы очистить себя от этих клеветнических пятен, злоумышленно брошенных врагом, нам следовало исключительно ясно показать народный характер нашей армии.

Другая цель составления Временного устава была связана с тем, что в рядах нашей армии заметно возросло число новобранцев.

КНРА ни в коем случае не вела бои, которые могли бы нанести ущерб жителям. Враг знал об этом и, когда ему приводилось туго в бою, входил в поселки и отсиживался под защитой стен, заборов у жилых домов. А мы ни в коем случае не помышляли о том, чтобы воевать с неприятелем под прикрытием поселка или отдельного жилого дома, в каких бы неблагоприятных обстоятельствах ни оказывались.

Так и было в начале лета 1934 года, когда наша армия перед боем под Лоцзыгоу пришла в село Саньдаохэцзы. Противник, подняв на ноги огромные силы, налетал на нас, чтобы преградить нашему отряду путь к Лоцзыгоу. И тогда я дал распоряжение нарочно выманить врагов и бить их на равнине за селом Саньдаохэцзы. Иначе сельчане могли бы пострадать. Из-за этого маневра мы упустили почти половину живой силы противника. Подобные случаи были у нас не раз и не два.

Даже во время краткого пребывания в поселке бойцы Народно-революционной армии никогда не вели себя надменно, ссылаясь на то, что они борются за освобождение народа. Они сразу же, сняв вещмешки, начинали носить воду, разводили огонь, подметали двор, кололи дрова. В этих делах не был исключением и

командующий. Мы всегда воспитывали командиров так, чтобы они сами были во всем образцом для своих бойцов, влияли на бойцов личным примером.

Любить народ, помогать ему – стало первейшей обязанностью, нормой действий для воинов КНРА с первых же дней ее создания.

Однако в первое время, когда мы вышли в район гор Пэкту, бывало и так, что новички иногда совершали непохвальные поступки, бросающие тень на отношения между армией и народом.

Среди новобранцев нашей части были и молодые крестьяне, и бывшие бойцы китайского антияпонского отряда, и поднявшие мятеж и перешедшие на нашу сторону солдаты из марионеточной армии Маньчжоу-Го. Это были люди различного происхождения, из разных мест, еще не успевшие пройти процесс элементарной военной подготовки. Порой они не придерживались требований традиционной дисциплины революционной армии, что нередко роняло авторитет части.

Однажды был такой случай. Наш отряд ненадолго остановился в Лютепаодун, что в Шицзюдаогоу. Мы были в доме старика Ли. Хозяин дома познакомил нас с совсем молодым человеком, своим племянником, пришедшим, по его словам, помочь ему убрать урожай. Видимо, тот серьезно подготовился к работе: на нем были новые обувь и обмотки. Беседа с парнем была очень интересной. Он отличался красноречием: рассказывая, буквально несколькими словами точно и ярко характеризовывал и изображал любой объект.

Молодой человек на минутку вышел из дома, а когда вернулся, то новых обмоток и обуви на нем не было, вместо них надето старье. Да и настроение у него было неважное. Я спросил, в чем дело. Но он, словно стесняясь, уклонился от ответа.

Я велел взводному Ким Чжон Пхиру подробно выяснить, почему у парня заменили обмотки и обувь. Он узнал и, вернувшись ко мне, с возмущением доложил: один из бывших солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го, перешедший к нам после мятежа, насильно заставил парня поменять обмотки и обувь. А когда ему по поводу такого недостойного поступка сделал замечание командир взвода, он отнесся к этому совершенно несерьезно.

– И знаете, как он оправдывается? – продолжал взводный. – Мол, армия переносит всякие лишения в горах во имя народа, и вполне естественно, что народ обязан заботиться об армии. В маньчжоугоской армии, говорит он, это обычное явление.

Рассказ командира взвода потряс меня. В прошлом главари агрессивных войск, оккупировавших чужую страну, вводили в норму на захваченных ими землях такие преступные акты, как убийство, разбойничество, изнасилование и грабеж, и разрешали это своим подчиненным. Таких примеров много. В годы китайско-японской и тихоокеанской войн японская армия возила с собой даже и «походные бордели» для развлечения солдат. Марионеточная армия Маньчжоу-Го не уступала при этом японским войскам, что оскверняло отношения между военными и жителями.

Боец, о котором шла речь, успел послужить в такой армии, где убийство, поджоги, грабеж являлись основным занятием, так что он привык к противоправным действиям. И, конечно, такой «обмен» вещей, вроде обмоток и обуви, для него был естественным делом. Но у нас, в Народно-революционной армии, подобный поступок не мог расцениваться как мелкая оплошность, мимо которой можно пройти молча. Это было серьезное противозаконное действие с нашей точки зрения: в нашей армии любовь к народу считалась железным законом.

От имени революционной армии я был вынужден просить у старого Ли извинение:

– Такое произошло, отец, по нашей вине. Мы как следует не воспитали его. Для вас, конечно, это обидно, но прошу воспринять это как проступок своего неблагоразумного сына и простить его.

Старик Ли всполошился при моих словах:

– Да что вы! Ваши слова, наоборот, смущают меня. Какое там прощение! Ведь разве нельзя заменить обувь, когда это нужно бойцам?! Они все время сражаются в горах!

После этого случая дружба между нами и стариком Ли еще более углубилась. Каждый раз, когда мы бывали в Шицзюдаогоу, мы обязательно заходили в Лютепаодун, чтобы навестить его и поздороваться.

Наши бойцы часто ходили в эту деревню за продовольствием и другими разными материалами. Однажды кто-то достал там даже двух кур. Я сказал, чтобы приготовили куриный бульон для ослабевшего от болезни Вэй Чжэнминя. В то время у него вновь дала знать старая болезнь, и он находился в нашем отряде. Выяснилось, что принесший кур боец не мог заплатить хозяину, ибо тот наотрез отказался взять деньги. Я спросил, чьи это куры, и мне ответил, что старика Ли. Боец этот имел большой опыт в

интендантской службе, а на этот раз поступил не очень умело. Я пошел к старому Ли, взяв с собой командира взвода, в который входит боец.

Он как раз занимался молотьбой, и мы стали помогать ему. Я велел командиру взвода дать хозяину деньги.

– Извините, пожалуйста. Мы вовремя не заплатили за кур, – с этими словами он протянул хозяину десять *юаней*.

– В то время на рынке курица стоила не больше одного с половиной *юаня*. Значит, две стоили три *юаня*. Но я хотел дать ему побольше, чтобы хоть чем-нибудь помочь его хозяйству. Но это доброе мое намерение, напротив, вызвало у него обиду.

– Если я возьму эти деньги, то я не кореец. Поговорка гласит: надо совесть знать. Хоть я и стар, но и у меня есть чувство достоинства.

– Прошу вас, возьмите деньги. Если бы мы знали, что эти куры – наседки, то вернули бы их обратно вам. Но, к сожалению, мы не знали этого. Оказалось, что мы взяли у вас кур, которые должны сидеть на яйцах весной, а это значит, что мы вас разорили вчистую.

В конце концов, мы все-таки уговорили его взять деньги. Вытирая концом рукава навернувшиеся на глаза слезы, старик рассказал о том, как его ограбили два года назад.

Однажды на охоте он поймал оленя и продал его одному богачу. Каким-то образом об этом узнали солдаты, прибежали и, угрожая оружием, потребовали выложить деньги. Волей-неволей ему пришлось полностью отдать полученные за оленя деньги. Впоследствии при одном лишь упоминании о солдатах он содрогался от ужаса. Но, увидев, как наши товарищи уважают народ, он пришел к выводу, что для такой армии ничего не жаль. Как-то до него дошел слух, что наши товарищи стараются достать черную курицу. И он подумал, что выпал случай показать свою искренность, и отдал им своих наседок как скромный дар. Он сделал это, чтобы выразить свое искреннее чувство, а вышло наоборот – получил в три раза большую сумму, чем стоили куры. И чувствовал угрызение совести, как человек, не выполнивший своего долга.

Рассказ старика навел меня на мысль, не слишком ли мы пренебрегаем его искренностью. Но мы не могли принять бескорыстную помощь старика в нарушение традиционных норм поведения революционной армии, обязательно отвечающей добром на добрые деяния народа.

Некоторые новобранцы считали естественным делом такую поддержку и помощь революционной армии со стороны населения и, не вникая всерьез в его социальное, материальное положение, легкомысленно распоряжались присланными им в помощь материалами.

Типичным примером такого легкомыслия может быть случай с волом, произошедший в Яошуйдуне осенью 1936 года.

В то время наш отряд находился в глухом уголке Диянси в Шицзюдаогоу уезда Чанбай. Мы переживали большие трудности из-за острой нехватки продовольствия. И вот однажды два новобранца, посланные в сторону Яошуйдуна собирать засохшие листья капусты и редьки, вернулись радостные, ведя за собой огромного быка. Я спросил, откуда животное. Оказалось, что быка передали им крестьяне села Яошуйдун, узнавшие, что партизаны питаются лишь супом из сухих листьев капусты и редьки.

Сначала, говорили оба бойца, они отказывались взять быка. Но крестьяне так настоятельно просили принять животное в знак выражения их искренности. Уговорили, вручая им поводья, и бойцы приняли этот дар.

В котле уже кипела вода. Люди уже несколько дней не имели во рту ни крошки приличной еды. Все – не только новобранцы, но и старые бойцы и командиры – радовались, что выпал случай отведать говядины – уж ее-то они давно не видали. Мне тоже хотелось поскорее отдать распоряжение забить быка. Ведь я знал, что иначе бойцам придется получить на ужин все ту же чашку супа из засохших листьев капусты и редьки. Но, осматривая украшения упитанного быка, вздернувшего голову к небу и печально мычащего, я изменил свое решение. Аккуратно сделанное кольцо, продернутое в носу быка, узда, красиво перевязанная красной лентой, желтый колокольчик и медные монеты на его шее – во всем этом отражалась искренняя забота, любовь хозяина к своему животному. Бойцы тем временем радостно готовились забить быка, разделать тушу и сразу же положить в кипящий котел. Собрав всех, я негромко сказал:

– Давайте вернем быка хозяину.

Приведшие быка бойцы ошеломленно смотрели на меня. И на лицах других новобранцев улыбки сменились разочарованием. Столь неожиданным был приказ для них, уже несколько дней

терзаемых голодом. Я стал уговаривать горестно вздыхавших новобранцев:

– Вы знаете, почему я решил вернуть быка хозяину? Потому что бык является ценным имуществом для крестьянина. Посмотрите, как заботливо холил и любил его хозяин. Этот колокольчик, наверное, передавался в его доме в наследство из поколения в поколение, как драгоценная реликвия. А медные монеты, может быть, принесла с собой бабушка того дома, когда она вышла замуж, а до этого долгие годы хранила их в кошельке, спрятанном в нижней юбке. Так наши матери выражали свое чувство привязанности к рабочему скоту. Другой причиной того, что мы должны вернуть быка, является то, что от такого скота во многом зависит земледелие крестьян села Яошуйдун. Если мы, не вникнув в эти обстоятельства, забьем быка под предлогом, что его нам дали сами жители, то что будет дальше? Ясно, что хозяину и его соседям, пользовавшимся его быком, с завтрашнего дня придется справляться со всеми теми делами, которые выполнял бык: переносить на своих спинах груз, возделывать землю тяпкой или мотыгой. Какой это тяжкий труд! При мысли об этом сможем ли мы спокойно есть суп из говядины? Вы, товарищи, почти все без исключения дети бедных крестьян. Подумайте о своих родителях, тех, которые страдают от непосильной работы.

Видимо, от моих слов оба бойца, приведшие быка, испытывали угрызения совести. Признав свою вину, они со слезами на глазах обратились ко мне с просьбой наказать их. Вместо наказания я отправил их в Яошуйдун вернуть быка хозяину.

В те времена после прибытия новобранцев я некоторое время находился вместе с ними, чтобы они могли пройти определенную закалку, и лишь потом посылал их в роты и полки. Когда одновременно приходили десятки человек, осуществить это было трудно, но когда принимали понемногу – окажем, человека по три-четыре, то я хотя бы несколько дней был вместе с ними. Это помогало мне ознакомиться с семейным положением, уровнем подготовленности, характером и склонностями каждого из новобранцев, чтобы принять соответствующие меры воспитания.

Как-то раз, – это, помнится, было примерно в октябре 1936 года, – мы приняли в свой отряд сразу более десятка рабочих лесоразработок. С первого же дня я взял под свое шефство троих юных новобранцев.

Однажды, возвращаясь с постовой службы, они собрали в поле без разрешения хозяина початки кукурузы с обертками и, загрузив ими свои вещмешки, принесли в отряд. Они говорили, что хотели как следует накормить хотя бы кукурузой меня, который, мол, каждый день утоляет голод одним кипятком из-за трудного положения с продовольствием в отряде. Особенно удивил меня тот факт, что они, присвоив добро крестьянина, представляли такое нарушение порядка благом – проявлением «верности» подчиненных своему командующему.

Понимал их, заботящихся о командующем, но не мог принять эту «заботу».

– Спасибо вам за внимание. Но вы должны понять, что ваш сегодняшний поступок – серьезное посягательство на интересы народа. Разве позволительно собирать кукурузу без разрешения хозяина, набив початками целых три рюкзака?! Видано ли такое безобразие?!

– Мы, войско, боремся за независимость Кореи, не считаясь ни с какими трудностями. А что такое три мешка кукурузы? Раньше у нас в родном селе Армии независимости жертвовали даже золотые вещи. Если за несколько початков кукурузы кто-нибудь из крестьян будет в претензии к нам, то это человек прояпонски настроенный, – высказался боец малого роста со смышленым лицом как бы от имени всех.

Начали выкладывать свои соображения и другие. В их поведении и речах не было ни малейшего признака осознания своей вины. «Если не поправить порочные взгляды юных бойцов, которые, ссылаясь на борьбу за возрождение Родины, позволяют себе ущемлять интересы народа, то какие они наживут себе беды, неприятности в дальнейшем, никому неизвестно», – думал я.

Более часа пришлось мне заниматься их переубеждением. После этого я приказал этим троим новобранцам отнести обратно всю снятую кукурузу и сложить ее на ту же крестьянскую делянку, с которой собрали «урожай». Их сопровождал один из ротных.

Прошло несколько часов, но ушедшие все не появлялись. Я начал тревожиться: «А вдруг с ними случилась какая-то неприятность?» И мы с ординарцем тронулись в путь в направлении того кукурузного поля. Там мы застали троих бойцов, которые сидели у края поля перед кучей кукурузных початков.

Я спросил ротного, в чем дело. Он ответил: «Ждем хозяина».

Я взглянул на бойцов – у всех заплаканные, красные глаза. Видя их такими, я вспомнил первую фразу книги «Самчжаген», которую я читал в годы учебы в начальной школе в Бадаогоу: «Человек по натуре рождается добрым». Иначе говоря, сущность человека поистине прекрасна отроду.

На обратном пути на бивуак я снова внушал троим бойцам: «Крепко запомните сегодняшний урок. Еще больше любите народ. Если мы станем пренебрегать народом, он будет сторониться нас. Нет ничего страшнее, если мы будем отвергнуты народом. Для революционера самая большая трагедия – быть не любимым народом. На кого же мы сможем опираться в своей борьбе, если не заслуживаем любви и поддержки народа?»

В тот день до вечера, пока они не собрались спать, никто из них не проронил ни слова. Я, взяв за руку самого младшего из них, спросил:

– Что ты в рот воды набрал? Скажи хоть, не обиделся за пережитое сегодня?

– Нет. Я понял, какая хорошая наша армия. Больше не допущу такого промаха.

Со слезами на глазах поклялся он стать замечательным бойцом партизанской армии, заслуживающим любовь народа.

Те или иные недостатки, дискредитирующие нравственность революционной армии, бывали не только в отношениях между армией и народом.

По мере роста численности вооруженных сил среди некоторых командиров полков и выше обнаруживались тенденции не общаться с «низами», ограничивать свое руководство общими распоряжениями, не всегда сближаться с массами бойцов. Кое-кто из командиров позволял себе высказываться даже так: «Теперь у нас большая семья – нас уже несколько сотен. Пора начальству и подчиненным носить разные мундиры по рангам, спать и кормиться отдельно, а то будет давать о себе знать в войсках ультрадемократия и это помешает командовать отрядом».

Порой наблюдалось и такое, когда младшие командиры, недавно выдвинутые в комсостав, задирали нос, словно у них большие чины.

Это было осенью 1936 года. Наш отряд – тогда он действовал в

районе Чанбая – покинул ночью один из пунктов близ Шисыдаогоу и двинулся в сторону тайного лагеря. Перед выступлением в поход я назначил дозорную группу и дал наставление, что следует всем делать в походе, как вести себя. Особо я обратил их внимание на недопустимость курения. Курить в ночных условиях в походе – все равно что разглашать врагам свое местонахождение.

Когда отряд огибал подножие горы, со стороны роты, шедшей впереди колонны, вдруг донесся густой запах табачного дыма. Несомненно, кто-то быстро прикуривал в тот момент, когда 2-я рота обогнула гору и из поля зрения исчезло командование, шедшее в хвосте колонны.

На следующее утро я вызвал ротных и расспросил их. К моему удивлению, главными виновниками, нарушившими минувшей ночью мое распоряжение – запрет курить в походе, оказались не рядовые, а ротные Ли Ду Су и Ким Тхэк Хван. Они честно признались в своей вине. Оба ротных, начиная любое дело, обязательно закуривали самокрутку, что стало их привычкой.

Я строго отчитал их:

– Сегодня здесь я не собираюсь распространяться перед вами, доказывать необходимость запрещения курения. Скажите: что случилось бы с отрядом вчера ночью, если бы враги заметили огни ваших самокруток или уловили запах табачного дыма и нанесли нам неожиданный удар? Антияпонскую войну, которую мы сейчас ведем, можно считать сражениями воли и дисциплины. Это острая борьба между революционной волей, стремлением принести своей Родине свободу, и агрессивными притязаниями, попытками узаконить оккупацию чужой страны и закрепить ее навечно. В этом поединке мы сейчас одерживаем победу за победой потому, что наша воля и дисциплина сильнее, чем у врага, и потому, что мы несравнимо превосходим врага по морально-политическим качествам. Представьте, каким окажется результат, если в наших рядах будут то и дело появляться такие слабовольные, как вы? Любое войско с расхлябанной дисциплиной и слабой волей, как правило, терпит поражение. Вы считаете себя из ряда вон выходящими заядлыми курильщиками. Но ведь таких, как вы, любителей курения

сколько угодно встречается среди рядовых бойцов. Когда вы закуриваете, им тоже хочется курить. А ведь никто из рядовых не курил в походе вчера ночью. О чем это говорит? О том, что вы считаете себя особыми существами. Не может быть исключений в строгом соблюдении дисциплины. А вот вы вели себя, как исключение. Мириться с такими поступками означало бы признавать привилегии командиров. А мы не признаем никаких привилегий. Как только признаем – перестанут доверять подчиненные своему начальству. От этого проигрывает единство командиров и бойцов, разрушается атмосфера доверия бойцов к кадрам и любви командиров к бойцам. Так что – ваши ошибки серьезны или несерьезны?

Ли Ду Су и Ким Тхэк Хван признали всю серьезность своей вины и выразили готовность понести любое наказание.

– Наказать вас, – сказал я, – конечно, можно. Но это легкий метод. Предупреждаю вас со всей строгостью – больше не повторяйте подобную ошибку. И примите это мое предупреждение как наказание.

В тот день я дал Ли Ду Су поручение быть начальником группы по борьбе с курением.

Приблизительно к тому времени у нас случилось еще одно происшествие, омрачившее атмосферу отряда: связной комиссара полка Ким Пхена опять выступил за крайность, разрушавшую дисциплину, – «равноправие начальства и подчиненных». Того связного звали Хо Бом Чжун. Был уже не молод, да и боец старый, сравнительно с ранних лет участвовал в вооруженной борьбе. Вначале он был моим ординарцем, но из-за неуклюжести вскоре признан неподходящим на роль ординарца при командовании. И Ким Пхен взял его в свой полк, а на смену ему прислал в командование своего связного Ли Гвон Хэна.

Хо Бом Чжун после того, как перешел в подчинение Ким Пхена, показал себя непокорным в отношении начальства, порой даже устраивал склоки. Говорили, что иногда он не выполнял приказы командиров полка, когда требовалось побегать с заданием связи, вел себя не очень скромно. Командиры были не в силах больше терпеть и вынесли вопрос о нем на рассмотрение более высокого звена. Если бы мы закрыли на это глаза, то могли бы тем самым навредить дружбе начальников и подчиненных, нарушить атмосферу доверия к старшим по должности.

На основе глубокого анализа причин упомянутых выше случаев и создавшихся в нашей Народно-революционной армии новых обстоятельств мы составили Временный устав КНРА и предали его гласности. Это, думается, было ближе к концу 1936 года. Так можно полагать потому, что Ким Чжу Хен хлопотал с подготовкой к новогоднему празднику, говоря, что нельзя пренебрегать им, ибо мы встречаем его впервые после передвижения в горы Пэкту. Ким Пхен разработал проект устава, но получилось не так, как следовало бы. Таким образом, пришлось заново разработать его – в пятнадцати пунктах. Называли мы этот документ Временным уставом в том смысле, что он подлежит дальнейшему дополнению и усовершенствованию .

Во Временном уставе КНРА были конкретно освещены характер и миссия нашей революционной армии, правила и нормы поведения, которые должны соблюдать командиры и бойцы в повседневной жизни и службе.

В нем мы обращали свое особое внимание на вопросы об отношениях между армией и народом, между командирами и бойцами. Об этом свидетельствует тот факт, что во всех его пунктах подчеркивается народный характер нашей революционной армии.

«Настоящая армия является Корейской Народно-революционной армией, которая борется против японских империалистов и их приспешников, за возрождение Родины, за освобождение и свободу народа», – таков был первый пункт устава.

Второй пункт устава определял принцип организации нашей Народно-революционной армии. В нем отмечалось: «Настоящая армия является подлинной революционной армией корейского народа, созданной из его лучших сынов и дочерей».

Об отношениях между армией и народом говорится: «Настоящая армия, глубоко запомнив, что «Рыба не может жить без воды», защищает, охраняет жизнь и имущество народа, делит с ним горе и радость, борется за то, чтобы объединенными силами армии и народа добиться возрождения Родины и освобождения народа».

Пункт, посвященный единству командиров и бойцов, звучал так: «Командный, личный состав настоящей армии сознательно соблюдает военную дисциплину и моральный долг, проявляя дух доверия к начальству и любви к бойцам, единства командиров и бойцов».

Один из пунктов устава гласил, что армия конфискует имущество японских империалистов и их приспешников и этим возмещает свои расходы на антияпонскую войну, а часть конфискованного направляет в помощь бедному населению. И далее говорилось в уставе: поощряется совместный фронт с частями, желающими взаимодействия с КНРА, а также со странами и народами, выражающими сочувствие ей.

Кроме того, Временный устав определял войсковой штат Народно-революционной армии, права командования по вопросам назначения и освобождения с должности командиров всех рангов, личные качества желающих служить в армии, порядок вступления в армию и выхода из нее, признаки лиц, подлежащих наказаниям.

Временный устав четко обозначил наши символы: флаг, значок КНРА и звезду на фуражке воина армии.

Цель Временного устава ясна: она в том, чтобы не допустить малейшего ущемления интересов народа, достичь единства армии и народа, командиров и бойцов, проявить революционный дух опоры на собственные силы и самоотверженной борьбы с трудностями и тем самым во что бы то ни стало осуществить своими силами историческое дело возрождения Родины, которого с нетерпением ждет народ.

Основополагающий дух, которым пронизан Временный устав, – это чувство любви. Он предназначен к тому, чтобы сделать железным законом любовь к народу, любовь к бойцам, любовь к командирам.

По моему собственному опыту могу судить: единство армии и народа, единство командиров и бойцов – это, можно сказать, единство мыслей и чувств, которого никогда не достичь с помощью каких-то одних правил или принципов. Они возможны лишь тогда, когда все будут проникнуты человеческими чувствами – чувствами взаимного уважения и поддержки между армией и народом, командирами и бойцами, начальством и подчиненными. Именно человеческая привязанность, позволяющая людям искренне любить друг друга, ощущать в другом близкого и дорогого, является сильным связующим средством, обеспечивающим идеологическую спаянность.

С этой точки зрения можно сказать, что Временный устав КНРА не является простым кодексом, правовым документом, цель которых – контроль над людьми и ограничение их поступков. Его

можно назвать кодексом нравственных законов, хартией любви, тесно связывающими армию и народ, командиров и бойцов человеческими узами.

После оглашения Временного устава КНРА мы требовали от всех командиров и бойцов строго соблюдать его. С тех пор отношения между армией и народом, между командирами и бойцами стали еще более близкими, нерасторжимыми, искренними, словно кровное родство.

Даже в тяжелых условиях, когда голод и стужа угрожали смертью, наши командиры и бойцы не позволяли себе трогать имущество населения. Когда же порою при безвыходной ситуации им приходилось брать хоть несколько картофелин, не имея возможности извиниться перед хозяевами, они оставляли у начала борозды или в картофельном погребе извинительную записку и деньги, в несколько раз превышающие цену взятого.

Сразу же по прибытии в населенный пункт они прежде всего думали, как бы помочь жителям, вовсе не рассчитывая принимать от них угощение.

Я до сих пор не могу забыть случая, произошедшего во время пребывания нашего отряда в каком-то селении Эршидаогоу уезда Чанбай.

Как всегда, я выбрал тогда под ночлег маленький, на вид самый бедный домик с соломенной крышей. В нем жили старые супруги, которым перевалило за шестьдесят, любовно воспитывая маленького внука. Их сын, говорили, погиб при сплаве леса, а сноха умерла от брюшного тифа. Соломенная крыша того домика, где не имелось здорового работника, вся сгнила, и через нее просачивался дождь. Обвалилась и завалинка, так что домик выглядел неказисто, заброшенно. Я в первый же день вместе с ординарцами накосил в лесу за селом с десяток вязанок осоки и сменил ими соломенные маты на крыше, заново сложил и обвалившуюся завалинку.

Глубокой ночью того дня я вдруг услышал переполох в курятнике и выглянул в окошко, думая: не залез ли к курам колонок? Но увидел, что старик с помощью старухи, держа горящую лучинку в руке, ловит курицу. Когда я спросил у него, зачем он среди ночи ловит курицу, старик ответил, что появилась крайняя потребность. Из курятника, где находились три домашние птицы, старик вытащил петуха и жирную курицу. Мы днем

слышали, как она кудахтала продолжительное время, спустившись с плетеной корзинки, куда снесла яичко. Старик связал веревочками их ножки, бросив курицу в кухню, взял петуха под мышку и вышел за калитку. Почему-то за ним последовала и старуха. Прошло два-три часа, но они все не возвращались.

Я вышел из комнаты и, сев на завалинку, стал дожидаться возвращения хозяев. Старые супруги возвратились лишь к самому рассвету. Выглядели они очень огорченными, а петух по-прежнему оставался у старика под мышкой.

– Дед, куда вы ходили, почему возвратились так поздно?

– И не говори, пришлось обойти почти все пятьдесят дворов в селении, но все же возвратиться так, – ответил старик, кладя петуха на завалинку.

Я не понял, в чем дело, и спросил:

– Что случилось? Почему вам с супругой надо так утруждать себя, да к тому же глубокой ночью?

– Я слышал, что вашего командира зовут Ким Ир Сеном. Вот до сих пор мы и искали тот дом, где он остановился на ночлег, но так и не нашли. Так что пришлось возвратиться сейчас.

– А зачем вы ищете этот дом?

– Хотелось рассказать командиру о ваших благородных поступках и вместе со старухой сделать ему глубокий земной поклон. Ведь нельзя же нам сидеть сложа руки, получив от вас помощь. Вот мы и решили, хоть и скромно, отдать этого петуха для его угощения. Но, к сожалению...

Старик сначала зашел в дом помещика, находящийся на верхнем краю селения. Он рассчитывал, что командир остановился в доме, который здесь был самым большим.

Старик зашел и в дом приказчика – второй по величине, а затем обошел подряд почти все пятьдесят дворов. Рассказывая об этом, старик посетовал, что в селении относятся к ним дурно, ибо у них, старых бедняков, нет опоры.

– Конечно, не дело нам, старым, в таком скверном виде появляться перед командиром. Но все-таки это слишком. Некоторые даже поддразнивают: «Ты ищешь его здесь, когда он у тебя дома». Слушай! Скажи мне, пожалуйста, у кого взаправду остановился ваш командир.

Старый хозяин даже после обхода всего селения не мог представить, что у него дома может находиться тот человек,

которого он ищет. Старик слишком разволновался, и мне пришлось представиться ему. Но он не поверил мне, говоря, что этого не может быть: как же командир отряда может остановиться в таком ветхом домишке? Ведь в прошлые времена даже командир роты Армии независимости при пребывании в селении занимал самый большой дом. Для него резали корову и устраивали попойку. К тому же как командир отряда может чинить крышу и завалинку, а также с удовольствием есть жидкую гаоляновую кашицу?!

Старик даже рассердился сильно, говоря: «Ты тоже относишься к нам свысока и. несомненно, скрываешь его местонахождение». Лишь на следующий день, выслушав ординарца, старик признал свою оплошность. Мы тогда покинули это селение, еле-еле уговорив старых супругов удержаться от угощения нас курятиной. Подобные случаи были не раз и не два.

Временный устав КНРА обладал исключительно большой жизненной силой в укреплении единства армии и народа.

Если бы мы не установили среди личного состава дух любви к народу и беззаветного служения ему, то не смогли бы преодолеть многочисленные трудности в те дни суровых испытаний, постоянно ставившие под угрозу судьбу КНРА и непосредственно нашу жизнь, могли бы и бросить на полпути революционное дело.

После опубликования Временного устава КНРА в нашей революционной армии произошел новый сдвиг также в единстве командиров и бойцов.

Наши командиры привыкли делить с бойцами горе и радость. Когда рядовые питались жидкой кашицей, ее вместе с ними ели и командиры, а когда бойцы спали на голом снегу, застлав его листвой, так же поступали и командиры.

Весь командный состав КНРА без исключения, начиная от командующего и кончая командирами взводов, последовательно остерегался и был настроен против применения «маленького котла».

Вообще-то выражения «большой котел» и «маленький котел» родились в гоминьдановской армии Чан Кайши. Там считали закономерным то, что человек, ставший офицером, избавлялся от «большого котла», в котором готовилась еда для рядовых солдат, и получал право питаться яствами, приготовленными отдельно в «маленьком котле».

Самое жесткое деление на «верх» и «низ» было в японской армии, причем с первой категорией положено было обходиться

абсолютно любезно, а со второй – можно и бесчеловечно. Даже те, кто дослуживался всего лишь до капрала, варварски занимались, как им вздумается, рукоприкладством и издевательством, заставляя подчиненных лизать свою ступню или подошвы сапог.

В КНРА категорически не позволялось пользоваться «маленьким котлом». При наличии «маленького котла» появилась бы особая прослойка людей, пользующихся привилегией питаться получше, чем другие, а это в конце концов привело бы к тому, что между ними и большой массой рядовых бойцов, принимающих обычную пищу из больших котлов, образовалась бы трещина. Кто же будет их поддерживать, следовать за теми лицемерами, которые на словах трезвонят о равенстве всех людей, а на деле способствуют неравенству, начиная с питания?

Мы придерживались железного закона: весь командный состав независимо от должности в любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах должен питаться наравне с рядовыми бойцами из общего котла. Всем питаться из одного котла – это было принципом военной дисциплины и этики КНРА в питании. Никто не имел права нарушать этот принцип ни в коем случае.

Питание, обмундирование и места для ночлег были совершенно одинаковы для всех. Командный состав, имевший обязанность заботиться о рядовых бойцах, фактически по сравнению с ними в большинстве случаев ел меньше, одевался хуже и занимал плохие места при ночевках.

Мы и сейчас выступаем против пользования «маленьким котлом». Хотя это и было давно, но одно время нередко бывало так, что в столовых столицы и на периферии устраивали отдельные особые маленькие комнаты, где начальники при посещении угощались особыми блюдами. Несмотря на то, что из центра неоднократно предупреждали, чтобы не заводить таких особых комнат, работники бытового обслуживания все-таки навязчиво устраивали «маленький котел». В результате это привело к тому, что среди кадров, у которых отсутствовал дух служения народу, стали появляться лица, считающие себя особыми персонами. Некоторые из них считали естественным делом, что нижестоящие люди приглашали их пройти в особую маленькую комнату или покои для высоких гостей; они желали получать особые привилегии.

Мы не одобряем пользования «маленьким котлом». При его

допущении могут появиться «злые духи» всех оттенков. Кроме буржуазных идей, из «маленького котла» не появится ничего. Если такой «маленький котел» будет узаконен, то между партией и массами может образоваться трещина, разрушится вера в дело социализма. Социализм нашего образца бесконечно здравствует, и это, главным образом, связано и с тем, что партия не обюрократизировалась, что мы не допускаем пользования «маленьким котлом».

Вся политика, разрабатываемая и проводимая Трудовой партией Кореи, неизменно зиждется на сознании служения народу. Дух служения народу является основным фактором, определяющим характер нашей партии, армии и государства. На собственном опыте мы убедились в истине того, что непобедимы партия и армия, считающие основным средством существования дух служения народу. Обслуживание ничтожной кучки привилегированной прослойки и служба ради нее не имеют ничего общего с гуманизмом, это – явное выражение антинародности.

В армиях капиталистических стран не существуют да и не могут существовать искренние отношения между армией и народом, между товарищами, между начальством и подчиненными. В них господствуют насилие, обман, конфликты, противоборство, слепое повиновение и слепая вера. Печально, но в армиях империалистических государств даже в отношениях между солдатами трудно увидеть присущий человеку прекрасный духовный мир, выражающийся во взаимной помощи и заботе.

«Поглощай первым. Если я не поглощу тебя, то ты – меня!», – такова философия человеческой жизни, которую офицеры вбивают в голову подчиненных в армиях капиталистических стран. Подобная философия говорит, что все существа, кроме «я», – противники, объекты поглощения. В конце второй мировой войны японские солдаты, находившиеся на фронте в Новой Гвинее, говорят, пожирали людей, когда кончилось продовольствие.

И сегодня в армиях капиталистических стран вырабатывается среди воинов хищнический способ существования – «Ты или я».

Традиции единства армии и народа, командиров и бойцов, еще более укрепившиеся под воздействием Временного устава КНРА, сегодня благодаря правильному руководству нашей партии наследуются и развиваются все более всесторонне.

Наши народноармейцы любят народ, оказывают ему помощь. Это они считают своей наивысшей радостью. Сегодня в нашей стране стало обычным: армия помогает народу, а народ – войскам.

Часто можно увидеть на страницах газет и экранах телевизоров, как девушки нашей страны добровольно выходят замуж за демобилизованных воинов-инвалидов, получивших ранение на службе по защите Родины. Они становятся как бы их глазами, руками или ногами. Видя образ расцветающего с каждым днем единства армии и народа, я испытываю безграничное счастье.

В Народной Армии все более укрепляется также традиция единства командиров и бойцов.

Сегодня командиры нашей Народной Армии любят бойцов и заботятся о них, как о своих детях, как о младших братьях и сестрах. Известны имена многих командиров-героев, ценою своей жизни спасших бойцов – своих подчиненных. Командира роты бойцы называют старшим братом, а политрука – старшей сестрой. Именно такие кровные связи преобладают в отношениях между командирами и подчиненными в ротах, являющихся основными боевыми единицами нашей Народной Армии.

Наша страна обладает мощным оружием, которым вправе гордиться на весь мир. Это – единство армии и народа, единство командиров и бойцов.

Такое мощное оружие не дадут никакая военная наука, никакая техника. Оно куется лишь силою искренней любви.

7. Справка о благонадежности

Мы направили Ким Чен Сук в поселок Таоцюаньли в марте 1937 года, накануне Сиганского совещания.

В тот год отовсюду ко мне обращались за помощью, многие просили прислать людей – и Ли Чжэ Сун, и Пак Дар, и Квон Ен Бек, и Ким Чжэ Су. Направление Ким Чен Сук в поселок Таоцюаньли и было одним из откликов на такие просьбы.

Линия подпольной связи между селом Синьсинцунь, где действовал Ли Чжэ Сун, и Большой лужей, где работал Пак Дар, служила каналом для расширения сети наших подпольных организаций по всей провинции Северный Хамген и в восточных районах провинции Южный Хамген. А подпольная линия, соединяющая Таоцюаньли и Синпха, можно сказать, была предназначена для развертывания наших организаций в западных и южных районах провинции Южный Хамген и во внутренних районах Кореи. Поселок Таоцюаньли, находящийся в центре Сяганцюя уезда Чанбай, был подходящим местом, которое мы могли бы сделать центром в разветвлении сети Лиги возрождения Родины прежде всего в Сяганцюе, а также и в других обширных районах Южной Маньчжурии, включая уезд Линьцзян. Через этот главный опорный пункт удобно было осуществлять связь между организациями ЛВР.

Городок Синпха, находившийся напротив Таоцюаньли, был подходящим пунктом связи с промышленным районом Хыннама в стране, где имелось много рабочих. Он мог послужить превосходным плацдармом для расширения сети наших подпольных организаций и в районах южной части восточного побережья, и в глубине Кореи.

Наше особое внимание к Синпха было связано также с тем, что мы получали возможность сравнительно легко проложить через него канал подпольной связи с районами внутри страны.

В Синпха находился Чан Хэ У (Чан Хё Ик). Некоторые из прибывающих в наш тайный лагерь говорили, что этот человек после тюрьмы превратился, мол, в какого-то обывателя. Однако

такая оценка была лишь субъективным мнением сторонних наблюдателей, плохо осведомленных о действительной подпольной жизни в Синпха. Из доклада Квон Ен Бека я уже знал, что Чан Хэ У не превратился в обывателя, а включился в революционную работу и уже поддерживает тайную связь с Ким Чжэ Су.

Чан Хэ У пользовался особой любовью деятелей движения за независимость. Тесно связанный с моим отцом, он часто уезжал в сторону Приморья, где сосредоточилось много участников движения за независимость и эмигрантов. При каждой такой поездке он останавливался на один-два денька у нас в доме. Помнится, что всякий раз, когда Чан Хэ У появлялся у нас, мой отец садился вместе с ним за обеденный столик и предлагал ему вино с едой.

Я слышал, что в середине 20-х годов его заточили в тюрьму, обвинив в причастности к борьбе за независимость. Но я ничего не мог узнать ни о сроке его тюремного заключения, ни об обстоятельствах его переориентировки от националистического движения к коммунистическому. Лишь после освобождения Кореи узнал, что его приговорили к семи годам тюрьмы, но через два года выпустили по амнистии «благодаря дару» в связи с днем вступления на престол японского императора Сёва.

Как бы ни обстояло дело, но то, что Чан Хэ У, имевший богатый революционный опыт и близкими отношениями тесно связанный со мной, живет в Синпха, открывало для нас хорошую перспективу. Через подпольную организацию Таоцюаньли мы узнали, что характер у него в чем-то немного изменился, но его убеждения, по-видимому, остались прежними. По всему выходило, что установление взаимопонимания с Чан Хэ У даст нам возможность проложить надежный канал связи с внутренними районами Кореи.

Но кого направить на работу с Чан Хэ У? Кто поможет сравнительно успешно открыть так нужный нам путь вглубь Кореи?

И я, и Ким Пхен ломали голову над выбором подходящей кандидатуры. Ким Пхен, комиссар 7-го полка, по совместительству выполнял и секретную работу по засылке подпольщиков.

Это было во время похода на север через перевал Догулин в направлении тайного лагеря Янмудинцзы уезда Фусун. Однажды ночью, когда сыпала снежная крупа, я на привале позвал Ким Пхена к моему костру. Продолговатое и худощавое его лицо

казалось совсем изнуренным трудностями непрерывных боев и походов через глубокие снега.

– Ты наметил того, кто первым пробьет проход в Синпха?

Я обратился к нему с вопросом, который уже задавал несколько дней назад. Тогда Ким Пхен не смог дать удовлетворительного ответа. Но на этот раз на лице его было выражение уверенности.

– Да, наметил. По-моему, самой подходящей будет «черноватая Чен Сук».

Его выбор удивил меня: он точно совпал с моим мнением.

«Черноватая Чен Сук» – это было прозвище Ким Чен Сук. В нашем отряде имя «Чен Сук» носили три партизанки: Чан Чен Сук, Пак Чен Сук и Ким Чен Сук. Бывало, на обращение «Товарищ Чен Сук!» откликались сразу три партизанки. Это иногда вызывало веселый смех, но порой создавало неудобства и путаницу. Поэтому друзья дали каждой из трех Чен Сук отличительные прозвища – «пыхтящая Чен Сук», «синеватая Чен Сук» и «черноватая Чен Сук».

Чан Чен Сук прозвали «пыхтящей Чен Сук» потому, что она во время работы или похода имела привычку сопеть. Эта примета и отразилась в ее прозвище. Некоторые ветераны революции говорят, что такое прозвище возникло по другой причине: все ее действия отличались силой и энергичностью. По-моему же, соответствовали истине оба варианта.

Пак Чен Сук прозвали «синеватой Чен Сук» потому, что она пришла в партизанский отряд, одетая в синюю юбку.

Сходное происхождение имело и прозвище Ким Чен Сук: она всегда ходила в единственной юбке черного цвета – и в обычные дни в партизанском районе, и при вступлении в революционную армию.

– Сможет ли она справиться с важной задачей, сумеет ли «освоить» район Синпха?

Я задал этот вопрос как бы между прочим, желая поточнее узнать, почему Ким Пхен выбрал именно Ким Чен Сук.

– Когда я вел партийную работу в Бадаогоу уезда Яньцзи, Чен Сук под моим руководством занималась комсомолом. Она очень тщательно относилась ко всем делам, к тому же у нее есть и опыт политработы в женской роте. Не знаю, как она примет наше предложение, но...

Я был согласен с мнением Ким Пхена...

Однако до того времени я не все знал о Ким Чен Сук как о человеке. В нашем отряде она прослужила всего лишь год. Горечь жизни лишенного Родины народа мы испытывали в разных с нею местах. Да и в революцию пришли врозь, каждый по-своему. Я впервые услышал ее имя, когда находился в Мацуне, что в Сяованцине. Ребята из группы художественной самодеятельности, прибывшие в Ванцин из Бэйдуна Ванъюйгоу, расшумелись, как воробьи. В их разговорах вместе с именем Юн Бен До иногда звучало и имя Ким Чен Сук. Эти милые дети, красивые, как бабочки, относились с большой теплотой к своей вожатой Детского отряда.

Позже о Ким Чен Сук часто вспоминала и Ли Сун Хи, которая была начальником Детского управления уезда Яньцзи, а затем занимала ту же должность в уезде Ванцин. Юн Бен До тоже в разговоре иногда упоминал Ким Чен Сук. Таким образом, это обыкновенное имя, которое обязательно встречается у одного или двух лиц в каждом селении, отложилось и в моей памяти. Если свести воедино мнения тех, кто знает Ким Чен Сук, можно судить так: она очень смелая, настойчивая девушка, отличающаяся добротой и необычайным сочувствием к другим. Таковы в общем были в ванцинскую пору мои знания о Ким Чен Сук.

Когда в Ванцин прибыла из уезда Яньцзи группа художественной самодеятельности Детского отряда, я послал юным артистам подарок – сорок красных галстуков. В то время Ким Чен Сук была членом 8-го участкового комитета комсомола и руководила уездной группой художественной самодеятельности Детского отряда. Рассказывали, что она, получив этот подарок, была очень тронута.

Ким Чен Сук была единственным бойцом 4-й роты, находившейся в тайном лагере в Мааньшане, кого леваки не посмели обвинить в причастности к «Минсэндану». Однако они все равно, не разбираясь, включили ее в роту, состоявшую из подозреваемых в связях с «Минсэнданом». «Ты кореянка. Поэтому независимо от того, подозреваешься ты или нет, должна находиться вместе с виновными корейцами», – так рассудили, думаю, эти леваки.

Ким Чен Сук приняла это необоснованное наказание покорно: она решила связать свою судьбу с «без вины виноватыми» соратниками. Жила в одной казарме вместе с обвиненными в причастности к «Минсэндану», однако не считала это позором.

Эта простая на вид партизанка, с коренастой фигурой, невысокого роста, не имевшая во внешности ничего примечательного, пользовалась любовью всей роты. Чем это объяснить? На эти вопросы я смог ответить позже, лишь узнав детали ее жизни.

Ким Чен Сук была человеком, живущим не для себя, а для других. Полностью отдавать себя нуждам других людей – таково было ее кредо, такой была и вся ее жизнь. Ким Чен Сук, когда в этом была необходимость, жертвуя собой, заботилась о других. Если ей доставалось что-нибудь из съестного, она всегда делилась с другими бойцами – или бойцами крупного телосложения, или совсем юными. Наверное, из ее пайка больше, чем другие, получал и съедал маленький кудрявый партизан из 1-го взвода 4-й роты – «кореш» ее младшего брата Ги Сона. Когда другие крепко спали, она штопала обмундирование партизан, чинила их обувь.

Самоотверженность ради товарищей и общего дела – вот что было главным в характере Ким Чен Сук. Это и придавало ей неотразимое обаяние.

От Рим Чхун Чху, Ким Чжон Пхира, Пак Су Хван и других бойцов из Яньцзи я не раз слышал, как в то время, когда «антиминсэндановский» тайфун охватил всю Восточную Маньчжурию, одна юная девушка каждый день тайком приносила пищу голодным людям, обвиненным в причастности к «Минсэндану», изолированным в Нэнчжиине. Благодаря ей не погибли голодной смертью, выжили несправедливо заключенные мученики. Той юной девушкой была Ким Чен Сук. Если бы узнали в ту пору, что она носит пищу обвиненным в причастности к «Минсэндану», то на нее тоже навесили бы ярлык «минсэндановца».

Я впервые увидел Ким Чен Сук в Саньдаованьском партизанском районе, но ее биографию и печальную историю ее семьи подробно услышал весной 1936 года, когда находился в Маньцзяне. Однажды, закончив работу над докладом для выступления на Дунганском совещании, я с радостным чувством, обходя сторожевые посты, вышел на берег речки. Вдруг откуда-то послышалась звонкая мелодия песни, вызывающая тоску по родному краю.

Я пошел вверх по течению ручейка в ту сторону, откуда слышалась песня, и увидел, что две партизанки полощут белье. Одной из них была Ким Чен Сук.

В тот день я впервые узнал, что ее родной край – Хвэрен в

провинции Северный Хамген, что когда ей было пять или шесть лет, ее семья, покинув родное место, перебралась в Маньчжурию.

Хвэренцы гордятся тем, что их край принадлежит к достопримечательностям провинции Северный Хамген. Это место древней крепости, известной как одно из шести военных укреплений, было особо отмечено и на нашей оперативной карте как важный военный опорный пункт, где во время антияпонской революционной борьбы располагались штаб 75-го полка Ранамской 19-й дивизии японской армии и авиачасть.

Сейчас жители Хвэрена очень гордятся тем, что в их краю выросли такой талантливый киноработник, как Ра Ун Гю, и такой известный поэт, как Чо Ги Чхон[27]. Гордятся они и тем, что их родной город известен как место сбора белого абрикоса. В весенние дни, в пору общего цветения, гости любуются панорамой Хвэрена, утопающего в цветах белого абрикоса.

Но Ким Чен Сук пришлось прожить в этом красивом крае всего несколько лет. Позже, повзрослев, она видела лишь немилые горы и унылые равнины Северного Цзяньдао, по которым сновали конные грабители, поднимая густую пыль.

Родители, братья и сестра ушли от Ким Чен Сук друг за другом. Ее отец был участником движения за независимость. Арестованный врагами, он был подвергнут неимоверно жестоким пыткам, да и сильно обморозился, ночуя под открытым небом. Последствия всего этого привели его к ранней смерти. Незадолго до кончины отец попросил любимую младшую дочку Чен Сук открыть окно. Обильные слезы текли по его щекам, и он, неотрывно глядя воспаленными глазами на южное небо, сказал ей:

– Мне очень хотелось бы быть погребенным в Корее. Пусть мой прах превратится в землю, но хочется, чтобы он стал корейской землей. Однако это мое чаяние, видимо, окажется несбыточным. Слушай меня, дочка. Где бы ты ни была, не забывай родного края и Кореи. Наказываю тебе бороться за Корею.

Когда Ким Чен Сук шел пятнадцатый год, агрессоры потопили все Цзяньдао в море крови. Они ворвались и в поселок Фуяньдун, подожгли его и жестоко убили ее мать и жену брата. Жена брата оставила ей грудного ребенка – маленького, беспомощного. Ким Чен Сук вынуждена была ходить по соседям, имеющим грудных детей, с просьбой покормить ребенка молоком. По нескольку раз в день ходила она по домам, неся голодного племянника на руках.

Приходилось ходить даже в соседний поселок километра за четыре.

Но вскоре Ким Чен Сук пришлось навсегда расстаться с племянником, которого она растила, не жалея сил. Когда она уходила в партизанский район, ее брат Ким Ги Чжун, который должен был отправиться на подпольную работу на рудник в Бадаогоу, забрал у нее своего сына. Ким Чен Сук хотела взять племянника с собой в партизанский район, но брат не позволил. И ей пришлось на день отсрочить свой уход. А на рассвете следующего дня в поселок неожиданно ворвался карательный отряд. Когда раздались выстрелы, она схватила племянника на руки и стала подниматься в гору, решив уйти прямо в партизанский район. Но ее догнал запыхавшийся брат и стал говорить ей, что она еще морально не готова участвовать в революции. «Тот, кто вступил на революционный путь, должен прежде всего думать о своем революционном долге. Как же ты собираешься участвовать в революции, – продолжал он, – если думаешь только о своей семье? Не беспокойся о ребенке!»

Брат взял плачущее дитя на руки, повернулся к ней спиной и, не оглядываясь, стал спускаться вниз по ущелью. Сказал брат так жестоко, но у него самого на глаза навернулись слезы, и он, видимо, поэтому не хотел оглядываться. Так вот и произошла разлука между братом и младшей сестрой.

Ким Чен Сук больше не смогла увидеться ни с братом, ни с племянником. Брат, подпольщик на руднике, к несчастью, был арестован и погиб под пытками. А племянник, словно птица, неизвестно куда исчез во мгле. Ги Сон, младший брат Ким Чен Сук, оставшийся единственным родным, погиб, сраженный вражескими пулями. Он звуками сигнального горна Детского отряда отвлек вражеский карательный отряд, чтобы спасти жителей села Цанцайцунь, идущих из Фуяньдуна в Саньдаованьский партизанский район.

И после освобождения страны у Ким Чен Сук увлажнялись глаза при воспоминании о младшем брате Ги Соне. А когда видела на улице подростков, она каждый раз тайком тяжело вздыхала, думая: «Был бы жив мой племянник, тоже бы вырос, как они...»

Закончив беседу с Ким Пхеном, я вызвал Ким Чен Сук в штаб и сказал:

– Товарищ Ким Чжэ Су через связных уже несколько раз просил меня дополнительно прислать к нему способных подпольщиков. Он

очень сноровистый в деле и имеет большой опыт подпольной работы. Но, по-моему, район его деятельности чрезмерно широк, так что он испытывает большие затруднения. В частности, Ким Чжэ Су очень досадует на то, что не налаживается работа с женщинами. Чтобы включить женщин в подпольную организацию, надо искусно вести работу с присматривающими за ними старыми людьми, но это, говорит он, нелегко. Так что вы, руководя работой с женщинами района Сяганцуя, должны активно помогать товарищу Ким Чжэ Су, сделав опорным пунктом Таоцюаньли. Наладив работу в этом районе, вам надо перебраться в Синпха и, связавшись там с Чан Хэ У, создать сеть мощных подпольных организаций в районе Самсу. Затем следует быстрыми темпами расширять сеть организаций Лиги возрождения Родины в Хыннаме, Хамхыне, Пукчхоне, Танчхоне, Сончжине, Вонсане и других промышленных городах, а также в сельских и рыболовецких поселках на восточном побережье. Заниматься созданием тайных организаций внутри страны в несколько раз опаснее и труднее, чем работать с массами в Чанбае, находящемся под охраной Народно-революционной армии. Прошу вас быть очень осторожной и желаю вам успехов в работе. Мы верим, что вы, товарищ Чен Сук, вполне справитесь с этой трудной задачей. При возникновении трудностей опирайтесь всегда на товарищей и народ.

Это часть того, что я говорил Ким Чен Сук, направляя ее в Таоцюаньли.

Уже с конца лета 1936 года в Таоцюаньли и его окрестности протянулась нить нашей подпольной работы. По словам Чон Дон Чхора, к тому времени, когда весть об Олимпийских играх в Берлине пришла даже в горный поселок Таоцюаньли, в Сяганцюе появился незнакомый «картежник» по имени Ким Вон Дар. Он шатался по району, привлекая молодых людей к игре в карты. Главной темой его разговора с картежниками было то, что в марафонском беге на Олимпийских играх корейцы заняли первое и третье места, но на церемонии награждения поднимался японский флаг.

Ловкий, умный молодой «картежник», невысокого роста, был не кто иной, как наш подпольщик Ким Чжэ Су. Он был личностью со своеобразной биографией, подобной приключенческому роману.

Первый председатель Ванъюйгоуского совета, секретарь Янъцзиского укома партии, заворг Восточноманьчжурского

Особого окружного комитета... – так можно коротко охарактеризовать главные вехи его жизненного пути в первой половине 30-х годов. Но в его нормальной жизни вдруг возникли такие перипетии, которые чуть было не перевернули всю жизнь вверх дном. После перемещения ВМООК в Лоцзыгоу он вместе с другим членом ВМООК, к несчастью, был арестован, и их притащили в жандармерию.

Враги заставили Ким Чжэ Су и Чжу Мина написать документ об отступничестве. Принуждая их к сотрудничеству, инструктировали: «Никому не говорите об аресте и продолжайте работу в ВМООК. Продолжайте создавать революционные организации. Мы не будем вмешиваться в это. Будем довольны и тем, что вы будете систематически передавать нам списки новых членов организации».

Враги были очень довольны тем, что кадровый работник ранга ВМООК изменил своим убеждениям. Однако Ким Чжэ Су и не думал меняться. Он притворился лояльным лишь для того, чтобы и дальше участвовать в революции. Захватив у врагов секретные документы и деньги для тайной предательской работы, он пришел в ВМООК и откровенно выложил все, что с ним произошло. А вот Чжу Мин, позже пришедший в ВМООК, поступил иначе: обманывал его по сценарию, составленному врагами. За это он получил должную кару.

Ким Чжэ Су же простили, но отнюдь не полностью – его исключили из партии. Он стал мертвецом не только в политическом отношении, но и был погребен морально. В один прекрасный день он все потерял, был вытеснен за рамки борьбы. Одиноко забившись в горном ущелье, он раскаивался в изменении, хоть и в мнимом, своим убеждениям, что было хуже смерти, и не находил себе места от огорчения.

Революционеры считают самой большой честью, самым высоким моральным качеством – при любых, самых тяжелых условиях сохранять свои убеждения и волю, свою духовно-моральную чистоту как коммуниста. В мире революционеров даже кажущаяся измена своим убеждениям официально признается недопустимым – своего рода преступлением. Это объясняется тем, что притворная измена своим убеждениям дает врагам материал для лживой пропаганды, а настоящим предателям – прецедент измены, предоставляет им повод для оправдания своего акта. Пусть

в совести и убеждениях революционеров на деле не произошло изменений, но само объявление врагам о своем отступничестве, конечно, не заслуживает похвалы.

Ким Чжэ Су размышлял слишком наивно, полагая, что обманет врагов и, оставшись живым, будет по-прежнему участвовать в революции – и все. Но, увы, он своим поступком нарушил нормы благородной морали революционера.

Ким Чжэ Су, весь истерзанный душевными муками, услышав о том, что в Мааньшане мы сожгли ворох документов по делам о «Минсэндане» и полностью сняли со ста с лишним человек подозрение в «преступлениях», пришел ко мне и заявил, что в ходе борьбы практически докажет свою верность.

Он бил кулаком в грудь и жалобно говорил:

– Вы можете расправиться со мной или оставить меня в живых – это в вашей воле. Но я хочу участвовать в революции. Больше не могу так жить.

Я поверил ему, дал задание и направил в Сяганцюй уезда Чанбай на подпольную работу. Мы были уверены, что он больше не запятнает свой жизненный путь. Он был откровенен перед организацией, и это ясно свидетельствовало о том, что он сохранил революционную совесть. Я верил в его совесть. Из-за узости размышлений он однажды высказал мнимую измену своим убеждениям, но уже осознал, насколько это деяние позорно и преступно. Было ясно, что повторно такого не произойдет даже под угрозой смерти.

Под чужим именем Ким Чжэ Су через Тяньшаншуй проник в Таоцюаньли. Вначале он стал играть в карты с целью изучить Чон Дон Чхора, Ким Ду Бона, Ким Хек Чхора (Ким Бен Гык), которых руководитель Тяньшаншуйского филиала Лиги возрождения Родины Ли Ён Сур рекомендовал как доверенных. В Сяганцюе и его окрестностях не было такого человека, который мог бы равняться с ним в картежной игре. Каждый раз во время игры Ким Чжэ Су надевал нарукавники и молниеносно обводил игроков вокруг пальца, то пряча туда, то выуживая оттуда карты. А когда ему попадались козырные карты «кабо» или «чантан», он вибрирующим голосом напевал даже народную песню «Орантхарен».

Старики не могли знать об его истинных намерениях и шумели, говоря, что этот распутник Ким Вон Дар или «Гон Дар» (дармоед)

совсем портит молодежь. Но в то же время, пока они бранились, в тех местах, где шла игра в карты, набирала силу организация. Позднее она стала ядром Сяганцюйского комитета уезда Чанбай ЛВР. Благодаря активной деятельности Ким Чжэ Су к началу 1937 года почти во всех поселках Сяганцюя и прежде всего в Таоцюаньли появились организации ЛВР, а позже был организован и производственный партизанский отряд.

Первой явкой, где посланная в Таоцюаньли Ким Чен Сук связалась с Ким Чжэ Су, был дом Ли Ён Сура, который жители Тяньшаншуя называли «ангорским домом». Там жила на редкость большая семья, состоящая из восьми братьев и сестер. В этом доме был организован Тяньшаншуйский филиал ЛВР. Должность руководителя филиала занял четвертый сын в семье – Ли Ён Сур.

Мы были многим обязаны этому дому. Немало наших товарищей, направляющихся с заданием на периферию, получали в этом доме большую помощь. Мне тоже пришлось трижды побеспокоить хозяев этого дома в конце 1936 года и летом 1937 года. В первый свой визит я был там целых три дня. Семья этого дома еле-еле сводила концы с концами, занимаясь подсечным земледелием, но тем не менее все они были очень добрыми и гостеприимными.

Старший брат Ли Ён Сура по просьбе Ким Чжэ Су сделал две печати для нашего отряда и послал их нам. Мы использовали их довольно долгое время.

Ким Чен Сук пробыла в «ангорском доме» около полумесяца и, помогая филиалу ЛВР, одновременно готовилась к подпольной работе под маской простой гражданки. Под именем Ом Ок Сун она направилась в Таоцюаньли, выдавая себя за члена семьи, переселившейся из Мусана.

Впервые перед жителями поселка Таоцюаньли Ом Ок Сун, «молодуха в доме из Мусана», появилась в корейской кофте фиолетового цвета, темно-синей саржевой юбке и ватных носках с длинными голенищами. Хамгенцы молодых женщин обычно звали «сээги» (молодуха).

Горный поселок Таоцюаньли находился за рекой километрах в двенадцати от Синпха. По словам Ви Ин Чхана, после рождения более двадцати лет проживавшего в этом поселке, впервые подняли эту «целину» участники движения за независимость, перебравшиеся из Кореи сразу же после «аннексии Кореи Японией».

В начале 30-х годов поселок Таоцюаньли находился в сфере влияния Армии независимости. После того, как из Кореи группами эмигрировали передовые люди, участники движения крестьянских союзов, в Таоцюаньли и его окрестностях стала преобладать тяга к коммунистическим идеям.

Со второй половины 1936 года там стали бывать небольшие отряды Народно-революционной армии, распространяя в народе революционное влияние. Таоцюаньли и его окрестности покрылись сетью организаций ЛВР.

Отряды Народно-революционной армии все чаще появлялись, в Таоцюаньли и в его окрестностях партизаны одерживали в боях победу за победой. Все это поднимало настроение жителей этого района, повышало их энтузиазм в борьбе. Враги стали дрожать от страха. Об этом родилась такая история.

Перед школой Таоцюаньли был родник. В летние знойные дни вода в нем была настолько студеной, что при питье ломило зубы. Слухи о том, что вода того родника особенно хороша, дошли и до японских полицейских. Чтобы выяснить, отчего так превосходна вода, они однажды взвесили ее. Оказалось, что по весу эта вода тяжелее любой другой.

– От питья воды из этого родника глаза негодяев в Таоцюаньли становятся черными и прозорливыми. Все эти негодяи партизаны! – Вынесли свой приговор враги и попытались засыпать родник землей.

Узнав об этом, староста Чон Дон Чхор сказал полицейским:

– Эту воду пьют партизаны, проходя вперед или возвращаясь обратно. Если они узнают, что родник исчез, то не спросят ли с вас за это?

И враги, испугавшись, не осмелились засыпать родник.

Короче говоря, поселок Таоцюаньли был местом, где для нас имелась надежная опора в массах, где существовали мощные революционные силы.

Днем Ким Чен Сук была очень занята работой на земле, а вечерами, а иногда и ночами навещала соседние дома, знакомилась с жителями поселка. Познакомившись, она старалась запомнить имена жителей и название их домов, например, «дом из Пукчхона», «дом из Капсана», «дом из Хыннама» и так далее. После она говорила, что за одну неделю вызубрила имена всех жителей поселка и названия домов. Ким Чен Сук считала это простое дело

первым шагом в установлении тесного общения с массами.

– Когда учителя становятся классными руководителями, они прежде всего знакомятся с именами учеников по классному журналу. Лишь тогда они могут свободно общаться с ними. Я думала, что и подпольщик в этом ничем не отличается от учителя. Ведь, не зная имен людей, нельзя идти к ним, – сказала она Ким Пхену, когда вернулась, закончив работу в поселке Таоцюаньли.

Согласно заданию, полученному в штабе, она делала главный упор на работу с женщинами и старательно сближалась с ними. До того времени в Таоцюаньли не было женской организации. Большинство женщин, ушедших с головой в семейные заботы, не знали, что происходит на свете, к тому же их очень сковывали старики. Если иногда женщины, желающие учиться, появлялись у дверей вечерней школы и заглядывали внутрь, то прознавшие об этом старики поднимали страшный шум, будто бы случилось чрезвычайное происшествие.

Ким Чен Сук поняла, что главным ключом к ускорению процесса революционного воспитания женщин Таоцюаньли является налаживание работы с пожилыми людьми. По сравнению с молодежью, которая чутка к новому, они во всем были очень упрямы. Жалуясь на несчастливую свою судьбу, они совсем не думали, как же улучшить ее. Не раскачав, не пробудив стариков, невозможно было успешно вовлечь в организацию представителей молодого поколения. Фактически из-за такого поведения стариков и женщин Ким Чен Сук не раз наталкивалась на большие трудности.

О том, как сложно иметь дело с ними, свидетельствует и опыт нашей работы в районах Гирина, Гуюйшу и Уцзяцзы. Как упоминалось выше, во время, когда мы пытались революционизировать село Уцзяцзы, подводным рифом на нашем курсе стал старик «Пен-Троцкий». Не одолев этого старика, невозможно было превратить Уцзяцзы в революционное село, не могло быть речи об основании здесь организации. Лишь перетянув «Пен-Троцкого» на нашу сторону, мы смогли образовать там Антиимпериалистический союз молодежи.

И Хен Ха Чжук, проживавший в Гуюйшу, также был важным объектом нашей работы. Он был другом моего отца, крупной, влиятельной личностью. При каждом посещении Гуюйшу я прежде всего навещал его и, поздоровавшись, передавал ему привет от моей матери.

Ким Чен Сук по своей натуре вообще глубоко уважала стариков и тепло к ним относилась. Я слышал о ее обращении со стариками в Таоцюаньли: чуткость, с которой она относилась к пожилым людям, нисколько не была похожа на какой-то преднамеренный прием в работе.

В общении с людьми Ким Чен Сук относилась к ним не как к объекту своей работы и воспитания, а как к обычным людям. Даже в случаях, когда ей нужно было общаться с теми, кого требовалось перетянуть на нашу сторону, она не ставила их на место воспитанников, а себя на место воспитателя. Относилась к ним обычно, как к близким соседям. Поэтому она и стала дочерью народа, пользующейся его доверием, и соседкой всех людей. Это были важные черты Ким Чен Сук-подпольщицы.

Чтобы идти в гущу народа, прежде всего нужно быть сыном и дочерью, слугой и другом народа, и одновременно с этим надо относиться к людям, как к своим родителям, братьям и учителям. Эту истину я лично проверил всей своей жизнью. Люди, считающие себя учителем народа, чиновником, стоящим над народом, или руководителем, властвующим над народом, не в силах войти в гущу народа. Им никогда не получить его доверия. Таким людям народ не открывает дверей.

Ким Чен Сук, посетив кого-либо хоть на короткое время, не покидала его дом без какой-нибудь помощи: помогала колоть дрова, таскала воду, молола зерно. Забота, которую Ким Чен Сук проявляла о жителях поселка, была столь безгранична, что, казалось, помогла бы даже вырастить на камне цветы. Это видели и старики. И они стали поддерживать ее. Так был открыт путь к превращению поселка Таоцюаньли в революционный.

Был такой случай. Помещик из Люгэдуна оставил девчонку-кухарку, заболевшую тифом, в лесном шалаше. Никто не осмеливался ухаживать за бедной девочкой. Прослышав об этом, Ким Чен Сук смело пришла в шалаш и, находясь там вместе с больной, стала ухаживать за ней.

Узнав об этом, товарищи прибежали в шалаш, стали отговаривать Ким Чен Сук от такого решения.

– Можно ли с благотворительной целью рисковать ради одной девчонки, у которой нет никакого шанса на спасение? Заразишься болезнью, и с тобой может случиться какая-то беда. Что же тогда будет с важным заданием командования? Кому отвечать за его

выполнение? Если и будешь ухаживать за ней, то откажись хотя бы, ради бога, от совместного пребывания с больной.

Ким Чен Сук, улыбаясь, успокаивала их:

– Не волнуйтесь обо мне. Прошу возвратиться к себе. И подумайте вот о чем. Если, жалея свою жизнь, мы не сможем спасти даже одну девочку, то как же возродим потерянную страну и спасем народ?! Я решила отдать жизнь ради спасения народа, так что мне нечего бояться.

Товарищи так и не смогли увести Ким Чен Сук из того шалаша.

Ким Чен Сук все-таки удалось выходить несчастную девочку. С того времени жители Таоцюаньли начали звать ее «нашей Ок Сун». Они наперебой зазывали к себе в гости «нашу Ок Сун», даже если в доме доставалась хоть одна соленая скумбрия. Они приглашали к себе в первую очередь «нашу Ок Сун» и тогда, когда отмечали стодневный юбилей ребенка. Ким Чен Сук стала для них родной – как бы их дочерью, внучкой или сестрой.

Она тепло заботилась о жителях поселка и одновременно с этим обращала серьезное внимание на безопасность Ким Чжэ Су, очень занятого революционным воспитанием жителей Сяганцюя.

В феврале того года Ким Чжэ Су при доставке в организации ЛВР журналов «Самиль вольган», посланных нами из леса, к несчастью, попался на глаза врагов, имея при себе последний экземпляр. Его привели в полицию. Там он притворился болваном, не знающим ни одной буквы.

– Я ходил в горы за дровами, и там нашел эту книгу. Зачем вы отнимаете ее у меня? Я хотел использовать ее для курева – на закрутки. Верните ее мне быстрее!

Враги приняли его за идиота и выпустили. Однако негласно продолжали следить за ним.

Одно время Ким Чжэ Су ходил по району Сяганцюя под псевдонимом Ким Вон Дар. Потом поселился в центре поселка Таоцюаньли в доме Ли Хё Чжуна. С того времени, выдавая себя за двоюродного старшего брата хозяина, стал выбирать имя с конечным слогом «Чжун» и, наконец, сменил свою фамилию и имя на «Ли Ен Чжун».

Ким Чен Сук обговорила с Ким Чжэ Су действенные меры, чтобы заставить врагов прекратить слежку. Лучше всего будет, – пришли они к выводу, – если враги признают официально Ли Ен

Чжуна идиотом. По их сценарию на следующий день в доме Ли Хё Чжуна поднялся большой шум, взбудораживший весь поселок.

Молодая жена Ли Хё Чжуна совершила отвратительный поступок: скалкой избила и выгнала из дома вдового Ли Ен Чжуна – «двоюродного старшего брата своего мужа». Она громко рыдала, выкрикивая, что ненормальный двоюродный старший брат ее мужа все время крал домашние вещи и проигрывал их в карты, так что ее семья стала нищей.

Одновременно с тем, когда жена подняла несусветный крик, Ли Хё Чжун явился в полицейский участок и стал умолять полицейских, чтобы они вычеркнули имя его двоюродного брата из подворной книги и выгнали его, ибо этот «ненормальный брат» – заядлый картежник, опозорил весь их род.

А «ненормальный двоюродный старший брат мужа», в свою очередь, открыто держа в руке один экземпляр журнала «Самиль вольган», притащился в полицейский участок и стал умолять: «Я отдам эту книгу, которая нравится вам, господа. Только прошу вас помочь мне, чтобы наш Хё Чжун и его жена не избивали и не выгоняли меня из дома!»

Увидев журнал «Самиль вольган», полицейские вытаращили глаза и стали допытываться, где он взял его.

Ким Чжэ Су ответил, что нашел в ущелье Саньпудуне, – там проходила схватка между партизанским отрядом и японской армией.

– И ту книгу, – продолжал он, – которую раньше вы отняли у меня, на самом деле я нашел там же. В тот раз я соврал, что будто бы нашел ее за нашим поселком, на горе Паотайшань.

Полицейские, сверкая глазами, прикрикнули на него. Тогда Ким Чжэ Су вынул из внутреннего кармана часы и, улыбаясь, показывал их всем.

– Там, на месте схватки, валяется много разных вещей: и часы, и авторучки, и деньги. Чего только не было! Если бы я указал это место кому-либо, то все эти вещи попали бы в чужие руки. Коль вы поможете, чтобы мой младший брат и его жена не выкинули меня со двора, то я вам покажу место, где есть целый клад.

Этого было достаточно, чтобы полицейские поверили в идиотизм Ли Ен Чжуна, и, говорят, после этого они прекратили слежку.

Чон Дон Чхор, Рю Ен Чхан, Ким Хек Чхор, Ли Чхоль Су и

многие другие передовые люди поселка Таоцюаньли, все революционно настроенные жители не жалели своих сил для достижения успеха подпольной работы Ким Чен Сук и для ее охраны. Они регулярно поставляли ей и газеты из Синпха. Чон Дон Чхор давал деньги на газеты хозяину галантерейной лавки – члену организации Синпха, а тот делал на них заявку от своего имени. Как только приносили газеты, их сразу же передавали в виде упаковочной бумаги, завернув в нее товары, или в своем виде. Таким образом, Ким Чен Сук смогла вовремя получать и читать газеты «Тоньа ильбо» и «Чосон ильбо».

Когда совершались обряды по случаю совершеннолетия, бракосочетания, похорон или жертвоприношений, Чон Дон Чхор обязательно приглашал на них Ким Чен Сук и устраивал ей встречи с подпольщиками из партизанского отряда, прибывшими в Таоцюаньли, или со связными подпольных организаций других местностей.

Летом 1937 года Чон Дон Чхор устраивал угощение по случаю рождения сына. В обряде участвовали не только недавно прибывшие сюда из партизанского отряда «синеватая Чен Сук» (Пак Чен Сук) и другие многие подпольщики и члены подпольной организации, но даже и полицейский, и староста, и шпики.

Чтобы тщательно замаскировать подпольщиков от надзора врагов, Чон Дон Чхор посоветовал им кланяться друг другу. Согласно обычаям обряда поклонились друг другу Ким Чен Сук и Пак Чен Сук. Ким Чен Сук, преклонив колени перед «синеватой Чен Сук», сделала земной поклон со словами: «Рада познакомиться с вами». Хорошо получилось: не зря староста Чон Дон Чхор упросил Ким Чен Сук поупражняться несколько дней в земных поклонах.

Ким Чен Сук по ночам уходила к колодцу, чтобы научиться поднимать на голову глиняный кувшин с водой и шагать с ним на голове. Говорят, что накануне весеннего праздника *тано* она несколько ночей училась качаться на качелях.

Она считала все это необходимым процессом для выработки в себе качеств, нужных подпольщице.

Чтобы революционизировать Таоцюаньли, она начала повышать сознательность жителей и вовлекать их в революционную организацию, считая это важным направлением своей деятельности. Она активно распространяла наши революционные идеи,

основываясь на Программе Лиги возрождения Родины из 10 пунктов. В ходе этой работы она потихоньку готовила активистов-руководителей, организовала из них Антияпонский союз молодежи и Общество женщин. Горный поселок, раньше бывший спокойным, превратился в прочную опору нашей деятельности. Ким Чен Сук всюду воспитывала жителей так, чтобы они защищали и любили партизанскую армию, и вместе с членами Общества женщин, молодежью и детьми подготавливала и посылала в армию материалы. Она настолько активно воспитывала жителей в духе помощи армии, что даже китайцы, переселившиеся из района Шандуна в Таоцюаньли, стали оказывать Народно-революционной армии материальную помощь. А члены Детского отряда собирали патроны на местах боев.

Высшей формой движения за помощь армии являлось вступление в нее. Ким Чен Сук вместе с членами Сяганцюйского комитета ЛВР подбирала надежных молодых людей из числа активистов, рекомендованных организацией, и направляла их в Народно-революционную армию. По воспоминаниям Чон Дон Чхора, революционная армия получила из района Сяганцюя свыше ста человек. Один поселок Таоцюаньли дал армии более десятка бойцов. В их числе были Ким Хек Чхор, Рю Ен Чхан, Ли Чхоль Су, Чвэ Ин Док, Хан Чхан Бон и другие.

Хан Чхан Бон, один из бойцов первого поколения нашей революции, во время великой Отечественной освободительной войны, ведя за собой полк, форсировал реку Рактон и, сражаясь самоотверженно, совершил выдающиеся боевые подвиги при взятии высот на том берегу реки и их удержании.

Юн О Бок, находившаяся под влиянием Ким Чен Сук, председатель Общества женщин Яофанцзы, мать троих детей, с двухлетним ребенком на спине прибыла в наш тайный лагерь, находившийся более чем в тридцати двух километрах, и стала упрямо просить нас принять ее в партизанский отряд.

Энтузиазм, с каким люди стремились вступать в армию, был исключительно высок. Рассказывают, например, о таком случае. Одна семья, направив своего сына в партизанский отряд, сделала даже его ложную могилу и устраивала перед ней жертвоприношения. Слежка, всяческие притеснения семей партизан были свирепыми. Так что приходилось применять и такой способ, чтобы ввести в заблуждение врагов.

Через некоторое время после происшествия с Ким Чжэ Су, когда враги обнаружили доставку журнала «Самиль вольган», мы, с целью подкрепить усилия Ким Чен Сук в Синпха, направили Чвэ Хи Сук в Яофанцзы.

Ким Чен Сук поручила ей руководить Обществом женщин, Обществом молодежи, Детским обществом в Таоцюаньли и других местностях Сяганцюя, а сама стала большую часть сил отдавать подпольной деятельности в Синпха. И начала она с установления контактов с Чан Хэ У.

В ту пору Чан Хэ У вместе с членами Комитета действия коммунистов Самсу развернул в районе Синпха антияпонское революционное движение. К тому времени наладилась связь между старостой поселка Таоцюаньли Чон Дон Чхором, членом ЛВР особого назначения, и членами упомянутого комитета Чан Хэ У, Рим Вон Самом, Со Чжэ Иром. Между ними установилось взаимопонимание.

Занимаясь стиркой белья, Со Чжэ Ир активно участвовал в работе организации и осуществлял связь с Ким Чен Сук.

Чтобы быть в курсе дел и намерений Чан Хэ У и действий его организаций, Ким Чен Сук дала Чон Дон Чхору задание побрататься с Рим Вон Самом, членом организации Чан Хэ У. Через Чон Дон Чхора она заранее многое узнала о Чан Хэ У и на основе этого, наконец, вышла на непосредственную встречу с ним.

Первое их свидание проходило в задней комнате ателье «Сокчжон». В тот день Ким Чен Сук передала Чан Хэ У мое личное письмо. «Неужели Полководец Ким Ир Сен – Ким Сон Чжу, сын Ким Хен Чжика?! Я буду следовать за ним, как следовал за господином Хен Чжиком!», – взволнованно воскликнул Чан Хэ У.

Получив доклад о том, что Чан Хэ У так верен нашему делу, я почувствовал твердую уверенность в том, что работа Ким Чен Сук в Синпха определенно будет успешной.

Чан Хэ У был серьезным революционером из числа тех, кто не кичится ни возрастом, ни годами своей борьбы, не задирает нос, не действует в узком кругу. Он был человеком, который безусловно стоит за справедливость, во всем поддерживает ее, не поддается личным чувствам и готов без колебаний пожертвовать собой ради великого идеала, великого дела.

Через некоторое время Чан Хэ У создал Сингальпхаский филиал ЛВР из членов Комитета действия коммунистов Самсу. В то же

время он в задней комнате ателье «Сокчжон» под руководством Ким Чжэ Су и Ким Чен Сук, взяв за основу этот комитет, организовал партийную группу района Синпха, подчиняющуюся непосредственно Партийному комитету КНРА.

Собрание для основания филиала ЛВР состоялось в фотографии «Квансон». Фотолаборатория, находившаяся на втором этаже здания, служила явкой, которой Ким Чен Сук пользовалась чаще всего.

Ли Сун Вон, ведавший фотографией, был активистом Сингальпхаского филиала ЛВР. Закончив в Сеуле курсы фотографов, он устроился здесь. Способный фотоспециалист, он пользовался доверием населения, обладал общительным характером. Это все помогало ему в работе с людьми.

Он посылал нам много фотоматериалов о врагах. Однажды мы получили от него панорамный снимок Синпха, который мог бы помочь в боях при наступлении Народно-революционной армии внутрь Кореи. Говорили, что в фотолаборатории печаталось много и листовок. Жена Ли Сун Вона была верной его помощницей во всех тайных делах организации.

Ким Чен Сук определила в качестве явок и тайных пунктов не только фотографию «Квансон», но и ателье «Сокчжон», столовую у родника, специализировавшуюся на *куксу,* постоялый двор в Синпха, магазин керамической посуды, дом с водяной мельницей и другие места в районе Синпха. Незаметно пребывая в них, она вела свою подпольную работу.

Вышеупомянутые столовая, постоялый двор, магазин и другие места часто использовались для встреч и связи членов организации. Здесь же накапливались и хранились материалы в помощь партизанской армии.

Основным тайным пунктом для вывозки материалов в помощь армии был дом с водяной мельницей. Он стоял в некотором отдалении от людных улиц уездного центра, не всегда бросался в глаза врагам. Дом был очень удобен для хранения и вывозки собранных материалов. Родственник хозяина этого дома был сплавщик, поэтому при перевозке собранного имущества через реку всегда можно было надеяться на его помощь. И хозяин дома, и сплавщик также были членами ЛВР.

Действительно, через Синпха было доставлено к нам в помощь много материалов. В Шисаньдаогоу было мало товаров, поэтому

организациям Сяганцюя уезда Чанбай приходилось покупать их в основном в Синпха, находящемся на противоположном берегу реки Амнок.

Из района Синпха большое количество продовольствия, тканей и других материалов, подготовленных организациями в помощь партизанскому отряду, поступало в него через явочный пункт – дом с водяной мельницей, а также через постоялый двор на перевале Охам. Этот двор был особым отделением ЛВР, организованным в семье. Все добро перевозилось через реку Амнок на плотах или паромах.

Во время работы в Таоцюаньли и в районе Синпха Ким Чен Сук побывала в Пэктусанском тайном лагере и в Самсу. Она также посетила Синхын, Хыннам, Пукчхон,Танчхон и другие районы на восточном побережье, серьезно занималась там работой с местными революционерами.

Секретные пункты связи в селе Аан и на перевале Охам часто использовались главным образом для засылки подпольщиков в другие местности. Членов подпольной революционной организации, посылаемых в направлении Пучжона, Чанчжина, Синхына и Хыннама, Ким Чен Сук отправляла в большинстве случаев из дома руководителя отделения ЛВР в селе Аан, а посылаемых в районы Капсана, Пукчхона, Токсона и Танчхона она командировала, опираясь на секретные пункты связи на перевале Охам. Именно с явки в селе Аан направила она группу подпольщиков во главе с Ви Ин Чханом с заданием создать подпольные революционные организации в промышленном районе Хыннама.

Ким Чен Сук, без устали обходя многочисленные тайные явки в районе Синпха, настойчиво расширяла сеть организаций. Она ни одним пунктом не пользовалась постоянно. Маскируя себя, она искусно меняла места подпольной работы, и прежде всего секретные пункты связи. Это обеспечивало не только ее личную безопасность, но и способствовало маскировке организаций.

После возвращения Ким Чен Сук из Таоцюаньли я спросил ее: «Как вы сумели не выдать себя? Какими методами? Говорят, синпхаские полицейские видят, как совы. А вы десятки раз бывали в самом городке Синпха и ни разу не были схвачены врагами, действовали свободно. В чем секрет?» Вместо прямого ответа она улыбнулась и рассказала мне о том, как сыщик тайно следил за ней,

когда она однажды переправилась в Синпха.

– Когда от переправы в Синпха я пошла в город, за мной последовал какой-то незнакомец в ветхой соломенной шляпе. Вначале я не знала, что он следит за мной. Начала в чем-то подозревать его лишь тогда, когда увидела, что этот человек не отрывается от меня и в самом городе. Тот незнакомец, остановившись перед какой-то закусочной, как бы от скуки закурил. Я увидела, что он курит не самокрутку, а сигарету. Это вызвало у меня еще большее подозрение. Ведь бедным крестьянам не по карману сигареты.

Ким Чен Сук стала таскать сыщика за собой, переходя из одного проулка в другой. Затем она прошла на базар, ловко взяла у какой-то знакомой женщины с ребенком на спине тяжелую корзину, которую та несла на голове, и быстро вскинула ее на свою голову. И сыщик упустил ее из виду.

– Я не попала в руки сыщиков или полицейских благодаря чувству ответственности за дело. При мысли, что если я попаду в лапы врагов, то не смогу до конца выполнить задание командования, у меня как-то сама собой возникла смелость. К тому же и люди охраняли меня ценою своей жизни.

Эти слова Ким Чен Сук как бы подытоживали ее подпольную работу в районе Таоцюаньли – Синпха. Важным ключом к ее успехам при выполнении трудного задания в контролируемом врагом районе явились именно чувство ответственности за дело и то, что она пустила глубокие корни в гуще народа.

Удивительная творческая инициатива, проявленная ею при выполнении задания в подполье, в контролируемом врагом районе, в конечном счете, обусловливалась ответственностью за порученное дело. Направляя ее в Таоцюаньли, мы дали ей распоряжение, связанное только с подпольной деятельностью. О других задачах ничего не было сказано, чтобы чрезмерно не перегружать ее работой во вражеском районе.

Однако Ким Чен Сук, решая основную задачу подпольной работы, одновременно собирала и часто присылала командованию военные разведданные, необходимые нашему отряду,

Нацелив на это подпольные организации Таоцюаньли и Синпха, она собрала много агентурных данных. Особенно много сведений ей поставляли Чон Дон Чхор, Чан Хэ У, Рим Вон Сам и другие революционеры.

Чон Дон Чхор был мастером сбора агентурных данных. Побратавшись с начальником полицейского участка, начальником таможни, начальником волостной управы и другими главарями управленческого аппарата врагов и называя друг друга «старший брат» или «младший брат», он потихоньку выведывал у них секреты. В компанию побратимов входил даже тайный агент полиции из Синпха, не говоря уж о главарях ведомства Шисаньдаогоу. Для них Чон Дон Чхор часто устраивал выпивку. Чиновникам, любившим опиум, он сознательно давал курить его.

Сяганцюйский комитет ЛВР ловко внедрил членов ЛВР во вражеские органы. Мне известно, что лишь в учреждение, подведомственное Шисаньдаогоускому полицейскому участку, проникло два-три члена ЛВР особого назначения. Большинство старост поселков и старост десятидворików – слуг низовой административной единицы противника – состояли в наших революционных организациях.

Рим Вон Сам, воспользовавшись тем, что ему поручили переписывать документы в штабе полка Цзинъаньской армии, узнал много военных секретов. Если на его глаза попадались оперативные карты или какая-то статистика, которые полезно знать революционной армии, он быстро переписывал их и, скомкав листок с записями, ловко бросал его в мусорный ящик. А вечером, когда сжигали мусор, он забирал ту бумажку и передавал по назначению.

Фотография «Квансон» и ателье «Сокчжон» интенсивно использовались и в качестве пунктов сбора данных о положении врагов, и в качестве явок. Среди членов Синпхаского филиала ЛВР были и такие, которые служили секретарями волостной управы, финансового ведомства и других вражеских учреждений. Систематически собираемые ими данные о врагах сосредоточивались в фотографии «Квансон» или в ателье «Сокжчон», а оттуда попадали в организацию. И во время боя на горе Цзяньсаньфэн Ким Чен Сук именно через секретный пункт в этом районе своевременно посылала командованию тщательно собранные данные о передвижении вражеских крупных сил, возглавляемых Ким Сок Воном. Это явилось весомым вкладом в победу Народно-революционной армии в бою.

Опираясь на членов организации, Ким Чен Сук всегда была в курсе дел военных и полицейских сил врага в районе Синпха,

имела сведения о расположении военных укреплений, о состоянии вооружения. Она лично уточнила ширину и глубину реки Амнок, скорость ее течения и даже места, благоприятные для переправы и отхода. Лишь после этого она послала нам эти данные, составив также необходимую схему.

Подводя итоги подпольной работы в Таоцюаньли, я высоко оценил инициативные усилия Ким Чен Сук. Я спросил ее, с какой целью она обследовала места для переправы и отхода. Она ответила, что сделала это, думая, что когда-нибудь наша революционная армия непременно атакует и Синпха.

Летом 1937 года Ким Чен Сук была арестована врагами.

Члены Общества женщин Таоцюаньли подготовили рулоны бумаги, чтобы послать их в нашу типографию. К несчастью, они были обнаружены во время обыска ищейками Цзинъаньской армии, и это стало источником несчастий. Ким Чен Сук изворотливо оправдывалась, что будто бы она по просьбе старосты Чон Дон Чхора сама купила и хранила эти рулоны для составления подворных списков. Ее достойное поведение и очень похожий на правду ответ лишь усилили злобу врагов. Офицер не мог ничего сказать и просто разъярился. «Судя по твоему бесстрашию и гладким словам, несомненно ты агент революционной армии», – сказал он и буквально без малейшего повода связал ее и потащил в Яофанцзы, где находился штаб его части.

Ким Чен Сук, решив, что наступили последние часы жизни, написала и послала революционной организации свое завещание: «Обо мне не беспокойтесь. Я скоро погибну. Зато организация будет жива. Посылаю вам два *юаня* – это все мое богатство. Прошу включить их в фонд организации».

Этот клочок бумаги с написанным карандашом завещанием и два *юаня* через старуху, в доме которой она содержалась, были переданы в соседний дом, а потом через Чон Дон Чхора в организацию, которая, мобилизовав своих членов, сразу же начала экстренную операцию по спасению Ким Чен Сук. В Таоцюаньли членами организации была образована делегация, которая, прибыв в штаб части Цзинъаньской армии, заявила решительный протест по поводу незаконного ареста невинного благонадежного человека и потребовала немедленного освобождения.

Этот резкий демарш возымел действие. Штаб части Цзинъаньской армии под предлогом своего перемещения передал

Ким Чен Сук в Шисыдаогоуский полицейский участок.

Чон Дон Чхор вел переговоры о том, чтобы ее оттуда переслали в Шисаньдаогоуский полицейский участок. Этот полицейский участок 1-й категории был на одну ступень выше, чем Шисыдаогоуский. Поэтому вопрос о передаче Ким Чен Сук был решен легко.

Конвоировали Ким Чен Сук со связанными руками. Поселок Таоцюаньли находился между двумя полицейскими участками.

Под конвоем полицейских она проходила Таоцюаньли спустя некоторое время после полудня.

Увидев «молодуху в доме из Мусана», шагавшую босой и связанной под дулами винтовок полицейских, жители Таоцюаньли провожали ее, обливаясь горькими слезами. Одна старушка выбежала на дорогу с соломенными лаптями и, надев их на окровавленные ноги Ким Чен Сук, стала резко упрекать конвойных:

– Негодяи! За что вы схватили невинную нашу Ок Сун? Говорят, что ее арестовали за то, что она коммунистка. Если такой человек, как Ок Сун, является коммунисткой, то и я последую за коммунистической партией!

Чон Дон Чхор тотчас же пошел вслед за Ким Чен Сук и начал договариваться с начальником Шисаньдаогоуского полицейского участка об освобождении арестантки. Тот обещал Чон Дон Чхору, что если принесут к нему поручительную справку, подписанную пятьюстами жителями, признающими ее «благонадежной», то он освободит арестованную, считая ее «благонадежной». Он потребовал такое чрезмерно большое количество подписей поручителей как доказательство, чтобы избежать ответственности на случай, если после этим вопросом заинтересуются вышестоящие органы. Выполнить это требование было очень трудно – все равно что достать с неба звездочку. Однако Чон Дон Чхор все-таки составил требуемую справку. И когда он положил ее на стол начальника полицейского участка, тот от удивления вытаращил глаза: он был уверен, что никто не осмелится поставить отпечатки своих пальцев на справке, признающей «благонадежным человеком» занесеннюю в список «неблагонадежных», кого считают «предателем» или «коммунистическим бандитом». Это была обычная психология людей. Ведь он, начальник, лишь из-за «дружбы» с Чон Дон Чхором ради «соблюдения приличий» пообещал ему освободить Ким Чен Сук, если он принесет ему поручительную справку о ее

благонадежности. Но, давая такое обещание, он и в мыслях не допускал, что такая справка появится.

Но вот она – лежит справка о благонадежности с печатями и отпечатками пальцев пятиста человек!

Это было чудом из чудес!

Каким образом оно возникло? В поселке Таоцюаньли было всего двести с липшим дворов, так что там не могло быть такого большого числа членов подпольной организации: как бы ни была активна организация, но вне ее рядов людей было в несколько раз больше, чем в самой организации. А плясать под чужую дудку и ставить отпечаток пальца на столь ответственной справке – совершенно рискованно.

Однако множество людей, не дрогнув, без колебаний сделали свой выбор и поручились за «благонадежность». Это было выражением их поддержки, безграничной любви к Ким Чен Сук. Иными словами, абсолютное доверие и поддержка народа оказались более мощными, чем сила власти и денег, позволили породить такое чудо.

Ким Чен Сук, благополучно вырвавшаяся из когтей врагов, вернулась в Таоцюаньли. Не успели окружить ее сельчане, как она сказала им: «Ой, я просто умираю от голода. Сестра, дайка скорее что-нибудь поесть». Этими простыми словами могли бы обмениваться без стеснения лишь члены одной семьи. Если бы она не считала жителей Таоцюаньли членами своей семьи, то не осмелилась бы так сказать...

После освобождения страны был такой случай. Рим Вон Сам, председатель Хыннамского городского народного комитета, приехал в Пхеньян на собрание. Пользуясь случаем, он вместе со старыми друзьями из Таоцюаньли и Синпха – Чан Хэ У и Чон Дон Чхором – посетил наш дом. Оба они тогда работали на важных постах в центре. Вместе с ними приехал и Ким Чжэ Су, который работал председателем Южнопхеньанского провинциального комитета Демократической партии. В тот день Ким Чен Сук подготовила для гостей китайские пельмени. Беседа между ними, естественно, свернула на период их жизни в Таоцюаньли и Синпха.

В глубоком раздумье Ким Чен Сук с повлажневшими глазами вспомнила о том, как товарищи спасали ее от смерти. А потом вдруг сказала, что когда была в Яофанцзы на положении арестованной, смогла бы сбежать, но не сделала этого.

– Откровенно говоря, убить одного часового и сбежать из заключения – это не так уж трудно. Однако совесть не позволяла мне поступить так. Видя жалкое положение старика и старухи – хозяев дома, где я была заключена, я не могла бежать оттуда, убив часового. Глядя на них, я думала: «Отсюда сбежать мне легко. Однако, если я сбегу, что станет со стариком и старухой этого дома, со старостой Чоном, который поручился за то, что я благонадежная женщина, какому ущербу и страданиям подвер-гнутся подпольная организация и жители Таоцюаньли?» Эта мысль побудила меня решиться, хоть ценой своей жизни, защитить организацию и народ. И в ту ночь я со спокойной душой заснула в задней комнате того дома. Решение пожертвовать собою вызвало спокойствие, бесстрашие и решительность.

Таков вот был образ «молодухи в доме из Мусана» в пору ее работы в Таоцюаньли и Синпха...

Ким Чен Сук, спасенная из тяжелого положения благодаря справке о благонадежности, некоторое время продолжала подпольную работу в Таоцюаньли и внутри Кореи, а затем вернулась в командование. Вместе с ней к нам прибыл и Рю Ен Чхан, один из членов Таоцюаньлиского филиала ЛВР. При вступлении его в партизанский отряд за него поручилась Ким Чен Сук. В 1944 году мы, находясь на базе военных учений в окрестностях Хабаровска, активно готовились к операции против японских империалистов. В то время Рю Ен Чхан, к несчастью, утонул в Амуре, перевозя на судне стройматериалы, необходимые для строительства здания полевого лагеря.

Ким Чен Сук часто вспоминала о нем, говоря, что он ее незабвенный спаситель.

Мне говорили, что в то время, когда она покидала Таоцюаньли, следовать за ней решил не только Рю Ен Чхан. За ней со слезами шли многие члены Общества женщин и просили взять их с собой.

Одна из этих женщин не отставала ни на шаг от Ким Чен Сук. Даже когда уже преодолели гору Паотайшань, она и не думала возвращаться к себе домой.

Ким Чен Сук, так и не уговорив ту женщину, надела на ее палец свое серебряное кольцо, а затем подпоясалась ее красным поясом. Этот пояс, связанный из шерстяных ниток, был ценным украшением. Женщина сама связала его в день вступления в Общество женщин по рекомендации Ким Чен Сук и гордо носила

на себе как память.

– Я отправляюсь одна не потому, что мне не хочется идти вместе с тобой, – сказала Ким Чен Сук. – Я не могу взять тебя с собой. Так что не расстраивайся. Я буду носить этот красный пояс до тех пор, пока он не износится полностью до последней нитки. Я никогда не забуду дорогих жителей поселка Таоцюаньли.

Услышав эти сердечные слова Ким Чен Сук, женщина больше не могла настаивать на том, что последует за ней, и стала просить ее, чтобы она, где бы ни находилась, послала ей весточку.

В отряде Ким Чен Сук, как и обещала, всегда носила под военной формой подаренный пояс. Только после бракосочетания с ней я узнал историю красного пояса, который она никогда не снимала с себя.

Вместе с тем поясом Ким Чен Сук всегда хранила в себе тепло заботы народа. Ее душа никогда не была в отрыве от народа.

Иногда я задаю себе вопрос: «Каким же образом Ким Чен Сук смогла выполнить трудную подпольную работу, как завоевала любовь и поддержку столь многих людей?»

Если бы она не проявила сердечную любовь к народу, то он повернулся бы к ней спиной, когда она находилась в опасности. Кто не посвящает себя полностью народу, тот не может получить искреннюю помощь от него в крайне опасный момент. Насколько Ким Чен Сук проявила любовь к народу, столько же она пользовалась ответной заботой народа, которым она так дорожила и который так оберегала. Выходит, что справка о благонадежности, на которой стояли отпечатки пальцев пятиста человек, является вечным свидетельством о том, что она была верной слугой народа.

Осенью 1991 года, когда прошло уже более полувека с того времени, как Ким Чен Сук покинула Таоцюаньли, я руководил на месте работой в провинции Рянган, посетил и Синпха, где она вложила всю свою душу в наше дело. С того времени протекли многие годы, но исторические реликвии, связанные с ее подпольной деятельностью, сберегаются в полной сохранности. Искренность людей Синпха, с которой они относятся к каждой реликвии, к каждому историческому месту, вызывает глубокое восхищение.

В тот день экскурсоводы провели меня на многие исторические места, где запечатлены следы борьбы Ким Чен Сук, и подробно рассказали мне о ее деятельности. В их объяснениях было немало

событий и деталей, с которыми я до того был мало знаком.

Глядя на почерневший форт, стоящий в прежнем виде на берегу реки Амнок, я думал: чтобы революционизировать этот район, Ким Чен Сук, наверное, не раз рисковала жизнью, попадая во многие опасные ситуации.

Солнце медленно садилось за горизонт. Во время заката, направляясь на вокзал, я оглянулся на улицы Синпха и почувствовал, что мне почему-то трудно оставлять эти места.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Имеется в виду вооруженное нападение японских империалистов на Северо-Восток Китая 18 сентября 1931 г.

2 **Наньхутоуское совещание** – совещание политических и военных кадров Корейской Народно-революционной армии, проходившее 27 февраля – 3 марта 1936 г. в Наньхутоу уезда Нинан Китая. На совещании товарищ Ким Ир Сен наметил курс на выступление главной части КНРА в пограничные районы и постепенное распространение арены ее действий внутрь Кореи, на дальнейшее развитие и усиление движения за создание единого антияпонского национального фронта, ускоренное проведение подготовки к созданию партии в масштабах всей страны.

3 **Ра Ун Гю** (1901 – 1937) – сценарист, режиссер и киноактер Кореи 20-х годов. Автор сценариев художественного фильма «Ариран» и других 17 кинопроизведений, им поставлено 19 фильмов. В 25 кинофильмах сыграл главные роли.

4 **«Исторические записи Имчжинской войны»** – роман, созданный в начале XVII века на основе устных повествований о борьбе корейского народа против агрессоров во время Имчжинской отечественной войны (1592 – 1598).

5 **Юн Гван** (?– 1111) – военный чиновник, совершивший подвиги приотражении агрессии племен чжурчжэней в начале XII века.

6 **Ким Чжон Со** (1390 – 1453) – сановник и ученый феодального государства династии Ли. Родился в Сунчхоне провинции Чолла. Большую роль сыграл в отражении агрессии племен чжурчжэней и укреплении обороноспособности страны. Занимал должности начальника судейского приказа, начальника ритуального приказа и первого заседателя государственного совета

феодальной Кореи. Один из составителей многих исторических книг, охватывающих период государства Корё (918 – 1392), в том числе «Истории государства Корё» в 139 томах и «Краткого очерка истории государства Корё» в 35 томах.

7 **Нам И** (1441 – 1468) – военачальник середины XV века. В 17 лет выдержал экзамен на государственную должность по военному ведомству. Обладал незаурядными военными знаниями и опытом. В 26 лет стал начальником военного приказа, будучи известным молодым полководцем, отличившимся в сражениях с племенами чжурчжэней, которые часто совершали набеги на северо-западные пограничные районы Кореи.

8 **Переворот года Капсин** – первая буржуазная революция в Корее. 4 декабря 1884 г. реформаторы во главе с Ким Ок Кюном совершили переворот, образовали новое правительство и опубликовали его политическую программу, но уже на третий день потерпели поражение. Называется также буржуазной революцией 1884 г.

9 **Тангун** – родоначальник корейской нации. Родился в Пхеньяне примерно в 3000 г. до н. э. Основатель первого на Востоке древнего государства «Чосон» (позднее наименование – Древний Чосон). Его гробница находится в уезде Кандон в окрестностях Пхеньяна.

10 **«Сказание об Ондаре»** – предание, созданное самим народом Когурё. Бедного парня Ондара представители правящих кругов обзывали болваном, он переносил всякие унижения и оскорбления. Наконец судьба свела его с принцессой, выгнанной из королевского дворца, и он женился на ней. Увлеченный военным делом, он показал себя смелым и отважным в сражениях с иноземными агрессорами, прославился как умелый военачальник.

11 **«Сэнар»** («Новый день») – первая революционная газета Кореи, основанная товарищем Ким Ир Сеном в январе 1928 г. в Фусуне.

12 **«Большевик»** – печатный орган первой партийной организации – союза товарищей Консор. Создан в июле 1930 г. в Калуне. Вначале ежемесячный журнал, потом – еженедельная газета.

13 **«Ноньу»** («Крестьянские друзья») – ежемесячный журнал, орган Крестьянского союза. Создан осенью 1930 г. в Уцзяцзы уезда Хуайдэ.

14 **«Тоньибогам»** («Сокровищница знаний по традиционной корейской медицине») – произведение, обобщившее все достижения традиционной корейской медицины до начала XVII века. Написано известным медиком Хо Чжуном в 1610 г., издано в 1611 г. Состоит из 5 разделов в 25 томах.

15 **«Хесанское дело»** – две волны повальных арестов корейских патриотов, произведенные японскими войсками и полицией осенью 1937 г. и в 1938 г. в бассейне реки Амнок с целью ликвидации революционных организаций и революционеров Кореи.

16 **Общество Синганхвэ** – организация националистического направления, созданная из представителей интеллигенции в 1927 г. Его программа: борьба за сплочение нации, за политическое и экономическое развитие страны, противостояние оппортунизму. Распалось в мае 1931 г. вследствие репрессий японских империалистов и подрывной деятельности реформаторов.

17 **Ким Чак** (1903 – 1951) – беззаветно преданный товарищу Ким Ир Сену революционер. Отдал всего себя делу партии и революции. Родился в нынешнем городе Кимчак (После смерти Ким Чака городу присвоено его имя.) провинции Северный Хамген. В ходе революционной борьбы неоднократно был арестован японской полицией. Много раз сидел в тюрьмах. В 1932 г. вступил в Корейскую Народно-революционную армию, был одним из ее командиров. После возрождения Родины с энтузиазмом участвовал в создании партии, народной власти, регулярных народных вооруженных сил, в проведении демократических

преобразований. Первый начальник Пхеньянского училища. Заместитель председателя Временного народного комитета Северной Кореи и Народного комитета Северной Кореи и по совместительству начальник Департамента национальной обороны, заместитель Председателя Кабинета Министров КНДР и по совместительству министр промышленности. В период Отечественной освободительной войны самоотверженно боролся за победу в войне, находясь на ответственных постах – члена Военного совета и командующего фронтом.

18 Имеется в виду главный герой средневековой корейской повести «Сказание о Хон Гиль Доне». Хон Гиль Дон изображается в повести как необыкновенный человек, творящий справедливость и владеющий многообразными непревзойденными приемами волшебного действия.

19 **Тонхактан** – группа последователей корейской национальной религии тонхак (Восточное учение), возникшей к 1860 г. Восточным учением эта корейская религия названа в противопоставление католицизму, который именовался Западным учением. Последователи учения тонхак сыграли важную роль в крестьянской войне года Кабо (восстание тонхакистов), вспыхнувшей в 1894 г.

20 **Чон Бон Чжун** (1854 – 1895) – руководитель крестьянской войны года Кабо (1894 – 1895 гг.). В юношеские годы вместе с отцом учительствовал в частной школе содан. Под его руководством восстание крестьян уезда Кобу провинции Чолла, возмущенных грабительством феодальных правителей, переросло в крестьянскую войну. Арестован по доносу изменника и казнен.

21 **Ан Чжун Гын** (1879 – 1910) – деятель движения за независимость Кореи, родом из Хэчжу провинции Хванхэ. С 17 лет изучал военное дело. Участвовал в педагогической деятельности как член Северо-западного научного общества. К концу 1907 г. поехал в Россию, в Приморье, был командиром одного из отрядов Армии справедливости, сражающейся против японских империалистов. В июне 1909 г. под его

командованием отряд из более 300 бойцов совершил налет на японский гарнизон в Кенхыне (нынешний Ындок) провинции Северный Хамген. В октябре того же года застрелил из пистолета на Харбинском вокзале главаря японских агрессоров Ито Хиробуми, который приехал в Маньчжурию в составе группы инспекции по Северной Маньчжурии.

22 **Отечественная освободительная воина** (25 июня 1950 г. – 27 июля 1953 г.) – справедливая война корейского народа против вооруженного нападения иноземных агрессоров во главе с империалистами США и марионеточной клики Ли Сын Мана.

23 **Кан Рян Ук** (1904 – 1983) – патриот-борец, видный политический деятель. Родился в семье бедного крестьянина в Чхильгоре Мангендэского района города Пхеньяна. В годы колониального господства японского империализма развернул просветительскую и религиозную деятельность как педагог и священник. Секретарь Временного народного комитета Северной Кореи, секретарь Президиума Верховного Народного Собрания КНДР. Посвятил все свои силы строительству новой Родины, укреплению органов власти и завоеванию победы в Отечественной освободительной войне. Заместитель председателя Президиума ВНС, вице-президент КНДР. Внес значительный вклад в развитие и процветание страны, повышение международного престижа Республики. Депутат ВНС КНДР с 1948 г., т. е. с его первого созыва. Самоотверженно боролся за осуществление курса единого фронта как председатель ЦК Демократической партии Северной Кореи, затем Социал-демократической партии Кореи. – 328.

24 **Хон Ген Рэ** (1780 – 1812) – руководитель крестьянской войны (1811 –1812 гг.) в провинции Пхеньан.

25 **Ли Чжун** (1859 – 1907) – патриот-борец против японского империализма. Родился в Пукчхоне провинции Южный Хамген. Окончил университет Васэда в Японии. После возвращения на Родину организовал общество Кончжинхвэ и многие другие организации и направлял их деятельность на восстановление национальной государственности. Играл

главенствующую роль в движении за возмещение государственных займов. В 1907 г. направлен как тайный эмиссар корейского императора Кочжона на II мирную конференцию в Гааге – столице Голландии. На конференции разоблачил агрессию японских империалистов в Корее и обратился к участникам с просьбой содействовать достижению независимости Кореи. Не добившись своего, в зале форума распорол себе живот в знак протеста против агрессии.

26 **Чвэ Док Син** (1914 – 1990) – сын Чвэ Дон О, начальника училища «Хвасоньисук», где обучался товарищ Ким Ир Сен. После оккупации Кореи японскими империалистами эмигрировал в Китай. Офицер Армии возрождения. После освобождения страны жил в Южной Корее (министр иностранных дел, командир корпуса, посол Южной Кореи в ФРГ). В период режима Пак Чжон Хи эмигрировал в США. Получив право на постоянное жительство в КНДР, работал заместителем председателя Комитета по мирному объединению Родины, председателем ЦК религиозной партии Чхондогё-чхоньудан.

27 **Чо Ги Чхон** (1913 – 1951) – революционный поэт. Родился в Хвэрене провинции Северный Хамген. После оккупации Кореи японскими империалистами эмигрировал в Россию. Окончил в Омске педагогический институт. С освобождением Родины возвратился на Родину. В 1947 г. написал поэму «Гора Пэкту» – о бое в Почхонбо (1937 г.), занявшем видное место в истории революционной деятельности товарища Ким Ир Сена. Создал много других поэтических произведений, таких, как «Песня о земле», «Корея сражается» и др., отразивших крутые перемены на земле освобожденной Родины и борьбу народа и воинов Народной Армии в период Отечественной освободительной войны. В 1951 г. заместитель председателя Правления Ассоциации деятелей литературы и искусства Кореи.

Напечатано в Корейской Народно-демократической Республике